

РУССКІА
НАРОДНЫА
СКАЗКИ Д.
Н. АРАПЪЕВА

Томъ I.

Д.Н. ОРЛОВА

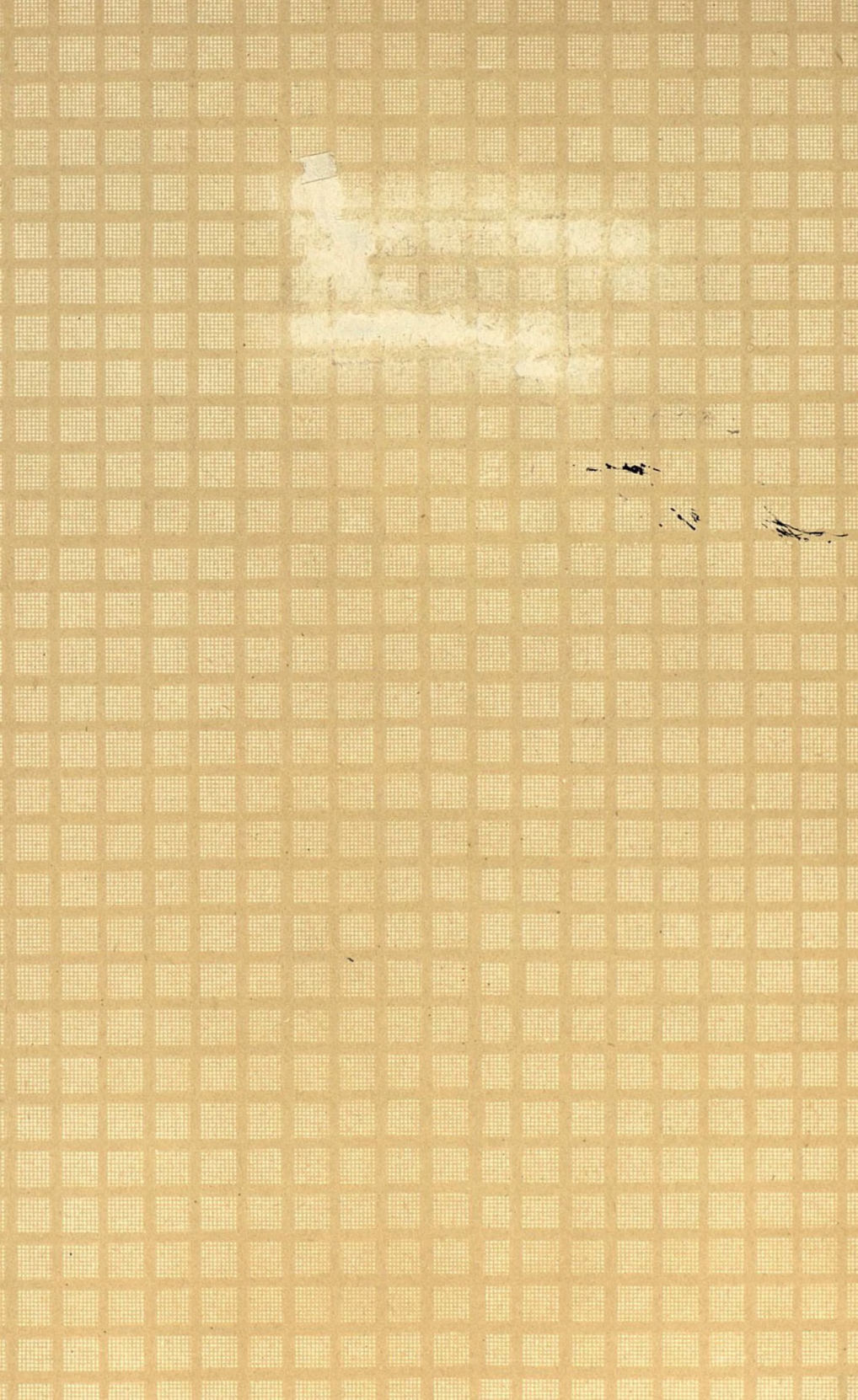
ИЗ КНИГ

ВЕРЬ, ЧТО ВО МНЕ НЕ-
ОБЪЯТНО-БЕЗМЕРНАЯ
КРЫЛАСЬ К НА-
РОДУ ЛЮБОВЬ.

Н. А. НЕКРАСОВ

1116

0 $\frac{10}{1116}$

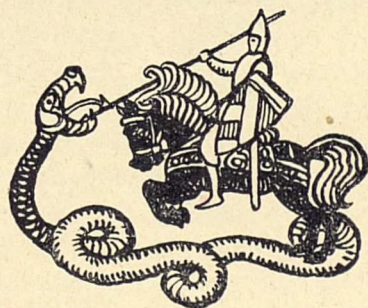
1 в.н., 1 н.к.е.

ф 1-78
15643

**РУССКІА
НАРОДНЫА
СКАЗКИ
А.Н. АФАНАСЬЕВА**

А. Комаров.

Т!

1

ПОДЪ РЕД. А. Е. ГРУЗИНСКАГО.

СЪ КАРТИНАМИ А. КОМАРОВА
И М. ЩЕГЛОВА. ИЗДАНИЕ ЧЕТ-
ВЕРТОЕ ВЪ ПЯТИ ТОМАХЪ

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

10573-38

Типография Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1913.

2007053987

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА.

Въ 1897 г. нами было редактировано третье полное изданіе Аванасьева сборника; въ основу его было положено 2-е, четырехтомное изданіе 1873 г., вполне приготовленное къ печати самимъ собирателемъ, успѣвшимъ выпустить лично первые два тома, и допечатанное подъ наблюденіемъ его родственника, И. Θ. Аммона. Мы удержали тогда въ неприкосновенности и текстъ, и размѣщеніе сказокъ, и ихъ общую нумерацію, присоединивъ лишь въ каждой сказкѣ примѣчанія, которыя были выдѣлены у Аванасьева въ послѣдній томъ. Наше изданіе дало тогда впервые: 1) біографическій очеркъ собирателя по неизданнымъ матеріаламъ, 2) бібліографію сказокъ, 3) указатель географическаго ихъ распредѣленія и списокъ сказокъ, переданныхъ съ особенностями мѣстныхъ нарѣчій и говорковъ, 4) указатель собственныхъ именъ и предметный, 5) портретъ Аванасьева.

Для настоящаго 4-го изданія нами пересмотрѣнъ текстъ біографическаго очерка, введенъ рядъ новыхъ данныхъ въ бібліографическія указанія и расширенъ предметный указатель. Кромѣ того улучшена внѣшность изданія, вслѣдствіе чего два очень компактныхъ тома, напечатанные мелкимъ шрифтомъ въ два столбца, теперь обратились въ пять томовъ. Къ каждому тому по желанію издателя приложено по иллюстраціи, изображающей передачу сказокъ въ народной средѣ различныхъ полосъ Россіи.

А. Е. Грузинскій.

1913 г.

А. Н. Аѳанасьевъ¹⁾.

I.

Александръ Николаевичъ Аѳанасьевъ родился въ іюлѣ 1826 года въ гор. Богучарѣ, Воронежской губ., и первое дѣтство провелъ въ гор. Бобровѣ (той же губ.), куда вскорѣ переѣхалъ на житье его отецъ, ставшій бобровскимъ стряпчимъ. Объ этой порѣ жизни Аѳанасьевъ

¹⁾ Сколько-нибудь полной біографіи А. Н. Аѳанасьева до сихъ поръ не существуетъ. Наиболѣе подробный біографическій очеркъ данъ проф. Кирпичниковымъ въ I т. «Критико-біографическаго словаря» С. Венгерова (стр. 860—870). Здѣсь указана и вся некрологическая литература, которая не обширна и, въ сущности, повторяетъ одинъ и тотъ же небольшой запасъ фактовъ и хронологическихъ датъ. (Статья объ Аѳанасьевѣ въ «Энциклопед. словарь» Брокгауза-Эфрона (IV полутомъ, стр. 488) есть простое сокращеніе очерка проф. Кирпичникова. Добавимъ, что день рожденія Аѳанасьева указывается въ некрологахъ различно: то 11, то 21 іюля 1826 г.) Наиболѣе полная оцѣнка его научной дѣятельности (съ главнѣйшими біографическими данными) находится во II т. «Исторіи Русской Этнографіи» А. Пыпина (стр. 110—132). Матеріалами для біографіи могли служить до сихъ поръ собственныя воспоминанія Аѳанасьева о дѣтствѣ и гимназическомъ періодѣ жизни («Русск. Арх.» 1872 г., стр. 805—852), о Московскомъ университетѣ («Русск. Стар.» 1886 г., № 8, стр. 357—394) и найденный въ бумагахъ Аѳанасьева собственноручный списокъ его работъ («Русск. Арх.» 1871 г., стр. 1948—1955). Кромѣ того, Д. Корсаковымъ напечатано въ литературной перепискѣ Кавелина одно письмо къ нему Аѳанасьева отъ 4 авг. 1850 г. («Русск. Мысль» 1892 г., № 1). Наконецъ, въ «Сборникѣ Историческаго Общества при Моск. университетѣ» В. Е. Якушкинымъ въ сообщеніи о Грановскомъ помѣщено нѣсколько выдержекъ изъ изданной части дневника Аѳанасьева. Вотъ все, имѣющее характеръ прямого источника. Нѣкоторыя свѣдѣнія о преподавательской дѣятельности Аѳанасьева даны были въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ, Н. А. Бѣлоголоваго («Изъ моихъ воспоминаній о С. П. Боткинѣ». «Русск. Вѣдомости» 1897 г., № 19). Мы для своей работы имѣли возможность пользоваться неизданными частями записокъ Аѳанасьева и довольно большимъ количествомъ писемъ какъ его самого, такъ и къ нему отъ разныхъ лицъ. За сообщеніе всѣхъ этихъ матеріаловъ считаемъ долгомъ выразить глубокую благодарность Е. Н. Аммоню, Н. И. Аммону, Е. И. Якушкину и П. А. Ефремову. Съ нами подѣлились своими воспоминаніями Н. Н. Аѳанасьевъ (братъ А. Н.), Е. И. Якушкинъ и А. В. Щепкина, наконецъ нѣкоторыми совѣтами и указаніями и различнаго рода помощью мы обязаны В. Е. Якушкину, А. Н. Пышину, Л. Н. Майкову, В. О. Миллеру, А. И. Кирпичникову и К. К. Федяевскому.

даетъ очень живое понятіе въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ («Русск. Арх.» 1872 г.). Здѣсь изображены первые уроки подь руководствомъ сперва одного попа Ивана, потомъ другого попа Ивана, которые отличались другъ отъ друга чѣмъ угодно, только не педагогическими приѣмами. Немного грамматики, ариеметики и латыни; шестичасовыя ежедневныя занятія, распадавшіяся на два отдѣла: на громкое совмѣстное зубреніе отчеркнутаго педагогическимъ ногтемъ урока, часто непонятнаго и никогда не объясненнаго, и на спрашиванье вызубреннаго, производимое иногда попадѣй; нотата съ ея отмѣтками scit, nescit, mediocriter и дранье за уши и за волосы, пали (т.-е. удары линейкой по ладони), «суботки», — здѣсь былъ налицо и въ полной свѣжести весь нехитрый механизмъ старинной бурсацкой и семинарской учобы, заведенный еще со временъ Петра Могилы и Кіевскаго Коллегіума и часто опредѣлявшій собою формы и методы домашняго обученія въ помѣщичьихъ и чиновничьихъ семьяхъ вплоть до половины нашего вѣка.

Въ запискахъ Аѳанасьева ярко выступаютъ общія условія воспитанія дѣтей въ провинціи. Упомянувъ о томъ, какъ мало способствовало подобное воспитаніе развитію въ дѣтяхъ нравственныхъ и гуманныхъ понятій, онъ продолжаетъ: «Но куда же было отдать? Уѣздное училище представляло подобныя же примѣры; сверхъ того, въ нихъ смѣшивались всевозможныя сословія: здѣсь большею частію учились дѣти купцовъ, мѣщанъ, приказныхъ и крестьянъ; сюда баринъ отдавалъ учиться и своихъ крѣпостныхъ мальчишекъ. Все это приносило съ собою ту грубость и жесткость, среди которой выросло; нѣкоторые изъ учениковъ были уже порядочные *балбесы*, какъ ихъ называли, т.-е. достаточно взрослые и уже достаточно знакомые съ различными житейскими слабостями. Съ одной стороны — это, а съ другой — дворянская и чиновничья спесь были причиной, почему уѣздная аристократія обходила и доселѣ обходить уѣздныя училища. Въ мое время чиновные люди, слѣдуя преданіямъ старины, отдавали своихъ дѣтей учиться къ семинаристамъ и приходскимъ священникамъ. Но было ли это лучше?»

Личныя условія Аѳанасьева, его семейная обстановка были, впрочемъ, довольно благопріятны; и личность отца и нѣкоторыя семейныя традиціи выдѣлялись надъ общимъ уровнемъ. Приводимъ слова самого Аѳанасьева: «Отецъ мой, хотя самъ былъ воспитанъ на мѣдныя деньги, но уважалъ образованіе въ другихъ. Такое уваженіе, кажется, наслѣдовалъ онъ отъ дѣда, который былъ членомъ Библейскаго Общества ¹⁾ и отъ котораго осталась довольно порядочная по тому времени библіотека,

1) Мы не могли найти свѣдѣній объ этомъ дѣдѣ. Но напомнимъ, что въ сосѣднемъ съ Богучарскимъ уѣздомъ Острогояжскѣ въ 1822 г. было открыто отдѣленіе Библейскаго Общества, гдѣ первымъ и главнымъ дѣятелемъ былъ молодой Никитенко (см. рассказъ его объ этомъ въ I т. Дневника).

составленная из русских книг; между ними больше всего было переводных романов, но попадались и книги серьезные, исторического и мистического содержания ¹⁾). Отец тоже любил чтение и постоянно выписывал лучшие журналы. Он справедливо почитался за самого умного человека в уезде, и к нему многие обращались в важных юридических случаях за советами. Все другие местные чиновники, сколько припоминаю теперь от давно минувших годов моего отрочества и сколько послѣ могъ я убѣдиться, были несравненно ниже его и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Интересы ихъ были мельче и грубѣе; о чтеніи они и не думали, и литература была для нихъ совершенная terra incognita. Правда, онъ раздѣлялъ съ ними нѣкоторыя общія застарѣлыя предубѣжденія, но это не мѣшало ему вѣрить въ превосходство университетскаго образованія».

Аванасьевъ рано пристрастился къ чтенію. Онъ очень живо описываетъ чувства, испытанныя имъ въ дѣтствѣ при чтеніи дѣдовскихъ книгъ. «Какъ теперь помню: бывало, тайкомъ отъ отца (мать моя умерла очень рано) уйдешь на мезонинъ, гдѣ помѣщались шкапы съ книгами, и зимой въ нетопленной комнатѣ, дрожа отъ холода, съ жадностью читаешь какого-нибудь *Старика вездѣ и нигдѣ*, *Мальчика у ручья* Коцебу, *Разбойника поневолю*. Такого полного наслажденія не испытывалъ я послѣ, даже читая дѣйствительно художественныя произведенія. Что нравилось въ этихъ книгахъ, сказать нелегко; но съ какимъ тревожнымъ чувствомъ слѣдилъ я тогда за судьбой героя, какъ страдалъ и радовался за него, его горести и счастье я прочувствовалъ вполне, и эта тревога чувствъ, такъ сильно волновавшая, имѣла какую-то неизъяснимую прелесть. Чтеніе это смѣнило для меня сказки, которыя бывало съ такимъ же наслажденіемъ и трепетомъ слушалъ я прежде, зимой, по вечерамъ, въ углу темной комнаты отъ какой-нибудь дворовой женщины. Какъ прежде, такъ теперь, я готовъ былъ долго просиживать за книгою и забывалъ самый голодъ».

Не будемъ долго медлить на годахъ гимназическаго ученія Аванасьева, которые въ живомъ и отчетливомъ очеркѣ даны въ его воспоминаніяхъ. Здѣсь передъ нами встаютъ знакомыя типическія черты дореформенной средней школы, въ сущности, очень недалеко ушедшей отъ старой бурсы. Было больше порядка и правильности въ ученіи и въ образѣ жизни, меньше случаевъ возмутительной дикости и насилія, но сущность была одна. Воронежская гимназія 30-хъ годовъ знала и невѣжественныхъ учителей, не могшихъ давать урока и даже выслушать заданнаго, если случайно была забыта дома (или припрятана смѣтливыми мальчуганами) книга, и грубыхъ педагоговъ — сапожниковъ,

¹⁾ Впослѣдствіи Аванасьевъ взялъ въ свою бібліотеку лучшія книги изъ дѣдовской.

пускавшихъ въ ходъ всякія ругательства, не исключая и площадныхъ, а иной разъ и прямо палку; знала и разныя системы преподаванія, начиная отъ безхитростной, основанной на правилѣ: «вѣдь лучше книги не скажешь!», кончая болѣе тонкими и сложными, но столь же плодотворными.

Интересно было писаніе сочиненій у одного преподавателя русскаго языка, большого ханжи. «Стоило только соблюсти обычный приѣмъ, и, какъ бы сочиненіе ни было пошло, въ графѣ непременно ставилась отмѣтка 5. Приѣмъ былъ несложный: описываешь ли прогулку, — надо было сочинителю въ заключеніе услышать звонъ колокола, зовущаго къ заутренѣ или всенощной, и зайти въ храмъ Божій поблагодарить Подателя всѣхъ благъ за такую пріятную прогулку и за красоты природы, Имъ насажденныя; описываешь ли бурю, — надо было закончить молитвой къ Богу, являющемуся въ грозныхъ тучахъ и молніяхъ и напоющему дождемъ Своимъ нивы поселянина. И мы возсылали эти благодарственные и хвалебныя мольбы во всякомъ почти сочиненіи кстати и не кстати, — эта уловка всегда удавалась намъ». Ясно, какъ было преподаваніе словесности въ рукахъ такого господина; онъ заставлялъ каждаго ученика покупать по 1 руб. скропанную имъ въ плохихъ стишонкахъ похвалу св. Митрофанію, но не давалъ читать книгъ изъ гимназической библіотеки и не знакомилъ въ классѣ съ русскими писателями; Пушкина онъ называлъ безбожникомъ, а романы считалъ ересью. Другой преподаватель словесности признавалъ несуществующей русскую литературу до Ломоносова, а Гоголя считалъ сальнымъ писателемъ (за ком. «Женитьба»). Лучше другихъ предметовъ были поставлены математика и физика. Надъ всѣмъ этимъ міромъ висѣлъ гимназическій уставъ того времени съ правомъ сѣчь розгами до 4-го класса и съ постоянной тенденціей начальства сѣчь до 5-го.

Гимназія мало что могла дать добраго очень любознательному, серьезному и въ то же время очень впечатлительному и чуткому мальчику, какимъ былъ Аванасевъ. Правда, она и не отняла у него много изъ того, чѣмъ наградила его природа: Аванасевъ былъ далеко не зауряднымъ субъектомъ, и, вѣроятно, многіе изъ его товарищей получили отъ нея въ наслѣдство гораздо больше дурного. Но справедливость требуетъ замѣтить, что безобразныя стороны гимназическаго режима смягчались, какъ это нерѣдко у насъ бываетъ, отсутствіемъ строгой послѣдовательности и обдуманной системы. Съ Аванасевымъ въ гимназій былъ характерный случай. Въ IV классѣ его хотѣли высѣчь за драку съ товарищемъ; онъ убѣжалъ изъ гимназій и отказался слѣдовать за присланнымъ солдатомъ, пока не получилъ обѣщанія, что его не высѣкутъ; его всего болѣе возмущало нарушеніе устава. Будь гимназія послѣдовательнѣе и высѣки она этого сознательнаго и развитого 15-лѣтняго мальчика, неизвѣстно, чѣмъ бы кончилъ нашъ ученый. Любопытно, что учитель гимназій, у котораго жилъ пансіоне-

ромъ Аванасьевъ, послѣ этого случая писалъ его отцу, прося разрѣшенія наказывать его розгами, но отецъ не согласился. Аванасьевъ пишетъ: «Отвѣтъ отца (вмѣстѣ съ письмомъ Д...скаго) я берегу, какъ дорогой для меня памятникъ свѣтлаго взгляда этого человѣка на воспитаніе».

Въ самомъ дѣлѣ, очень поучительно читать (въ неизданныхъ письмахъ) этотъ обмѣнъ педагогическихъ взглядовъ между патентованнымъ педагогомъ — воспитателемъ и человѣкомъ, «учившимся на мѣдныхъ деньгахъ» и, нужно замѣтить, порядочно строгимъ въ семьѣ. Педагогъ недоволенъ вообще неуступчивостью и запальчивостью Саши (Аванасьевъ всю жизнь былъ самостоятельнаго, прямого и горячаго характера); но послѣдняя его ссора съ товарищемъ и особенно бѣгство изъ гимназіи (хотя его, по увѣренію педагога, хотѣли *только* привести на мѣсто экзекуціи и показать ему розги) окончательно возмутили почтеннаго воспитателя, и вотъ онъ, прося у отца письменнаго согласія на розги, прибавляетъ: «чѣмъ, конечно, я не буду пользоваться, но, показавъ ему вашу волю, укрощу эту строптивость, которая начинается у него развиваться съ мыслью, что онъ не подлежитъ дѣтскимъ взысканіямъ. Эта мысль есть пагуба для дѣтей... Я увѣренъ, что вы будете содѣйствовать намъ въ добромъ дѣлѣ образованія сына вашего».

Н. И. Аванасьевъ, очевидно, не увидалъ *добраго дѣла* въ томъ, чего отъ него просили; отвѣтъ его дышитъ простотой и вмѣстѣ очень вѣрнымъ пониманіемъ человѣческаго достоинства. Онъ огорченъ шалостью сына, проситъ его назидать и штрафовать, но пишетъ: «Что касается тѣлеснаго наказанія, я прошу васъ этого не дѣлать; знаю, что пословица гласитъ — за битаго двухъ небитыхъ даютъ, но дурно и то, если одинъ только страхъ наказанія будетъ дѣйствовать. Кромѣ того, тѣлесное наказаніе можетъ имѣть (для мальчика честолюбиваго) дурныя послѣдствія, судя по видѣнному уже мною примѣру. Я желалъ бы, чтобы слова и стыдъ больше имѣли дѣйствія, чѣмъ наказаніе. Изъ письма же вашего я заключилъ, что Саша ушелъ изъ гимназіи не иначе, какъ отъ страха наказанія, иначе думать нельзя; слѣдовательно, онъ имѣетъ чувства и дорожить собой». Почтенный воспитатель, вѣроятно, такъ и не могъ взять въ толкъ, какъ можно видѣть аргументъ *противъ* примѣненія розги именно въ томъ непослушаніи, которое особенно ставилось въ вину, какъ строптивость, подлежащая искорененію для блага юноши.

Но такъ или иначе, нельзя не поставить воронежскимъ педагогамъ въ заслугу уже того, что они не изгнали дерзкаго ослушника: это — заслуга очень скромная, но и для нея кое-что требуется; неизвѣстно, всегда ли и въ наше время педагогическій совѣтъ въ аналогичномъ случаѣ станетъ на высоту возрѣнія Аванасьева-отца. Мы съ умысломъ остановились на этомъ эпизодѣ; онъ характеризуетъ теорію

и практику гимназической среды, духъ семьи и начавшую складываться личность мальчика.

Въ гимназiи же стала обнаруживаться присущая Аѳанасьеву юмористическая жилка, нашедшая себѣ первое примѣненіе въ поэмѣ «Псюхіада», гдѣ изображались разныя злословія учениковъ съ «добровольно-обязательными» занятіями греческимъ языкомъ 1); поэма, принадлежавшая Аѳанасьеву и его товарищу Средину, долго послѣ ихъ выхода жила въ гимназическихъ преданіяхъ.

Шель Аѳанасьевъ въ гимназiи постоянно однимъ изъ первыхъ, удовлетворяя свою любознательность главнымъ образомъ чтеніемъ книгъ дома на каникулахъ; страсть его къ книгамъ росла. Приводимъ мѣсто изъ воспоминаній его брата (Н. Н.) въ письмѣ къ намъ, рисующее Аѳанасьева среди домашней обстановки въ его пріѣзды на каникулы въ Бобровъ. «Быстрый, энергичный и настойчивый, Александръ скоро освоился съ домашними распорядками и не оставался долго въ праздности. Въ этомъ юномъ возрастѣ онъ уже проявлялъ свою любознательность и чрезвычайную жажду къ чтенію. Отецъ нашъ постоянно выписывалъ «Библиотеку для Чтенія» и у знакомыхъ бралъ «Отечественныя Записки», «Москвитянинъ», «Пантеонъ» и «Репертуаръ русской сцены», да, кромѣ того, было много оставшихся послѣ дѣда книгъ историческихъ и литературныхъ. Все это служило брату обильнымъ источникомъ для утоленія его страсти къ чтенію, которому онъ посвящалъ все свое время, удѣляя для отдыха лишь непродолжительные вечерніе часы да какой-нибудь часъ послѣ обѣда. Чтеніемъ занимался онъ, очевидно, не ради простого только развлеченія или пріятнаго препровожденія времени, потому что всегда имѣлъ при себѣ бумагу и карандашъ и аккуратно записывалъ свои замѣтки и всѣ такія записи тщательно сберегалъ». Далѣе Н. Н. Аѳанасьевъ сообщаетъ нѣсколько данныхъ о страсти его брата къ книгамъ въ болѣе позднее время; приводимъ ихъ теперь же.

«Въ 1853 году, возвращаясь изъ Горы-Горѣцкаго института домой, я пробылъ дѣлую недѣлю въ Москвѣ и убѣдился, что братъ еще болѣе пристрастился къ чтенію и съ интересовавшей его книгой не расставался даже въ такіе моменты, когда не представлялось необходимыхъ удобствъ для чтенія; такъ, садясь обѣдать, онъ въ ожиданіи перваго блюда, отодвигалъ свой приборъ и на его мѣсто укладывалъ книгу и бумагу, продолжая читать или писать до появленія на столѣ кушанья; тогда книга и приборъ перемѣщались, и онъ начиналъ ѣсть и притомъ всегда торопливо, «на скоряхъ», какъ обыкновенно ѣдятъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ; такія перемѣщенія повторялись

1) Министръ нар. проsv. Уваровъ тогда дѣлалъ опыты съ греческимъ яз., вводя его для *желающихъ*; начальство гимназiи, желая выслужиться, приказывало учиться по-гречески безъ отговорокъ.

въ теченіе всего обѣда. Книги онъ страстно любилъ, на пріобрѣтеніе ихъ расходоваль много и храниль ихъ крѣпко. Вездѣ, гдѣ бываль онъ, лежащая на столѣ книга непремѣнно привлекала его вниманіе, и онъ съ любопытствомъ раскрываль ее, надѣясь найти что-нибудь новое. Въ 1860 году довелось ему пробывать нѣсколько дней въ Воронежѣ, гдѣ я служилъ тогда; несмотря на кратковременность своего пребыванія и на посѣщеніе многихъ знакомыхъ, онъ не преминуль самымъ тщательнымъ образомъ пересмотрѣть небольшое собраніе имѣвшихся у меня книгъ, половину которыхъ составляли спеціальныя изданія по агрономіи, и былъ очень обрадованъ, найдя въ «Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ» какія-то свѣдѣнія о религіозныхъ обрядахъ и вѣрованіяхъ бурятъ, о чемъ и сдѣлалъ для себя необходимыя замѣтки¹⁾. Этой страстью къ книгѣ объясняется и значительная начитанность Аванасьева въ предметахъ его изысканій (широтѣ его изученій удивлялся извѣстный нѣмецкій ученый В. Маннгардтъ по поводу 1-го тома «Поэтическихъ Возврѣній») и очень крупная библіотека, которую онъ собралъ, начавъ со студенческой скамьи. О характерѣ этой библіотеки и ея судьбѣ намъ еще придется говорить ниже.

Кромѣ чтенія, мало что могло привлекать его на родинѣ; самъ городъ—глухое уѣздное захолустье—ничего не представляль хорошаго: «сплетни, взаимное недоброжелательство, пустыя ссоры, мелочное самолюбіе и тщеславіе, безконечныя претензіи и отсутствіе общественности»—вотъ какими чертами рисуетъ его Аванасьевъ. Но природа южной половины Воронежской губ., Бобровскаго, Богучарскаго и Острогояскаго уѣздовъ, въ то время почти сплошь заселенныхъ малороссами, такъ поэтически изображенная у Никитенко (I т. Дневника), дѣйствительно, вознаграждала за все Аванасьева, который былъ большимъ ея любителемъ. Онъ пишетъ: «Одна великолѣпная природа миритъ меня съ тамошними мѣстами». Онъ очень любилъ и малороссовъ: уже позднѣе, въ Москвѣ онъ, описывая сестрѣ игру пріѣзжаго польскаго актера Домбровскаго, говорить, какъ пріятно ему было, что Домбровскій въ какой-то пьесѣ напомнилъ ему «нашихъ милыхъ хохловъ».

II.

Въ 1844 году Аванасьевъ, окончивъ курсъ въ гимназій, поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета.

Восемь лѣтъ спустя по выходѣ изъ университета (въ 1855 г.) Аванасьевъ принялся за обработку своего дневника и успѣлъ придать связную форму не только гимназическимъ, но и университетскимъ

¹⁾ Дѣйствительно, ссылка на статью о бурятахъ въ «Вѣстн. Естеств. Наукъ» находится въ примѣчаніяхъ къ сказкамъ.

своимъ впечатлѣніямъ. Московскій университетъ за 1844—1848 годы ¹⁾ выступаетъ подъ перомъ Аѳанасьева въ такихъ же живыхъ и опредѣленныхъ очертаніяхъ, какъ Воронежская гимназія. Замѣтимъ кстати: Аѳанасьевъ не имѣлъ особаго литературнаго таланта и не былъ выдающимся стилистомъ, но его изложеніе невольно останавливаетъ вниманіе. Его рѣчь цѣнна полнымъ отраженіемъ недюжинной личности: постоянная живая работа мысли, отчетливость наблюденія, всегда полная опредѣленность отношенія къ предмету, стремленіе все договаривать до конца и умѣнье найти для всякой мысли донельзя простую, совершенно разговорную форму, наконецъ, нерѣдко блестящіе юморъ—всѣ эти свойства такъ же ясны въ его слогѣ, какъ въ самомъ содержаніи всегда видна твердая и бодрая личность съ дѣловитымъ и строгимъ отношеніемъ къ нравственнымъ требованіямъ, съ сильно развитымъ чувствомъ правды и долга. Вотъ почему всѣ его отзывы просты, вѣски и положительны и въ то же время такъ живы, какъ это бываетъ только у литературныхъ талантовъ.

«Въ Москвѣ сначала очутился я совершенно одинъ,—пишетъ Аѳанасьевъ:—никого ни знакомыхъ, ни родныхъ. Въ этомъ многолюдствѣ я чувствовалъ странную пустоту, и тоска невыносимая тѣснилась ко мнѣ. Но скоро я свыкъся съ Москвой и съ юношескимъ жаромъ привязался къ университету. Для меня въ эту эпоху все было погружено въ жизни университетской, ею одною была полна и моя собственная жизнь».

Аѳанасьевъ провелъ въ университетѣ какъ разъ послѣдніе годы «Строгоновскаго» періода, когда университетъ переживалъ лучшую пору своего обновленія: не только дѣйствовали Грановскій, Рѣдкинъ, Крыловъ и др., но выступалъ также цѣлый рядъ совсѣмъ молодыхъ силъ: Кавелинъ, Соловьевъ, Калачовъ, Кудрявцевъ, Буслаевъ. О всѣхъ этихъ профессорахъ Аѳанасьевъ въ своихъ запискахъ даетъ отзывы; его сжатыя, но содержательныя и мѣткія характеристики очень цѣнны и обыкновенно совпадаютъ съ установившимися взглядами на всѣхъ представителей этого блестящаго собранія нашихъ научныхъ и общественныхъ дѣятелей. Лишь отзывъ его о Грановскомъ звучитъ нѣкоторымъ диссонансомъ, и объ этомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Мы не имѣемъ въ виду защищать Грановскаго или оправдывать его отъ упрековъ въ научной лѣни и въ разсѣянной жизни, которые дѣлаетъ ему Аѳанасьевъ: Грановскій не нуждается въ чьей бы то ни было защитѣ; его личность и дѣятельность извѣстны совершенно опредѣленно и подробно со всѣми ихъ сильными и слабыми сторонами, и онъ неизмѣнно стоитъ передъ русскимъ обществомъ, какъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и благородныхъ его представителей. Мы хотимъ лишь попы-

¹⁾ Въ «Русск. Старинѣ», гдѣ помѣщены эти воспоминанія Аѳанасьева, почему-то стоитъ «1843—49 гг.»

таться объяснить происхождение не вполне благопріятнаго отзыва о Грановскомъ такого умнаго и серьезнаго его современника, какимъ былъ Аѳанасьевъ.

Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что Аѳанасьевъ признавалъ многія положительныя стороны и въ личности Грановскаго и въ его дѣятельности. Такъ, онъ вполне отдавалъ должное и его знаніямъ, и талантливости, и свободнымъ гуманнымъ взглядамъ, цѣнилъ его вліяніе въ университетѣ и въ обществѣ, скорбѣлъ объ его смерти и вписалъ въ свой дневникъ подробное описаніе его похоронъ и текстъ двухъ горячихъ студенческихъ рѣчей по поводу его смерти¹⁾. Такимъ образомъ, вовсе нельзя считать мнѣніе его о Грановскомъ въ цѣломъ неблагопріятнымъ; наоборотъ, оно скорѣе сочувственное; но въ немъ есть нѣсколько отдѣльно стоящихъ упрековъ, главные изъ которыхъ указаны выше. Прежде всего надо сказать, что весь отзывъ о Грановскомъ сдѣланъ нѣсколько издали: Аѳанасьевъ, хотя и примыкалъ отчасти къ кружку, стоявшему около Грановскаго въ послѣдніе годы его жизни, но совсѣмъ не былъ близокъ ни съ Грановскимъ лично ни съ большинствомъ кружка. Будь это иначе, онъ не удивился бы, почему Грановскій не вышелъ изъ университета вмѣстѣ съ Кавелинымъ и Рѣдкинымъ, не приписывалъ бы лѣни то, что Грановскій неохотно брался за составленіе учебника всеобщей исторіи (какъ извѣстно, отъ него ожидалось изложеніе «въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія»), не писалъ бы, наконецъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Грановскаго, что онъ «ссылается на какую-то болѣзнь». Кромѣ того, важно принять въ соображеніе личныя свойства Аѳанасьева и въ связи съ ними положеніе его въ тогдашнемъ интеллигентномъ обществѣ.

Рано выйдя на спеціальную дорогу, онъ стоялъ значительно въ сторонѣ отъ главнаго потока, идейнаго и общественнаго, который съ конца 40-хъ годовъ сталъ явственно дѣлиться, помимо двухъ крупныхъ руслъ — западначескаго и славянофильскаго, — также на болѣе мелкія направленія того и другаго. Аѳанасьевъ имѣлъ очень опредѣленный образъ мыслей, и его никто еще не пытался зачислить ни въ лагерь старшихъ славянофиловъ ни, тѣмъ паче, въ станъ «Москвитянина», съ его «молодой редакціей»; онъ по всѣмъ крупнымъ тогдашнимъ вопросамъ, конечно, былъ вполне солидаренъ съ «западниками». Но онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ выработкѣ и проведеніи въ литературѣ и жизни основъ міросозерпанія, къ которому примыкалъ; въ немъ не было задатковъ борца и проповѣдника. При всей живости и страстности натуры онъ не обладалъ тѣми свойствами, которыя дѣлаютъ для че-

¹⁾ См. въ Сборникѣ Московск. Историч. Общ. о засѣданіи 4 окт. 1896 г. въ память Грановскаго и Соловьева. (Сообщеніе В. Е. Якушкина, гдѣ приведены подлинныя выдержки изъ неизданныхъ записокъ Аѳанасьева, пополняющія извѣстный до того по «Русск. Старинѣ» матеріалъ.)

ловѣка широкія общественныя связи необходимымъ элементомъ жизни. Не въ его духѣ было выработать себѣ міросозерцаніе, такъ сказать, на людяхъ, среди постоянныхъ встрѣчъ и столкновеній взглядовъ и характеровъ, и проявлять свою личность въ прямомъ, непосредственномъ воздѣйствіи на эту же сложную и живую среду. Аѳанасьевъ скорѣе былъ склоненъ къ жизни болѣе тѣснаго круга и къ мирной ученой работѣ, и свою незаурядную энергію вкладывалъ, главнымъ образомъ, въ свой трудъ, который въ одну пору жизни могъ вести при страшно тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ. Быть-можетъ, поэтому его оцѣнка личности Грановскаго совершенно лишена необходимаго фона—тѣхъ общественныхъ условій, съ которыми тѣсно связана была эта личность по самымъ своимъ свойствамъ и печать которыхъ она должна была носить на себѣ уже потому, что сама, въ свою очередь, налагала на общество свой яркій отпечатокъ. Аѳанасьевъ могъ уйти отъ тяготившихъ, несомнѣнно, и его тогдашнихъ условій русской жизни въ специальную работу, могъ изливать свои чувства въ тѣсномъ кругу близкихъ людей или, словно наблюдатель-моралистъ, въ своихъ запискахъ копить для будущаго обвинительные документы противъ настоящаго (его записки, дѣйствительно, содержатъ много матеріала для исторіи тогдашняго общества); не всякій такъ воспринимаетъ современность. Отказавшись построить оцѣнку Грановскаго на сложномъ фонѣ общественной жизни, Аѳанасьевъ, въ сущности, доказалъ только разницу своей и его натуръ. Самый упрекъ въ лѣности, въ малой научной производительности облекается въ такія формы, которыя очень характерны для великаго трудолюбца Аѳанасьева: Грановскій страшно лѣнивъ и *неусидчивъ для строгихъ ученыхъ работъ*, написалъ лишь *два небольшія диссертаціи* и нѣсколько журнальныхъ статей; вообще нашихъ профессоровъ нельзя сравнивать съ нѣмецкими, этими благородными *тружениками науки*. Аѳанасьевъ словно закрываетъ глаза на то, что несоизмѣримо и несоизмѣримо двѣ вещи: кабинетная ученая работа, гелертерство, — и сильное, живое вліяніе на каѳедрѣ вмѣстѣ съ широкимъ авторитетомъ и популярностью въ обществѣ. Съ другой стороны, лишь при той непоколебимой нравственной строгости и словно аскетическомъ ригоризмѣ, которые признаютъ за Аѳанасьевымъ люди, близко его знавшіе и высоко уважавшіе, можно было называть «уклончивостью и неоткровенностью», мягкость и гармоничность натуры Грановскаго, его гуманность и широту взглядовъ, позволявшія ему, отвращаясь отъ рѣзкостей и крайностей чужого или своего направленія, видѣть тамъ и здѣсь хорошія стороны.

Наконецъ, не забудемъ, что Аѳанасьевъ не говорилъ своего окончательнаго слова о Грановскомъ, когда писалъ свои замѣтки; вернувшись къ его оцѣнкѣ послѣ 4 октября 1855 года, онъ уже гораздо менѣе увѣренно владеть тѣни, выдвигая впередъ свѣтлыя стороны (а уже, конечно, къ Аѳанасьевскимъ отзывамъ не идетъ правило *de mortuis...*);

мы не знаемъ, какой окончательный видъ приняла бы характеристика Грановскаго, если бы Аонасьевъ самъ приготовилъ ее для печати. Повторяемъ, что въ цѣломъ она и теперь скорѣ сочувственная, и симпатія сквозить даже въ тѣхъ высокихъ требованіяхъ, какія прилагаются въ ней къ Грановскому.

Возвращаемся къ студенческимъ годамъ Аонасьева. Интересенъ вопросъ, когда и подъ какими вліяніями зародилось въ немъ влеченіе къ народному творчеству и къ миѳической старинѣ. Ниже, въ главѣ о сказкахъ, мы приводимъ свѣдѣнія о томъ, что интересъ этотъ уже былъ и фактически проявлялся въ немъ еще на студенческой скамьѣ; здѣсь мы говоримъ о теоретической стимулировкѣ и выясненіи этого интереса. Онъ имѣлъ возможность слушать двухъ профессоровъ-словесниковъ, но оба они были мало способны пробудить въ молодомъ студентѣ его будущее призваніе: это были Шевыревъ и Давыдовъ; о томъ и другомъ онъ даетъ пренебрежительные отзывы. У Шевырева юристы слушали теорію словесности. обстоятельно изложивъ планъ курса и манеру читать Шевырева и указавъ на отвлеченность и риторичность его лекцій, Аонасьевъ замѣчаетъ: «Шевыревъ не указалъ намъ ни образованія метафорическаго языка, ни значенія эпитетовъ, и все свое ученіе о выраженіи лишилъ той основы, которая коренится въ исторіи языка. Вообще ему недоставало филологическихъ свѣдѣній, а на однихъ разсужденіяхъ далеко не ускачешь». Въ этихъ словахъ явственно чувствуется вліяніе книги Буслаева «О преподаваніи отечественнаго языка». Книга вышла въ 1844 году, и любознательный студентъ могъ на первомъ же курсѣ познакомиться съ ней, хотя мы затрудняемся утверждать это, такъ какъ неизвѣстно, что въ студенческихъ воспоминаніяхъ Аонасьева относится къ времени 1844—48 гг. и что составляетъ ретроспективный взглядъ 1855 года. Отзывъ о Давыдовѣ кратокъ и опредѣлененъ. «Давыдовъ такой же былъ на своихъ лекціяхъ, какъ и въ изданныхъ имъ книгахъ «Чтенія о словесности»: тотъ же напыщенный, метафорическій языкъ, тотъ же подборъ ненужныхъ эпитетовъ и тотъ же, въ сущности, пустоцвѣтъ»... «Помню, какъ о Ревизорѣ Гоголя замѣтилъ онъ, что здѣсь есть сальныя сцены, какъ, напр., Хлестаковъ ковыряетъ въ зубахъ, а лакей Осипъ лежитъ передъ публикой на диванѣ». (Интересно, между прочимъ, какъ въ оцѣнкѣ Гоголя профессоръ словесности и вскорѣ председатель II отдѣленія Академіи Наукъ сошелся съ Булгаринымъ и Сенковскимъ и съ воронежскимъ учителемъ гимназіи.) Послѣднимъ профессоромъ-словесникомъ, и такимъ, который могъ бы дѣйствительно повліять на выборъ Аонасьевымъ своей ученой дороги, былъ молодой адъюнктъ Буслаевъ, съ 1847 года начавшій еще стороннимъ преподавателемъ свои профессорскія лекціи; но онъ тогда еще только выступилъ на путь изслѣдованія эпической старины и притомъ Аонасьеву, какъ юристу, не пришлось его слушать, и отзывъ его о Буслаевѣ, уже въ 1855 году, очень кратокъ, хотя въ высшей степени сочувственный.

Вліяніе Буслаева, несомнѣнно, было потомъ, но роли перваго толчка оно не имѣло. Остаются профессора-юристы.

Есть основанія полагать, что, находясь въ университетѣ и тотчасъ по выходѣ, Аванасьевъ думалъ о дорогѣ не словесника - мнѣолога, а юриста - историка. Право, впрочемъ, и тогда интересовало его не съ своей теоретической или философской стороны, а какъ жизненный институтъ, тѣсно связанный съ дѣйствительностью и крѣпко вросшій корнями въ историческій бытъ народа: при такомъ пониманіи, разумѣется, интересъ, естественно, долженъ былъ обратиться къ русскому праву и его исторіи въ ближайшей связи съ русской исторіей вообще. Притомъ въ эту же сторону направляло и самое распредѣленіе наличныхъ ученыхъ силъ на юридическомъ факультетѣ. Если Рѣдкинъ знакомилъ студентовъ съ отвлеченною идеей права по Гегелевскому методу, то уже въ живыхъ и талантливыхъ лекціяхъ римскаго права Крылова они могли усмотрѣть бытовые основы юридическихъ нормъ, ихъ національную и историческую подкладку; еще далѣе въ этомъ направленіи и на болѣе знакомой русской почвѣ выяснялось то же самое нѣсколькими крупными молодыми учеными: Кавелинымъ, Калачовымъ, Соловьевымъ. Ихъ лекціи и ученые работы, особенно Кавелина и Соловьева, впервые изображали древнюю русскую исторію въ органической связи всѣхъ ея явленій и въ тѣсномъ взаимодействіи отдѣльныхъ элементовъ. «Понятіе о народѣ, какъ организмѣ, и объ исторіи народа, какъ органическомъ развитіи его исконныхъ бытовыхъ началъ, въ обстановкѣ природныхъ условій и внѣшнихъ условій»,—вотъ, по словамъ г. Пыпина, основная историческая идея Соловьева, которую онъ проводилъ съ первыхъ своихъ историческихъ трудовъ; къ однороднымъ взглядамъ приходилъ одновременно Кавелинъ, идя своею дорогою. Древніе и новые памятники русскаго права, съ которыми знакомили студентовъ Кавелинъ и затѣмъ Калачовъ, получали особый интересъ и значеніе при свѣтѣ новыхъ историческихъ идей: они становились на свое мѣсто среди бытовыхъ и историческихъ условій данной эпохи, получая отъ нея свое освѣщеніе и, въ свою очередь, содѣйствуя ея пониманію.

Аванасьевъ въ университетѣ усидчиво занимался русской исторіей, какъ помнитъ старшій товарищъ его Е. И. Якушкинъ; о томъ же свидѣтельствуетъ одно письмо Кавелина, которое мы приводимъ ниже. Работы Кавелина особенно могли проложить для Аванасьева мостикъ отъ русскихъ юридическихъ древностей къ изученію русскаго народнаго быта и обрядовой старины. Кавелинъ придавалъ очень большое значеніе народнымъ обычаямъ и обрядамъ и не только указывалъ ихъ важность для знакомства съ древнимъ юридическимъ и историческимъ бытомъ, но и впервые далъ вѣрный методъ ихъ изслѣдованія, обезпечивающій правильное пониманіе древняго смысла обычаевъ сквозь цѣлую сѣть историческихъ видоизмѣненій; за эти взгляды Пыпинъ отводитъ Кавелину почетное мѣсто въ исторіи русской этнографической

науки. Такимъ образомъ вліянію Кавелина и научному и личному (они сблизились съ 1847 года) мы отводимъ первое мѣсто въ направленіи интереса Аванасьева. Но мы уже сказали, что вполне опредѣлилась его дорога лишь по окончаніи курса; въ университетѣ онъ еще русскій историкъ-юристъ. На третьемъ курсѣ онъ пишетъ свою первую работу: «Государственное хозяйство при Петрѣ», которую Кавелинъ пристраиваетъ въ только что основанный тогда для Бѣлинскаго «Современникъ». Объ этой работѣ Бѣлинскій писалъ Кавелину (въ ноябрѣ 1847 г.): «Я совершенно съ вами согласенъ насчетъ достоинствъ статьи Аванасьева, но болѣе какъ статьи ученой, нежели журнальной»¹).

Затѣмъ мы видимъ Аванасьева выступающимъ въ числѣ лучшихъ студентовъ передъ министромъ съ лекціей. Это было въ сентябрѣ 1848 г. Грозная туча нависла тогда надъ русскимъ просвѣщеніемъ, — подверглись подозрительному осмотру всѣ проявленія мысли, вездѣ чудился опасный духъ. Министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ пріѣхалъ въ Москву осматривать университетъ²). Онъ слушалъ лекціи профессоровъ и послѣ всякой прослушанной лекціи «входилъ въ разсужденіе съ профессоромъ объ ея предметѣ въ частности и о предметѣ всей науки вообще, о современномъ ея состояніи и главныхъ дѣятеляхъ и, наконецъ, о духѣ, въ какомъ она должна быть преподаваема». Но, кромѣ того, онъ хотѣлъ познакомиться ближе съ студентами и получить личное непосредственное понятіе объ ихъ свѣдѣніяхъ, объ объемѣ, въ какомъ преподаются науки, и о духѣ всего ученья; для этого студенты приглашались изложить передъ нимъ публично свои свѣдѣнія на избранныя ими самими темы. Былъ избранъ рядъ студентовъ и кандидатовъ по всѣмъ факультетамъ, установлены по соглашенію съ профессорами темы,—и съ 20 сентября начались эти лекціи въ присутствіи членовъ университета и многихъ постороннихъ посѣтителей, приглашенныхъ министромъ.

Кандидатъ Аванасьевъ читалъ по кафедрѣ исторіи русскаго законодательства на тему: «Краткій очеркъ общественной жизни русскихъ въ три послѣднія столѣтія допетровскаго періода»³). Погодинъ, описавшій въ «Москвитянинѣ» всю ревизію университета, говоритъ объ Аванасьевской лекціи слѣдующее: «Аванасьевъ явился полнымъ представителемъ новыхъ, какъ говорятъ, возрѣній на русскую исторію. «Москви-

¹) «Русск. Мысль» 1892 г., № 1. Неизвѣстно, почему Д. Корсаковъ въ примѣчаніи называетъ эту статью «диссертацией на факультетскую тему». Повидимому, она смѣшана съ лекціей, читанной Аванасьевымъ вмѣстѣ съ другими окончившими курсъ передъ гр. Уваровымъ, но то было 21 сентября 1848 года, т.-е. годъ спустя послѣ появленія статьи въ «Современникѣ». Д. Корсаковъ ошибочно относитъ и окончаніе курса Аванасьевымъ къ 1849 г. вмѣсто 1848 года. ²) Заимствуемъ подробности изъ «Біографіи Погодина» Н. Барсукова, т. X, стр. 137—145. ³) Въ «Запискахъ» Аванасьевъ называетъ ее «коротенькой лекціей о вліяніи государственнаго (самодержавнаго) начала на развитіе уголовного права въ XVI и XVII стол. на Руси».

тянинъ» имѣть мнѣніе о ней почти противоположное, извѣстное читателямъ, а потому удерживается говорить о чтеніи, какъ судья, можетъ-быть, пристрастный». Эти «новыя» воззрѣнія принадлежали Кавелину и Соловьеву, противъ которыхъ за годъ до того ополчался Погодинъ по вопросу о родовомъ бытѣ, о монгольскомъ игѣ, о личности въ древней Руси и вообще о всемъ значеніи допетровской старины. Очевидно, факультетъ, выпуская Аѳанасьева читать передъ министромъ, желалъ выдвинуть способнаго кандидата, и Аѳанасьевъ, можетъ-быть, рассчитывалъ, что его лекція откроетъ или облегчитъ ему путь къ кафедрѣ. Отзывъ Погодина, бывшаго въ хорошихъ отношеніяхъ къ Уварову, могъ, разумѣется, нѣсколько испортить дѣло; но тутъ были еще подробности, сохранившіяся въ «Запискахъ» Аѳанасьева. Онъ пишетъ: «Лекція эта вызвала нѣсколько замѣчаній со стороны министра, съ которыми, однако, я не догадался сейчасъ же согласиться. Шевыревъ съ собратіей нашли въ ней то, чего въ ней и не было и быть не могло. Весьма благодаренъ, что печатно отозвался онъ о моей лекціи съ равнодушнымъ хладнокровіемъ¹⁾, а въ непечатныхъ отзывахъ, по слухамъ, куда недоставало этого хладнокровія».

Мы, впрочемъ, не имѣемъ положительныхъ основаній приписывать Аѳанасьеву въ это время виды на кафедру профессора: во всякомъ случаѣ ему прежде всего нужно было матеріальное обезпеченіе. Отецъ, очень любившій его и гордившійся его успѣхами, готовъ былъ поддержать его, насколько могъ, но самъ имѣлъ ограниченныя средства и большую семью, которой давалъ хорошее образованіе (сестры Аѳанасьева воспитывались въ одномъ изъ московскихъ институтовъ). Такимъ образомъ финансовый вопросъ стоялъ передъ молодымъ кандидатомъ, хотя, можетъ-быть, и не такъ остро, какъ повѣствуютъ нѣкоторые некрологи. Тотчасъ по окончаніи курса начинаются хлопоты о мѣстѣ. Въ напечатанныхъ воспоминаніяхъ Аѳанасьевъ рассказываетъ о неудачной попыткѣ занять мѣсто учителя законовѣдѣнія въ практической академіи; изъ неизданныхъ писемъ Кавелина видно, что послѣдній безуспѣшно хлопоталъ для него еще о мѣстѣ въ Лазаревскомъ институтѣ. Нашлись, правда, быстро уроки въ частномъ пансіонѣ Эннеса, но они, вѣроятно, плохо обезпечивали матеріально; да и съ внутренней стороны Аѳанасьевъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ не былъ доволенъ этими занятіями. Онъ, впрочемъ, не оставлялъ этихъ уроковъ довольно долго: въ 1855 году онъ еще занимается у Эннеса. О преподавательской дѣятельности его мы имѣемъ воспоминанія Н. А. Бѣлоголоваго, бывшаго его ученикомъ. Они довольно живо рисуютъ Аѳанасьева-юношу.

«Онъ къ намъ попалъ учительствовать прямо съ университетской скамьи, былъ чрезвычайно робокъ и конфузливъ и совсѣмъ не умѣлъ

¹⁾ Очевидно, здѣсь имѣется въ виду приведенный выше отзывъ «Москвитянина». Онъ принадлежалъ Погодину (см. Барсукова X, 137 — 145 и 148).

обращаться съ учениками. Послѣдніе тотчасъ же подмѣтили его конфузливость и со свойственной своему возрасту жестокостью мучили и тиранили его на урокахъ и часто доводили его до того, что онъ чуть не со слезами на глазахъ умолялъ ихъ быть помирнѣе и посерьезнѣе въ классѣ. Даже въ послѣдствіи, когда мы были въ старшихъ классахъ и оцѣнили его, какъ прекраснаго преподавателя, мы были не бездѣльны въ этомъ отношеніи и позволяли себѣ съ Аѳанасьевымъ многое, на что не рискнули бы съ другими учителями, зная, что онъ при своей голубиной кротости никогда не рѣшится наказать никого. Особенно изощрялись мы въ русскихъ сочиненіяхъ, которыя Аѳанасьевъ задавалъ намъ часто, предоставляя выборъ предмета собственному нашему умотрѣнію; тутъ ужъ мы давали полный просторъ своей фантазіи и старались перещеголять другъ друга въ вымыслѣ и остроуміи; нѣкоторые подавали даже ему сочиненія, иллюстрируя ихъ рисунками на поляхъ тетради». Приведа далѣе разсказъ о томъ, какъ Боткинъ (С. П.) подаль даже разъ Аѳанасьеву въ качествѣ сочиненія: «Ислѣдованіе о происхожденіи водки, называемой Ероеичемъ», Бѣлоголовый заключаетъ: «Безспорно все же, что Аѳанасьевъ былъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ учителей, занимался съ нами съ увлеченіемъ и сумѣлъ во многихъ изъ насъ посѣять любовь и интересъ къ родной словесности, исторію которой онъ преподавалъ намъ въ старшемъ классѣ. Кромѣ того, мы учили у него русскую исторію по запискамъ, составленнымъ имъ для насъ»¹⁾.

Помимо симпатичнаго, гуманнаго человѣческаго облика, который сквозить въ этихъ воспоминаніяхъ, здѣсь видны одушевленное отношеніе къ дѣлу и любовь къ своему предмету; немудрено, если эти занятія сыграли свою роль въ направленіи научныхъ интересовъ Аѳанасьева: осенью 1848 года онъ былъ какъ разъ на рубежѣ юридическихъ своихъ занятій. Въ октябрѣ Кавелинъ пишетъ ему письмо, гдѣ идетъ рѣчь о планахъ Аѳанасьева на будущее. Письмо рисуетъ и ихъ отношенія, и положеніе Аѳанасьева, и личность Кавелина; поэтому позволяемъ себѣ привести его почти цѣликомъ.

Разсказавъ о безуспѣшности хлопотъ относительно Лазаревского института, Кавелинъ продолжаетъ: «Что дѣлать! Вамъ, Аѳанасьевъ, неудача: и въ пансіонѣ не повезло²⁾ и съ лекціей, превосходно, какъ пишутъ, составленной, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, зная ваши работы, тоже вышло что-то не то; вотъ теперь и мѣсто въ институтѣ у васъ отбиваются³⁾. Есть полосы въ жизни, когда что ни дѣлай, какъ ни бейся, выходитъ все наперекоръ. Надо ее переждать. Все бы это ничего, но вотъ что грустно: у васъ нѣтъ денежныхъ средствъ. Напишите мнѣ подробнѣй, какія у васъ средства подъ руками теперь, на что вы

¹⁾ «Русскія Вѣдомости» 1897 г., № 19. ²⁾ Очевидно, Аѳанасьевъ писалъ о первыхъ своихъ урокахъ, приведшихъ его въ смущеніе. ³⁾ Мѣста въ Лазаревскомъ институтѣ одновременно съ Аѳанасьевымъ искали Лешковъ и Морошкинъ.

разсчитываете жить и что думаете дѣлать. Станете ли держать на магистра или иное что затѣваете? Разскажите всю подноготную вашихъ финансовыхъ дѣлъ: можетъ-быть, вмѣстѣ что-нибудь и выдумаемъ. Не теряйте, главное, присутствія духа и не хандрите. Это — величайшая бѣда. Вы имѣете знанія; ваши работы положительно хороши. Прежде всего вамъ надо будетъ какъ-нибудь выкарабкаться до матеріальнаго обезпеченія, что, какъ помнится изъ разговоровъ, при вашей умѣренности сдѣлать вамъ не такъ-то будетъ трудно. А разъ вы стали въ это положеніе, вамъ надо будетъ предпринять какой-нибудь капитальный трудъ, огромную статью. Какую — мы съ вами ужъ придумаемъ. Будьте же откровенны, пишите все, ваша участь меня сильно занимаетъ и лежитъ близко къ сердцу.

«Затѣмъ примите мой добрый совѣтъ: вы знаете допетровскую Русь болѣе, чѣмъ хорошо, вы знаете ее теперь отлично. Обратите ваши занятія на новую. Нѣтъ ничего хуже и вреднѣй, какъ толочься на одномъ мѣстѣ и утаптывать все одинъ токъ. У васъ есть склонность стать археологомъ; вамъ надо ее переламывать. Это и для васъ лично необходимо, потому, что, наконецъ, вы не рождены археологомъ: на это я имѣю много доказательствъ. А потомъ, что едва ли не важнѣй личныхъ соображеній, — дѣло требуетъ рукъ, а рукъ нѣтъ. Надо забирать всѣ способныя. Теперь первѣйшая необходимость настоитъ имѣть сочиненіе о новомъ русскомъ законодательствѣ со времени Петра. Эта необходимость чувствуется чиновниками, профессорами, студентами, учебными заведеніями, — всѣми, словомъ, безъ изыятія. Нужно надъ этимъ работать; надо вывести итогъ петровской эпохи. Это — требованіе времени. Я могу вамъ ручаться, что на этомъ пути теперь вы окажете и бездну пользы и не останетесь безъ вознагражденія.

«Я знаю, Москва располагаетъ къ факирству, къ отвлеченности, къ исторической мечтательности, которая такъ и тянетъ во времена глубокой древности, а утягиваетъ обыкновенно въ болото. Избави васъ Богъ отъ такого пути, который ведетъ къ усыпленію. Повѣрьте, что историческій обзоръ, дѣльный и подробный, законодательной дѣятельности Екатерины II, напимѣрь, въ миллионъ разъ полезнѣе теперь, нужнѣе самаго классическаго труда надъ Судебникомъ или даже Уложеніемъ. Вѣрьте, что я вамъ говорю правду. Практическій міръ теперь первый и главный. Археологи по призванію, у которыхъ, наконецъ, сложился этотъ смыслъ, пусть и работаютъ, а вы выходите на другую дорогу. Прошу васъ отвѣчать на этотъ пунктъ. Не смѣю ручаться вамъ заранѣе, но, кажется, я самъ стану *исключительно* заниматься этимъ дѣломъ; помощника въ Питерѣ нашель, но одного мало. Я имѣю виды на васъ. Если дѣло состоится, могу вамъ обѣщать и деньги и имя. Знакомьтесь съ Полнымъ Собраніемъ Законовъ какъ можно ближе.

«Ну, прощайте, любезный Аванасьевъ! Дружески жму вашу руку... Пишите мнѣ чаще, потому что ваши письма для меня праздникъ.

Искренно преданный вамъ К. Кавелинъ. — Я познакомился съ Далемъ. 15 тысячъ пословицъ у него собрано. Это почетно. Да самый обильный и полный словарь мѣстныхъ нарѣчій. Да географическая карта русскихъ нарѣчій. Какъ вы объ этомъ помышляете?»

Но Аванасевъ не вышелъ на ту дорогу, на которую звалъ его Кавелинъ: «склонность стать археологомъ», которую замѣчалъ въ немъ послѣдній и которую считалъ противорѣчащей натурѣ Аванасьева, стала въ это время брать верхъ, и Аванасевъ дѣлается если не археологомъ быта, то археологомъ народнаго творчества и вѣрованій.

III.

Въ ноябрѣ 1849 г. онъ получаетъ, наконецъ, при посредствѣ Жалачова, мѣсто въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министер. Иностран. дѣлъ. Здѣсь онъ засталъ еще остатки прежней жизни Архива времени Бантышъ-Каменскаго и Малиновскаго, когда Архивъ былъ притчею во языцѣхъ, съ его арміей чиновниковъ въ 200 человекъ, ничего не дѣлавшихъ, а числившихся только на службѣ. Эти «архивные юноши» въ первую четверть столѣтія вошли въ пословицу, но они не вполне исчезли и при Оболенскомъ. Аванасевъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Когда я поступилъ въ Архивъ, число чиновниковъ назначалось здѣсь по штату до сорока; эти чиновники раздѣляются на дѣловыхъ и бездѣльныхъ, къ послѣднимъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, переводчики (числомъ 15), почти ничего не дѣлающіе; многіе изъ нихъ вовсе не заглядываютъ въ Архивъ, кромѣ одного или двухъ разъ въ теченіе года. Что—они, гдѣ—они? едва ли кто и знаетъ. Такой порядокъ ведется изстари; прежде вся аристократическая и богатая молодежь начинала здѣсь свою службу (это было въ модѣ!) и сверхъ штата состояло, говорятъ, человекъ до 200; теперь сверхштатныхъ присылаютъ изъ Петербурга. Это—люди съ состояніемъ и связями, которымъ хочется числиться на службѣ и получать чины, не стѣсняясь нисколько службой и проживая изъ своихъ расчетовъ въ Москвѣ; то же должно сказать и о нашихъ штатныхъ бездѣльникахъ». Образованный и дѣловитый юноша долженъ былъ, естественно, выдвинуться въ такомъ учрежденіи и въ 1855 году, со смертью начальника отдѣленія Наумова, прослужившаго въ Архивѣ болѣе 50 лѣтъ, занялъ его мѣсто, а вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ состоявшей при Архивѣ Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Мѣсто это давало ему матеріальное обезпеченіе, ставило въ известную связь съ цѣлымъ рядомъ лицъ, занимавшихся русской исторіей и древностями (повидимому, черезъ Архивъ онъ дѣлается съ 1850 года членомъ Общества Исторіи и Древностей); богатые матеріалы Архива могли служить подспорьемъ при научныхъ занятіяхъ и крити-

ческих работахъ, для которыхъ архивская служба оставляла достаточно досуга. При такихъ обстоятельствахъ открывается съ 1850 года длинный рядъ критическихъ статей Аванасьева въ лучшихъ литературныхъ журналахъ — «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», и въ специальныхъ изданіяхъ: «Архивѣ Калачова», «Временникѣ Общ. Ист. и Древн.» и др. Съ этого же года начинаются и его работы по миеологіи статьёй «Дѣдушка домовой» въ I т. Калачовскаго «Архива».

Мы не будемъ въ настоящемъ очеркѣ разсматривать развитіе научныхъ воззрѣній Аванасьева въ области миеологіи и народной поэзіи и входить въ оцѣнку его работъ по исторіи нашей литературы XVIII и XIX вѣк., отсылая за первымъ къ «Ист. Русск. Этнографіи» Пыпина. Сообщаемъ лишь важнѣйшія внѣшнія данныя.

По миеологіи и народной поэзіи работы его послѣ статьи «Дѣдушка-домовой» идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Къ тому же 1850 году относятся помѣщенные въ сборникѣ Калачова «Дополненія къ пословицамъ Снегирева». Къ 1851 г.: «Колдовство на Руси въ старину» («Соврем.», № 4); «Религіозно-языческое значеніе избы славянина» («Отеч. Зап.», № 6); «Вѣдунъ и вѣдьма» (Альманахъ Комета); «Языческія преданія объ островѣ Буянѣ» («Временникъ Общ. Истор. и Древн.», № 9). Къ 1852 г.: «Зооморфическія божества у славянъ» (Отеч. Зап., № 1—3). Къ 1853 г.: «Нѣсколько словъ о соотношеніи языка съ народными повѣрьями» («Изв. Акад. Наукъ»). Къ 1854 и 1855 гг.: «О значеніи рода и роженицъ» («Арх. Калач.», т. II, ч. 1); «Миеическая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металла, оружія и желчи» («Арх. Калач.», т. II, ч. 2). Вторая половина 50-хъ годовъ занята выходомъ сказокъ и изданіемъ «Библиографич. Записокъ». Затѣмъ къ 1860 г.: «Русскія народныя легенды»; «Происхожденіе миеа» («Москов. Вѣдом.», № 55). Къ 1861 г.: «О загробной жизни по славянскимъ преданіямъ» («Арх. Калач.», т. III). Къ 1864 г.: «Поэтическія преданія о свѣтилахъ небесныхъ» («Библ. для чтенія»). Къ 1865 г.: «Сказка и миеъ» и «О радугѣ» («Филолог. Записки») и «О наукахъ» («Древности Москов. Археолог. Общ.»). Наконецъ, весь рядъ статей по миеологіи завершился капитальнымъ трудомъ: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» въ трехъ большихъ томахъ (1866 — 1869 гг.).

По исторіи литературы XVIII и XIX вв. работы Аванасьева открываются въ 1855 г. изслѣдованіемъ «Русскіе журналы 1769 — 1774 гг.» («Отеч. Зап.», № 3, 4 и 6), вышедшимъ отдѣльной книгой въ 1859 г. подъ заглавіемъ «Русскіе сатирическіе журналы». (При этомъ Аванасьевымъ были изданы тексты трехъ журналовъ: «Поденщины», «Пустомели» «Кошелька»). Затѣмъ напечатаны въ 1856 г.: «Два слова о журнальной сатирѣ прошлаго столѣтія» («Москов. Вѣдом.», № 55) и «Сатирическія изданія девяностыхъ годовъ» («Моск. Вѣд.», №№ 80, 83 и 84). Въ 1857 гг. «Черты нравовъ XVIII в.» («Русск. Вѣстн.», №№ 16 и 18). Въ 1858 — 61 гг. Аванасьевымъ помѣщенъ рядъ статей въ «Библиогра-

фическихъ Запискахъ»; перечисляемъ касающіяся литературы: «Н. И. Новиковъ», «Сатиры Кантемира», «Фонвизинъ», «Литературная полемика прошлаго столѣтія», «Изъ переписки Карамзина», «Замѣтки къ изд. сочин. Пушкина», «Замѣтки о Лермонтовѣ», «Замѣтки о Полежаевѣ», «О стихотвореніяхъ Батюшкова»¹⁾. Въ 1860 г.: «Дополненіе къ ст. Лонгинова о гр. Сперанскомъ» («Русск. Вѣстн.», № 1); «О литературныхъ трудахъ кн. Дашковой» («Отеч. Зап.», № 3); «И. В. Лопухинъ» («Архивъ истор. и практ. свѣд. Калачова», кн. 1). Въ 1861 г.: «Переписка Петра Велик. съ Екатериной» («Русск. Рѣчь», №№ 9 и 10); «Изъ нравовъ XVIII в.» («Русск. Рѣчь», № 62). Въ 1864 г.: «М. С. Щепкинъ и его записки» («Библ. для Чтенія», № 2).

Литературная производительность Аванасьева, кромѣ указаннаго, выражается еще въ рядѣ названныхъ нами статей и въ огромномъ количествѣ (до 70), большей частью неподписанныхъ, критическихъ статей о книгахъ юридическаго, историческаго и историко-литературнаго содержанія; за 50-е и 60-е годы онъ былъ постояннымъ и усерднымъ сотрудникомъ журналовъ. Въ его бумагахъ сохранилось довольно много касающихся сотрудничества писемъ къ нему Некрасова, Краевского, Калачова, гр. Сальясъ, Боборыкина и др. Редакторы, какъ видно, очень дорожили его статьями и рецензіями, всегда дѣльными, серьезными и вмѣстѣ съ тѣмъ живо и литературно написанными. Изъ писемъ, а также изъ неизданныхъ записокъ видно, что тогдашняя цензура выкидывала мѣста изъ статей Аванасьева или даже совсѣмъ не пропускала статей. Такъ, была запрещена статья о 5-мъ выпускѣ «Исторіи Церкви» Филарета, назначавшаяся для «Современника», были крупныя урѣзки въ статьѣ «Археологическое значеніе Домостроя» (о строгости стариннаго ученья); были исключены всѣ біографическія свѣдѣнія о Новиковѣ въ статьяхъ «Отеч. Зап.» «Журналы 1769 — 1774 гг.». (эти свѣдѣнія не вошли и въ отдѣльное изданіе; біографія Новикова была напечатана въ I т. «Библиограф. Записокъ»). Но самая печальная участь постигла рядъ статей, исторически разсматривавшихъ вопросъ о призрѣніи бѣдныхъ на Руси. У Аванасьева было приготовлено четыре статьи; первая (до половины XV в.) была напечатана въ октябрьской книжкѣ «Отеч. Зап.» 1850 г.²⁾, вторая послѣ долгихъ перипетій была запрещена окончательно съ оповѣщеніемъ о томъ всѣхъ цензурныхъ комитетовъ; послѣ этого Краевскій отослалъ ее и двѣ остальные

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ статей подписаны псевдонимомъ Аванасьева: И. М—къ. Замѣтки о Лермонтовѣ и Полежаевѣ и вступленіе къ матеріаламъ о Карамзинѣ не вошли ни въ собственноручный списокъ статей Аванасьева ни въ его повторенія въ «Русск. Архивѣ» и въ словарь Венгерова. Точно такъ же лишь у Межова дано указаніе на статью «Болѣзни по славянскимъ преданіямъ». («Филологич. Записки» 1868 г., №№ 3, 4 и 5.)²⁾ Указанія на эту статью нѣтъ ни въ одномъ спискѣ сочиненій. Мы извлекаемъ свѣдѣнія изъ писемъ Краевского.

статьи обратно Аванасьеву, прося передѣлать ихъ, «перекинуть мостикъ» съ первой статьи на третью, но авторъ, очевидно, спряталъ статьи въ столъ, — о нихъ нѣтъ болѣе упоминанія въ перепискѣ, и Аванасьевъ даже не захотѣлъ включить первую статью въ собственноручный списокъ своихъ сочиненій ¹⁾. Неизвѣстно, сохранились ли эти статьи.

Точно такъ же была запрещена въ 1854 г. присланная Аванасьевымъ въ Географическое общество (для его «Вѣстника») статья «О загробной жизни по славянскимъ преданіямъ», и она лишь семь лѣтъ спустя увидѣла свѣтъ въ «Архивѣ» Калачова. Безъ урѣзокъ не обходились даже рецензій о вышедшихъ книгахъ; въ 1853 г. Краевскій пишетъ: «Статью объ «Этнографич. Сборникѣ» печатаю въ 9 № «Отеч. Записокъ» въ елико возможно искаженномъ видѣ. Фрейгангъ выкинулъ изъ нея все, что прямо связано съ религіозными обрядами, и даже совѣмъ отрѣзалъ конецъ ея, гдѣ говорится о похоронахъ, поминкахъ и пр. Бѣшенство этого господина, несмотря на то, что жары давно уже прошли, нисколько не ослабѣваетъ». Даже въ рецензій на изданіе старыхъ Воронежскихъ Актовъ «факты юридическіе остались подѣ красными чернилами». Письма Краевского полны такими указаніями и совѣтами, въ родѣ слѣдующихъ (по поводу запрещенной статьи «о призрѣніи» въ XV — XVII вв.): «Вы должны избѣгать разсказа о фактахъ печальныхъ и tant soit peu возмутительныхъ для души, любящей видѣть старину въ розовомъ цвѣтѣ. Если же указаніе такого факта неизбѣжно, то подлѣ него сейчасъ должно поставить какое-нибудь утѣшительное оправданіе, хотя бы забѣжавъ столѣтія на два, на три впередъ. Когда вы станете на эту точку зрѣнія и будете держаться на этой линіи, какъ говорить купецъ въ комедіи Островскаго, тогда вы сдѣляетесь цензурны. Если нѣтъ — нѣтъ». А въ началѣ 1855 г., когда печатались въ «Отеч. Зап.» статьи Аванасьева о журналахъ XVIII в., опытный Краевскій, предвидя цензурныя затрудненія, увѣщавалъ автора «помягче говорить о недостаткахъ тогдашняго высшаго общества». «Больше рассказывайте, съ указаніемъ на источникъ, или, еще лучше, словами

¹⁾ Краевскій пишетъ (23 янв. 1851 г.), что его цензоръ, не считая себя компетентнымъ судьей въ дѣлѣ русской исторіи и замѣтивъ въ статьѣ факты изъ исторіи русской церкви, велѣлъ отправить статью въ духовную цензуру. Оттуда она вернулась съ очень незначительными пометками. Тогда цензоръ представилъ ее въ комитетъ съ мнѣніемъ, что онъ «по незнанію русской исторіи не можетъ имѣть тутъ никакого мнѣнія». Цензурный ком. отправилъ статью къ проф. Устрялову, который, разсмотрѣвъ, нашелъ въ статьѣ нѣкоторыя погрѣшности (безъ указанія ихъ) и увѣдомилъ, что онъ, не зная новыхъ цензурныхъ правилъ, не можетъ судить, до какой степени позволительно печатать въ журналахъ историческіе факты, и поэтому отказался дать о статьѣ какое бы то ни было мнѣніе. Комитетъ для окончательнаго свода всѣхъ этихъ «мнѣній» отдалъ статью цензору Крылову, который и вывелъ слѣдующій результатъ: статью запретить безусловно и дать о томъ знать во всѣ цензурные комитеты.

источника, а менѣе разсуждайте. Цензура боится разсуждений... Дополнимъ нѣсколькими фактами изъ неизданныхъ записокъ Аѳанасьева картину цензурныхъ условій литературы въ эту эпоху господства знаменитаго «Бутурлинскаго комитета». Фрейгангъ, цензуруя записки С.-П.-Б. Археологич. Общества, ни за что не хотѣлъ пропустить надписей, найденныхъ на старинныхъ пушкахъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ сохранились на самыхъ орудіяхъ. И добро бы въ этихъ надписяхъ было что-нибудь противоцензурное. Нѣтъ! Въ нихъ означалось, что такая-то пушка, именовъ *Свинья*, вылита при царь Петръ I такого-то года и только. Фрейгангъ догадался, вмѣсто названій «Свинья» и другихъ, казавшихся ему, неизвѣстно почему, неприличными, поставить названія: «Левъ», «Орелъ» и т. п., а вмѣсто выраженія: «при царѣ» — выраженіе: «при императорѣ». Его увѣряли, что Петръ Великій еще въ то время не назывался императоромъ, что этотъ титулъ принять имъ послѣ, что если измѣнять до такой степени показанія памятниковъ, то лучше вовсе не дотрогиваться до нихъ; ничево, однако, не помогало. Тогда общество представило корректурные листы съ отмѣтками Фрейганга председателю своему, принцу Ольденбургскому, и тотъ уже заставилъ цензора «не дѣлать глупостей». Въ другомъ мѣстѣ Аѳанасьевъ рассказываетъ, что цензура дѣлала не только урѣзки, но замѣны и поправки даже въ письмахъ Петра Великаго, печатавшихся Москов. Главн. Архивомъ (2-й т. «Писемъ Русскихъ Государей»).

Даже древняя миеологія — предметъ, ближе всѣхъ лежавшій къ сердцу Аѳанасьева, не избѣжала общей участи. Онъ передаетъ, что цензура стала недовѣрчиво относиться къ миеологическимъ статьямъ. При такихъ условіяхъ, наступившихъ для русскаго общества и, въ особенности, для печати послѣ 1848 г., Аѳанасьевъ заноситъ въ свой дневникъ слѣдующія строки:

«Современный литераторъ, принимаясь за перо, уже напередъ чувствуетъ надъ собою роковое дѣйствіе цензуры; желая высказать свою мысль такъ, чтобы она прошла въ цензурныя ворота безъ препятствій, онъ уже напередъ творитъ надъ нею насиліе; придумываетъ ей сколько возможно болѣе увертливую форму, облакаетъ ее въ не совсѣмъ ясныя фразы, и оттого-то вчастую яркая, живая мысль обращается въ загадочный намекъ; краски сами собою стираются... Жалуются на бѣдность и безцвѣтность нашей литературы; но можно ли рисовать полныя жизни и яркости картины, находясь въ положеніи соловья, пѣніе котораго хотѣла послушать кошка въ баснѣ Крылова».

Приведенные факты и размышленія Аѳанасьева по ихъ поводу составляютъ лучшій отвѣтъ на тѣ обвиненія въ малой содержательности, въ приверженности къ голому факту, въ робости мысли и бѣдности общихъ выводовъ, которыя нерѣдко возводила на историко-литературныя изслѣдованія публицистика въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ. Не говоря уже о прямой научной пользѣ начатыхъ въ 40-хъ годахъ

детальных фактических разработок, всей важности которых не хотѣла, а отчасти еще и не успѣла увидать и оцѣнить эта публицистика, условія, при которыхъ приходилось работать, ставить совершенно вѣея нападокъ такихъ серьезныхъ дѣятелей, какъ Аѳанасьевъ, не избѣжавшій какъ разъ подобныхъ упрековъ со стороны Добролюбова за свою работу о сатирическихъ журналахъ. Статьи и изслѣдованія Аѳанасьева помимо строгаго фактическаго изученія всегда отличались присутствіемъ серьезной мысли, и не его вина, если иногда «живая мысль обращалась въ блѣдный намекъ и яркія краски стирались сами собой» еще раньше, чѣмъ попадали въ суровыя объятія цензуры. Главное его сочиненіе по исторіи литературы XVIII в., «Сатирическіе журналы», до сихъ поръ считается одной изъ основныхъ книгъ по этому вопросу и нельзя не выразить желанія, чтобы какъ оно, такъ и его журнальныя статьи по XVIII вѣку были изданы вмѣстѣ и стали доступны для всѣхъ, интересующихся прошлой литературой.

Мы не станемъ входить въ разборъ трудовъ Аѳанасьева по миѳологіи, отсылая къ прекрасной оцѣнкѣ ихъ въ «Исторіи русской этнографіи» А. Пыпина (т. II, стр. 110—12); собранію сказокъ ниже посвящена особая глава; намъ остается сказать объ изданіи «Легендъ» и о «Библиографическихъ Запискахъ».

Судьба «Легендъ» извѣстна. Этотъ чисто-научный сборникъ, половина котораго занята учеными примѣчаніями, вышель въ свѣтъ въ самомъ началѣ 1860 г., нѣсколько мѣсяцевъ спустя обратилъ на себя вниманіе властей и не былъ изъятъ изъ продажи только потому, что уже успѣлъ разойтись; его запрещено было повторять, и до сихъ поръ новаго изданія не было ¹⁾. Добавляемъ нѣкоторыя неизвѣстныя подробности. Необыкновенный успѣхъ книги, назначенной, главнымъ образомъ, для ученыхъ, 1200 экземпляровъ которой были расхвачаны почти въ три недѣли, былъ неожиданъ для самого автора. За книгу платили втрое, впятеро дороже; ее стремились читать даже дамы. Въ одномъ частномъ письмѣ Аѳанасьевъ объясняетъ это явленіе двумя причинами: во-1-хъ, доселѣ ничего подобнаго въ печать не пропускалось, во-2-хъ, разнесся слухъ, что если книга и не запрещена еще, то непременно будетъ запрещена. «А вы знаете,—пишетъ онъ,—какъ человѣчество падко на все запретное. Я убѣжденъ, что на Руси самая плохая и либеральная книга можетъ имѣть успѣхъ, если только, хоть для шутки, подвергнуть ее запрещенію, и наоборотъ, самое умное и самое либеральное сочиненіе можетъ остаться едва замѣченнымъ, если только напередъ будетъ извѣстно, что оно не противно правительству». Книга, дѣйствительно, возбудила много толковъ, и въ теченіе фѳевраля, марта и апрѣля

¹⁾ Существуетъ лондонское изданіе. Запрещеніе книги вызвало появленіе въ Петербургѣ въ 1861 г. безсовѣстной поддѣлки, гдѣ легенды были искажены и обезображены.

въ Москвѣ ходили о ней разные слухи и пророчества; духовныя особы и «богомольныя старушки» московскихъ гостинныхъ отзывались о ней неодобрительно. Аванасьевъ замѣчаетъ: «Никакъ не могутъ понять, что въ этихъ народныхъ разсказахъ въ миллионъ разъ больше нравственности, чѣмъ въ проповѣдяхъ, преисполненныхъ школьной риторикой». Какъ бы то ни было, толки возымѣли свое дѣйствіе; противъ книги воздвигнуто было гоненіе въ Петербургѣ. Митрополитъ Григорій самъ напечаталъ въ «Духовной Бесѣдѣ» разборъ, гдѣ говорилъ, между прочимъ, что книга собрана человѣкомъ, забывшимъ дѣйствіе совѣсти, а издана раскольникомъ, не вѣдающимъ Бога ¹⁾).

Но главное нападеніе шло изъ Москвы. 19 апрѣля оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. А. П. Толстой обратился къ мин. нар. просв. Е. П. Ковалевскому съ слѣдующимъ письмомъ: «По поводу изданной ²⁾ въ Москвѣ цензоромъ Наумовымъ книги г. Аванасьева подъ заглавіемъ «Народныя русскія легенды» высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ обратился ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ изъяснилъ, что въ книгѣ сей часто говорится о Христѣ и святыхъ, и потому свѣтская цензура должна была бы посовѣтоваться съ духовною, но сего не сдѣлала; что къ имени Христа Спасителя и святыхъ въ сей книгѣ прибавлены сказки, оскорбляющія благочестивое чувство, нравственность и приличіе, и что необходимо изыскать средство къ охраненію религіи и нравственности отъ печатнаго кощунства и поруганія, тѣмъ болѣе, что книга г. Аванасьева, къ прискорбію, не есть единственный примѣръ дѣйствіи цензуры недозволительнаго ³⁾. Между тѣмъ въ Москвѣ уже съ марта готовилось 2-е изданіе «Легендъ»; но цензоръ Драшусовъ, напуганный толками медлилъ съ разрѣшеніемъ, выжидая, чѣмъ кончится дѣло. Наконецъ новое изданіе было изготовлено и уже отпечатано, но ему не суждено было выйти въ свѣтъ ⁴⁾).

Извѣстно, что народные разсказы, связанные съ христіанскими вѣрованіями, неразрывно сплетены съ древней нашей письменной литературой, что легендарный и апокрифическій характеръ носить на себѣ весьма многіе памятники религіознаго содержанія; всякому, знакомому сколько-нибудь съ дѣломъ, очевидно, что безъ легендъ и апокрифовъ невозможно изучать древнерусское просвѣщеніе. Естественно, что сборникъ Аванасьева вовсе не былъ единичнымъ явленіемъ въ нашей наукѣ; и раньше и одновременно съ нимъ появлялось множество подобнаго матеріала въ различныхъ изданіяхъ ⁵⁾; наконецъ и въ 1860, и въ 1861,

¹⁾ Указаніе взято изъ письма Аванасьева; раскольникъ—Солдатенковъ. ²⁾ Т.-е. пропущенной. ³⁾ Письмо сообщено было намъ кн. Н. В. Шаховскимъ. ⁴⁾ Издателю, впрочемъ, были возвращены всѣ расходы. (Авторъ не получилъ ничего.) ⁵⁾ Укажемъ, напр., на статью Буслаева 1861. (Очерки, т. I, стр. 401—454), гдѣ онъ приводитъ цѣлый рядъ легендъ, между прочимъ изъ Аванасьевскаго сборника. Имѣя, очевидно, въ виду печальную его судьбу, Буслаевъ говоритъ слѣдующія прекрасныя слова: «Безусловно осуждать народные вымыс-

и въ слѣдующіе годы появились такого рода матеріалы, сборники и статьи, къ которымъ могъ Филаретъ обратить свои слова съ меньшимъ правомъ: запретить все это — значило запретить всякія изслѣдованія прошлаго духовнаго развитія русскаго народа. Такимъ образомъ и тогда кара, постигшая «Легенды», была случайностью ¹⁾. Такой же случайностью, несомнѣнно, является лежащій на нихъ запретъ теперь ²⁾, когда изданіе въ научныхъ цѣляхъ «двоевѣрныхъ» народныхъ произведеній широко развилось и никѣмъ не разсматривается, какъ оскорбленіе религіи или нравственности.

Въ 1858 и 1859 гг. Аѳанасьевъ издавалъ журналъ «Библіографическія Записки». Издателемъ ихъ былъ Н. М. Щепкинъ, сынъ извѣстнаго артиста, но фактически все дѣло велось Аѳанасьевымъ, хотя онъ и не былъ названъ на обложкѣ журнала. Изданіе это давало больше, чѣмъ обѣщало его заглавіе; кромѣ чисто библіографической части, всегда умѣло и интересно составленной, здѣсь впервые появилось много важныхъ матеріаловъ для біографіи и для полнаго собранія сочиненій нашихъ писателей XVIII и XIX в.: Кантемира, Ломоносова, Фонвизина, Новикова, Карамзина, Жуковскаго, Баратынскаго, Батюшкова, Полежаева, Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей «Библіографическія Записки» давали такія крупныя и существенныя дополненія, безъ которыхъ и сочиненія писателя и его личность представлялись далеко не въ истинномъ свѣтѣ. Около Аѳанасьева и его журнала собралось много ученыхъ, любителей и знатоковъ литературы настоящей и прошлой и записныхъ библіографовъ и библіофиловъ. Здѣсь въ разное время работали: Геннади, Полторацкій, Соболевскій, П. А. Ефремовъ, Гротъ, Пекарскій, Кулишъ, Соловьевъ, Тихонравовъ, А. Н. Пы-

лы въ грубости и нелѣпости очень легко съ высоты нашихъ мнимыхъ просвѣщенныхъ взглядовъ и съ точки зрѣнія чопорныхъ условныхъ приличій. Для такого бездоказательнаго осужденія нужно только какъ можно меньше знать убѣжденія и вѣрованія простаго народа и древнерусскую литературу. Оттого-то мнимо просвѣщенное невѣжество такъ падко на осужденія, оскорбительныя для русской народности. Но когда будетъ указано, что эти народные вымыслы коренятся на многовѣковыхъ преданіяхъ народной жизни, и что въ нихъ выражается не только вліяніе нашей древней письменности, но и самая духовная жизнь народа со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, тогда эти вымыслы должны будутъ обратить на себя болѣе серьезное вниманіе всякаго благомыслящаго человѣка. Правда, что въ нихъ много нелѣпаго; но вѣдь это не книга, не вещь какая-нибудь, которую можно сжечь или какимъ другимъ способомъ уничтожить; это понятія и убѣжденія, думы и гаданія самаго народа во всей ихъ наивной наготѣ, переданныя въ словѣ. Жили они въ устахъ многихъ поколѣній и благополучно дожили до нашихъ временъ, когда чловѣколюбіе и наука по достоинству оцѣнили ихъ высокое значеніе для исторіи чловѣчества».

¹⁾ О томъ, что дѣлалось въ Петербургѣ по части цензуры въ 1859 и 1860 гг., см. Дневникъ Никитенко, т. II, особенно стр. 120, 130—131, 133—148, 160, 163—167, 169—171. ²⁾ Писано въ 1897 г.

пинъ, Л. Н. Майковъ, И. Е. Забѣлинъ, Е. И. Якушкинъ и др. Съ одними Аванасьевъ былъ въ давнихъ связяхъ знакомства или дружбы (Якушкинъ, Ефремовъ, Забѣлинъ, Тихонравовъ), другіе охотно примыкали къ журналу, въ серьезности котораго имя Аванасьева было надежнымъ ручательствомъ. Журналъ, служба чисто научнымъ цѣлямъ, велся въ то же время живо, разнообразно, интересно, и многія статьи его и сейчасъ не потеряли своего значенія. Есть рядъ указаній на то, что ходъ изданія затруднялся цензурными стѣсненіями; такъ, мы знаемъ, что въ 1858 году цензору и издателю было сдѣлано строгое замѣчаніе министра народнаго просвѣщенія за помѣщеніе нѣкоторыхъ стихотвореній и писемъ Пушкина; это замѣчаніе цензура припомнила годъ спустя при разрѣшеніи Исаковского изданія Пушкина ¹⁾.

«Библиографическія Записки» не были достаточно поддержаны публикой; это обстоятельство въ связи съ цензурными затрудненіями, а главное полный недостатокъ времени для своихъ ученыхъ работъ побудили Аванасьева прервать изданіе черезъ два года. Въ 1861 году журналъ сталъ выходить снова, но уже при ближайшемъ участіи В. Касаткина; онъ сталъ менѣе интересенъ и просуществовалъ лишь годъ.

Изданіе подобнаго журнала и сообщеніе имъ большого количества новыхъ матеріаловъ по исторіи литературы оказалось возможнымъ, благодаря главнымъ образомъ тому, что самъ Аванасьевъ и нѣкоторые изъ его друзей и знакомыхъ обладали очень обширными библіотеками и притомъ особаго характера. Всѣ они въ большей или меньшей степени были библіофилами-собираателями или, по крайней мѣрѣ, соединяли эти интересы съ чисто научными стремленіями. Такое соединеніе интересовъ, какъ уже не разъ указывалось, составляетъ драгоцѣнное свойство нашихъ ученыхъ, вызываемое и поддерживаемое особыми условіями русскаго просвѣщенія. Если при изученіи древне-русской литературы коллекціонерство часто прямо необходимо, благодаря ея рукописному (даже до XIX в.) характеру и все еще мало извѣстной наличности, то не надо забывать, что и печатныя книги вплоть до нашихъ дней вчистую становятся библиографической рѣдкостью черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ (и вовсе не всегда потому, чтобы ихъ нарасхватъ покупали). Наконецъ вспомнимъ, что, благодаря цензурнымъ условіямъ дореформенной эпохи, русское общество даже текстъ лучшихъ своихъ писателей долго имѣло въ неполномъ или прямо изуродованномъ видѣ и должно было заводить рукописныхъ Пушкиныхъ, Лермонтовыхъ, Гоголей, Радищевыхъ, Щербатовыхъ, Болотовыхъ и, пожалуй, даже Флетчеровъ. Понятно, что всякій, изучавшій литературу научно или просто интересовавшійся ею, волей-неволей обращался въ собирателя книгъ и рукописей, все равно—изучалъ ли онъ XII вѣкъ или XVIII и XIX столѣтія.

¹⁾ Исторія цензуры Скабичевского.

Въ Аванасьевѣ научные и собирательскіе интересы уживались вмѣстѣ точно такъ же, какъ въ Тихонравовѣ, Котляревскомъ, Забѣлинѣ и др. Онъ рано началъ составлять себѣ библіотеку и самоотверженно тратилъ на книги свои скудныя средства, еще будучи студентомъ; ему удалось скопить довольно крупную коллекцію книгъ, но особый характеръ, по-видимому, слабѣе выраженный у названныхъ выше ученыхъ, придавалъ его библіотекѣ богатый подборъ рукописныхъ литературныхъ произведеній за прошлое и текущее столѣтіе. Весь этотъ матеріалъ, неизданный по различнымъ, чаще всего цензурнымъ, причинамъ заботливо и усердно собирался имъ и съ немовѣрнымъ трудолюбіемъ переписывался въ цѣлые переплетенные сборники или томы. Этихъ томовъ (какъ помнитъ П. А. Ефремовъ) были у него десятки; изъ нихъ извлекалъ онъ иногда матеріалы для своихъ литературныхъ работъ и для «Библіографическихъ Записокъ» и далеко не исчерпалъ запаса; въ немногихъ сохранившихся томахъ и сейчасъ находятся цѣнныя дополненія или варианты къ сочиненіямъ Пушкина, Гоголя, Некрасова и др. Печальная участь постигла библіотеку Аванасьева. Послѣ разразившейся надъ нимъ грозы, стѣсненный матеріально, онъ не могъ уберечь ея въ цѣлости среди тревоженій послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни и долженъ былъ, скрѣпя сердце, продавать по частямъ лучшія изъ своихъ книгъ; остатки библіотеки были распроданы уже послѣ его смерти.

IV.

Усиленная работа послѣднихъ лѣтъ (журналь, нѣсколько выпусковъ сказокъ, легенды и рядъ журнальныхъ статей) такъ утомила Аванасьева, что онъ задумалъ провести лѣто 1860 года за границей, отдохнуть и набраться новыхъ силъ. Въ началѣ іюня онъ садится въ Петербургѣ на пароходъ до Штетина вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, художникомъ пейзажистомъ, В. Ѳ. Аммономъ. Въ три съ небольшимъ мѣсяца они побывали въ Германіи, Швейцаріи, Италіи, заглянули даже въ Лондонъ къ Герцену; Аванасьевъ искалъ въ этой поѣздкѣ исключительно освѣжающаго отдыха, въ которомъ такъ нуждался. Свои путевыя впечатлѣнія онъ излагалъ въ цѣломъ рядѣ большихъ писемъ къ роднымъ.

Несмотря на туристскій характеръ поѣздки и неизбѣжную бѣглость впечатлѣній, письма эти читаются съ интересомъ: въ нихъ сказалась недюжинная личность Аванасьева съ его сильнымъ здравымъ смысломъ, живой наблюдательностью и мѣткимъ остроуміемъ. Здѣсь просто, но свѣжо переданы искреннія впечатлѣнія швейцарской и итальянской природы, а также памятниковъ искусства, которымъ Аванасьевъ умѣлъ наслаждаться во всѣхъ его формахъ; вѣрно и мѣтко подмѣчены черты нравовъ и быта. Мы не можемъ отдавать много мѣста выпискамъ изъ этихъ писемъ, но остановимся нѣсколько на его отзывахъ объ Италіи.

Господство католическихъ монаховъ, страшные поборы, грубость и бѣдность населенія, общій упадокъ и застой въ странѣ—эти подлинныя черты тогдашней Италіи—онъ открываетъ вокругъ себя повсюду и изображаетъ яркими, увѣренными штрихами. Его, какъ и П. Ковалевскаго, писавшаго около этого же времени объ Италіи, не разъ поражало сходство итальянскихъ нравовъ и народнаго быта съ русскими. Подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ условій народной жизни онъ иногда отказывается наслаждаться прелестью итальянской природы и главной поэтической чертой Италіи считаетъ загоравшееся тогда народное движеніе на югѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ бѣгства неаполитанскаго короля, объ управленіи котораго рассказываетъ со словъ итальянскихъ офицеровъ поразительныя вещи (напримѣръ, королевскіе принцы скупали въ странѣ хлѣбъ и продавали послѣ по высокой цѣнѣ); онъ, наконецъ, попалъ въ Неаполь, какъ разъ во время трехдневнаго народнаго праздника въ честь Гарибальди. Беремъ нѣсколько подробностей изъ писемъ, касающихся этого.

«И Флоренція и Пиза несутъ еще на себѣ яркіе признаки недавняго присоединенія къ Сардиніи. Всюду, на всѣхъ улицахъ и переулкахъ, видна на стѣнахъ домовъ одна и та же крупная надпись: *Viva Vittorio Manuelle nostro re!* Народъ сильно одушевленъ послѣдними событіями, которыя, безспорно, должны имѣть великое значеніе въ итальянской исторіи, и вѣрить въ ихъ счастливый исходъ. Гарибальди здѣсь—вполнѣ народный герой; о немъ говорятъ съ восторженнымъ одушевленіемъ, не допуская ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы онъ не взялъ съ боя Неаполя и не изгналъ святѣйшаго отца. Странствующие пѣвцы ходятъ по всей сѣверной Италіи, распѣвая подъ музыку, нарочно сложенные по поводу современныхъ политическихъ событій, свободные кантаты и гимны, въ которыхъ порядкомъ достается неаполитанскому королю и Австріи и высказываются некупленные похвалы Гарибальди и Виктору-Эммануилу, какъ защитникамъ итальянской свободы и единства. Толпа съ жадностью слушаетъ эти пѣсни и охотно раскупаетъ отдѣльные листки, на которыхъ онѣ печатаются для народа. Въ Аронѣ мы битый часъ слушали, какъ одинъ красивый старикъ со скрипкой въ рукахъ и синьорина съ гитарой пѣли намъ: *Canto dei Volontari Garibaldini nello sbarcare in Sicilia, Inno popolare del 1860* и другія пѣсни. Въ бытность нашу во Флоренціи получено было извѣстіе объ успѣшной высадкѣ Гарибальди въ Калабрию и о взятіи имъ нѣсколькихъ неаполитанскихъ судовъ, и въ то же утро всѣ дома были убраны цвѣтными знаменами или значками, вывѣшенными изъ оконъ; простой народъ замѣтно былъ обрадованъ. Вотъ въ чемъ поэтическая черта Италіи въ настоящее время, и если ужъ неперемѣнно надо восхищаться Италіей, то я на свою долю возьму эту сторону».

Передъ Неаполемъ. «Папско-кардинальское управленіе лежитъ тяжелымъ гнетомъ на народѣ; табакъ и соль на откупъ, всюду заве-

дены лотереи, разоряющія всѣхъ обманчивой надеждой на выигрышъ; администрація продажная. Слава Богу, кажется, наступаетъ папству конецъ; сосѣдь его и пріятель, неаполитанскій король уже покончилъ свою политическую роль. Подъѣзжая къ неаполитанской границѣ, мы встрѣтили нѣсколько его каретъ и лошадей, отправленныхъ въ Римъ на храненіе. Далѣе, по дорогѣ тянулись навстрѣчу намъ королевскіе солдаты съ обозами и пушками; задумчиво и угрюмо посматривали они по сторонамъ; тутъ мы узнали, что король бѣжалъ въ Гаэту, а въ Неаполь въ пятницу вступилъ Гарибальди».

Изъ Неаполя. «Мы пріѣхали сюда въ воскресенье, — это былъ третій день пребыванія здѣсь Гарибальди, и такъ какъ этотъ день самъ по себѣ свободный, и время послѣ вчерашняго дождя стояло великолѣпное, — то народное празднованіе достигло самыхъ поражающихъ размѣровъ. Этого дня я никогда не забуду. Такого полного, чуждаго всякой официальной приправы, общаго восторга я никогда не видалъ прежде. Весь огромный городъ блестѣлъ трехцвѣтными знаменами и значками съ изображеніями Виктора-Эммануила и Гарибальди; они выставлялись изъ всѣхъ оконъ, изъ всѣхъ балконовъ и этажей, сверху донизу; при взглядѣ изъ одного конца улицы на другой они представлялись цѣлымъ садомъ взаимно перекрещивающихся цвѣтовъ. На многихъ знаменахъ можно было читать надпись: Viva Garibaldi! Viva Italia! Мы тотчасъ же отправились на главную улицу Толедо; вся она съ самаго полудня была загромождена экипажами и народомъ. Больше всего толпился народъ на площади у принцева дворца, въ которомъ остановился Гарибальди, и ожидалъ его выѣзда. Онъ долженъ былъ выѣхать въ 5 час. для осмотра войскъ; потолкавшись въ толпѣ, мы воротились на это мѣсто къ 5 часамъ и едва могли пробиться впередъ. Гарибальди выѣхалъ въ сопровожденіи своихъ офицеровъ въ коляскѣ; одѣтъ онъ былъ въ свой обыкновенный красный костюмъ (нѣчто въ родѣ рубахи или блузы); этотъ костюмъ носятъ и всѣ его волонтеры. Голова его была открыта (круглая итальянская шляпа съ перомъ была въ рукахъ); лицо его выразительное, съ окладистой русой бородой, и отличается необыкновеннымъ добродушіемъ; любовь и ласка такъ свѣтятся въ его глазахъ. Фотографическіе портреты очень сходно передаютъ его черты. Какъ только показалась его коляска, всѣ сняли шляпы; и площадь и вся безконечная длинная улица огласились громовыми рукоплесканіями и восторженнымъ крикомъ: «Viva Garibaldi! Рукоплесканія и крики провожали героя по всему пути; ими же онъ былъ встрѣченъ и по возвращеніи назадъ. Вечеромъ многоэтажные дома Неаполя освѣтились плашками и разноцвѣтными фонарями; но блистательнѣе другихъ улицъ иллюминирована была Толедо; на ней до глубокой ночи продолжалось гулянье, веселымъ характеромъ напоминавшее карнавалъ: открытыя коляски двигались по обѣимъ сторонамъ улицы одна за другою; тротуары и балконы

были биткомъ набиты населеніемъ цѣлаго города и его окрестностей; на всѣхъ видны были кокарды. Многія коляски везли съ собою зажженные факелы, потрясая ими въ воздухъ; на другихъ высоко стояли молодыя красавицы Неаполя, съ трехцвѣтной перевязью черезъ плечо и со знаменемъ итальянской свободы въ рукахъ. Смѣло онѣ поднимали вверхъ это знамя и восторженно восклицали: *Una Italia!* Ихъ очаровательная красота, блестящія черныя очи и видимое упоеніе праздникомъ обаятельно дѣйствовали на массы: гдѣ онѣ показывались, тамъ сильнѣе раздавались клики и рукоплесканія. *Una Italia! Viva Garibaldi, nostro liberatore!* неумолкаемо звучали на всѣхъ мѣстахъ гульбища и нерѣдко возвышались до страшно потрясающаго гула. Ими привѣтствовали знакомые и незнакомые другъ друга, ими сопровождалась каждая процессія, а такихъ прошло по улицѣ нѣсколько, между двумя рядами экипажей: тутъ торжественно прошли ряды волонтеровъ Гарибальди и національной гвардіи, освобожденные политическіе преступники и процессія съ портретами Гарибальди и Виктора-Эммануила; самыя дѣти тѣмъ же именемъ привѣтствовали всякаго во всѣхъ переулкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышалось пѣніе итальянскаго національнаго гимна. Все это произвело на меня глубокое впечатлѣніе... Имя Гарибальди пользуется здѣсь такой популярностью, выше которой я представить не могу; я самъ видѣлъ, какъ многіе, проходя мимо его портрета, выставленнаго у дома національной гвардіи, останавливались и цѣловали изображеніе любимаго героя. Декреты его читаются и перечитываются съ радостнымъ чувствомъ. Между прочими его распоряженіями замѣчательно изгнаніе іезуитовъ».

Отдохнувшій, бодрый и веселый, набравшись сильныхъ и освѣжительныхъ впечатлѣній, вернулся Аванасьевъ осенью въ Москву, въ свой Архивъ, къ своимъ ученымъ трудамъ. Зима эта и слѣдующая прошли въ обработкѣ послѣднихъ выпусковъ сказокъ, въ журнальной работѣ. Но спокойные дни его уже были сочтены. Въ 1862 году однажды ночью къ нему явилась съ обыскомъ полиція, перерыла его библіотеку, забрала бумаги и удалилась. Ничего вреднаго не нашли въ его ученыхъ трудахъ и выпискахъ, и всѣ они были возвращены Аванасьеву. Но нѣсколько времени спустя оказалось, что хотя не было никакихъ причинъ возбуждать противъ него преслѣдованіе, тѣмъ не менѣе оставаться въ Архивѣ и впредь поступать на государственную службу ему было воспрещено. Подробности этой печальной исторіи выясняются изъ разсказа А. Пыпина ¹⁾ и словъ П. Ефремова ²⁾.

Аванасьевъ долженъ былъ пострадать за то, что къ нему, по словамъ П. Ефремова, «не ждано, не гадано на нѣсколько минутъ явился В. Кельсіевъ», эмигрантъ, тайкомъ пріѣхавшій въ 1862 г. въ Россію

¹⁾ Сочиненія А. Котляревскаго, т. IV, стр. XXVII—XXXI. ²⁾ Некрологъ Аванасьева въ «Русск. Старинѣ» 1872 г., № 5, стр. 787—790.

изъ Лондона. Какъ говорить А. Пышинъ, «Кельсіевъ, попавъ въ Лондонъ, сталъ эмигрантомъ и началъ своеобразную дѣятельность, предметомъ которой былъ расколъ. Его идеи приняли странное фантастическое направленіе: не имѣя никакого точнаго представленія о дѣлѣ, онъ полагалъ, что расколъ можетъ стать политической силой, что нужно возбудить въ немъ движеніе, и въ будущемъ ему чудилась картина религіозно-свободной народной жизни, — картина, для которой расколъ не давалъ въ дѣйствительности никакого матеріала» ¹⁾. Цѣль его пріѣзда въ Москву была завязать сношенія преимущественно съ старобрядцами (это, какъ и слѣдовало ожидать, ни къ чему не привело), но Кельсіевъ побывалъ также у двухъ-трехъ писателей, занимавшихся изученіемъ народной жизни. Пробывъ всего нѣсколько дней, онъ опять уѣхалъ за границу и оттуда прислалъ кому-то изъ московскихъ знакомыхъ письмо, гдѣ описывалъ свои московскіе визиты и назвалъ нѣсколько фамилій. Письмо сдѣлалось извѣстнымъ, и относительно всѣхъ названныхъ тамъ лицъ были приняты мѣры. Кромѣ Аѳанасьева тогда былъ заподозрѣнъ и А. Котляревскій, который поплатился не только запрещеніемъ служить, но и полугодовымъ лишеніемъ свободы.

Фантастичность самаго дѣла Кельсіевского и странность самой идеи соединить научную серьезность Аѳанасьева съ политической пропагандой среди раскольниковъ обнаружилась, очевидно, съ первыхъ же шаговъ слѣдствія, но, повторяемъ, на судьбѣ уважаемаго ученаго это оставило роковой отпечатокъ. Лишившись службы, онъ сталъ испытывать матеріальныя затрудненія (въ это время у него была уже семья); началось исканіе занятій, странствованіе по плохимъ московскимъ квартирамъ, заботы и огорченія. Три или четыре года бился онъ, не находя занятій, пока не поступилъ секретаремъ въ думу, откуда затѣмъ перешелъ въ мировой съѣздъ и, наконецъ, менѣе чѣмъ за годъ до смерти, въ Коммерческій банкъ; эти занятія или недостаточно обезпечивали его матеріально или требовали чуть ли не всего его времени. Нужно удивляться твердости его духа: среди такихъ тяжелыхъ обстоятельствъ онъ нашелъ силы продолжать свои ученые работы, окончить сказки, приготовить новое ихъ изданіе, написать рядъ статей въ журналы, а главное—переработать, закончить и издать свой громадный трудъ по міеологіи («Поэтическія воззрѣнія»), обнимающій въ трехъ огромныхъ томахъ до 150 печатныхъ листовъ. Онъ крѣпился вначалѣ, писалъ пріятелямъ, что прекращеніе службы имѣетъ свою хорошую сторону, давая ему возможность заниматься учеными изслѣдованіями; но испытаніе тяжело отозвалось на немъ. Изъ его писемъ съ этихъ поръ почти совсѣмъ исчезаетъ шутливый, остроумный тонъ, который онъ любилъ и которымъ умѣлъ владѣть, а одинъ некрологъ за-

¹⁾ Біографія А. Котляревскаго, стр. XXIX.

мѣчаетъ, что его живой, свѣтлый характеръ въ эту пору сдѣлался подчасъ скрытнымъ, безпокойнымъ ¹⁾.

Положеніе Аѳанасьева въ ученѣмъ кругу и уваженіе къ его заслугамъ въ это время достигаютъ своего апогея. Прежде всего, труды его получаютъ научное признаніе. Императорское Географическое Общество, какъ бы въ отвѣтъ на запрещеніе «Легендъ», въ декабрѣ 1860 года награждаетъ его за нихъ ²⁾ золотою медалью; затѣмъ Академія Наукъ присудила ему въ 1865 г. Демидовскую премію за сказки ³⁾, а въ 1867 и 1870 годахъ двѣ Уваровскія преміи — за I-й и за II-й съ III-мъ томы «Поэтическихъ воззрѣній ⁴⁾. Имя его было не безъизвѣстно за границей. Сказки (первые выпуски) привлекли вниманіе Я. Гримма, и онъ въ концѣ 50-хъ годовъ говорилъ о нихъ въ Берлинѣ одному молодому русскому, впоследствии извѣстному собирателю, П. В. Шейну и взялъ съ него слово по возвращеніи въ Россію свезти Аѳанасьеву его привѣтствіе (слышано лично отъ П. В. Шейна). Точно такъ же миеологическія изслѣдованія Аѳанасьева зналъ и цѣнилъ В. Маннгардтъ, ведшій съ нимъ переписку и черезъ него сносившійся съ вновь открытымъ въ Москвѣ Археологическимъ Обществомъ ⁵⁾.

Въ Москвѣ Аѳанасьевъ продолжалъ неизмѣнно пользоваться высокою ученою и личною репутаціей, которая давно за нимъ установилась; онъ былъ въ пріязненныхъ или дружескихъ отношеніяхъ со всѣми лучшими представителями образованнаго общества и университета, особенно по предметамъ его занятій. Мы называли выше нѣсколько ученыхъ, ближе стоявшихъ къ его журналу; добавимъ, что и рѣдко встрѣчавшіеся съ нимъ сохранили о немъ прекрасную память, какъ Л. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ. Къ только что упомянутому Археологическому Обществу Аѳанасьевъ примкнулъ при самомъ открытіи его въ октябрѣ 1864 г. и былъ тогда же избранъ членомъ редакціоннаго комитета; кромѣ того, въ 1868—69 гг. онъ былъ товар. секретаря; имъ сдѣлано было нѣсколько сообщеній, одно изъ которыхъ напечатано въ «Трудахъ» Общества. Хотя Кавелинъ и говорилъ нѣкогда Аѳанасьеву, что онъ имѣетъ склонность стать археологомъ, это не сбылось, и занятія Аѳанасьева лишь изрѣдка прямо соприкасались съ археологіей. Это не мѣшало ему интересоваться дѣлами Общества и развитіемъ самой науки; точно такъ же ничто не мѣшало тому почтенному кругу ученыхъ, который сгруппировался тогда вокругъ гр. Уварова, съ уваженіемъ и радушіемъ видѣть Аѳанасьева въ своей средѣ.

¹⁾ См. некрологъ З. К. ²⁾ Въ официальномъ извѣщеніи отъ 31 дек. за № 1564 сказано: «за изданіе вами русскихъ пѣсенъ (?) и легендъ». ³⁾ XXXIV присужденіе. Рецензія О. Миллера. ⁴⁾ X и XIV (XIII?) присужденія. Обѣ рецензіи А. Котляревскаго. ⁵⁾ Письма Маннгардта и вѣнскаго ученаго Фейфалика изданы нами въ «Этнографич. Обзорѣніи», кн. XXXIII; см. тамъ нѣкоторыя подробности о заграничныхъ сношеніяхъ Аѳанасьева.

Но въ Москвѣ были элементы и другого рода. Среди любителей и изслѣдователей старины было—скажемъ словами современника, приведенными г. Пыпинымъ въ биографіи Котляревскаго—«немало одряхлѣвшихъ обломковъ времянъ очаковскихъ, уцѣлѣвшихъ отъ дореформеннаго періода»; въ этой средѣ до конца 60-хъ годовъ жили, сохраняясь еще отъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, очень малонаучные приемы изслѣдованія, а взгляды на старину представляли нестройную, хаотическую смѣсь сентиментальности, искреннихъ славянофильскихъ увлеченій и официально-народной программы Николаевской администраціи. Отсюда можно было уже наканунѣ 70-хъ годовъ услышать безсильно желчныя возгласы неудовольствія противъ «нѣмецкихъ теорій» объясненія народной мифологіи, противъ самаго желанія искать мифологіи въ русскихъ пѣсняхъ—возгласы, какъ будто по прямому наслѣдству шедшіе отъ тѣхъ времянъ, когда Сахаровъ всячески ухищрялся смыть съ нашихъ предковъ «позорную язву многобожія». Было время, когда такіе элементы охотнѣе всего группировались около Общества любителей словесности; это было въ предсѣдательство Погодина при секретарѣ Лонгиновѣ, либеральный плащъ котораго уже начиналъ плохо прикрывать его реакціонерскія и администраторскія вождельнія. Здѣсь пытались однажды выразить неодобреніе и учинить неприятность А. Котляревскому (въ нѣкоторой связи съ Кельсиевскимъ дѣломъ); здѣсь же косо смотрѣли и на Аванасьева ¹⁾.

Но уже недалеко было время, когда самый вопросъ о пріятности или неприятности жизни становился празднымъ; болѣзнь быстрыми шагами приближалась къ Аванасьеву. Кашель, который усиливался только зимой и, повидимому, не очень заботилъ больного даже осенью 1870 г., превратился въ злую чахотку; лѣто 1871 г. Аванасьевъ провелъ подъ Самарой въ кумысномъ заведеніи, совсѣмъ больной, раздражаясь порядками нашихъ лѣчебныхъ мѣстъ. Черезъ два мѣсяца по возвращеніи въ Москву его не стало; онъ скончался въ ночь на 23 сентября. Его могила на Пятницкомъ кладбищѣ помѣщается въ одной общей оградѣ съ могилами М. С. Щепкина, Грановскаго и его жены, Н. Кетчера и нѣкоторыхъ другихъ.

¹⁾ Когда въ 1864 году уѣхалъ въ западный край на службу П. Безсоновъ, издатель пѣсенъ Кирѣевского, то продолжать изданіе было поручено Аванасьеву; по крайней мѣрѣ, объ этомъ, какъ о положительномъ фактѣ, говоритъ О. Миллеръ въ своей рецензіи на сказки. Дѣло это не состоялось, почему—исторія умалчиваетъ. Мы не знаемъ подробностей, но, зная тогдашнее направленіе этого кружка, легко можно себѣ представить, что Аванасьевъ могъ быть сочтенъ неудобнымъ не только по несогласію научныхъ взглядовъ. Исторія эта нуждается въ разъясненіи, но много могло произойти удивительнаго въ то время великаго шатанія умовъ. Такія отношенія могли, конечно, подбавлять горечи въ послѣдніе годы жизни Аванасьева, но, повторяемъ, они тонули въ уваженіи, которое встрѣчалъ онъ въ большинствѣ своихъ ученыхъ и жизненныхъ связей.

Смерть его, говорятъ, прошла мало замѣтно въ Москвѣ и въ Петербургѣ; даже газетныя извѣстія были скудны и запоздалы. (Утверждаютъ, что одна изъ московскихъ газетъ даже отказалась помѣстить некрологъ.) По крайней мѣрѣ, авторъ некролога въ «Русской Старинѣ» 1872 г., П. А. Ефремовъ, хорошій знакомый Аѳанасьева, говоритъ, что русскія газеты опередилъ англійскій Academy, гдѣ извѣстный знатокъ русской литературы, W. Ralston, лично знавшій Аѳанасьева, напечаталъ очень сочувственный отзывъ (приведенный г. Ефремовымъ).

Приводимъ личную характеристику Аѳанасьева, сдѣланную по нашей просьбѣ лицомъ, близко знавшимъ его въ теченіе 25-лѣтняго знакомства.

«А. Н. Аѳанасьевъ былъ способенъ къ дружескимъ, интимнымъ сношеніямъ и любилъ общество, гдѣ могъ быть непринужденнымъ и говорить искренно. Шутя, говорили о немъ друзья, что онъ былъ весь нараспашку, что подходило къ его живымъ, развязнымъ движеніямъ и быстрой, небрежной походкѣ. Говорили также объ его доброй, «голубиной» натурѣ. Искренность, прямота были его отличительными чертами и въ концѣ жизни приняли нѣкоторую рѣзкость при его разстроенномъ здоровьѣ. Къ людямъ онъ относился участливо, и такое же теплое чувство питалъ онъ къ русскому народу, который изучалъ въ его сказкахъ, пѣсняхъ и вѣрованіяхъ. Аѳанасьевъ живо относился къ сказкѣ; онъ видѣлъ въ ней доброе направленіе народа, требованія справедливости, идеалы добра. У А. Н. у самого были великія требованія справедливости, добра; его возмущалъ каждый обманъ, онъ осмѣивалъ мелкую нечестность. Осмѣивалъ Аѳанасьевъ весело, шутливо, шутка ему удавалась; онъ писалъ легко и небольшія стихотворенія, заключавшія въ себѣ шутливыя эпиграммы. Онъ горячо относился къ литературнымъ новостямъ и спѣшилъ сообщить о нихъ друзьямъ. Для характеристики его вкуса приведу его отзывы о Гоголѣ и Тургеневѣ. Аѳанасьевъ высоко цѣнилъ Гоголя: «все у него такъ широко, мѣтко и глубоко!» говорилъ онъ; «а у Тургенева такая мелкая кисточка!» Въ семейномъ и дружескомъ кружкѣ Аѳанасьевъ былъ всегда веселъ, остроуменъ и неутомимо занималъ общество, что выходило у него совершенно непринужденно и естественно.—Лѣтомъ, когда онъ гостилъ на дачѣ у своихъ друзей, онъ любилъ прогулки, много ходилъ и принималъ участіе въ дѣтскихъ играхъ; дѣтей онъ очень любилъ, и дѣти любили его за веселость и какъ автора ихъ любимыхъ сказокъ. Такъ, проводя одинъ лѣтній мѣсяцъ въ деревнѣ у Н. М. Щепкина, Аѳанасьевъ вмѣстѣ съ дѣтьми предпринялъ издавать журналъ «Тимонинскій ¹⁾ Вѣстникъ», гдѣ онъ и дѣти помѣщали всѣ новости дня, происшествія и ссоры дѣтей. Дѣти очень оживлены были этимъ журналомъ и утромъ за чаемъ окружали Аѳанасьева, который читалъ журналъ вслухъ; статьи его заставляли

1) Тимонино — деревня Н. М. Щепкина.

всѣхъ смѣяться, но иногда кто-нибудь изъ дѣтей отходилъ угрюмо въ сторону, угадывая намекъ на себя; тѣнь неудовольствія скоро проходила, и дѣти снова окружали Аванасьева. Никто не могъ долго обижаться на него. Во все долготѣнее знакомство ни разу не пришлось услышать, чтобы кто-либо говорилъ объ Аванасьевѣ, не отдавая должнаго его уму, добротѣ и чистотѣ характера. Замѣчательно было и его трудолюбіе, которое онъ цѣнилъ и въ другихъ, какъ дорогое качество»¹⁾.

Кругъ его близкихъ знакомыхъ былъ невеликъ: Аванасьевъ не любилъ летучихъ знакомствъ и сходилъ не очень легко. Но близкими ему были семьи, игравшія тогда извѣстную роль въ передовой жизни Москвы 40-хъ и 50-хъ годовъ. Назовемъ прежде всего семью Щепкиныхъ, съ которыми рано познакомился Аванасьевъ и былъ друженъ до самой смерти; онъ часто видѣлъ М. С. Щепкина, помнилъ (и записывалъ) многіе его рассказы, часть которыхъ напечаталъ послѣ его смерти; съ сыномъ его (Н. М.) онъ вмѣстѣ велъ нѣсколько литературныхъ предприятий²⁾, и уже съ сыновьями Н. М. Щепкина онъ игралъ въ послѣдніе годы жизни. Семья М. С. Щепкина была въ разное время по родственнымъ или пріятельскимъ связямъ въ общеніи съ цѣлымъ кругомъ лицъ, извѣстныхъ въ литературѣ и общественной жизни: съ Гоголемъ, Грановскимъ, Станкевичами, Коршами, Кетчеромъ, Якушкиными и др. Аванасьевъ съ конца 40-хъ годовъ примкнулъ къ этому кругу, сойдясь съ одними болѣе, съ другими менѣе; въ традиціяхъ лучшихъ людей 40-хъ годовъ сложились его симпатіи и убѣжденія, къ которымъ влекли его благородная натура и горячее сердце. Мы указывали выше, что онъ не занималъ въ этомъ кругу выдающагося, виднаго положенія уже потому, что былъ моложе многихъ, а главное, потому, что его призваніемъ было работать перомъ. Но живость натуры въ немъ была большая, и общественный интересъ проявлялся ярко въ теченіе всей жизни. Кабинетный ученый трудъ и обширныя книжныя изысканія въ давно прошедшемъ нисколько не отчуждали его отъ современной жизни, и онъ горячо откликался на всякій важный вопросъ текущей дѣйствительности. Надо перечитать его письма къ знакомымъ, пробѣжать нѣсколько толстыхъ тетрадей его записокъ, и подивиться, какая масса фактическаго матеріала для характеристики тогдашней литературы и общественной жизни собрана здѣсь его не знавшей устали рукой, сколько мѣткихъ и серьезныхъ мыслей и очерковъ по современнымъ вопросамъ легло подъ его перомъ. Его Записки должны быть напечатаны цѣликомъ не только потому, что касаются интересной эпохи и содержатъ новые фактическіе матеріалы, но и потому, что представляютъ нерѣдко очеркъ того или другаго явленія, сдѣланный человѣкомъ совершенно определеннаго образа мыслей и полной самостоятельности въ сужденіяхъ; его

¹⁾ Изъ воспоминаній А. В. Щепкиной, жены Н. М. Щепкина, урожденной Станкевичъ. ²⁾ Альманахъ «Комета», «Библиографическія Записки».

отзывы можно иной разъ назвать пристрастными, но они никогда не бываютъ пошлы, избыты или неискренни.

Въ заключеніе приводимъ прекрасную характеристику Аѳанасьева, данную А. Н. Пыпинымъ.

«Аѳанасьевъ оставилъ по себѣ память безупречнаго человѣка, горячо преданнаго интересамъ науки, работавшаго для нея съ рѣдкимъ трудолюбіемъ, доходившимъ до самоотверженія, и вмѣстѣ принимавшаго къ сердцу живые вопросы общественной жизни. Воспитавшись въ просвѣщенномъ кругѣ 40-хъ годовъ, Аѳанасьевъ сохранялъ выработавшійся въ то время складъ понятій объ общественныхъ предметахъ: труды по археологій не сдѣлали его ни консерваторомъ ни національнымъ мистикомъ; его одушевляла мысль о просвѣщеніи и общественномъ благѣ народа, и кромѣ научнаго интереса, его изученія старины проникались стремленіемъ разъяснить внутреннюю жизнь народа, внушить къ ней любовь и уваженіе. То гуманно-поэтическое настроеніе, которое мы указывали у Гримма, какъ нравственное сопровожденіе научной теоріи, встрѣтилось и совпало у русскаго изслѣдователя съ его собственнымъ нравственнымъ содержаніемъ, воспитавшимся на лучшихъ стремленіяхъ нашихъ сороковыхъ годовъ ¹⁾).

V.

Трудно сказать точно, когда началъ Аѳанасьевъ интересоваться произведеніями народнаго творчества. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ 1847 года, будучи еще студентомъ 3 курса юридическаго факультета и думая о дорогѣ юриста, а не этнографа и словесника (болѣе, чѣмъ годъ спустя, близкій съ нимъ Кавелинъ, дружески обсуждая планы Аѳанасьева на будущее, все время говоритъ только о работахъ историко-юридическихъ), онъ уже имѣетъ собранный имъ запасъ пословицъ и поговорокъ, часть котораго передаетъ Далю, обѣщая въ будущемъ дополненіе ²⁾. Изъ этого же запаса, конечно, почерпнулъ Аѳанасьевъ и матеріалъ для статьи своей въ 1 т. архива Калачова (1850 г.) «Дополненія и прибавленія къ собранію русскихъ народныхъ пословицъ и притчей, изданному Снегиревымъ».

Такимъ образомъ, студентъ-юристъ, выступившій первый разъ въ печати съ статьей «Государственное хозяйство ³⁾ при Петрѣ Великомъ» («Соврем.» 1847 г.), собираетъ во время лѣтнихъ поѣздокъ на родину въ г. Бобровъ, Воронежск. губ., народныя пословицы. Оче-

¹⁾ «Исторія Русской Этнографіи», т. II, стр. 114. ²⁾ Даль (ответное письмо котораго сохранилось въ бумагахъ Аѳанасьева), обладавшій тогда запасомъ пословицъ «гораздо за десять тысячъ», нашель въ посылкѣ студента до тридцати, вовсе ему неизвѣстныхъ. ³⁾ Въ «Словарѣ» Венгерова и въ «Истор. Русск. Этнографіи» ошибкой напечатано «Государственное устройство».

видно, тогда же записывалъ онъ и сказки; въ первомъ выпускѣ сказокъ (1855 г.) нѣсколько №№ изъ Воронежскаго края записано имъ, а послѣ 1849 г. онъ, занятый службой и литературными работами, очень рѣдко бывалъ въ Бобровѣ. Есть, наконецъ, хотя скудные, указанія на собраніе имъ и пѣсенъ: въ 1851 году онъ мѣняется пѣснями и вариантами съ своими воронежскими знакомыми, Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ ¹⁾, а въ 1852 г. Срезневскій благодарить его за присылку словъ и пѣсенъ въ Акад. Наукъ.

Мысль объ изданіи сказокъ пришла, повидимому, впервые Аѳанасьеву въ 1851 году. Несомнѣнно, его долженъ былъ придвинуть къ народной сказкѣ рядъ статей, написанныхъ имъ въ теченіе 1850 — 51 годовъ; это были: «Дѣдушка домовой», «Колдовство на Руси въ старину», «Религіозно-языческое значеніе избы славянина», «Вѣдунъ и вѣдма», «Языческія преданія объ островѣ Буянѣ» и написанная въ половинѣ 1851 года большая статья «Зооморфическія божества у славянъ». Въ этихъ первыхъ своихъ мѣологическихъ работахъ Аѳанасьевъ съ разныхъ сторонъ подходилъ къ остаткамъ старинной нашей поэзіи, и его вниманія не могла не привлечь сказка, какъ разъ на рубежѣ 50-хъ годовъ впервые открывшая предъ глазами русскихъ ученыхъ весь блескъ своей мѣологической красоты въ трудахъ бр. Гриммовъ. Первоначальный планъ изданія былъ задуманъ именно въ тѣснѣйшей связи съ сборникомъ Гриммовъ и въ очень скромныхъ размѣрахъ. Приводимъ изложеніе этого плана въ письмѣ Аѳанасьева къ Краевскому, въ журналѣ котораго («Отеч. Зап.») тогда работалъ нашъ ученый.

14 августа 1851 года Аѳанасьевъ пишетъ: «Есть у меня одно предложеніе для вашего журнала. Не согласитесь ли вы удѣлить въ вашихъ «Запискахъ» мѣсто въ смѣси или другомъ отдѣлѣ для русскихъ народныхъ сказокъ; я думаю приготовить ихъ къ печати подъ именемъ «Лубошныхъ». Изданіе будетъ ученое, по образцу изданія бр. Гриммовъ. Текстъ сказки будетъ сопровождаться нужными филологическими и мѣологическими примѣчаніями, что еще больше дастъ цѣны этому матеріалу; кромѣ того, тождественныя сказки будутъ сличены съ нѣмецкими сказками по изданію Гриммовъ, и аналогическія мѣста разныхъ сказокъ указаны. Войдетъ сюда также сличеніе сказокъ и съ народными пѣснями. Изданію я предпослалъ бы небольшое предисловіе о зна-

¹⁾ Н. И. Второвъ и К. О. Александровъ-Дольникъ были мѣстными изслѣдователями Воронежскаго края. Они извѣстны изданіемъ «Воронежскихъ Актовъ». Александровъ-Дольникъ имѣлъ уже въ то время, какъ видно изъ письма, порядочное собраніе народныхъ пѣсенъ, сказокъ и пословиць (однѣхъ пѣсенъ у него было въ 1851 г. 223). Онъ же составлялъ словарь (какой именно — не говорится). Вѣроятно, сказки изъ этого собранія были переданы Аѳанасьеву (можетъ-быть, съ переѣздомъ Александрова-Дольника въ Москву въ 1854 г.). Второвъ уже въ 1856 г., получивъ первый выпускъ «Сказокъ», обѣщаетъ со временемъ прислать что-нибудь для этого изданія. Дѣйствительно, начиная съ 3-го вып. (1860), появляются сказки, доставленныя Второвымъ.

чені сказокъ и методѣ ихъ ученаго изданія. Одна сказка черезъ № или черезъ 2 №№, — смотря по возможности, — не займетъ въ журналѣ много мѣста. Притомъ предметъ этотъ далеко не чуждъ интереса. Что касается до условій, то я желалъ бы получить плату только за предисловіе и примѣчанія, текстъ сказки долженъ итти бесплатно; сверхъ того, я желалъ бы имѣть отъ 25 до 30 оттисковъ этого изданія отдѣльно. Что вы скажете на это?» Краевскій отвѣчалъ на предложеніе полнымъ согласіемъ, просилъ начать немедленно и замѣтилъ только, что: «кажется, лучше бы назвать ихъ просто *народными*», съ чѣмъ Аванасьевъ и согласился. Но предпріятіе не осуществилось въ то время потому, какъ пишетъ Аванасьевъ Краевскому, что, посовѣтовавшись и обдумавъ, онъ нашель, что размѣры и условія изданія будутъ не совсѣмъ отвѣчать требованіямъ журнала, и рѣшилъ напечатать сказки особенной книжкой.

За четыре года, отдѣляющіе эти извѣстія отъ выхода въ свѣтъ 1-го выпуска сказокъ, значительно возрасли матеріалы, которыми могъ располагать Аванасьевъ, и расширился самый планъ. Въ началѣ февраля 1852 г. Аванасьевъ, отъ имени этнографич. отдѣленія Географич. Общества, былъ предложенъ и избранъ въ члены, а 23-го февр., въ засѣданіи совѣта Общества, было постановлено передать въ его распоряженіе всѣ поступившія въ Общество сказки ¹⁾. Этотъ матеріалъ сильно раздвинулъ рамки изданія; онъ составляетъ приблизительно три четверти всѣхъ сказокъ, вошедшихъ въ первые три выпуска, т.-е. около 75 №№. Аванасьевъ такъ отзывается о немъ въ предисловіи къ 1-му выпуску: «Это прекрасное собраніе представляетъ много въ высшей степени любопытнаго. Многія изъ этихъ сказокъ записаны превосходно, съ удержаніемъ всѣхъ особенностей народнаго говора; другія, хотя и записаны языкомъ болѣе книжнымъ, нежели простонароднымъ, и не всегда грамотно, но чужды всякаго произвольнаго, нарочно придуманнаго искаженія». Объемъ комментарія къ сказкамъ тоже сильно рас-

¹⁾ А. Н. Пыпинъ высказываетъ предположеніе («Ист. Русск. Этногр.», I, 268), что эта передача состоялась подъ вліяніемъ убѣжденія Надеждина о необходимости раздробить обработку обильнаго этнографическаго матеріала, скопившагося въ Обществѣ, на нѣсколько отдѣльныхъ независимыхъ трудовъ. Въ дополненіе слѣдуетъ указать, что вниманіе этнографич. отдѣленія было обращено на Аванасьева несомнѣнно Кавелинымъ, соредакторомъ Надеждина по приготовлявшемуся тогда I. т. «Этнографическаго Сборника». Кавелинъ, узнавшій Аванасьева еще на студенческой скамьѣ, высоко цѣнилъ его знанія и серьезность, отдавалъ должное его первымъ работамъ по изслѣдованію народной старины, хотя и возставалъ противъ его миеологическихъ увлеченій, и глубоко симпатизировалъ Аванасьеву лично, съ свойственной ему сердечностью вникая въ ходъ его занятій и въ его жизненное положеніе. Все это ярко выступаетъ въ письмахъ Кавелина 1848—52 годовъ. Какъ разъ въ февраль 1852 г. Аванасьевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, пишетъ сестрѣ, что еще ближе сошелся съ Кавелинымъ и не забудетъ его участія и поддержки.

ширился. Въмѣсто сличенія лишь съ Гриммовскими сказками, о которыхъ говорить письмо къ Краевскому, первый выпускъ вводитъ помѣщенные 24 сказки сравнительно въ широкій кругъ сличенія: Гриммовскія сказки и саги, Норвежскія сказки Асбьернсена и Моэ, Романскія сказки изъ Буковины (изъ журнала Вольфа *Zeitschrift fur Deutsche Mythologie und Sittenkunde*), Пентамеронъ Базили, Валахскія сказки Шотта, Сербскія сказки Караджича и Польскія и юго-западныя сказки и повѣрья Войцицкаго (по сборникамъ Боричевскаго). Позднѣ этотъ кругъ еще болѣе расширился ¹).

Чтобы покончить вопросъ о составѣ сборника, приведемъ данныя, которыя удалось намъ собрать. Обыкновенно принято считать, что «Народныя русскія сказки» составились, *главнымъ образомъ*, изъ матеріаловъ Географическаго Общества. Это не вполне подтверждается пересмотромъ книги. Мы упомянули, что матеріалы Географич. Общества дали до 75 № въ первые три выпуска (1855 — 57 г.). Возможно, что и позднѣ Аванасевъ продолжалъ получать сказочный матеріалъ, накопившійся въ архивѣ Общества ²), но врядъ ли онъ былъ обилень, и во всякомъ случаѣ слѣды этого не ясны: съ одной стороны, само Общество, начавъ съ 1853 г. издавать «Этнографическій сборникъ», помѣщало тамъ и сказки ³), съ другой стороны, Аванасевъ измѣнилъ нѣсколько способъ изданія сказокъ, при чемъ за происхожденіемъ ихъ стало труднѣе слѣдить. (Объ этомъ скажемъ ниже). Но главной переѣмой была передача Аванасеву (около 1857 — 58 г.) огромнаго собранія сказокъ Далемъ. Это собраніе заключало въ себѣ болѣе тысячи списковъ (съ вариантами) ⁴). Изъ него Аванасевъ взялъ не менѣе 150 № (не считая вариантовъ) ⁵). Такимъ образомъ, «Русскія народныя сказки» съ большимъ правомъ могутъ считаться составленными, *главнымъ образомъ*, по матеріаламъ Даля.

Кромѣ этихъ крупныхъ вкладовъ, были и мелкіе съ разныхъ сторонъ. Мы могли прослѣдить, что около 10 сказокъ было записано самимъ издателемъ на родинѣ въ Бобровскомъ уѣздѣ, приблизительно

¹) Мы прилагаемъ въ концѣ статьи составленный нами списокъ источниковъ, которыми пользовался Аванасевъ, приготовляя послѣднее изданіе своихъ сказокъ (1873 г. 4 тома). ²) Въ письмѣ 1855 г. Ламанскій извѣщаетъ Аванасева, что передастъ Надеждину его просьбу о присылкѣ новыхъ матеріаловъ и надѣется, что совѣтъ сдѣлаетъ общее постановленіе объ этомъ. Неизвѣстно, впрочемъ, чѣмъ окончилось дѣло. ³) Въ первомъ же выпускѣ была напечатана одна сказка, взятая Аванасевымъ въ свое собраніе (№ 82). ⁴) См. предисловіе къ IV вып. сказокъ, 1858 г. ⁵) Весь IV вып.—49 №№; весь VI—70 и весь VII—29. Напомнимъ, что «Собраніе» Даля, кромѣ того, дало главный матеріалъ для «Легендъ», какъ это видно изъ многихъ мѣстъ примѣчаній къ нимъ, а также, повидимому, для извѣстнаго заграничнаго сборника сказокъ («Завѣтныя сказки»). (См. указаніе на «особый» характеръ многихъ Далевскихъ сказокъ въ концѣ предисловія Аванасева къ IV вып.).

столько же было доставлено воронежцами (Второвымъ и Алекс.-Дольникомъ), нѣсколько сказокъ сообщилъ Максимовичъ и около 15 сказокъ, записанныхъ П. Якушкинымъ, было передано Аѳанасьеву Н. Елагинимъ послѣ смерти П. Кирѣевского изъ бумагъ послѣдняго ¹⁾.

Наконецъ изъ печатныхъ матеріаловъ Аѳанасьевымъ было извлечено болѣе пятидесяти сказокъ (въ томъ числѣ перепечатано цѣликомъ или съ сокращеніями двадцать одна лубочная сказка) и три напечатаны по рукописямъ, сообщеннымъ И. Е. Забѣлинымъ ²⁾. Всего сказокъ (считая и крупные варианты) въ собраніи насчитывается свыше 640 или, если откинуть нѣсколько десятковъ слишкомъ мелкихъ и отрывочныхъ анекдотовъ и прибаутокъ, — до 600; изъ этого числа около двухъ третей прикрѣплено къ опредѣленной мѣстности.

Такъ составилось это громадное собраніе. Посмотримъ теперь на приемы его изданія. Приступая къ обработкѣ матеріаловъ, полученныхъ изъ Географич. Общества, Аѳанасьевъ прекрасно понималъ важность сохраненія сказки въ той особой оболочкѣ языка, въ какой она существуетъ въ той или другой мѣстности; примѣръ бр. Гриммовъ, напечатавшихъ нѣкоторыя сказки своего собранія на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, былъ достаточно авторитетнымъ указаніемъ. Матеріаль, полученный имъ, былъ двухъ родовъ: многія сказки были записаны, какъ онъ говорить, превосходно, съ удержаніемъ всѣхъ особенностей говора ³⁾, другія — языкомъ скорѣе книжнымъ, и не всегда грамотно. «Печатавъ первыя,—продолжаетъ издатель,—я буду въ точности слѣдовать доставленнымъ спискамъ; относительно же послѣднихъ рѣшаюсь дозволить себѣ исправленіе слога и грамматическихъ ошибокъ» (предисловіе къ 1-му выпуску).

За эту систему Аѳанасьеву пришлось выдержать нѣсколько нападений въ печати уже при выходѣ перваго выпуска. О. И. Буславевъ («Русск. Вѣстн.» 1856 г., т. I, № 2) находилъ, что издатель взялъ на себя «тяжелую отвѣтственность въ тѣхъ исправленіяхъ, которыя онъ рѣшился дѣлать въ слогѣ нѣкоторыхъ сказокъ», и считалъ, что дурно записанныя лучше бы не печатать, пока не случится услышать ихъ въ хорошемъ разказѣ. Удержаніе особенностей говора онъ привѣтствовалъ, прибавляя, впрочемъ, что точное соблюденіе выговора есть дѣло почти невозможное по неувимости игры звуковъ въ провинціаль-

¹⁾ Изъ письма Елагина и изъ объясненій Якушкина (Сочин., стр. 465) явствуетъ, что это были Якушкинскія записи; Аѳанасьевъ отмѣтилъ однѣ именемъ Якушкина, а другія назвалъ «изъ собранія Кирѣевского». ²⁾ Подробно см. указатель при настоящемъ изданіи. ³⁾ Какъ самое поступленіе въ Географич. Общество этнографическаго матеріала, такъ и первая попытка фонетическихъ записей (далеко не совершенныхъ) объясняются разсылавшеюся Обществомъ съ 1847 г. «Программой», снабженной руководящими указаніями. «Программа» (въ выработкѣ которой принималъ дѣятельное участіе Надеждинъ) потомъ исправлялась по указаніямъ опытныхъ лицъ, между прочимъ, П. Якушкина.

ныхъ различіяхъ говора и по трудности для собирателя найти вполне хорошаго сказочника. А. Н. Пыпинъ («Отеч. Зап.» 1856 года, т. 105 и 106, двѣ статьи), которому принадлежитъ наиболѣе основательный разборъ 1-го выпуска, ставитъ вопросъ, слѣдовало ли во всѣхъ сказкахъ удерживать произношеніе до мелочей (*итопъ, вльсъ, вывиду, жилаю, потходятъ*) и отмѣчаетъ, что, во всякомъ случаѣ, составляетъ ошибку неполное проведеніе этой системы издателемъ. Затѣмъ, указывая (какъ и Буслевъ) на дурное изложеніе нѣкоторыхъ сказокъ и признавая невыгодность положенія Афанасьева, зависѣвшаго отъ готовыхъ записей, онъ замѣчаетъ, что наилучшій способъ изданія текстовъ — это освободить сказку отъ тѣхъ случайностей, которыя вносятъ въ нее личность сказочника, и установить, такъ сказать, типическій текстъ путемъ подбиранія и сортировки вариантовъ. Онъ считалъ, что издатель могъ бы и не держаться рабски внѣшней формы полученныхъ списковъ, потому что они записаны были людьми, конечно, не спеціальными въ дѣлѣ народной словесности и притомъ не всегда отъ хорошихъ рассказчиковъ.

Дѣйствительно, слѣдуетъ сказать, что филологическая сторона составляетъ самое слабое мѣсто Афанасьеваго собранія. Онъ сдѣлалъ, что могъ, добросовѣстно сохраняя всѣ особенности своего матеріала, но онъ вполне зависѣлъ отъ записей, изъ которыхъ собственно ни одна не можетъ быть названа строго фонетической. Но правильнаго фонетическаго записыванія тогда еще не существовало и въ наукѣ, и положеніе издателя было трудное. Въ слѣдующихъ изданіяхъ онъ почти не сдѣлалъ уступокъ критикѣ въ фонетической сторонѣ и былъ правъ: онъ, несомнѣнно, поступилъ бы хуже, если бы стеръ звуковыя особенности своихъ записей; теперь многія сказки, если и не даютъ полной картины говора, то могутъ пригодиться отдѣльными деталями или общимъ впечатлѣніемъ рѣчи. Онъ откинулъ лишь мелкія особенности — не того или другаго мѣстнаго говора, а вообще устной рѣчи (*остановитца, сидяцево*), и то въ тѣхъ сказкахъ, гдѣ это не было выдержанной особенностью (какъ въ 66а, гдѣ все оставлено безъ измѣненій). Что касается другой стороны — буквальной вѣрности слогу записей, то здѣсь Афанасевъ, по указаніямъ критики, внесъ поправки въ слогъ тѣхъ сказокъ, которыя были ему указаны, какъ испорченныя искусственными книжными фразами (Марко Богатый), и то очень осторожно; напр., «Байку о щукѣ зубастой» (№ 42), которую критика отмѣтила, какъ явно испорченную шутивымъ тономъ — онъ тогда считался чѣмъ-то противонароднымъ, — Афанасевъ оставилъ неприкосновенной, отмѣтивъ лишь курсивомъ слова въ родѣ *оказія*. И здѣсь онъ былъ правъ: балагурный тонъ такъ пропитываетъ собой всю сказку, что его изъять нѣтъ возможности, и въ немъ нѣтъ ничего *не народнаго*.

Совѣтъ Пыпина о выработкѣ лучшаго и наиболѣе полнаго текста путемъ подбора вариантовъ Афанасевъ принялъ къ свѣдѣнію и, повидимому, пользовался этимъ приемомъ съ того времени, какъ получилъ

въ собраніи Даля богатый запасъ вариантовъ. На эту мысль наводятъ слѣдующія слова въ предисловіи къ IV вып. «Оно (собраніе Даля) весьма обильно вариантами, и если это обстоятельство значительно уменьшаетъ численное количество входящихъ въ него сказокъ, то, съ другой стороны, этимъ самымъ дана возможность повѣрять одинъ списокъ другимъ и хотя приблизительно возстановить народный рассказъ въ его первоначальной простотѣ». И дѣйствительно, съ IV выпуска начинаются обильные и крупные по объему варианты, которыхъ особенно много въ выпускахъ V, VI и VII. Въ этихъ же выпускахъ невольно останавливаетъ вниманіе огромное количество сказокъ, не помѣченныхъ мѣстомъ; въ одномъ VII вып. ихъ 35 (изъ 51), въ томъ числѣ до 20 отличаются громаднымъ объемомъ. На этихъ основаніяхъ мы высказываемъ предположеніе, не примѣнялъ ли Афанасьевъ къ такого рода сказкамъ систему *своднаго* текста ¹⁾.

Въ теченіе всѣхъ 16 лѣтъ, отъ выхода въ свѣтъ перваго выпуска до самой смерти, Афанасьевъ не переставалъ перерабатывать и дополнять свой сборникъ и расширять примѣчанія ²⁾. Несистематическое расположеніе сказокъ, вызывавшееся неизбежно постепеннымъ накопленіемъ матеріала во время печатанія, онъ старался хоть нѣсколько устранить ссылками. Въ послѣднемъ изданіи сказки уже были приведены въ извѣстный порядокъ: сперва животный эпосъ, затѣмъ сказки съ преобладаніемъ мифологическаго содержанія, за ними сюжеты былинныя и навѣянные исторіей или книгой, послѣ — суевѣрные рассказы о мертвецахъ и колдунахъ и, наконецъ, сказки съ реально-бытовой и юмористической окраской ³⁾. О томъ, въ какой широкой кругъ сопоставленій и сличеній ввелъ Афанасьевъ собранныя имъ русскія сказки въ послѣднемъ изданіи, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ помѣщенный ниже списокъ его источниковъ, выбранный изъ примѣчаній. Указывали (и справедливо), что мифологическій комментарий у него слишкомъ заслоняетъ собой бытовую сторону сказокъ ⁴⁾, но во всякомъ случаѣ никто не сдѣлалъ столько для изученія русской сказки, какъ Афанасьевъ,

¹⁾ Такими въ особенности мы считаемъ слѣдующіе №№ настоящаго изданія: 92, 112b, 121b, 122a,d, 123, 125d,f, 133, 152a,b, 165a. ²⁾ Сличая изданіе въ VIII выпускахъ со вторымъ въ четырехъ томахъ, мы не могли найти ни одной выкинутой сказки: лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ собиратель, найдя лучший списокъ какой-нибудь сказки, помѣщалъ его въ основной текстъ, а прежній переносилъ въ вариантъ, да въ двухъ-трехъ случаяхъ онъ слегка измѣнилъ заглавіе. ³⁾ Порядокъ этотъ не вполне строго выдержанъ, и для большей стройности цѣлый рядъ сказокъ могъ бы быть перемѣщенъ, но мы предпочли не дѣлать этого, такъ какъ удобство пользованія сборникомъ едва ли много выиграло бы отъ этого, а иныхъ, высихъ цѣлей систематизаціи мы не представляли возможными: противъ всякой системы найдутся болѣе или менѣе вѣскія возраженія. ⁴⁾ Въ послѣднемъ изданіи Афанасьевъ опустилъ многія мифологическія объясненія, отсылая читателя къ своимъ «Поэтическимъ Воззрѣніямъ».

и его сборникъ единогласно признается первымъ и единственнымъ научно выполненнымъ трудомъ. Академія Наукъ присудила за него Аѳанасьеву Демидовскую премію (XXXIV присужденіе), а Географическое Общество — золотую медаль.

Сборникъ обратилъ на себя вниманіе и за границей. Уже въ 1858 году вѣнской ученый Ю. Фейфаликъ, познакомившись съ двумя выпусками сказокъ, вступаетъ въ переписку съ Аѳанасьевымъ и въ первомъ же письмѣ сообщаетъ, что имъ помѣщенъ въ журналахъ переводъ нѣсколькихъ сказокъ, и проситъ разрѣшенія перевести всю книгу ¹⁾. Любопытно, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя нѣкто Шталъ изъ Рязани пишетъ Аѳанасьеву, что, желая познакомить Германію съ его прекраснымъ сборникомъ, онъ перевелъ первый выпускъ и желалъ бы переводить выпускъ за выпускомъ и печатать за границей ²⁾. Аѳанасьевскій сборникъ далъ матеріаль для англійскаго собранія русскихъ сказокъ, изданнаго Рольстономъ, а также, надо думать, и для нѣмецкой книги Гольдшмита ³⁾.

Въ Россіи сказки встрѣчены были дружнымъ сочувствіемъ. Первые два выпуска выдержали три изданія, третій и четвертый по два. Идя по слѣдамъ бр. Гриммовъ (сказки которыхъ назначались для всего нѣмецкаго народа и, дѣйствительно, быстро сдѣлались національной книгой Германіи), Аѳанасьевъ писалъ въ предисловіи къ первому выпуску: «Пора намъ, наконецъ, дѣльнѣе и строже заняться собраніемъ и изданіемъ въ свѣтъ простонародныхъ сказокъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ поэтическаго и ученаго достоинствъ подобнаго сборника, онъ можетъ съ пользою послужить для первоначальнаго воспитанія, представляя занимательные рассказы для дѣтскаго чтенія. Разумѣется, предпринимая изданіе съ этой послѣдней цѣлью, необходимо допустить строгій выборъ, но такой выборъ легко будетъ сдѣлать. Увлекаясь простодушной фантазіей народной сказки, дѣтскій умъ нечувствительно привыкнетъ къ простотѣ эстетическихъ требованій и чистотѣ нравственныхъ побужденій и познакомится съ чистымъ народнымъ языкомъ, его мѣткими оборотами и художественно вѣрными природѣ описаніями. Мысль эту раздѣляли лучшіе изъ нашихъ поэтовъ, Жуковскій и Пушкинъ, познакомившіе публику съ нѣкоторыми народными сказками, передавая ихъ простое содержаніе въ прекрасныхъ стихахъ. Жуковскій, подъ конецъ своей жизни, думалъ исключительно заняться переводомъ сказокъ различныхъ народовъ; а Пушкинъ въ одномъ изъ неизданныхъ своихъ писемъ ⁴⁾ говоритъ о себѣ: «вечеромъ слушаю сказки и возна-

¹⁾ Письма Фейфалика (и извѣстнаго В. Маннгардта) помѣщены нами въ XXXIII кн. «Этнографическаго Обзорнія». См. тамъ же свѣдѣнія о томъ, что Я. Гриммъ зналъ и цѣнилъ сказки Аѳанасьева. ²⁾ Изъ писемъ видно, что Аѳанасьевъ просматривалъ переводъ Шталя. Дальнѣйшая судьба переводовъ Шталя и Фейфалика намъ неизвѣстна. ³⁾ Мы не видали книги; заглавіе взято изъ Cosquin (см. ниже списокъ). ⁴⁾ Писано въ 1855 году.

граждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Надежды Аванасьева на то, что его сборникъ будетъ имѣть воспитательное и педагогическое значеніе для русскаго общества, вполнѣ сбылись. Появившись въ знаменательную эпоху конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, сказки отвѣчали тому тяготѣнію къ народности, которое въ связи съ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса съ такой силой сказывалось и въ нашихъ научныхъ изученіяхъ, и въ публицистикѣ, и въ художественной литературѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ, впечатлѣніе отъ Аванасьевскихъ сказокъ можетъ считаться однороднымъ съ дѣйствіемъ «Записокъ Охотника». Уже быстрый расходъ книги указывалъ, что ею интересуется не только ученый міръ. Переписка Аванасьева содержитъ рядъ любопытныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ. Сказки Аванасьева стали любимымъ дѣтскимъ чтеніемъ во многихъ семьяхъ; мало того, по нимъ учили читать въ воскресныхъ школахъ¹⁾, а въ письмѣ Н. Елагина (брата П. Кирѣевскаго) есть интересное указаніе о роли сказокъ въ деревнѣ: «Книжки ваши надобно прятать, чтобы ихъ не затаскивали въ избы, а дѣти слушаютъ ихъ охотнѣе всѣхъ нравственныхъ разсказовъ и повѣстей» (писано въ 1856—57 г.). Тотчасъ по выходѣ первой книжки Аванасьевъ съ разныхъ сторонъ началъ получать совѣты немедленно приняться за новое изданіе избранныхъ сказокъ для дѣтей и дешевое для народа. Объ этомъ писалъ Елагинъ, настойчиво твердилъ Галаховъ. Всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что дѣтямъ очень нравятся сказки, и ручались за полный успѣхъ изданія. Мы приведемъ отрывки изъ писемъ И. Срезневскаго 1855 и 1858 г.; въ нихъ видно и научное и общественное значеніе труда Аванасьева въ оцѣнкѣ компетентнаго ученаго.

«Кто изъ русскихъ любителей своей народной поэзіи не скажетъ вамъ громко или про себя душевнаго спасибо за начало вашего прекраснаго труда о русскихъ сказкахъ? Въ это широкое море пустились вы въ добрый часъ и въ доброй ладѣ, запасшись, какъ для Царьграда, и снастями и брашномъ, и вѣрно вывезете изъ-за него не одну дорогую багряницу. Дай Богъ вамъ всего хорошаго на всемъ вашемъ пути. Перечитавши самъ вашу книжку, я не спряталъ ея и отъ дѣтей своихъ, и даже шестилѣтній мой Вячко заползъ въ нее своими глазенками... Вслѣдствіе этого я, въ должности отца, обращаюсь къ вамъ съ всепокорнѣйшей просьбой: нельзя ли вмѣстѣ съ этимъ изданіемъ для ученыхъ печатать сказокъ и для дѣтей — голый текстъ, литературнымъ правописаніемъ, съ переводомъ словъ не общепонятныхъ (подъ строкою) и съ выпускомъ тѣхъ сказокъ, которыя дѣтямъ читать некстати?»

¹⁾ Записка Н. С. Тихонравова (1860 г.): «Почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ! Для нашей воскресной школы нужно 60 экземпляровъ 2-го выпуска вашихъ сказокъ. Не откажите уступить ихъ подателю письма по той цѣнѣ, по какой вы отдаете его книгопродавцамъ».

Чтобы обойти кое-какіе пороги, въ родѣ Неясытя, можно не называть ихъ Kindische Märchen, а только прибавить картинки въ текстѣ. Вы бы и не отошли отъ идеи Гримма и сдѣлали бы доброе дѣло. Покупателей будетъ много, пользы много, радости много, а труда вамъ на десятокъ часовъ.

«У меня есть кое-какіе списки сказокъ: я сообщу ихъ вамъ, когда отыщу въ своихъ старыхъ бумагахъ».

Въ другомъ письмѣ, 1858 года, Срезневскій пишетъ: «Искреннее спасибо за 3-й и 4-й выпуски сказокъ. Еще только слегка успѣлъ я просмотрѣть ихъ, но и самаго легкаго просмотра достаточно, чтобы убѣдиться, что и вашъ запасъ и вашъ трудъ огромны. Мое спасибо—одно изъ многихъ, многихъ слышныхъ вамъ и неслышныхъ, нынѣшнихъ и будущихъ. Заслуга ваша, повторяю старую пѣсню мою, была бы еще болѣе, если бы вы не забыли и дѣтокъ нашихъ (у меня самого есть ихъ малая толика, изъ нихъ четверо грамотныхъ, потому я и говорю смѣло); но ученые—народъ самовольный, пути имъ вѣдомы, яругы имъ знаемы—и потому будьте сами себѣ судьей».

Наконецъ, въ началѣ 1860 года, книгопродавецъ Вольфъ обратился къ Аванасьеву съ предложеніемъ издать избранныя сказки для дѣтей; они обмѣнялись нѣсколькими письмами, но дѣло и на этотъ разъ не состоялось. Вскорѣ наступилъ грозный для Аванасьева 1862 годъ и ему надолго стало не до сказокъ и не до новыхъ изданій; лишившись службы, удрученный матеріальными заботами, онъ весь ушелъ въ ученую работу. Но онъ не забылъ совсѣмъ дѣтей, и за годъ до смерти сдѣлалъ-таки для нихъ выборъ, напечатанный въ 1870 г. въ двухъ частяхъ. Эти дѣтскія сказки продолжаютъ издаваться непрерывно-расходясь въ большомъ количествѣ.

Полное собраніе сказокъ давно уже исчезло изъ книжныхъ магазиновъ и пріобрѣтается антикварнымъ путемъ; настоящее изданіе должно восполнить этотъ недостатокъ. Пожелаемъ, чтобы оно сослужило ту же научную и общественно-воспитательную службу для нашего поколѣнія, какую обязаны были Аванасьевскимъ сказкамъ люди 60-хъ годовъ¹⁾.

1897—1912 г.

А. Е. Грузинскій.

¹⁾ Такъ писали мы въ 1897 г., выпуская третье изданіе «Сказокъ». Пожеланія наши исполнились; если настоящее изданіе выходитъ лишь черезъ 15 лѣтъ, это не потому, что предыдущее мало имѣло успѣха: уже приблизительно десять лѣтъ, какъ «Сказокъ» нѣтъ въ продажѣ и ихъ нелегко встрѣтить даже у антикваріевъ.

СПИСОКЪ

сочиненій, упомянутыхъ въ примѣчаніяхъ къ сказкамъ.

- А в д ѣ в а. Русскія сказки для дѣтей. Спб. 1856 г.
А н е к д о т ы или веселыя похождения старинныхъ пошехонцевъ. Спб. 1798 г.
— 2-е изд. Спб. 1821 г.
P. Asbjörnсен und Jorgen Мое. Norwegische Volksmärchen, 2 Bde. Berlin. 1847 г. Deutsch von Fr. Bresemann.
А е а н а с ѣ в ѣ в ѣ, А. Народныя русскія легенды. 1859 г.
— Поэтическія воззрѣнія славянъ. 1865—1869 г.
Б е з с о н о в ѣ в ѣ. Дѣтскія пѣсни. М. 1868 г.
— Калики переходячіе. М. 1861—64 г.
В е н ф е у. Orient und Occident, eine Vierteljahrsschrift. (Göttingen 1860—66). 1861 г. II ч: Somadeva's Märchenschatz.
— Пер. Панчатантры.
Б е р г ѣ в ѣ. Пѣсни разныхъ народовъ 1854 г.
Б о д я н с к і й. Насѣки украинскыя казкы запорожця Иська Матырынкы. 1835 г.
Б о р и ч е в с к і й. Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени. Спб. 1840 г.
— Народные славянскіе рассказы. Спб. 1844 г. (изъ журнала «Маякъ»);
В о с а н с к і п r i j a t e l j. Casopis saderžavajući potrebite, koristne i zabavne stvari. Загребъ. 1850—70 гг. 4 тома.
Б р о н и ц ы н ѣ в ѣ. Русскія народныя сказки. Спб. 1838 г.
Б у с л а е в ѣ в ѣ, Ѳ. Историческіе очерки русск. народн. словесности. 2 т. 1861 г.
— Историческая хрестоматія церковно-славянск. и древн. русск. яз. 1861 г.
M a t i j a V a l j a v e c К р а ѣ м а н о в, Narodne pripoviedke u i oko Vараждина. Вараждинъ. 1858 г.
В а р е н ц о в ѣ в ѣ. Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. 1860 г.
В е р к о в и ч ѣ в ѣ. Песме Македонски Бургара. Бѣлградъ. 1860 г.
Веселая старушка. 1790 г.
W e n z i g. Westslavischer Märchenschatz. Leipzig. 1857 г.
W o l f. Romanische Märchen aus der Bukovina (Zeitschrift für Deutsche Mythologie I).
— Deutsche Hausmärchen. Göttingen. 1851 г.
В о й ц и ц к і й. Zarusy domove 1842 г.
В р ч е в и ч ѣ в ѣ. Српске народне приповијетке. Скупио Вук Врчевих у Биограду. 1868 г.
«Вѣстникъ естественныхъ наукъ». 1854 г. (о бурятахъ)
«Вѣстникъ Русск. Географ. Общ.» 1855 г. (о Минусинск. татарахъ).
Г а к с т р а у з е н ѣ в ѣ. Закавказскій край. 1856 г.
H a l t r i c h. Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen. Berlin. 1856 г.
H a h n. Griechische und albanesische Märchen. Leipzig. 1864 г.
H a u p t u n d S m o l a r. Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder Lausitz. Grimma. 1843 г. 2 Bde.
Г л и н с к і й, А. Bajaz polski, zbior basni, powiesci i gawęd ludowych, opowiadzial A. Gliniski. Вильно. 1853 г.
G r i m m. Kinder und Hausmärchen. Göttingen. 1856—57 г. 3 Bde.
— Deutsche Mythologie 1844 г.

- Даль, В. Повѣсти и сказки казака Луганскаго.
— Пословицы русскаго народа. 1862 г. (Нов. изд. 1879 г. 2 тома).
Данилевскій, Г. Степныя сказки. Спб. 1852 г.
Денница, альманахъ на 1834 г.
Деревенская забавная старушка, по вечерамъ разсказывающая
простонародныя веселыя сказочки. М. 1804 г.
Доброхотовъ. Древній Боголюбовъ городъ и монастырь съ его
окрестностями. М. 1852 г.
Дѣдушкины прогулки. М. 1819 г.
Езоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа,
перев. Д. Т. Москва. 1792 г.
Erben. Slovanska čítanka. IV вып. (одинъ томъ). Прага. 1863 — 65 гг.
Закревскій. Старосвѣтскій бандуриста. 1860 г.
Записки Академіи Наукъ. 1862 г., кн. I (статья Шифнера).
Записки Русск. Географ. Общ. по отд. Этнографіи. I.
Калачовъ, Н. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи II,
половина 2-я, отд. IV (статья Буслаева). М. 1854 г.
Калевала. Очерки поэмы Морица Эмана. 1847 г.
Караджичъ, В. Српске народне приповиѣтке, у Бечу. 1853 г.
— Српске народне пјесме V т. 1841 — 65 гг.
Каравеловъ, Л. Памятники народнаго быта болгарь. М. 1861 г.
Каррьеръ, М. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры.
М. Изд. Солдатенкова. 1870 — 75 гг.
Кирѣевскій, П. Пѣсни. X том. Москва 1860 — 72 гг.
Кирша Даниловъ. Древнія російскія стихотворенія.
Kletke (1813 — 1886 гг.). Almanach deutscher Volksmärchen. 1840.
— Ein Märchenbuch, Märchen meiner Grossmutter, Märchensaal aller
Volker, Märchen am Kamin.
Ковалевскій, Е. Путешествіе во внутренность Африки. Спб.
1849 г. 2 тома.
Костомаровъ, Н. Славянская мѣология. 1847 г.
Крживоблоцкій, Я. Матеріалы для географіи Россіи. Костром-
ская губернія. Спб. 1861 г. 3 тома.
Кулишъ. Записки о южной Руси. Спб. 1856 — 57 гг. 2 тома.
Кульда, Б. Народныя сказки и повѣсти изъ околя Рожновскаго.
1854 г.
— Народныя повѣрья и обычаи. (Часопись Моравской Матицы 1870—
71 г.). (Новое изданіе обоихъ трудовъ вмѣстѣ: Moravské národní pohádky.
pověsti, obyeje a povery 2 т. Прага 1874 — 75 гг.).
Kuhn. Die Herabkunft des Feuers. 1859 г.
Кургановъ. Письмовникъ, изд. 9-е. Спб. 1818 г.
Кущелевъ-Безбородко. Памятники старинной русскои ли-
тературы. IV выпуска. 1860 г.
Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы. М. 1819 г.
Полное собраніе Русскихъ Лѣтописей.
Лѣтописи русской литературы. Изд. Тихонравова, V томовъ.
1859 — 63 гг.
Максимовичъ. Три сказки и одна побасенка. Кіевъ. 1845 г.
Малый, Я. Národné české pohádky a pověsti (Bibliotheka zabavneho
čtenj. Связка 12). Прага 1838 г.
— Národní báchorky. Прага 1865 г. Изд. 3-е.
Mannhardt, W. Germanische Mythen. Berlin. 1858 г.
Матеріалы для сравнит. словаря и грамматики. 3 тома. Изд. II.
Отд. Акад. Наукъ. 1854 — 61 гг. ред. Срезневскій.
Маякъ. Т. XV.
Майковъ, В. Сочиненія. 1867 г.
Метлинскій. Народныя южнорусскія пѣсни. Кіевъ. 1854 г.
Бр. Миладиновцы. Болгарскія пѣсни. (Български народни
пѣсни. Собрани одъ бр. Миладиновци Димитрія и Константина. Загребъ.
1861 г. (Нов. изд. 1891 г.).
Миллеръ, О. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Спб. 1870 г.
Михайловъ, С. Чувашскіе разговоры и сказки. Казань. 1853 г.
Мордовцевъ, Д. Малорусскій Литературный Сборникъ. Саратовъ.
1859 г. (Четыре сказки).
«Москвитяинъ». 1843 г. № IV. Сообщ. Борисовымъ (Сказка
о Горѣ Горянинѣ Данилѣ Дворянинѣ).

- Не любо не слушай. Изд. И. Гурьянова. М. 1844 г.
 Новосильскій. Lud Ukrainski. Вильно. 1857 г.
 Nordisches Märchenbuch.
 Божена Нѣмцова. Slovenské pohádky a pověsti 1856 г.
 «Основа» за 60-е годы. (Отдѣль: З'народнихъ усть).
 Пассекъ, В. Очерки Россіи. 5 частей. 1838 — 42 г.
 Der Pentameron, oder das Märchen aller Märchen von Giambattista Basile. Deutsch von F. Liebrecht. 2 Bde. 1846 г.
 «Пермскій Сборникъ». Съ 1859 г.
 Похожденія Ивана Гостинаго сына. М. 1785 г. Тип. Новикова.
- Пухмайеръ. Собраніе басенъ. Прага. 1795 г.
 Пушкинъ, А. Сочиненія изд. Анненкова. 1855 г.
 Пыпинъ, А. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. 1858 г. («Записки Акад. Наукъ». Кн. IV).
 Ровинскій, Д. Русскіе граверы. 1870 г.
 Рудченко. Народныя южнорусскія сказки. Кіевъ. 1869 — 70 гг.
 Русскія сказки. М. 1787 г. Тип. Пономарева.
 Рыбниковъ, П. Пѣсни. 4 тома. 1861 — 67 г.
 Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Изд. 3-е. 2 тома. 1841 — 49 гг.
 Русскія народныя сказки. 1841 г.
 Семеньскій. Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie.
 Сказка о семи страшныхъ Морозахъ и т. д. М. 1833 г.
 Skultety a Dobšinský. Povesti pra starýchъ baječnýchъ časův. Slovenské povesti. Въ Рожнавѣ и Штявницѣ. 1858 — 61 гг. 6 выпусковъ.
 Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники, IV вып. Москва. 1837 — 39 г.
 Собраніе старинныхъ русскихъ сказокъ. Москва. 1830 г. тип. Степанова.
- Српски Лѣтописъ 60-хъ годовъ.
 Старичекъ-весельчакъ, рассказывающій давнія московскія были. М. 1790 г.
- Стасовъ, В. О происхожденіи русскихъ былинь. «Вѣстн. Евр». 1868 г. № 1.
- Schott Art. und Albert. Walachische Märchen. Stuttgart. 1845 г.
- Schleicher. Litauische Märchen, Sprichworte, Rätsel und Lieder. Weimar. 1857 г.
- Gaal—Stier. Ungarische Volksmärchen. Pesth, 1857 г.
- W. S. Sumlogk (Krolmus). Staročeške povesti, zpevu, hry, obyčeje slavnosti a narevu. Прага. 1845 — 1851 г. 13 вып. или 3 части.
- Терещенко. Быть русскаго народа. Спб. 1848 г.
 Тихонравовъ, К. Владимирскій сборникъ. 1857 г.
 Тихонравовъ, Н. Памятники отреченной литературы. 2 т., 1863 г.
 «Труды Курскаго Статистич. Комитета» I.
 «Труды Об. Люб. Рос. Слов.» 1850 г., ч. XVII.
 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Переводъ съ французскаго. 1771 г. (есть новое изданіе).
- Фуксъ, А. О чувашахъ и черемисахъ Казанской губ. Казань. 1840 г.
- Фундуклей, И. Обзорніе могиль, валовъ и городищъ Кіевской губ.
 Худяковъ. Великорусскія сказки. 1860 — 1863 г. Три тома.
 Матеріалы для изученія народной словесности. Спб. 1863 г.
 Zingler. Tiroler Kinder und Hausmärchen. 2 тома. 1852 г.
 «Черниговскія губернскія вѣдомости» 1860 г. № 21. (Сказка про кравця и вовка. Про козла и барана. Можебилиця).
 — 1865 г. № 17. (Сказка про Ивася).
- Чудинскій, Е. Русскія народныя сказки. М. 1864 г.
 Чулковъ. Русскія сказки. М. 1780 — 83 гг.
 Шафарикъ. Vybór z literatury české. Прага 1845 г.
 Шевыревъ, С. Чтенія объ исторіи русск. словесности 1858 — 60 г.
 Шейковскій, К. Быть Подолянъ. Кіевъ. Т. I, вып. 2. Стр. 59 — 74. (Четыре сказки о загробномъ мірѣ).
 Шейнъ. Пѣсни (въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1868 г.).
 Шемякинъ судъ въ стихахъ 1794 г. (въ Петерб. Публ. Библ.).

- Шидди-куръ. Собрание монгольскихъ сказокъ. («Этнограф. сборн.», вып. VI).
 Шпилевскій. Семейныя власти у древн. славянъ и германцевъ. Казань 1869 г.
 Шульгинъ. О состояніи женщины въ Россіи до Петра Великаго. Кіевъ 1850 г.
 Шаповъ. Историч. очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія. «Ж. Мин. Нар. Просв.» 1863 г. №№ 1, 3, 4, 6 и 7.
 Эрленвейнъ. Народныя сказки. М. 1863 г.
 «Этнограф. Сборникъ» 1853 — 1864. 6 томовъ.

Въ дополненіе прилагаемъ списокъ главнѣйшихъ собраній сказокъ и отдѣльныхъ сказокъ, разсѣянныхъ по газетамъ и журналамъ съ конца 50-хъ годовъ (до 1870 г. вошелъ только не указанный у Аванасьева матеріалъ). Матеріалъ газетный и журнальный расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ изданій, сборники — въ порядкѣ фамилій авторовъ. Списокъ не считаемъ полнымъ.

Верещагинъ. Бѣломорскія преданія объ Аникѣ, Калгѣ, Жогжѣ и Кончакѣ. «Архангельскія Губ. Вѣд.» 1862., № 38 и 39.

Шостакъ, В. Змѣвина. Буджакское преданіе. «Бессарабскія Обл. Вѣд.» 1861 г., № 2.

Молдавскія сказки. «Бессарабскія Обл. Вѣд.» 1861 г., № 19 и 53.

Крестовскій, В. Русскія народныя сказки. «Библ. для чтенія» 1860 г., № 8.

Желѣзновъ, І. Сказанія Уральскихъ казаковъ. «Библиотека для чтенія». 1861 г., № 1 — 9. 1864 г., № 4 и 9.

Польскія преданія и легенды. «Варшавскій Дневникъ». 1869., № 6, 17, 97.

Сказка «Хорошая пісня, наипшшая шапка», записана въ Кобринск. у. «Виленскій Вѣстникъ» 1866 г., № 196.

Славутинскій, А. Этнографич. очерки Гродненской губ. «Виленскій Вѣстникъ» 1867 г., № 119 — 120.

Славутинскій, А. Литовскія преданія и сказки. «Виленскій Вѣстникъ» 1868 г., № 20.

Борисовъ, В. Два преданія Шуйскаго у. (о птицахъ съ желѣзными носами и о великанѣ и пыжикахъ). «Владимірскія Губ. Вѣд.» 1862 г., № 3.

Зырянскія преданія и сказки. «Вологодскія Губ. Вѣд.» 1863 г., № 37. 1867 г., № 5.

Сказки и предразсудки полѣскаго народа. «Волынскія Губ. Вѣд.» 1859 г., № 20 и 37.

Разсказъ про Нужду, записан. въ Воронежскомъ уѣздѣ. «Воронежскій Листокъ» 1864 г., № 22.

Сказки Пошехонскаго уѣзда. «Воскресный Досугъ» 1871 г., № 20, 21, 22.

Кощей Безсмертный. «Всемирная Иллюстрація» 1870 г., № 78.

Святогоръ богатырь. «Всемирная Иллюстрація» 1874 г., т. 12-й, № 287. — Добрыня Никитичъ, *ibidem*. № 305, 306 и 310.

Мѣстныя русскія народныя сказки. «Гродненскія Губ. Вѣд.» 1864 г., № 44.

Дмитріевъ, М. Сказки западно-русскаго народа. «Гродненскія Губ. Вѣдомости» 1868 г., № 37, 38 и 39.

Видѣніе Ангела. «Др. и Нов. Россія» 1877 г., т. II, № 5.

Сказка о Громвалѣ и Черноморѣ. (Кіевскихъ богатыряхъ). «Другъ народа» 1870 г., № 8.

Старая Кузница. «Другъ народа» 1870 г., № 37.

Худяковъ, И. Народныя историческія сказки. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1864 г., № 3.

Зап. Красноярск. подьотд. Вост. Сиб. Отд. Импер. Географич. Общества, т. I, вып. I и II. Томскъ. 1906 г.

Изв. Вост. Сиб. Отд. Импер. Географ. Общества, т. XXXIV и XXXV.

Трусевичъ, И. Космогоническія преданія жителей Полъсья. «Кіевлянинъ» 1866 г., № 4.

Преданія о кладахъ. «Кіевлянинъ» 1870 г., № 48, 49.

Народныя повѣрья въ Малороссіи. С. Краснокутскій. «Кіевскія Епарх. Вѣд.» 1879 г., № 26, 30, 37 и 38.

Бѣлкинъ, Ф. Сказки, записанныя въ Тимскомъ уѣздѣ. «Труды Кур-скаго Статистич. Комитета», вып. 1-й, стр. 506—518.

Сказка о Строевой дочери и о коровѣ буренушкѣ. «Мірской Вѣстникъ». 1878 г., № 7.

Никита Кожемяка. «Мірской Вѣстникъ». 1878 г., № 9.

Криницкій. Деревенскія преданія. «Русская Газета». 1859 г., № 1, 2, 13, 16 и 17. «Московский Вѣстникъ». 1859 г., № 50.

Сказки изъ Клинскаго уѣзда. «Московскія Губ. Вѣд.» 1864 г., № 1.

Василиса Прекрасная. «Нива». 1875 г., № 4.

Гацисскій, А. Произведенія народнаго творчества: 1) Солдаты и проклятая. 2) Мать и сынъ. 3) Убогій. 4) Ярмарочные райки. «Нижегородскій Сборникъ», т. I, 216—228.

Петровъ, К. Народныя преданія Повѣнецкаго у. «Олонецкія Губ. Вѣд.» 1860 г., № 1, 2 и 27. 1863 г., № 41, 46 и 50.

Старицынъ, М. Преданіе о лѣсныхъ. «Олонецкія Губ. Вѣд.» 1862 г., № 16.

Преданія и повѣрья Повѣнецк. у. «Олонецкія Губ. Вѣд.» 1870 г., № 55.

Лисицынъ, М. Отрывки изъ Болховскихъ преданій и легендъ. «Орловскія Губ. Вѣд.» 1868 г., № 23.

Сказки, собранныя въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. «Пермскія Губ. Вѣд.» 1863 г., № 45 и 46.

Зыряновъ, А. Сказки, записанныя въ Шадринскомъ уѣздѣ. «Пермскій Сборникъ» 1859 г., стр. 118—130. 1860 г., стр. 162—179.

Народныя рассказы Ярославск. губ. «Русскія Вѣдомости» 1871 г., № 132 и 134.

Преданія уральскихъ казаковъ. Желъзновъ I. «Русскій Вѣстникъ» 1859 г., № 7 и 8 (Апрѣль, кн. 1 и 2).

Росковшенко, В. Изъ малороссійскихъ преданій. «Русскій Вѣстникъ» 1867 г., № 2.

Народныя повѣрья. «Русскій Дневникъ». 1859 г., № 37 и 38. (Лѣшій. Коровья смерть. Утопленникъ. Разсказъ кузнеца. Говоръ травъ).

Правда и кривда. «Русь» 1878 г., № 5.

Преданія о кладахъ. «Саратовскія Губ. Вѣд.» 1870 г., № 197.

Преданіе о семи колодезяхъ. «Листокъ Таганрогскаго градонач.» 1866 г., № 22.

Антоновъ. Копейка Мары посадницы. «Тверскія Губ. Вѣд.» 1865 г., № 11.

Сказка Колобокъ. «Учитель» 1863 г., стр. 989.

Иваненковъ, Г. Преданіе. «Харьковскія Губ. Вѣд.» 1859 г., № 8.

Разказы про «Полисуну». «Черни дьедія губ. Вѣд.» 1859 г., № 23 и 38.

Кулжинскій, Г. Сказки. «Чернигов. Губ. Вѣд.» 1864 г., № 29.

Ю. Крачковскій. Бытъ западно-русскаго селянина. «Чтенія Общ. Истор. и Древн.» 1873 г., № 4.

Деруновъ, С. Сказки Пошехонскаго уѣзда. «Труды Ярославскаго Статистич. Комитета», вып. 5, стр. 135 — 156.

СБОРНИКИ:

Бейлинъ, С. Х. Еврейскія народныя сказки и легенды. «Вильна». 1898 г.

Бурцовъ, А. Деревенскія сказки Вологодской губ. 1895 г.

Гнатюкъ, В. Галицко-русскія сказки и легенды. («Этнограф. Сбірникъ», т. III, VI, XII — XIII, XV).

Гринченко, Б. Этнографич. матеріалы изъ Черниговской и сосѣднихъ губ. Черниговъ. 1895 — 97 гг.

Его же. Изъ усть народа. Малорусскіе разказы и сказки. Черниговъ. 1901 г.

Дикаривъ, М. Черноморскіе народні казки и анекдоті («Этнограф. Сбірникъ», т. II.)

Добровольскій, В. «Смоленскій Этнографич. Сборникъ», ч. I. 1891 г.

М. Драгомановъ. Малорусскія преданія и разказы. Кіевъ. 1876 г.

Иваницкій, Н. А. Матеріалы по этнографіи Вологод. губ. М. 1890 г.

Кауфманскій Сборникъ, въ память 25-лѣтія кончины К. П. Кауфмана. М. 1911 г. (Туркменскія сказки.)

Манжура. Сказки, записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ. 1690 г.

Образцы Мордовской народн. словесности, вып. II. Казань. 1883 г.

Ончуковъ. Сѣверныя сказки. СПб. 1909 г. («Зап. Имп. Географ. Общ. т. XXXIII»).

Повѣсть о судѣ Шемяки. Факсимиле текста XVII в. Изд. О. Л. Д. П. 1879 г.

Потанинъ, Г. Очерки Монголіи, вып. IV.

Произведенія народной словесности вотяковъ Казанск. и Вятск. губ. Казань. 1880 г.

Радловъ, В. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ. Три тома. 1866 — 70 г.

Роздольскій, О. Галицкі народн казкі («Этнограф. Сбірникъ», т. VII.)

Романовъ, Е. Бѣлорусскій Сборникъ, вып. III, IV, V и VI.

Рубецъ, А. И. Преданія, легенды и сказанія Стародубской сѣдой старины. Стародубъ. 1911 г.

Садовниковъ, Д. Сказки и преданія Самарскаго края. 1884 г.

Сергпутовскій, А. К. Сказки и разказы бѣлоруссовъ-польшуконъ. СПб. 1911 г. («Изд. Отд. Русск. яз. и Слов. Акад. Наукъ»).

Худяковъ, И. Русская книжка. Сказки, пословицы, зарядки и т. д. Спб. 1863 г. Изд. Бакста. 170 стр. Ц. 25 к.

Хангаловъ, М. Н. Балаганскій Сборникъ. Сказки сѣверныхъ буряты. 1903 г.

Цейтлинъ, И. Поморскія народныя сказки («Изв. Архангельск. Общ. изуч. русск. Сѣвера». 1911 г., №№ 2 и 3).

Чистяковъ, С. Собраніе русскихъ народныхъ сказокъ. Спб. Изд. Исакова. 1880 г.

Чубинскій. Малорусскія сказки. «Труды Этнограф. Экспед.», т. 2. Спб. 1878 г.

Шейнъ, П. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, т. II. 1893 г.

Кромѣ того, много сказокъ помѣщено въ «многотомномъ» Сборникѣ матеріаловъ для изученія мѣстности и племенъ Кавказа», въ специальныхъ изданіяхъ, какъ «Живая Старина» и «Этнографическое Обзорѣніе». Въ «Этнографич. Обзорѣніи» печатается очень полная библиографія по отдѣльнымъ народностямъ.

Въ заключеніе приводимъ нѣсколько сборниковъ русскихъ сказокъ въ иностранныхъ переводахъ. Большинство ссылокъ взято изъ прекраснаго библиографическаго указателя въ сочин. Emmanuel Cosquin. Contes populaires de Lorraine. Paris. 1887 г. Deux volumes.

Dietrich, A. Russische Volksmärchen, mit einem Vorwort v. I. Grimm. Leipzig. 1831. (А. Котляревскій замѣчаетъ: «Какъ ни странно, но первое добротпорядочное изданіе русскихъ сказокъ вышло на нѣмецкомъ яз.» По его словамъ, почти всѣ сказки здѣсь съ лубочныхъ изданій. — Сочиненія, т. I, стр. 574).

Echos du Volga. Contes russes trad. en français par E. Porry. Ed. 2. Paris. 1871.

Goldschmidt, W. Russische Märchen. Leipzig. 1883.

Leskien, A. und Brugman, K. Litauische Volkslieder und Märchen aus dem preussischen und dem russischen Litauen. Strassburg. 1882.

Naake, I. Slavonic Fairy Tales collected and translated from the Russian, Polish, Servian and Bohemian. London. 1874.

Ralston, W. R. S. Russian Folk-tales. London. 1873. Французскій переводъ Bruyere. Paris. 1874.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА ¹⁾.

Между разнообразными памятниками устной народной словесности (пѣснями, пословицами, поговорками, причитаніями, заговорами и загадками) весьма видное мѣсто занимаютъ *сказки*. Тѣсно связанныя, по своему складу и содержанію, со всѣми другими памятниками народного слова и исполненныя древнихъ преданій, онѣ представляютъ много любопытнаго и въ художественномъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Важное значеніе народныхъ сказокъ, какъ обильнаго матеріала для исторіи словесности, филологіи и этнографіи, давно признано и утверждено даровитѣйшими изъ германскихъ ученыхъ. Они не только поспѣшили собрать свои народныя сказки и легенды, но еще усвоили нѣмецкой литературѣ въ прекрасныхъ переводахъ почти все, что было издано по этому предмету у другихъ народовъ. Конечно, нигдѣ не обращено такого серьезнаго вниманія на памятники народной словесности, какъ въ Германіи, и въ этомъ отношеніи заслуга нѣмецкихъ ученыхъ, дѣйствительно, велика, и нельзя не пожелать, чтобы благородный трудъ, подъятый ими на пользу народности, послужилъ и намъ благимъ примѣромъ. Пора, наконецъ, и намъ дѣльнѣй и строже заняться собраніемъ и изданіемъ въ свѣтъ простонародныхъ сказокъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ поэтическаго и ученаго достоинствъ подобнаго сборника, онъ можетъ съ пользою послужить для первоначальнаго воспитанія, представляя занимательные рассказы для дѣтскаго чтенія. Разумѣется, предпринимая изданіе съ этою послѣднею цѣлью, необходимо допустить строгій выборъ, но такой выборъ легко будетъ сдѣлать. Увлекаясь простодушною фантазіей народной сказки, дѣтскій умъ нечувствительно привыкнетъ къ простотѣ эстетическихъ требованій и чистотѣ нравственныхъ побужденій и познакомится съ чистымъ народнымъ языкомъ, его мѣткими оборотами и художественно-вѣрными природѣ описаніями. Мысль эту раздѣляли лучшіе изъ нашихъ поэтовъ: Жуковскій и Пушкинъ, познакомившіе публику съ нѣкоторыми народными сказками, передавая ихъ простое содержаніе въ прекрасныхъ стихахъ. Жуковскій, подъ конецъ своей жизни, думалъ исключительно заняться переводомъ сказокъ различныхъ народовъ; а Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ о себѣ: «Вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

¹⁾ Къ изданію 1873 г.

Цѣль настоящаго изданія — объяснить сходство сказокъ и легендъ у различныхъ народовъ, указать на ученое и поэтическое ихъ значеніе и представить образцы русскихъ народныхъ сказокъ.

Мы не разъ уже говорили о доисторическомъ сродствѣ преданій и повѣрій у всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени. Такое родство условливалось, во-первыхъ, одинаковостью первоначальныхъ впечатлѣній, возбужденныхъ въ человѣкѣ видимою природою, обожаніе которой легло въ основу его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, въ эпоху младенчества народовъ; во-вторыхъ, единствомъ древнѣйшаго происхожденія нынѣ столько разъединенныхъ народовъ. Раздѣляясь отъ единого корня на отдѣльныя вѣтви, они вынесли изъ прошлой своей жизни множество одинаковыхъ преданій и доказательства своего изначальнаго родства затаили въ звукахъ родного слова. Доказано, что тою же творческою силою, какою создавался языкъ, создавались и народныя вѣрованія и вѣрная ихъ представительница — народная поэзія; образование слова и мифа шло одновременно, и взаимное воздѣйствіе языка на созданіе мифическихъ представленій и мифа на рожденіе слова не подлежитъ сомнѣнію. Теперь, если мы припомнимъ, что народныя сказки древнѣйшей первичной формаціи сохранили въ себѣ много указаній и намековъ на сѣдую старину доисторическаго періода, что онѣ суть обломки древнѣйшаго поэтическаго слова — эпоса, который былъ для народа хранилищемъ его вѣрованій и подвиговъ, — для насъ будетъ понятно и то удивительное съ перваго взгляда сходство, какое замѣчается между сказками различныхъ народовъ, живущихъ на столь отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ и столь разною историческою жизнью. Особенно такое сходство замѣчается между сказками народовъ, состоящихъ въ наиболѣе близкомъ племенномъ родствѣ, наприм., между сказками славянскими, литовскими и нѣмецкими. Читатели убѣдятся въ этихъ высказанныхъ нами мнѣніяхъ изъ подробнаго сличенія народныхъ сказокъ, на которомъ мы, съ надеждою пояснить многія старинныя преданія, основываемъ примѣчанія къ нашему изданію 1).

Народныя русскія сказки раскрываютъ предъ нами обширный міръ. Повѣрья и преданія, встрѣчаемыя въ нихъ, говорятъ о старинномъ доисторическомъ бытѣ славянскихъ племенъ; олицетворенныя стихіи, вѣщія птицы и звѣри, чары и обряды, таинственныя загадки, сны и примѣты — все послужило мотивами, изъ которыхъ развился сказочный эпосъ, столько плѣнительный своею младенческою наивною, теплою

1) Примѣчанія, съ одной стороны, пополнены указаніями на вышедшіе послѣ 1863 года сборники сказокъ разныхъ народовъ, а съ другой — сокращены, съ исключеніемъ изъ нихъ всего того, что отнесено въ напечатанный нами опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, подъ заглавіемъ: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу». М. 1866 — 1869, 3 тома, на которые и сдѣланы, гдѣ нужно, надлежащія ссылки.

любовью къ природѣ и обаятельною силою чудеснаго. Могучія силы и поразительныя явленія природы, признанныя въ эпоху язычества за боговъ, вслѣдствіе обычнаго развитія древнихъ вѣрованій воплощались не только въ птицъ и звѣрей, но и въ антропоморфическіе образы и, сблизившись мало-по-малу съ человѣческими формами и свойствами, снизошли, наконецъ, съ своей недостигаемой высоты на степень *героевъ*, доступныхъ людскимъ страстямъ и житейскимъ тревогамъ, и породили богатырскія сказанія, повѣствующія объ ихъ чудесныхъ подвигахъ. Таковы всѣ герои финской поэмы Калевалы и греческіе полубоги; таковъ нашъ змѣй-горынычъ, который въ «былинахъ» является уже богатыремъ, хотя и сохраняетъ всѣ атрибуты огненнаго змѣя (молніеносной тучи); таковы въ народныхъ сказкахъ великаны и богатыри, удержавшіе даже свои стихійныя названія: *Вихорь*, *Громъ*, *Градъ*. Эти сказочные герои усвоили себѣ то страшное могущество, какое принадлежитъ силамъ природы, и получили громадныя, соотвѣтственные этому могуществу, размѣры; самое слово *богатырь* (отъ слова *богъ* чрезъ прилагательное *богатъ*; сравни латинск. *deus*, *dives*, *divus* отъ корня *div* — блистать, свѣтить, откуда и наши баснословныя *дивы*) означаетъ существо, надѣленное высшими, божескими качествами. Трудные подвиги богатырей и ихъ битвы съ великанами и зміями суть только образныя, поэтическія изображенія естественныхъ явленій, такъ могущественно вліяющихъ на производительность земли. Солнце, закрываемое темными тучами, въ народныхъ сказкахъ представляется златокудрою дѣвой неописанной красоты, похищаемою зміемъ, который уноситъ ее въ свои неприступныя горы и ограждаетъ крѣпкими затворами; освободителемъ красной дѣвицы является богатырь, владѣтель чудодѣйственнаго меча-саморуба, т.-е. самъ Перунъ, божество грозы и молніи: онъ проникаетъ въ мрачныя подземелья, выпиваетъ тамъ всю сильную воду и поражаетъ змія или, говоря простымъ, обыкновеннымъ языкомъ, онъ разбиваетъ тучи молніей, проливаетъ на землю дождь и выводитъ изъ зміинныхъ пещеръ дѣву-солнце. Другой рядъ народныхъ сказокъ въ такихъ же пластическихъ образахъ изображаетъ годовое обращеніе этого свѣтила. Невѣста-земля, въ полномъ цвѣтѣ и роскоши своихъ лѣтнихъ уборовъ, вдругъ подъ вліаніемъ чаръ злой колдуньи-зимы превращается въ камень и засыпаетъ долгимъ непробуднымъ сномъ; во всемъ царствѣ ея жизнь пріостанавливается и какъ бы застываетъ до тѣхъ поръ, пока жаркій поцѣлуй молодого царевича — весенняго солнца — не разбудитъ красавицы для любви и общей радости. Пробужденная невѣста вступаетъ въ бракъ съ свѣтозарнымъ царевичемъ, и земля начинаетъ свои роды.

Позднѣе сказка, вѣрная народной жизни, отразила въ своихъ богатырскихъ повѣстяхъ черты изъ эпохи великой борьбы христіанскихъ идей съ языческими; многія изъ древнихъ преданій были подновлены, согласно съ вновь возникшими взглядами и убѣжденіями, и нѣкоторыя

эпическія сказанія получили легендарную обстановку, хотя, впрочемъ, изъ-за этихъ подновленій до сихъ поръ еще сквозитъ дохристианская старина. Сильногомучіе богатыри, побѣдители сказочныхъ великановъ и многоглавныхъ змievъ, въ «былинахъ» уже сражаются противъ какого-то Идолица и невѣрныхъ народовъ; на своихъ крѣпкихъ плечахъ они выносятъ безпрестанныя и безошадныя битвы съ *погаными* азіатскими кочевниками и отстаиваютъ независимость и государственныя основы родной земли, тогда какъ великаны и зміи выступаютъ защитниками басурманства. Еще позднѣе — и народная сказка, свидѣтельствуя намъ о нѣкоторыхъ чертахъ древняго новгородскаго быта (см. Рус. нар. сказки Сахарова), вводитъ читателя въ міръ дѣйствительныхъ событій и чрезъ то сближаетъ его съ чисто историческимъ эпосомъ Слова о Полку, малороссійскихъ думъ и народныхъ пѣсень о Грозномъ, Петрѣ Великомъ и другихъ знаменитыхъ дѣятеляхъ.

Составляя вмѣстѣ съ «былинами» отрывки стариннаго эпоса, сказки уже по тому самому запечатлѣны прочнымъ художественнымъ достоинствомъ. Въ доисторическую эпоху своего развитія народъ необходимо является поэтомъ. Обогащая природу, онъ видитъ въ ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный въ созерцаніе ея торжественныхъ явленій и таинственныхъ силъ, народъ всѣ свои убѣжденія, вѣрованія и наблюденія воплощаетъ въ живые поэтическіе образы и высказываетъ въ одной неумолкаемой поэмѣ, отличающейся ровнымъ и спокойнымъ взглядомъ на весь міръ.

Народныя русскія сказки проникнуты всѣми особенностями эпической поэзіи; тотъ же свѣтлый и спокойный тонъ; то же неподражаемое искусство живописать всякій предметъ и всякое явленіе по впечатлѣнію, ими производимому на душу человѣка; та же обрядность, высказывающаяся въ повтореніи обычныхъ эпитетовъ, выраженій и цѣлыхъ описаній и сценъ. Разъ сказанное мѣтко и обрисованное удачно и наглядно уже не передѣлывается, а какъ будто застываетъ въ этой формѣ и постоянно повторяется тамъ, гдѣ это признано будетъ необходимымъ по ходу сказочнаго дѣйствія. Оттого, несмотря на неподдѣльную красоту языка, народныя сказки поражаютъ однообразностью, тѣмъ болѣе, что и темы разсказовъ, и дѣйствующія лица, и чудесное въ бѣльшой части подобныхъ произведеній повторяются, съ небольшими отступленіями. Народъ не выдумывалъ; онъ разсказывалъ только о томъ, чему вѣрилъ, и потому даже въ сказаніяхъ своихъ о чудесномъ съ вѣрнымъ художественнымъ тактомъ остановился на повтореніяхъ, а не отважился дать своей фантазіи произволь, легко переходящій должныя границы и увлекающій въ область странныхъ, чудовищныхъ представленій.

При всемъ однообразіи, замѣчаемомъ въ народныхъ сказаніяхъ, въ нихъ столько истинной поэзіи и столько трогательныхъ сценъ.

Съ какой поэтической простотой, напримѣръ, передана въ сказкѣ встрѣча Ѳедора Тугарина съ Анастасіей Прекрасною.

Поѣхаль Ѳедоръ странствовать. Ёдетъ, ёдетъ и на пути видитъ: лежать три рати-силы побитыя. «Кто здѣсь живой?» окликаетъ странствующій герой: «Скажи: кто побилъ эти рати?» Въ отвѣтъ ему слышится голосъ: «Подай воды напиться». Подаетъ Тугаринъ воды раненому и узнаетъ отъ него, что побѣдила всё три рати Анастасія Прекрасная, а сама отдыхаетъ теперь въ шатрѣ. Приѣхаль Тугаринъ къ шатру Анастасіи Прекрасной, привязаль своего коня, вошелъ въ палатку, легъ сбоку дѣвицы и заснулъ. Анастасія Прекрасная проснулась прежде; разбудила незваннаго гостя и сказала: «А что, станемъ биться или мириться?» Отвѣчалъ ей Тугаринъ: «Коли наши кони станутъ биться, тогда и мы попробуемъ силы!» — и спустили они своихъ коней. Кони обнюхались, стали лизать другъ друга и пошли дружно пастись вмѣстѣ. Тогда Анастасія Прекрасная сказала Ѳедору Тугарину: «Будь ты мнѣ мужемъ, я тебѣ женою!»

Какъ ото всёхъ народныхъ произведеній, отъ сказокъ вѣетъ поэтическою чистотой и искренностью; съ дѣтской наивною и простотою, подчасъ грубою, онѣ соединяють честную откровенность, и свои повѣствованія передають безъ всякой затаенной ироніи и ложной чувствительности. Мы говоримъ о сказкахъ древнѣйшаго образованія. Въ позднѣйшемъ своемъ развитіи и сказка подчиняется новымъ требованіямъ, какія бываютъ порождены ходомъ дальнѣйшей жизни, является послушнымъ орудіемъ народнаго юмора и сатиры и утрачиваетъ первоначальное простодушіе. (См. сказки о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, о Шемякиномъ судѣ и др.). Но всегда сказка, какъ созданіе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды; она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобою. Напечатанная нами сказка о *правдѣ и кривдѣ* задаетъ практическій вопросъ: какъ лучше жить — правдою или кривдою? Здѣсь выведены два лица, изъ которыхъ каждое держится противоположнаго мнѣнія: правдивый и криводушный. Правдивый — терпѣливъ, любитъ трудъ, безъ ропота подвергается несчастію, которое обрушилось на него по злобѣ криводушнаго, а въ послѣдствіи, когда выпадаютъ на его долю и почести и богатство, онъ забываетъ обиду, какую причинилъ ему криводушный, вспоминаетъ, что нѣкогда они были товарищами, и готовъ помочь ему. Но чувство нравственное требуетъ для своего успокоенія полного торжества правды — и криводушный погибаетъ жертвою собственныхъ разчетовъ. На такомъ нравственномъ началѣ создалась бѣольшая часть сказочныхъ интригъ.

Несчастіе, бѣдность, сиротство постоянно возбуждаютъ народное участіе. Цѣлый рядъ сказокъ преслѣдуетъ нелюбовь и ненависть мачехи къ падчерицамъ и пасынкамъ и излишнюю, зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Этотъ типъ мачехи, обрисо-

ванный народными сказками, составляет одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на особенности патріархальнаго быта и вполнѣ оправдывается и древнимъ значеніемъ сиротства и свадебными пѣснями о судьбѣ *молодой* среди чуждой для нея семьи. Мачеха, по народнымъ сказкамъ, завидуетъ и красотѣ, и дарованіямъ, и успѣхамъ своихъ пасынковъ и падчерицъ, особенно если сравненіе съ этими послѣдними ея собственныхъ дѣтей, безобразныхъ и лѣнивыхъ, заставляетъ ее внутренно сознаваться въ томъ, чему такъ неохотно вѣрить материнское сердце. Мачеха начинаетъ преслѣдовать бѣдныхъ сиротъ, задаетъ имъ трудныя, невыполнимыя работы, сердится, когда они удачно выполняютъ ея приказанія, и всячески старается извести ихъ, чтобы не имѣть передъ глазами постоянного и живого укора. Но несчастія только воспитываютъ въ сиротахъ трудолюбіе, терпѣніе и глубокое чувство любви ко всѣмъ страждущимъ и состраданіе ко всякому чужому горю. Это чувство любви и состраданія, такъ возвышающее нравственную сторону человѣка, не ограничивается тѣсными предѣлами людскаго міра, а обнимаетъ собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при видѣ раненой птицы, голоднаго звѣря, выброшенной на берегъ морскою волной рыбы и больного дерева. Во всемъ этомъ много трогательнаго. Нравственная сила спасаетъ сироту отъ всѣхъ козней; напротивъ, зависть и злоба мачехи подвергаютъ ее наказанію, которое часто испытываетъ она на родныхъ своихъ дѣтяхъ, испорченныхъ ея слѣпою любовью, и потому гордыхъ жестокосердыхъ и мстительныхъ.

Съ этой точки зрѣнія особенно интересно представляется намъ роль младшаго изъ трехъ братьевъ, дѣйствующихъ въ сказкѣ, Большая часть народныхъ сказокъ, слѣдуя обычному эпическому приему, начинается тѣмъ, что у отца было три сына: два—умные, а третій—*дурень*. Старшіе братья называются умными въ томъ значеніи, какое придается этому слову на базарѣ житейской суеты, гдѣ всякій думаетъ только о своихъ личныхъ интересахъ; а младшій—глупымъ въ смыслѣ отсутствія въ немъ этой практической мудрости: онъ простодушенъ, незлобивъ, сострадательнъ къ чужимъ бѣдствіямъ до забвенія собственной безопасности и всякихъ выгодъ. Согласно съ этимъ слова: *хитрый и злой*, въ областныхъ говорахъ значать: ловкій, искусный, умный, острый ¹⁾. Народная сказка, однако, всегда на сторонѣ нравственной правды, и по ея твердому убѣжденію выигрышъ постоянно долженъ оставаться за простодушіемъ, незлобіемъ и сострадательностью меньшого брата. Очевидно, что эпическая поэзія истинно-разумнымъ признаетъ одно добро, а зло, хотя и слыветъ таковымъ между людьми, но вводитъ своихъ поклонниковъ въ безвыходныя ошибки и нерѣдко подвергаетъ ихъ неизбѣжной гибели; слѣдовательно, оно-то и есть истинно-неразумное. Въ сказкѣ «Норка-звѣрь» три брата отправляются искать этого чуднаго

¹⁾ «Отечеств. Записки», 1852 г., ноябрь, критика, стр. 16.

звѣря; имъ предстоятъ многія опасности. Старшіе братья обнаруживаютъ при этомъ всю слабость духа и отстраняютъ отъ себя трудный подвигъ, но когда третій братъ смѣлостью преодолеваетъ все опасности, они замышляютъ завладѣть добытымъ имъ счастьемъ и посягаютъ на самую жизнь этого добродушнаго дурня. На возвратномъ пути изъ странъ подземнаго міра онъ готовъ былъ уже подняться на Русь по нарочно опущенному канату, но братья обрѣзываютъ канатъ и лишаютъ его послѣдней надежды возвратиться когда-нибудь въ родную семью. Въ такой бѣдѣ его спасаетъ то высокое чувство любви, которое не допускаетъ въ сердце бѣдняка ни малѣйшаго ожесточенія даже послѣ столь горестнаго обмана. Оставленный въ подземномъ царствѣ, младшій братъ заплакалъ и пошелъ дальше. Поднялась буря, заблестала молнія, загремѣлъ громъ, и полился дождь. Онъ подошелъ къ дереву, съ надеждою укрыться подъ его вѣтвями отъ непогоды; смотритъ, а на томъ деревѣ сидятъ въ гнѣздѣ маленькія пташки и совсѣмъ измокли отъ дождя. Сострадательный дурень снялъ съ себя одежду и накрылъ птичекъ. Вотъ прилетѣла на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свѣтъ, и, какъ увидала своихъ дѣтей накрытыми, спросила: «Кто накрылъ моихъ пташекъ? Это — ты! Спасибо тебѣ; проси отъ меня, чего хочешь!» и по просьбѣ бѣдняка выносить его на своихъ могучихъ крыльяхъ на Русь.

Таково въ немногихъ словахъ значеніе народной сказки. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней найдется многое, что не можетъ удовлетворить нашимъ образованнымъ требованіямъ и взглядамъ на природу, жизнь и поэзію; но если въ зрѣлыхъ лѣтахъ мы любимъ останавливать свой взоръ на дѣтскихъ играхъ и забавахъ, и если при этомъ невольно пробуждаются въ насъ тѣ чистѣйшія побужденія, какія давно были подавлены подъ бременемъ вседневныхъ заботъ, то не съ той ли теплою любовью и не съ тѣми ли освѣжающими душу чувствами можетъ образованный человѣкъ останавливать свое вниманіе на этой поэтической чистотѣ и дѣтскомъ простодушіи народныхъ произведеній?

СКАЗКИ.

Сказка въ центральной Великороссіи.

Рис. М. Щеглова.

Б.вс. П. Шестова.

Сказка въ пентэвурной Великороссіи.

1. Лисичка-сестричка и волкъ.

а. Жиль себѣ дѣдь да баба. Дѣдь говоритъ бабѣ: «Ты! баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой». Наловиль рыбы и везеть домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдь слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ», сказалъ дѣдь, взявъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку изъ воза все по рыбакѣ да по рыбакѣ, все по рыбакѣ да по рыбакѣ. Повыбросала всю рыбу — и сама ушла. «Ну, старуха, говоритъ дѣдь, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу». — «Гдѣ?» — «Тамъ на возу — и рыба и воротникъ». Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ахъ, ты старый хрѣнь! такой сякой! ты еще вздумалъ обманывать!» Тутъ дѣдь смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погореваль-погореваль, да дѣлать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣсть себѣ. Навстрѣчу ей идетъ волкъ: «Здравствуй, кумушка!» — «Здравствуй, куманекъ!» — «Дай мнѣ рыбки!» — «Налови самъ, да и ѣшь». — «Я не умѣю». — «Эка, вить я же наловила; ты куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ пролубъ — рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь». Волкъ пошелъ на рѣку, опустил хвостъ въ пролубъ: дѣло-то было зимою. Ужъ онъ сидѣль-сидѣль, цѣлую ночь просидѣль, — хвостъ его и приморозило; попробоваль было приподняться — не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, — и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотрить, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: «Волкъ, волкъ! бейте его! бейте его!» Прибѣжали и начали колотить волка — кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгаль-прыгаль, оторваль себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжить. А волкъ ей навстрѣчу: «Такъ-то учишь ты? Меня всего исколотили!» — «Эхъ, куманекъ, говоритъ лисичка-сестричка, у тебя

хоть кровь выстушила, а у меня мозгъ, — меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь». — «И то правда, говоритъ волкъ: гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ итти; садись на меня, — я тебя доведу». Лисичка сѣла ему на спину, онъ ее и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ да потихоньку и говоритъ: «Битый небитаго везетъ, битый небитаго везетъ!» — «Что ты, кумушка, говоришь?» — «Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ». «Такъ, кумушка такъ!»¹⁾

«Давай, куманекъ, построимъ себѣ хатки». — «Давай, кумушка!» — «Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную». Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ — лубяную, волку — ледяную, и живутъ

1) *Вариантъ 1-й:* Ъхаль лѣсомъ мужичокъ со снитками. Лисица на-крала сниточковъ у мужика, склала въ кувшинчикъ да и сѣла подъ стогъ пообѣдать. Бѣжить голодный волкъ. «Кума, кума, что ты ѣшь?» говоритъ онъ, увидавъ лису. «Сниточки», отвѣчаетъ она. «Дай-ко мнѣ!» — «Самъ налови!» — «Да я не умѣю», говоритъ волкъ. «А вотъ кувшинъ, надѣнь (вар.: А вотъ кошелка, прицѣпи) на хвостъ да и пусти въ пролубъ». Послушался волкъ, а лисица говоритъ про себя: «Ясни, ясни на небѣ звѣзды, мерзни волчій хвостъ!» Сама побѣжала въ деревню, попалась въ одной избѣ въ квашню головой и подняла тревогу. Бѣжить лисица изъ деревни прямо на волка, а за лисицей народъ. Волкъ отъ страху ну рваться, а хвостъ-отъ примерзъ; насилу полхвоста оторвалъ. Нагоняетъ волкъ лисицу въ лѣсу, а та прикинулася хворой: «Ахъ, кумъ! говоритъ, всю головушку избили, мочи нѣтъ итти». — «Такъ садись, кума, на меня», говоритъ волкъ. Вотъ и ѣдетъ лисица на волкѣ, сама поѣваетъ: «Битый небитаго везетъ!» — «Что ты, кума, говоришь?» спрашиваетъ волкъ. «Брежу, куманекъ!» отвѣчаетъ лисица, а сама, воровка, допѣваетъ: «у битаго гузка болитъ!» Вотъ те сказка, а мнѣ кринка масла. (Записана въ Переяславль-Залѣскомъ уѣздѣ Н. Бодровымъ).

Вариантъ 2-й: Вотъ въ одной деревнѣ на задворьи стояли зимой стога сѣна, и на одинъ изъ нихъ взобралась лисица; она промыслила гдѣ-то рыбки и кушала себѣ. Тутъ же случилось проходить ночью волку. Онъ увидалъ лисицу и сказалъ ей: «Здорово, кумушка!» — «Здравствуй, куманекъ», отвѣчала она. «Что ты ѣшь?» — «Рыбку». — «Да гдѣ ты взяла?» — «Наловила въ прудѣ». — «Какимъ бы то способомъ?» — «Коли хочешь, научу». — «Спасибо скажу». — «Ну, пойдѣмъ». И повела кума къ пролуби: «Вотъ садись и хвостъ опусти въ воду, а рыбка и всползетъ на него грѣться». Кумъ сѣлъ и хвостъ опустилъ въ пролубъ, а кума ворчить: «Ясни, ясни на небѣ, мерзни, мерзни волчій хвостъ!» — «Да что ты, кума, говоришь?» — «И, батюко, скликаю рыбку-то стебѣ». — «Ну, спасибо!» Когда лиса увидѣла, что пролубь замерзла, она сказала: «Побѣгу въ деревню за медомъ». Побѣжала, — и слѣдъ ея простыль. А обманутаго волка съ примерзлымъ хвостомъ увидали на прудѣ мужики и убили его. Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не кануло. (Записана во Владимірѣ).

Сказка о лисѣ и волкѣ въ Тамбовской губерніи оканчивается нѣсколько иначе. Встрѣчается избитый волкъ съ лисою. «Бирюшка, бирюшка! (бирюкъ — волкъ) а гдѣ же ты хвостъ-то потерялъ?» спрашиваетъ лиса. «Да вотъ я отъ твоей науки принялъ такой муки, что и хвостъ-то потерялъ!» — «Цц! бирюшка! съ кѣмъ бѣда не живетъ; посмотри-ка, мнѣ и головушку-то всю испробили». Волкъ сажаетъ лису на себя и везетъ; она припѣваетъ: «Битый небитаго везетъ». Волкъ услышалъ припѣвъ лисы, увидѣлъ, что она смѣется надъ нимъ, и растерзалъ ее.

въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А, кумушка, говорить волкъ: ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть». — «Пойдемъ, куманекъ, еще поканаемся, кому-то кого достанется ѣсть». Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ: «Прыгай! Если ты перепрыгнешь черезъ яму—тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь — мнѣ тебя ѣсть». Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говорить лисичка, сиди же тутъ!» — и сама ушла.

Идетъ она, несетъ скалочку въ лапкахъ и просится къ мужичку въ избу: «Пусти лисичку-сестричку ночевать». — «У насъ и безъ тебя тѣсно». — «Я не потѣсню васъ: сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а послѣ спрашиваетъ: «Гдѣ же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!

Стукъ, стукъ, стукъ! — стучится она въ избу къ другому мужику. «Кто тамъ?» — «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У насъ и безъ тебя тѣсно». — «Я не потѣсню васъ: сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку. Рано утромъ она вскочила, схватила гусочку, опцпала ее, съѣла и говоритъ: «Гдѣ же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возьму!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку!

Стукъ, стукъ, стукъ! — стучится она въ избу къ третьему мужику. «Кто тамъ?» — «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У насъ и безъ тебя тѣсно». — «Я не потѣсню васъ: сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку». Ее пустили. Вотъ она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Рано утромъ лисичка вскочила, схватила индюшечку, опцпала ее, съѣла и говоритъ: «Гдѣ же моя индюшечка? Я за нее не возьму и невѣсточку!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за индюшечку невѣсточку; лисичка посадила ее въ мѣшокъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку,
За индюшечку — невѣсточку!

Стукъ, стукъ, стукъ! — стучится она въ избу къ четвертому мужику. «Кто тамъ?» — «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У насъ и безъ тебя тѣсно». — «Я не потѣсно васъ: сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку». Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку. Мужикъ потихоньку выпустилъ изъ мѣшка невѣсточку, а впахалъ туда собаку. Вотъ поутру лисичка-сестричка собралась въ дорогу, взяла мѣшокъ, идетъ и говорить: «Невѣсточка, пой пѣсни!» а собака какъ зарычить. Лисичка испугалась, какъ шваркнетъ мѣшокъ съ собакою — да бѣжать.

Вотъ бѣжитъ лисичка и видитъ: на воротахъ сидитъ пѣтушокъ. Она ему и говорить: «Пѣтушокъ, пѣтушокъ! слѣзь сюда, я тебя исповѣдаю: у тебя семьдесятъ женъ, — ты всегда грѣшонъ». Пѣтухъ слѣзь: она хватъ его и скушала.

(Записана въ Бобровскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи).

в. Былъ себѣ дѣдъ и баба. У дѣда былъ пѣтушокъ, а у бабы — курочка. Въ одинъ день пошли они на смитьячко¹⁾ поискать себѣ пици; пѣтушокъ нашель пшеничный колосъ, а курочка нашла маковку. Съ этого колоска дѣдъ вымолотилъ зерно, смолотъ муку; а баба, вычистивши маковку, растерла макъ, смѣшала съ медомъ и съ дѣдовой муки сдѣлала пирожокъ съ тертымъ макомъ, и, за неимѣніемъ, по бѣдности, печки и огня, положила тотъ пирожокъ на окнѣ своей избушки, чтобы на солнышкѣ испекся.

Въ то время проходила лисичка съ волчиномъ. Лисичка и говорить: «А что, волчику-братику, украдемъ этотъ пирожокъ и раздѣлимъ его между собою по-братски». — «Хорошо, лисичко-сестричко, украдемъ». Лисичка украла. Отошедши въ сторону, она замѣтила, что будто бы пирожокъ еще не допекся, и что для этого надобно ему еще пожариться на солнышкѣ. «А мы между тѣмъ уснемъ, а проснувшись смаченько²⁾ позавтракаемъ», — такъ улещала лисичка волчика-братика, который вскорѣ и уснулъ. Она въ то время къ пирожку, разломилла, сладкую начинку съѣла, а туда наклала... съ позволенія сказать — сами догадаетесь чего... и, залѣпивъ, положила. Волчикъ проснулся и лиса за нимъ. Принялись дѣлиться пирожкомъ, и первая лиса замѣтила, что не та уже въ пирожкѣ начинка, и напустилась на волка. Волкъ божится, клянется, землю ѣсть³⁾, — куда! лиса не вѣритъ. Наконецъ предлагаетъ испытаніе: лечь обоимъ противъ солнца, и у кого отъ жару выступитъ на тѣлѣ воскъ тотъ и съѣлъ медъ. Согласились. Волчикъ

¹⁾ Смѣтье — соръ.

²⁾ Вкусно.

³⁾ Это любопытное указаніе на старинный обрядъ клятвы. Вадимъ Пасекъ свидѣтельствуетъ, что на Украинѣ были примѣры, когда клятва скрѣплялась цѣлованіемъ земли, и такая клятва почиталась самою важною и священою. (Путевыя записки, стр. 151—2).

безпечно уснулъ, а лиса побѣжала въ ближнюю пасѣку¹⁾ украла сотъ, съѣла, а вощинами всего волка облѣпила. Проснувшись и бывъ изобличенъ, волкъ повинился, что онъ и самъ не помнитъ, какъ это случилось, но послѣ такого яснаго доказательства винится и очень охотно подчиняется приговору лисички-сестрички, чтобы при первой добычѣ не имѣть ему въ ней доли, а всю уступить лисѣ. Вотъ и разошлись въ разныя стороны для промыслу.

Лисичка, завидѣвъ, что идетъ фура чумаковъ, легла на дорогѣ, разметалась, будто неживая, и начала подфунивать²⁾ изо всей мочи. Чумаки ее завидѣли и сочли сначала живою; но подойдя ближе, когда слышали, что за нѣсколько шаговъ она такъ сильно смердитъ, закричали: «Вона здохла; бачъ³⁾, якъ воня!» и, взявъ ее, положили на возъ съ рыбою. Первое дѣло ея было — прогрызть у воза лубки, и потомъ начала выкидывать рыбу. Накидавши, сколько ей надобно было, она благополучно дала тягу съ воза, подобрала всю рыбу въ кучу и начала преисправно ее кушать. Волкъ, побродивши вездѣ, безъ успѣха возвращался на сборное мѣсто и увидѣлъ лису за такимъ роскошнымъ пиромъ. «Лисичко-сестричко! дай мнѣ хоть маленькую рыбку...» — «О, волчику-братику! налови себѣ, какъ я наловила, да и ѣшь, сколько душѣ угодно». — «Лисичко-сестричко! дай мнѣ хоть головку». — «О, волчику-братику, ни косточки. Я утомилась, пока ее наловила, и очень голодна». — «Гдѣ, какъ и чѣмъ ты ее наловила?» — «Самая бездѣлица! Вонъ недалеко рѣка; иди туда, вложи хвостъ въ прорубь, сиди и приговаривай: ловись, рыбка, и мала и велика, ловись, рыбка, и мала и велика! потомъ выдерни хвостъ, то увидишь, сколько вытянешь рыбы». Какъ уже лиса кончила свой обѣдъ, то и взялася довести его до проруби. Волкъ вложилъ свой хвостъ и началъ приговаривать⁴⁾: «Ловися, рыбка, и мала и велика!» А лиса, бѣгая около него, приговаривала: «Мерзни, мерзни, вовчій хвостъ!» — «Что ты лисичко-сестричко, говоришь?» — «То я тебѣ помогаю». А сама поминутно твердить: «Мерзни, мерзни, вовчій хвостъ!» — Волкъ скажетъ: «ловися, рыбка, и мала и велика!» а лиса: «мерзни, мерзни, вовчій хвостъ!» — Волкъ опять: «ловися, рыбка, и мала и велика!» а лиса: «мерзни, мерзни, вовчій хвостъ!» — Что ты, лисичко-сестричко, говоришь? — «То я тебѣ помогаю». Волкъ уже хочеть вытянуть свой хвостъ изъ проруби, но лиса запрещаетъ: «Погоди, еще мало наловилось!» И опять начинаютъ они приговаривать. Волкъ только что попробуетъ вытащить хвостъ, а лиса ему: «Погоди, еще рано». И какъ тогда былъ морозъ такой, що ажъ скалки⁵⁾ скачуть, то лиса, разочтя время, закричала на волка: тяни! Онъ потянулъ, но не тутъ-то было! Хвостъ его замерзъ въ рѣкѣ, и

1) Пасѣка—пчельникъ. 2) Вонять. 3) Смотри. 4) Приговоры волка сказочники передають толстымъ (грубымъ) голосомъ, басомъ, а приговоры лисицы тоненькимъ, мягкимъ. 5) Осколки.

волкъ не могъ освободить его, и самъ остался на мѣстѣ. Тогда лиса благимъ матомъ побѣжала въ село и начала кричать: «Сюда, люди! спѣшите бить волка, примерзъ къ ополонкѣ!»¹⁾ Всѣ бросились на волка: мужчины съ дубинами, съ топорами, бабы съ гребнями, съ днищами²⁾, всѣ на волка; били его, били, колотили до того, что волкъ не пожалѣлъ и хвоста, оторвалъ его и куцый³⁾ побѣжалъ, куда глаза глядятъ. Какъ же всѣ люди бросились къ нему на ледъ, то одинъ мужикъ покинулъ даже сани съ лошадыю. Волкъ, набѣжавъ на нихъ, вскочилъ въ сани, началъ погонять лошадь и, такимъ образомъ, выбрался изъ села.

А лиса среди общей суматохи, когда всѣ бросились бить волка, вскочила въ пустую избу, увидѣла квашню съ тѣстомъ, вскочила въ нее, выляпалась въ тѣсто, побѣжала на дорогу и легла. Недалеко за селомъ увидѣлъ волкъ на дорогѣ лисичку-сестричку избитую, израненную и едва⁴⁾ живую. Съ большимъ участіемъ бросился онъ къ ней, и она начала жаловаться, что и ее такъ больно прибили, что мозгъ изъ всѣхъ костей повыступалъ. «Крѣпись, лисичко-сестричко! вотъ и я хвоста лишился, да какъ же быть! Иди за мною, я еще покрѣпче тебя, буду тебя защищать». Лисичка начала проситься въ сани, но волкъ ей отказалъ и доказалъ, что и одному тѣсно. Нечего дѣлать! Пошла лиса тихо за ѣдущимъ волкомъ. Пройдя немного, начала упрямивать, чтобы хотя одну лапку—самую разбитую—положить на сани,—не болѣе какъ лапку. Волкъ долго отиѣкивался, наконецъ согласился. Положивши лапку, лиса послѣ долгихъ переговоровъ упростила и о другой, третьей, четвертой; потомъ умолила волка имѣть состраданіе и къ ея хвосту, который такъ жалко волочился, и уюстилась совсѣмъ въ санкахъ. Волкъ услышалъ, что санки трещать, началъ упрекать ее. «Это волчику-братуку, я орѣшки кусаю!» Поѣхали дальше; слышитъ волкъ, что санки опять трещать, и снова упрекаетъ лису. «Это, волчику-братуку, я орѣшки кусаю!» Наконецъ санки совсѣмъ разсыпались.

Волкъ пошелъ рубить дрова на сани, а лиса осталась пасти лошадь. Отъ скуки она выѣла у лошади всю внутренность, напихала туда живыхъ воробьевъ и дырку подъ хвостомъ заткнула соломой. У волка сани поспѣли, и онъ запрягъ лошадь. «Ну-ну! ну-ну!» — лошадь ни съ мѣста. Волкъ увидѣлъ, что изъ подъ хвоста у лошади торчитъ солома, и сказалъ: «Вотъ какъ обожралася, что и солома назадъ лѣзеть!» Вытянулъ ее... воробьи выпорхнули, и кожа лошадиная упала. Лиса, притворяясь все еще больною отъ побоевъ, послѣ продолжительнаго спора убѣдила волка, чтобы онъ везъ ее въ санкахъ. Волкъ повезъ и сталъ приговаривать: «Битый битую везеть! битый битую везеть!» А лисичка шепчетъ: «Битый небитую везеть!» — «Что ты, лисичко-

¹⁾ Прорубь на льду. ²⁾ Днище—донце, дощечка, въ которую втыкается придельный гребень. ³⁾ Безхвостый. ⁴⁾ Едва.

сестричко, говоришь? — «То я, волчику-братику, говорю: битый битую везеть!..»

(Записана въ Харьковскомъ уѣздѣ Г. О. Квиткою).

С. Была сабѣ лиска и вельми голодная. Бяжиць яна, дакъ бяжиць, ажъ ѣдуць рыбаловы; яна притаилася, лягла на землю и ляжиць. Тые рыбаловы паглядзѣли на лиску, и адзинь, каторы ѣхау з' заду, узяу тую лиску, дый¹⁾ укинуу у возъ. Лиска, сѣдзачи у возѣ, прогрызла дзиру и, выкидаушы усю рыбу празъ²⁾ тую дзиру, сама выскочила, пападбирала рыбу, дый ѣсць. Ёсць яна, дакъ ѣсць, ажъ прыходзиць воукъ. «Што ты, кумко-галубко, яси!» — «Рыбу, куме!» — «Дай жежъ ты мнѣ». — «Ото! кабъ³⁾ я табѣ давала! пайдзи, дый налови». — «А гдзѣ жъ я буду лавиць, кали не вѣдаю гдзѣ!» — «Водъ идзи за мною, то я табѣ пакажу». А тымъ часамъ дала воуку адну рыбку, кабъ йонъ разсмакавауся⁴⁾, и повяла яго. Прыходзяць яны да аднаго возяра⁵⁾ замерзлаго. Лиска прабила праломку⁶⁾ дый каже да воука: «Усадзи свой хвостъ у гѣтую праломку, то наберецца много рыбы». Воукъ, послухаушы хитрай лиски, усадзиу хвостъ у праломку и сядзиць. Лисица, зрабиушы тое, што хаѣла, зачала бѣгаць па возяри, кричаць: «Мерзни, мерзни, кумау хвостъ!» — «Што гаворишь, кумко?» каже воукъ. «Я кажу, кабъ бралася рыбка маленькая и вяликая». Сядзѣу воукъ, сядзѣу у праломцы, ажъ поки не примѣрзъ хвостъ. Лиска убачиушы, што кумау хвостъ примѣрзъ, пабѣгла у сяло даць знать, кабъ воука ишли биць. Людзи, пачуушы⁷⁾, што кричаць на воука, пабѣгли заразъ з' кіями, з' булавами биць воука. А кума пабѣгла у хату, гдзѣ мясили хлѣбъ, укачалася у рацину⁸⁾, выбѣгла, сѣла на стогъ, дый сядзиць. А воукъ, пачуушы людзей, якъ зачау рвацца, дый адарвау хвостъ, и самъ ледва⁹⁾ уцѣокъ. Бяжиць йонъ, дакъ бяжиць, ажъ бачиць: на стагу сядзиць лиска дый ѣсць. «Кумко-галубко, бачишь, якая ты благая!¹⁰⁾ ашукала¹¹⁾ мене. Хотя за тое дай што ѣсци». — «На, лизни разъ», сказала лиска, дый пазволила разъ лизнуць. Воукъ, лизнуушы, захаѣу други разъ, дый изноу зачау прасиць ще. «Не дамъ ужо больше, бо мнѣ балиць, бо я ѣмъ сваи мазги; кали хочешъ ѣсци, разганися галавой у сасну, разби(ей) галаву, дый яси!» Той воукъ изноу паслухау хитрай лиски, пашоу у лѣсъ, дый якъ разагнауся абъ сасну галавой, дакъ и забиуся на смерць. Лиска, убачиушы, што воукъ забиуся, пашла, зѣбла усѣ мазги воука, дый схавалася¹²⁾ у нару.

(Записана въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Гродненской губернии, М. Дмитріевымъ).

1) Да и. 2) Чрезъ, сквозъ, польск. przez. 3) Чтобъ. 4) Смаковать — отвѣдать, пробовать. 5) Озера. 6) Прорубь. 7) Послышавъ. 8) Вымазалась въ тѣсто; рацина — мучной растворъ. 9) Едва. 10) Недобрая, дурная. 11) Обманула. 12) Спряталась.

d. Якъ була соби лисичка, да-й пишла разъ до однихъ бабы добувать огню; вишла у хату да-й каже: «Добрый день тоби, бабусю! дай мини огня». А баба тильки що выиняла изъ печи пирожокъ изъ макомъ, солодкѣй, да-й положила, щобъ винъ прохоловъ ¹⁾; а лисичка се и пидгледала, да тильки що баба нахилилась ²⁾ у щчь, щобъ достать огня, то лисичка заразъ ухватила пирожокъ да и драла ³⁾ съ хаты, да бижучи весь макъ изъ ёго выйила, а туда смитья наклала. Прибигла на поле, ажъ тамъ пасуть хлопци бичкивъ. Вона и каже имъ: «Ей, хлопци! промѣняйте мини бичка-третячка ⁴⁾ за маковый пирожокъ». Тые согласились; такъ вона имъ говорить: «Смотрить же, вы не йижте заразъ сёго пирожка, а тоди уже разломите, якъ я зави(е)ду бичка за могилку; а то вы ёго не за що не разломите». Бачите вже, лисичка таки соби була розумна, що хотъ кого да обманить. Тые хлопци такъ и зробили; а лисичка, якъ зашла за могилу, да заразъ у лись и повернула, щобъ на дорози не догнали; пришла у лись да и зробыла соби санки, да-й йде. Коли йде вовчикъ: «Здорова була, лисичко-сестричко!» — «Здоровъ, вовчику-брату!» — «Дѣ ⁵⁾ се ты узала соби и бичка и санки?» — «Э! зробила». — «Пидвези жъ и мене. — «Э, вовчику, не можно». — «Мини хотъ одну нижку». — «Одну можно». Винъ и положивъ да отъйхавши немного и просить, чтобы еще одну положить. «Не можно, брату!» боюсь, щобъ ты саней не зломавъ». — «Ни, сестричко, не бі(о)йся!» да и положивъ другую нижку. Тильки що отъйхали, якъ щось и триснуло. «Бачишь, вовчику, уже и ломаешь санки. — «Ни, лисичко, се у мене бувъ оришокъ, такъ я розкусивъ». Да просить опять, щобъ и третю ногу положить; лисичка и ту пустила, да тильки що опять отъйхали, ахъ щось уже дужче ⁶⁾ триснуло. Лисичка закричала: «Охъ, лишечко! ⁷⁾ ты жъ мини, брату, зовсимъ ломаешь санки». — «Ни, лисичко, се я оришокъ розкусивъ». — «Дай же и мини; бачишь, якій, що самъ йишь, а мини и не даешь». — «Нима уже бильше, а я бъ давъ». Да и просить опять, щобъ пустила положить и послѣднюю ногу. Лисичка и согласилась. Такъ винъ тильки що положивъ ногу, якъ санки зовсимъ разломались. Тоди вже лисичка такъ на его разсердилась, що и сама не знала, щобъ робила! А якъ отошло сердце, вона и каже: Иди жъ, ледащо! ⁸⁾ да нарубай дерева, щобъ намъ опять изробить санки; тильки рубавши, кажи такъ: рубайся, дерево, и криве и пряме». Винъ и пишовъ да-й каже усе: «Рубайся жъ, дерево, усе пряме да пряме!» Нарубавши, и приносить; лисичка увидала, що дерево не таке, якъ йій нужно, опять разсердилась: «Ты, говорить, не казавъ видно такъ, якъ тоби велила!» — «Ни, я усе тее казавъ, що ты мини казала». — «Да чомусь не таке рубалось?

1) Остыль. 2) Наклонилась. 3) Убѣжала. 4) Третьякъ — теленокъ или жеребенокъ по третьему году. 5) Гдѣ. 6) Сильнѣе. 7) Уменьшительное отъ «лихо». 8) Негодный.

Ну, сиди жь ты тутъ, а я сама пиду нарубаю» — да и пишла у лисъ. А вовкъ дивиця, що винъ самъ остався; узявъ да пройивъ у бичка дирку, да выйивъ усе въ середини, да напускавъ туда горобцивъ ¹⁾, да ще соломою заткнувъ, поставивъ бичка, а самъ и втикъ ²⁾ Ажъ лисичка приходитъ, зробыла санки да-й сила и стала погонять: «Гей, бичокъ-третячокъ!» Тильки винъ не везе. Вотъ вона встала, щобъ поправить: може, що не такъ запряжено, да не хочачи одоткнула солому, а оттуда такъ и сыгнули горобци литить. Вона уже тоди побачила, що бичокъ неживый; покинула ёго да-й пишла.

Легла на дорози, ажъ дивиця: йиде мужикъ з' рибою: вѣ и притворилась, що здохла. Вотъ мужикъ и говоритъ: «Вѣдму я оцѣ ³⁾ лисицу, обдиру да хоть шапку соби сошью». Узявъ да и положивъ сзади у voза. Вона замѣтила, що мужикъ не смотритъ, стала ногами викидывать рыбу съ voза, а когда побачила, що навикидала уже богато, тоди потихесеньку и сама слизла; сила била ⁴⁾ рыбы да йистъ соби, — коли бижитъ опять той самый вовчикъ. Побачивши, що вона йистъ рыбу, прибигъ до еи да-й каже: «Здорова була, лисичко-сестричко! дѣ се ты набрала стильки рыбы?» Вона каже: «Наловыла, вовчику-братику!» А соби на думци: «подожди, и я зрѣблю з' тобою таку штуку, якъ и ты зо мною». — «Якъ же ты ловыла?» — «Такъ, вовчику: уложила хвостикъ въ ополонку, вожу тихенько да-й кажу: ловыся, рибка, мала и велика! Коли хочешъ, то и ты пиди, наловы соби». Винъ побигъ да зрѣбивъ такъ, якъ казала лисичка. А лисичка стала за деревомъ да-й дивиця; коли у вовчика зовсиль хвостикъ примерзъ, вона тоди побигла въ си(е)ло да-й кричить: «Идите, люди, вбывайте вовка!» Люди набигли съ кольями да и убили ёго.

е. Однажды лиса украли лошадь съ полной сбруей и съ телѣгою и давай разѣзжать по лѣсу. Попадается ей навстрѣчу медвѣдь: «Лисанька! посади меня», говоритъ медвѣдь. «Садись, сиволапый чортъ!» Медвѣдь сѣлъ. Поѣхали; попадается имъ волкъ. «Лисанька! посади меня», говоритъ волкъ. «Садись, сѣрый воръ!» Послѣ того попадается навстрѣчу косою заяць. «Лисанька! посади меня», говоритъ онъ. «Садись, косою!» Вотъ и поѣхали вчетверомъ и заѣли пѣсни. Вдругъ переломилась у нихъ оглобля. Лисица говоритъ медвѣдю: «Ступай ты, Мишенька, принеси оглоблю». Медвѣдь пошелъ по лѣсу — только лѣсъ трещить; перевалаялъ пропасть деревъ, наконецъ выбралъ самое большое толстое дерево и принесъ лисѣ: «Не годится это на оглоблю, сиволапый ты Мишка! Ступай ты, сѣрой волкъ!» говоритъ лисица. Волкъ пошелъ и принесъ также цѣлое дерево, но поменьше. «И это не годится, говоритъ лиса, поди принеси ты, косою заяць!» Заяць пошелъ и принесъ пруточекъ. «Всѣ вы ничего не смыслите! Пойду ужъ сама», говоритъ лисица. Пока она ходила, медвѣдь съ волкомъ и сѣли лошадь, а въ

1) Воробьевъ. 2) Убѣжалъ. 3) Эту. 4) Подлѣ, возлѣ.

шкуру лошадиную набили мху и опять запрягли, какъ бы живую лошадь. Лисица выбрала славную оглобельку; приходитъ къ телѣгѣ, а ужъ на ней нѣтъ ни медвѣдя, ни волка, ни зайца. Она перемѣнила оглобельку и начала погонять лошадь, а та ни съ мѣста. Стала ее дергать вожжами и бить палкою, — лошадь и свалилась. Слѣзла лиса съ телѣги, посмотрѣла на лошадь и увидала, что она набита мохомъ, а мясо все съѣдено; поплакала-поплакала и опять стала ходить по лѣсу пѣшкомъ.

Повадилась лиса таскать изъ садковъ рыбу. Мужики догадались и рѣшились изловить вора, а лиса, какъ смѣтливая баба, накравши въ послѣдній разъ рыбки, пошла гулять по лѣсу. Попадается ей навстрѣчу сѣрый волкъ. «Что ты ѣшь, лисанька?» спрашиваетъ волкъ. «Рыбку, куманекъ». — «Да гдѣ же ты ее берешь?» — «Да сама ловлю». — «Да какъ же ты ее ловишь? Научи-ка меня». — «Изволь, куманекъ! Возьми ведро, привяжи къ хвосту да и опусти въ пролубь: рыба и найдетъ сама къ тебѣ въ ведро; только ты часа два посиди у пролуби!» Волкъ такъ и сдѣлалъ; но только часа черезъ два хвостъ-то у него примерзъ къ пролуби, такъ что онъ какъ ни старался — оторвать его не могъ. Поутру пришли мужики и убили его.

Пришла лиса къ медвѣдю въ берлогу и выпросилась прозимовать у него. На зиму запаслась она цыплятами, положила ихъ подъ себя и ѣла понемножку. Медвѣдь однажды и спрашиваетъ: «Что ты, кумушка, ѣшь?» — «Да что, куманекъ, изо лба кишечки таскаю да и кушаю». — «И сладко?» спрашиваетъ медвѣдь. «Сладко, куманекъ». — «Дай-ко попробоватъ!» Она ему дала немного курятинки. Облакомился Мишка — и ну таскать себѣ изо лба кишечки; до тѣхъ поръ надрывался, пока не околѣлъ. А лисица этому и рада; ей и пищи на цѣлый годъ, и мягкая постель, и теплая конура.

(Записана въ Тверской губ.).

f. Шла лиса по дорожкѣ и нашла лапотокъ, пришла къ мужику и просится: «Хозяинъ, пусти меня ночевать». Онъ говоритъ: «Некуда, лисанька, — тѣсно». — «Да много ли мнѣ мѣста, я сама на лавку, а хвостъ подъ лавку». Пустили ее ночевать; она и говоритъ: «Положите мой лапотокъ къ вашимъ курочкамъ». Положили, а лисанька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встаютъ, она и спрашиваетъ свой лапоть; а хозяева говорятъ: «Лисанька, вить онъ пропалъ!» — «Ну, отдайте мнѣ за него курочку». Взяла курочку, приходитъ въ другой домъ и просить, чтобъ ея курочку посадили къ хозяйскимъ гуськамъ. Ночью лиса припрятала курочку и получила за нее утромъ гуська. Приходитъ въ новый домъ, просится ночевать и говоритъ, чтобъ ея гуська посадили къ барашкамъ; опять схитрила: взяла за гуська барашка и пошла еще въ одинъ домъ. Осталась ночевать и просить посадить ея барашка къ хозяйскимъ бычкамъ. Ночью лисанька украла

и барашка, а поутру требуетъ, чтобъ за него отдали ей бычка ¹⁾. Всѣхъ — и курочку, и гуська, и барашка, и бычка — она передумала, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дорогѣ. Идетъ медвѣдь съ волкомъ, а лиса и говоритъ: «Подите, украдъте сани, да поѣдьте кататься». Вотъ они украли и сани и хомуть, впрягли бычка въ сани, сѣли всѣ въ сани; лиса стала править и кричать: «Шню, шню! бычокъ, соломенный бочокъ, сани чужія (или: не наши), хомуть не свой, погоняй — не стой!» Бычокъ неидетъ. Она выпрыгнула изъ саней и закричала: «Оставайтесь, дураки!» а сама ушла. Медвѣдь съ волкомъ обрадовались добычѣ и ну рвать бычка; рвали-рвали — видятъ, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись по домамъ.

2. Лиса-повитуха.

а. Жили-были кумъ съ кумой — волкъ съ лисой. Была у нихъ кадочка медку. А лисица любитъ сладенькое; лежитъ кума съ кумомъ въ избушкѣ да украдкою постукиваетъ хвостикомъ. «Кума, кума! говоритъ волкъ, кто-то стучитъ». — «А, знать, меня на повой ²⁾ зовутъ!» бормочетъ лиса. «Такъ поди, сходи», говоритъ волкъ. Вотъ кума изъ избы да прямехонько къ меду, нализалась и вернулась назадъ. «Что Богъ даль!» спрашиваетъ волкъ. «П о ч а т о ч е к ѣ», отвѣчаетъ лисица. Въ другой разъ опять лежитъ кума да постукиваетъ хвостикомъ. «Кума! кто-то стучится», говоритъ волкъ. «На повой, знать, зовутъ!» — «Такъ сходи». Пошла лисица опять къ меду, нализалась досыта, — медку только на доньшкѣ осталось. Приходитъ къ волку. «Что Богъ даль?» спрашиваетъ онъ. «С е р е д ы ш е к ѣ». Въ третій разъ опять такъ же обманула лиса волка и долизала ужъ весь медокъ. «Что Богъ даль?» спрашиваетъ ее волкъ. «П о с к р е б ы ш е к ѣ».

Долго ли коротко ли — прикинулась лисица хворою, проситъ кума медку принести. Пошелъ кумъ, а меду ни крошки. «Кума, кума! кричитъ волкъ, вѣдь медъ съѣденъ». — «Какъ съѣденъ? кто же сѣлъ? кому, окромѣ тебя!» погоняетъ лисица. Волкъ и кстится и божится. «Ну, хорошо! говоритъ лисица: давай ляжемъ на солнышкѣ; у кого вытопится медъ, тотъ и виноватъ». Пошли, легли. Лисицѣ не спится, а сѣрой волкъ храпитъ во всю пасть. Глядь-поглядь — у кумы-то и показался медокъ; она нутко скорѣе перемазывать его на волка. «Кумъ,

¹⁾ *Вар.*: Вздумала лисичка разбогатѣть, подняла на дорогѣ лычко и приходитъ въ одну избу, гдѣ толкутъ, мелютъ и зыбки качаютъ: такъ много народу! — и просится ночевать. На другой день лычко припрятала и получила за него ремешокъ и т. д. Наконецъ даютъ ей тройку лошадей, на которыхъ она и пускается въ путь...

²⁾ Приемъ новорожденнаго; *повивать*, *повивальная бабка*.

кумь! толкаетъ волка: это что? вотъ кто съѣлъ!» И волкъ, нечего дѣлать, повинился. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ кринка масла.

(Записана въ Переяславль-Залѣскомъ уездѣ Н. Бодровымъ).

в. Жили-были волкъ да лисичка. У лисички-то изба была ледяная, а у волка - то дубяная. Лѣто стало — у лисички избушка и растаяла. Пошла она къ волку на фатеру ¹⁾ проситься: «Пусти-ко, кумь, меня на лѣсенку». — «Нѣтъ, кума, не пушшу». — «Пусти, кумь!» — «Ну, лизь инно!» ²⁾ Взошла кума на лѣстницу; какъ бы добраться до печки? Начала она умолять кума не вдругъ, а потихоньку, помаленьку: «Пусти - ко, кумь, меня на крылечко - то». — «Нѣтъ, кума, не пушшу». — «Пусти, кумь!» — «Ну, лизь инно!» Взошла на крыльцо: «Пусти - ко, кумь, меня въ си(ѣ)нцы - те». — «Нѣтъ, кума, не пушшу». — «Пусти, кумь!» — «Ну, лизь инно». Взошла въ сѣни: «Пусти-ко, кумь, меня въ избу - то». — «Нѣтъ, кума, не пушшу». — «Пусти, кумь!» — «Ну, лизь инно!» Пришла въ избу: «Пусти-ко, кумь, меня на гѣлбчикъ-отъ» ³⁾. — «Нѣтъ, кума, не пушшу». — «Пусти, кумь». — «Ну, лизь инно!» Влѣзла на гѣлбчикъ: «Пусти - ко, кумь, меня на полатцы - те». — «Нѣтъ, кума, не пушшу». — «Пусти, кумь!» — «Ну, лизь инно!» А съ полатей просится: «Пусти-ко, кумь, меня на печку - то». «Нѣту, кума, не пушшу». — «Пусти, кумь!» — «Да ужь лизь ты!» съ досадою сказалъ волкъ. Легла кума на печку да и постукиваетъ хвостикомъ: «Чу! кумь, меня зовуть бабиться» ⁴⁾. — «Поди», отвѣчаетъ кумь. Пошла кума на вышку ⁵⁾, нашла кринку масла да и почала ее; пришла назадъ въ избу. Волкъ спрашиваетъ: «Кого Богъ даль, кума?» — «Початышка». Легла опеть да постукиваетъ и говоритъ: «Чу! кумь, меня бабиться зовуть». — «Поди, кума!» Сходила на вышку и пришла назадъ. Волкъ спрашиваетъ: «Кого Богъ даль, кума?» — «Середышка». Легла опеть на печку да постукиваетъ, и говоритъ: «Чу! кумь, меня бабиться зовуть». — «Поди, кума!» Воротилась кума, а волчокъ-отъ спрашиваетъ: «Кого Богъ даль, кума?» — «Заскребышка». Волкъ хотѣлъ оладьи печи, пошелъ на вышку, а масла - то нѣту. Спрашиваетъ онъ куму: «Ты, кума, съѣла масло?» — «Нѣтъ, ты, кумь! Ляжемъ - ко на шестокъ-отъ: у кого масло выпре(я)жится?» ⁶⁾ Волкъ уснулъ, а у лисички выпре(я)лось масло; она имъ и вымазала кума. Пробудился волкъ; лисичка ему и говоритъ: «Вѣдь ты, кумь, съѣлъ!» Онъ говоритъ: «Нѣтъ, ты, кума!» Спорили да спорили и не могли переспорить одинъ другого... Кума ро(а)зсердилась, пошла куды - то и легла на дорогу, а мужикъ съ рыбой ѣхалъ, да и думаетъ, что лисичка пропала ⁷⁾, взялъ ее и бросилъ на сани. Она проѣла у него бочку съ рыбой и рыбу ро(а)зсыпала. Пріѣхалъ мужикъ домой и посылаетъ жену: «Поди - ко, жена, я лисицу привезъ». Пошла жена: ни рыбы, ни

¹⁾ Квартиру. ²⁾ Лѣзь — входи; ино — союзъ, употребляемый въ случаѣ недоумѣнія. ³⁾ Гѣлбець — деревянная придѣлка къ печи. ⁴⁾ Быть повивальной бабкою. ⁵⁾ Чердакъ. ⁶⁾ Вытопится. ⁷⁾ Издохла.

лисицы нѣтъ. Лиса собрала рыбу и идетъ къ куму волку: «ли-ко ¹⁾, кумъ, сколько я наудила!» — «Поведи - ко меня, кума, научи». «Вотъ какъ удь: хвостъ - то умочи въ воду - то». Пошелъ кумъ, умочилъ хвостъ да и приморозилъ. Лисичка стала сми(ѣ)яться надъ кумомъ: «Е(я)сни, есни на небѣ, мерзни у волка хвостъ!» Онъ не учуль ²⁾ да и спрашиваетъ: «Чего ты, кума, говорила?» — «Чтобъ Богъ далъ тебѣ болѣ рыбы - то». Бабы пришли да и убили волка, а лисичка убѣжала ³⁾.

(Записана въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ.).

С. Волкъ и лиса жили въ одномъ мѣстѣ. У волка былъ домъ коряной, а у лисы ледяной. Вотъ пришла весна красная, у лисы домъ растаялъ — какъ не бывалъ. Что дѣлать ей? Но лиса хитра: пришла она къ волку подъ окошечко да и говорить: «Волченекъ-голубокъ! пусти меня, горемычную, хоть во дворъ». А тотъ такъ толсто ⁴⁾: «Пооди, лиса!» — «Волченекъ-голубокъ! пусти хоть на крылечко». — «Пооди, лиса!» — «Волченекъ-голубокъ! пусти хоть въ избу». — «Пооди, лиса!» — «Волченекъ - голубокъ! пусти хоть на приступочекъ». — «Пооди, лиса!» — «Волченекъ - голубокъ! пусти на печку». — «Пооди, лиса». Вотъ лиса на печкѣ лежитъ, да хвостомъ вертитъ; совсѣмъ бы она, да вишь трои сутки не ѣдала: какъ узнать, гдѣ у волка хлѣбъ? И ну искать; искала-искала да и нашла на избицѣ у волка лукошко толокна да кринку масла, а сама опять на печку. Стукъ, стукъ, стукъ! А волкъ: «Лиса, кто-то стучается?» Лиса въ отвѣтъ: «Волченекъ-голубокъ! тебя въ кумы зовутъ, а меня въ кумушки». — «Пооди, лиса, а мнѣ лихо» ⁵⁾. А лиса тому и рада; съ печки скокъ, да на избицу скокъ, а тамъ масла лизнеть, толоконца лизнеть, лизала-лизала, да все и сзобала ⁶⁾; съ избицы скокъ да на печку скокъ — и лежитъ какъ ни въ чемъ не бывала. Волкъ спалъ-спалъ да йистъ ⁷⁾ захотѣлъ и на избицу побрель. «Ахти, бѣда!» волкъ завопилъ: «Ахти, бѣда! кто масло съѣлъ, толокно сзобаль?» А лиса: «Волченекъ-голубокъ, на меня не подумай». — «Полно ты, кума! кто подумаетъ на тебя?» И тѣмъ дѣло рѣшили, а голода не заморили. «Пооди, кума, на Русь! говорить волкъ лисѣ: что найдешь, то и тащи, а не то съ голоду умремъ». А лиса ни слова въ отвѣтъ — и шмыгъ на Русь. Выбѣжала на дорогу, видитъ — ѣдетъ съ сельдями мужикъ, прикинулась и легла поперекъ дороги, какъ (бы) умерла. Наѣхалъ мужикъ на лису. «Ай, говорить, лисица! что за шерсть, что за хвостъ!» А самъ лису въ возъ. Лиса тому рада: и ну рыть сельди; дорылась до дна — и ну грызть рогоз(ж)у; перегрызла рогозу — и ну грызть дно у саней; перегрызла дно, сельди всѣ въ дыру пропустила, а сама ускочила. Мужикъ уже спалъ и ничего не зналъ; а лиса сельди собрала и къ волку въ избѣ принесла:

1) Гляди-ко. 2) Не разслыхалъ. 3) Въ этомъ вариантѣ и въ слѣдующемъ за нимъ соединены вмѣстѣ два разсказа о лисѣ, но при этомъ не сохранена должная послѣдовательность: дѣйствіе начинается лѣтомъ, а продолжается зимою. 4) Т.-е. говорить. 5) Не хочется, лѣнь. 6) Зобать — ѣсть, кушать. 7) Ёсть.

«На, говорить, волченекъ - голубокъ! Ёшь, веселись, ни объ чемъ не тужи!» Волкъ не можетъ и надивоваться ухваткѣ своей кумы: «Да какъ ты, кума, сельди-то имала?» — «Ой ты, куманекъ-голубокъ! я хвостъ-то какъ въ прорубь опушу, сельдь да двѣ, сельдь да двѣ!» Волка такъ и забираетъ попробовать это дѣло неслыханное. Вотъ онъ хлѣба ката-лажку ¹⁾ наклалъ и отправился ловить сельдей, какъ кума его учила. Пришелъ онъ къ рѣкѣ, упустилъ хвостъ въ воду да и держитъ, а лиса въ то же время молить: «На небѣ ясни, ясни! у волка хвостъ мерзни, мерзни!» И вотъ треснулъ морозъ, что у волка хвостъ замерзъ. Пришли поповы дочки и волка кичигой ²⁾ зашибли да изъ шкуры себѣ шубу сшили! А лиса осталась одна и тепере живетъ и насъ пережить.

(Записана въ Архангельской губ.).

d. Жили - были куманекъ да кумушка — волкъ да лисица. Вздумали они построить себѣ изъ снѣгу избушку и жить добромъ. Вздумано, взгадано и сдѣлано. Не скоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ они и построили избушку возлѣ деревушки. Куманекъ кормилъ свою кумушку телятиною да бараниною, а кума его — курочками да цыплятами. Однажды кумушка говорить своему куманьку: «Куманекъ! пойдемъ вмѣстѣ въ деревню и полакомимся. Я буду сторожить, а ты будешь носить». Вотъ отправились на охоту, пришли въ деревню; а въ деревнѣ всѣ мужики и бабы на сѣнокосѣ, а малы ребятишки въ горохѣ. «Ну, кумъ! теперь намъ раздолье; хоть всю деревню шаромъ покати! Теперь своя воля и наша доля». И лиса улизнула въ стайку ³⁾ и двухъ куръ удушила; пришла и добычу принесла и куму говорить: «Теперь, куманекъ, ты ступай, — твоя череда! Я стану сторожить и на всѣ стороны гляди(ѣ)ть». Волкъ пробѣжалъ половину деревни, и послышался ему лай собаки, запертой въ избѣ; онъ проскакалъ деревню и остановился за погребомъ. Видитъ, что нѣтъ за нимъ никакой погони, что въ деревнѣ нѣтъ ни шуму ни гаму, и лиса-кумушка никакой вѣсти ему не даетъ, волкъ тихонько отворилъ погребъ, схватилъ кринку масла и былъ таковъ. Пришли домой, зажарили добычу, съѣли и легли отдыхать.

Лисѣ показалось масло вкусно, — захотѣлось еще полизать и отвѣдать маслица голичкомъ. Вотъ она тихонько встала и къ кринкѣ подошла; на ту пору волкъ пробудился и съ бока на бокъ перевалился. Лиса брызнула ⁴⁾ отъ кринки и снова улеглась. Волкъ догадался, что кумушка-лиса хочетъ маслицомъ поживиться, встала и вынесъ кринку въ сѣни и поставилъ на высокую полицу, чтобъ кумушкѣ не достать. Какъ ухитрить(ся) — кума обмануть и маслица отвѣдать? Вотъ волкъ ушелъ въ лѣсъ за дровами, чтобъ печку затопить; въ ту пору Лиса

¹⁾ Каталяжка—дорожная сумка, носимая за плечами. ²⁾ Кичига — цѣпь молотильный, валець. ³⁾ Хлѣвъ для скотины. ⁴⁾ Стремительно, поспѣшно убѣжала.

Патрикѣвна приставила лѣсенку на потолокъ, вскочила по ней — и съ потолка на полицу, обнюхала масло, хотѣла полизать да побоялась, чтобъ кумъ не засталъ, — скоро(е)хонько воротилась, сѣла къ печкѣ и ждала кума; а кумъ что-то долго запоздалъ, — бѣгалъ отъ собакъ, поздно пришелъ, жаловался, что очень усталъ, и легъ спать не ѣвши. Ночью лиса, лежа подъ окномъ, стукъ въ стѣну хвостомъ и чужимъ голосомъ говорить: «Матушка! кормилица! помоги, пособи горю, не дай умереть!» — «Кто тамъ, говоритъ волкъ: что такое?» — «Ахъ, куманекъ! кроликъ зоветъ меня въ повивушки». — «Бѣги, да къ свѣту вернись!» — «Колѣ Богъ дастъ счастливо — я тотчасъ прибѣгу». Хлопнула дверьми, стукнула запоромъ, а сама ни вонъ изъ сѣней. Коль скоро все приумолкло и волкъ захрапѣлъ, лиса шмыгъ на потолокъ, а съ потолка на полицу — и къ маслу. Зоря на дворѣ — и наша лиса передъ волкомъ въ избѣ. «Что, кумушка, кого Богъ далъ?» — «Початышекъ, куманекъ, Початышекъ!» На другую ночь лиса ту же хитрость повторила и, стукнувъ запоромъ, передъ волкомъ явилась: «Что, кумушка, кого Богъ далъ?» «Середышекъ, куманекъ, середышекъ!» Въ третью ночь кума то же сотворила и волку объявила: «Послѣдышекъ, куманекъ, Послѣдышекъ!»

Однажды волкъ лисѣ говорить: «Кумушка, мы теперь масло-то къ празднику побережемъ, а о праздникѣ сотворимъ ширъ на весь мѣръ и на славу добрымъ людямъ». — «Какъ же, куманекъ, сохранимъ, сохранимъ! Вѣдь ты его самъ упряталъ, и некому взять». Передъ праздникомъ оба отправились на охоту. Волкъ притащилъ за уши свинью да ягненка, а лиса — курицу да цыпленка, и пошли наши стряпать. Все приготовлено, только маслицомъ снадобить да гостямъ подать: вить для праздника надобно же и снадобье ¹⁾! «Куманекъ, говоритъ лиса, сходи-ко да принеси маслица-то». — «Сейчасъ, сейчасъ, кумушка! — и вышелъ. Взялъ волкъ съ полицы кринку, но кринка пуста, и масла нѣтъ. Волкъ изумѣ(и)лся и кричитъ: «Кума! гдѣ масло? кто съѣлъ его? Кума, ты съѣла!» — «Что ты, куманекъ, я масла въ глаза не видала и близко не бывала. Ты поставилъ масло высоко и знаешь, что мнѣ не достать. Не самъ ли ты его съѣлъ и на меня сваливаешь?» — «Такъ кто же его съѣлъ?» — «Вѣрно ты самъ, кумъ, и хочешь меня провести: полно шутить, — меня не обманешь». Волкъ началъ сердиться и ротиться ²⁾, что онъ масла не ѣдалъ, и что лиса его съѣла. «Полно, куманекъ, полно шутить. Вотъ спознаемъ — кто масло съѣлъ? Кто съѣлъ, у того оно вытопится; надо лечь брюхомъ къ огоньку, — испробуемъ-ко? Подай-ка кринку-то, я хоть пустую посуду уберу». Волкъ отдалъ кринку, а лиса въ кринку лапу и обшарила ³⁾ всю. Вотъ легли наши противъ печки къ огоньку. Волка пригрѣло, и онъ храпѣлъ. Лиса вымарала лапой полъ передъ волкомъ и лапой же провела по волчьей брюху. — Волкъ спросилъ: «Что ты, кума, дѣлаешь?» — «А вотъ

¹⁾ Приправа къ кушанью. ²⁾ Клясться. ³⁾ Вытерла.

смотрю, какъ у тебя масло вытапливается; смотри-ко: ты и поль-оть замаслиль; я правду сказала, что кто масло стѣль, у того и вытопится». Волкъ провель по брюху лапою и нашель, что оно въ маслѣ. «Что, куманекъ, не стыдно ли свой грѣхъ на чужихъ сваливать? Отширайся теперь, воръ, а укоры-то вѣрныя». Волкъ осердился, съ досады и горя пустился бѣжать и домой не воротился. Пришло лѣто — изба растаяла. Волкъ эту былъ мнѣ самъ рассказываль и завѣряль, что впередъ никогда не станеть жить вмѣстѣ съ лисою.

(Записана въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.).

е. У волка была изба деревянная, у лисы — ледяная. Пришло лѣто, растаяла изба у лисы. Она пришла къ волку и говорить: «Кумъ, ты не знаешь моего горечка!» — «Что, кума, у тебя за горечко?» — «Изба-то растаяла, пусти къ себѣ пожить». — «Изволь, поди, кума, поживи». Лиса говоритъ: «Нынѣ кумъ, разбуди меня пораньше; меня придуть звать на повои». Настала ночь, къ дверямъ пришла другая лиса и стучится. Волкъ услыхаль и началъ будить свою куму. «Кума! вставай, пришли за тобой». — «Спасибо тебѣ, куманекъ, что разбудилъ, — я бы проспала». Вышла и пустила тихонько въ сѣни свою подругу. Залѣзли они на полдовку ¹⁾, гдѣ у волка было много меду, и съѣли половину кадушки. Проводила кумушка подругу и взошла въ избу. «Какъ, кума, младенца зовуть?» спросилъ волкъ. «Починочкомъ». На другую ночь то же. Кумушки весь медокъ съѣли. Волкъ опять спрашиваетъ: «Что кума, какъ зовуть?» — «Поскребышкомъ». День пришелъ и лиса захворала: охъ, охъ!.. «Что, кума, или захворала?» — «Захворала, кумъ, что-то головушка заболѣла». — «Постой-ка, кума, я тебя вылѣчу: у меня есть запасецъ». Полѣзъ на полдовку, хватъ — нѣтъ меду въ кадушкѣ. Разсердился волкъ, вбѣжалъ въ избу и спросилъ: «Ты, лиса, съѣла у меня медъ?» — «Нѣтъ, кумъ, что ты, Господь съ тобой! Ты знаешь, что въ день-то мы съ тобой вмѣстѣ ходимъ, а ночью я на повоѣ бываю, — когда мнѣ твой медъ ѣсть?» — «Нѣтъ, лебедушка! пошла вонъ изъ моей избы, чтобъ я тебя не видалъ!» Лиса ушла, а волкъ сталъ попрежнему поживать да медокъ запасать.

(Записана въ Саратовской губ. К. Гуськовымъ).

3. Лиса, заяцъ и пѣтухъ.

Жили-были лиса да заяцъ. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна — у лисицы растаяла, а у зайчика стоитъ по-старому. Лиса попросилась у зайчика погрѣться, да зайчика-то и выгнала. Идетъ дорогой зайчикъ да плачетъ, а ему на-

¹⁾ Полдовка — чердакъ.

встрѣчу собаки: «Тяфъ, тяфъ, тяфъ! про што, зайчикъ, плачешь?» А зайчикъ говоритъ: «Отстаньте, собаки! какъ мнѣ не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала». — «Не плачь, зайчикъ! говорятъ собаки: мы ее выгонимъ». — «Нѣтъ, не выгоните!» — «Нѣтъ, выгонимъ!» Подошли къ избенкѣ: «Тяфъ, тяфъ, тяфъ! поди, лиса, вонь!» А она имъ съ печи: «Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Собаки испугались и ушли.

Зайчикъ опять идетъ да плачетъ. Ему навстрѣчу медвѣдь: «О чемъ, зайчикъ, плачешь?» А зайчикъ говоритъ: «Отстань, медвѣдь! какъ мнѣ не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала». — «Не плачь, зайчикъ! говоритъ медвѣдь: я выгону ее». — «Нѣтъ, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь»... «Нѣтъ, выгону!» Пошли гнать: «Поди, лиса, вонь!» А она съ печи: «Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Медвѣдь испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему навстрѣчу быкъ: «Про што, зайчикъ, плачешь?» «Отстань, быкъ, какъ мнѣ не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала». — «Пойдемъ, я ее выгону». — «Нѣтъ, быкъ, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь». — «Нѣтъ, выгону!» Подошли къ избенкѣ: «Поди, лиса, вонь!» А она съ печи: «Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Быкъ испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему навстрѣчу пѣтухъ съ косою: «Ку(а)ку(а)реку! о чемъ, зайчикъ, плачешь?» — «Отстань, пѣтухъ! какъ мнѣ не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала». — «Пойдемъ, я выгону». — «Нѣтъ, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, быкъ гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь». — «Нѣтъ, выгону!» Подошли къ избенкѣ: «Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонь!» А она услышала, испугалась, говоритъ: «Одѣваюсь...» Пѣтухъ опять: «Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонь!» А она говоритъ: «Шубу надѣваю». Пѣтухъ въ третій разъ: «Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонь!» Лисица выбѣжала; онъ ее зарубилъ косою-то и сталъ съ зайчикомъ жить да поживать да добра наживать ¹⁾. Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла ²⁾.

(Записана въ Переяславль-Залѣскомъ уѣздѣ Н. Бодровымъ).

¹⁾ Въ Архангельской губерніи есть побасенка:

Идетъ пѣтухъ на пятахъ,
Несетъ саблю на плечахъ,—
Хочетъ лису посѣчи
По самыя плечи.

Вонь, лиса! вонь, кума!
— Вотъ я тебя, пѣтушица,
По колѣнамъ-то полѣномъ!

²⁾ Сличн со сказкою подъ N 28.

4. Лиса-исповѣдница.

а. Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лѣсу не ѣвши. На зарѣ прибѣжала она въ деревню, взошла на дворъ къ мужику и полѣзла на насѣсть къ курамъ. Только что подкралась и хотѣла схватить одну курицу, а пѣтуху пришло время пѣть: вдругъ онъ крыльями хлопалъ, ногами затопалъ и закричалъ во все горло. Лиса съ насѣсти-то такъ со страху полетѣла, что недѣли три лежала въ лихорадкѣ. Вотъ разъ вздумалось пѣтуху пойти въ лѣсъ — разгуляться, а лисица уже давно его стережетъ: спряталась за кустъ и поджидаетъ, скоро ли пѣтухъ подойдет. А пѣтухъ увидѣлъ сухое дерево, взлетѣлъ на него и сидитъ себѣ. Въ то время лисѣ скучно показалось дожидаться, захотѣлось сманить пѣтуха съ дерева; вотъ думала-думала да и придумала: дай прельщу его. Подходить къ дереву и стала здоровкаться: «Здравствуй, Петинька!»¹⁾ Зачѣмъ ее лукавый занесъ? думаетъ пѣтухъ. А лиса приступаетъ съ своими хитростями: «Я тебѣ, Петинька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вотъ ты, Петя, имѣешь у себя пятьдесятъ женъ, а на исповѣди не разу не бывалъ. Слѣзай ко мнѣ и покайся, а я всѣ грѣхи съ тебя сниму и на смѣхъ не подыму». Пѣтухъ сталъ спускаться ниже и ниже — и попалъ прямо лисѣ въ лапы. Схватила его лиса и говорить: «Теперь я задамъ тебѣ жару! ты у меня за все отвѣтишь. Попомнишь, блудникъ и пакостникъ, про свои худыя дѣла! Вспомни, какъ я въ въ осеннюю темную ночь приходила и хотѣла попользоваться однимъ курѣнкомъ, — а я въ это время три дня ничего не ѣла, — и ты крыльями хлопалъ и ногами затопалъ!..» — «Ахъ, лиса! говорить пѣтухъ: ласковыя твои словеса! премудрая княгиня! Вотъ у нашего архирея скоро ширь будетъ; въ то время стану я просить, чтобъ тебя сдѣлали просвиrneю, и будутъ намъ съ тобой просвиры мягкія, кануны сладкіе, и пойдетъ про насъ слава добрая». Лиса распустила лапы, а пѣтухъ порхъ на дубокъ.

б. Зѣло удивительно: шла лисица изъ дальнихъ пустынь. Завидѣвши пѣтуха на высокоемъ дрѣвѣ, говорить ему ласковыя словеса: «О, милое мое чадо, пѣтель! сидишь ты на высокоемъ дрѣвѣ да мыслишь ты мысли недобрыя, проклятыя; вы держите женъ помногу: кто держитъ десять, кто — двадцать, инный — тридцать, прибываетъ со временемъ до сорока! Гдѣ сойдетесь, тутъ и деретесь о своихъ женахъ, какъ о наложницахъ. Сиди, милое мое чадо, на землю да покайся! Я шла изъ дальнихъ пустынь, не шла, не ѣла, много нужды претерпѣла, — все тебя, мое милое чадо, исповѣдать хотѣла». — «О, мати моя лисица! я не по-

¹⁾ Игра словъ: п е (ѣ) т е н ь к а — уменьшительная форма и отъ слова пѣтухъ (пѣтель) и отъ имени П е т р ь.

стился и не молился; приди въ иное время». — «О, милое мое чадо, пѣтель! не постился и не молился, но сниди на землю, покайся, да не во грѣхахъ умреши». — «О, мати моя лисица, сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивой твой языкъ! Не осуждайте другъ друга, и сами не осуждены будете; кто что посѣялъ, тотъ и пожнетъ. Хочешь ты меня силой къ покаянію привести, и не спасти, а тѣло мое пожрать». «О, милое мое чадо, пѣтель! почто ты такую рѣчь говоришь? почто я учиню такъ? Читываль ли ты притчу про мытаря и фарисея, какъ мытарь спасся, а фарисей погибъ за гордость? Ты, мое милое чадо, безъ покаянія на высокоемъ древѣ погибнешь. Сниди на землю пониже, будешь къ покаянію поближе: прощенъ и разрѣшенъ и до царствія небснаго допущенъ».

Узналъ пѣтухъ на своей душѣ тяжелой грѣхъ, умлился и прослезился и сталъ спускаться съ вѣтки на вѣтку, съ прутка на прутокъ, съ сучка на сучокъ, съ пенька на пенёкъ; спустился пѣтель на землю и сѣлъ передъ лисицу. Скочила лисица, яко лукавая птица, схватила пѣтуха въ свои острые когти, зреть на него свирѣпыми глазами, скрежещеть острыми зубами, — хочеть, какъ нѣкоего беззаконника, жива пожрать. И рѣче пѣтель лисицѣ: «О, мати моя лисица, сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивой твой языкъ! ты ли меня спасешь, какъ тѣло мое пожрешь?» — «Не дорого твое тѣло и цвѣтное платье, да дорого отплатить нѣкую дружбу. Помнишь ли ты? я шла ко крестьянину, хотѣла малаго курѣнка съѣсть; а ты, дуракъ, бездѣльникъ, сидишь на высокихъ сѣдалахъ, закричалъ-завопилъ велимъ гласомъ, ногами затопаль, крыльями замахаль; тогда курицы заговорили, гуси заготовали, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали. Услыхали все мужики и бабы; бабы прибѣжали съ помелами, а мужики съ топорами и хотѣли мнѣ за куренка смерть учинить... а сова у нихъ изъ роду въ родъ пребываетъ и всегда курятъ поѣдаетъ. А тебѣ, дуракъ, бездѣльникъ, не быть теперь живому!» Рече пѣтухъ лисицѣ: «О, мати моя лисица, сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивый твой языкъ! Вчерашняго числа звали меня ко Трунчинскому митрополиту во дяки, выхваляли всемъ крылосомъ и соборомъ: хорошъ молодець, изряденъ, гораздъ книги читать, и голось хорошъ! Не могу ли тебя, мати моя лисица, упросить своимъ прошеньемъ хоть въ просвири. Тутъ намъ будетъ великъ доходъ: стануть намъ давать сладкія просвиры, большія перепечи и масличко, и ячки, и сырчики». Узнала лисица пѣтушиный признакъ (sic): отпустила пѣтуха изъ своихъ когтей послабже. Вырвался пѣтухъ, взлетѣлъ на высокое дерево, закричалъ-завопилъ велимъ гласомъ: «Дорогая боярыня просвирица, здравствуй! великъ ли доходъ, сладки ли просвиры? не стерла ли горбъ, нося перепечи? не охоча ли, ворогуша ¹⁾, до орѣховъ? да есть ли у тебя зубы?»

¹⁾ Бранное слово; то же, что — врагъ, ворогъ.

Пошла лисица въ лѣсъ, яко долгой бѣсъ, и возрыда горько: «Сколько де по землѣ не бывала, а такой срамоты отъ роду не видала. Когда бывають пѣтухи въ дьяконахъ, лисицы въ просвирняхъ!» Ему же слава и держава отнынѣ и до вѣку, и сказкѣ конецъ ¹⁾.

(Записана со словъ девяностолѣтняго старика изъ мастеровыхъ Мотовилихинскаго завода, Пермскаго уѣзда, Л. Питерскимъ въ 1840 году).

С. Какъ волки озарничали,

Себя величали, —

Сходила синья со двора,

Сводила за собй махынскихъ и бѣленькихъ ²⁾;

Она думала — по лѣсу-лѣсу,

Анъ у ³⁾ колось, у овесь.

У ней были зубки ловки,

Усе схватывали головки.

Подходила къ волку близко,

Поклонилась ему низко:

«Здравствуй, волкъ-волчокъ!

Не будетъ ли съ тебя

Махынскихъ и бѣленькихъ?» —

«Эхъ, ты, свинушка!

Я глазами окину —

И тебя не покину».

Взялъ за щетину

И повалилъ на спину

И сталь косточки объѣдать,

А мякушко у кучку собирать.

Бѣжала непорочная лисица:

«Охъ, ты, кумъ-куманекъ!

Некупленное у тебя, дешевое;

Не подѣлишь ли мясца? —

«Эхъ, ты, кумушка!

Вѣдаешь, Ермакъ

Зап. натошакъ?

И тебѣ того не миновать».

Лисица слышитъ нерадостны рѣчи,

Назадъ, назадъ да и бѣжать!

Прибѣжала въ городъ Козельскъ;

Въ городѣ во Козельскѣ

Сидитъ красное чадо —

Пѣтухъ на дубу.

«Охъ, ты, пѣтухъ-пѣтушокъ!

Спускайся ты на низящее,

Съ низящаго на землящее;

¹⁾ Пермскій Сборникъ, кн. I, стр. 12—78. ²⁾ Т.-е. порослятъ. ³⁾ Въмѣсто въ.

Я твою душу
 На небеса взнесу».

Пѣтухъ едуру лисицу послухаль,
 Слѣзаль на низящее,
 Съ низящаго на землящее.
 Лисица стала пѣтушка вертѣть,
 Пѣтушку невмочь стало терпѣть,

Охъ, ты, лисица, жолтая княгиня!
 Какъ у нашего у батюшки
 Маслицемъ (блинки) поливають,
 Тебя въ гости поджидають;
 Тамъ-то не по-нашему,
 Пирогы съ кашею.
 Помяни, Господи,
 Сидора да Макара,
 Третьяго Захара,
 Трехъ Матренъ
 Да Луку съ Петромъ,
 Дѣда-міроѣда,
 Бабку бѣльматку, (?)
 Тюшу да Катюшу,
 Бабушку Матрю(ѣ)шу!

(Запис. П. И. Якушкинымъ въ Лихвинскомъ уѣздѣ, Калужской губ.).

5. Лиса-лѣкарка.

Бываль-живаль старикъ со старухой. Старикъ посадилъ кочешокъ¹⁾ въ подпольцо, а старуха въ попелушку²⁾. У старухи въ попелушкѣ совѣмъ завяль кочешокъ, а у старика росъ-росъ, — до полу доросъ. Старикъ взяль топоръ и вырубилъ на полу прямо³⁾ кочешка дыру. Кочешокъ опять росъ-росъ, — до потолка доросъ; старикъ опять взяль топоръ и вырубилъ на потолку прямо кочешка дыру. Кочешокъ росъ-росъ, — до неба доросъ. Какъ старику поглядѣть на верхушку кочешка? Полѣзъ по кочешку⁴⁾, лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ, долѣзъ до неба, просѣкъ на небѣ дыру и взлѣзъ туда. Смотрить: стоять жорновцы⁵⁾; жорновцы повернутся — пирогъ да шаньга⁶⁾, наверхъ каши горшокъ. Старикъ наѣлся, напился и спать повалился. Выспался, слѣзъ на землю и говорить: «Старуха, а старуха! какое житье-то на небѣ! тамъ есть жор-

¹⁾ Кочень (кочань). ²⁾ Куда собирается зола, пепель. ³⁾ Противъ.

⁴⁾ *Вариантъ*: Старикъ взяль купилъ кирпичу, навозиль и выкляль лѣстницу до самаго неба и полѣзъ. ⁵⁾ Жернова, или ручная мельница. ⁶⁾ Вотрушка или хлѣбъ изъ пшеничной муки, обмазанный сметаною и масломъ.

новцы; какъ повернутся—пирогъ да шаньга, навѣрхъ каши горшокъ». — «Какъ бы мнѣ, старичокъ, тамъ побывать?» — «Садись, старуха, въ мѣшокъ: я тебя унесу». Старуха подумала и сѣла въ мѣшокъ. Старикъ взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ на небо; лѣзъ-лѣзъ, — долго лѣзъ. Старухѣ стало скучно, она и спрашиваетъ: «Далеко ли, старичокъ?» — «Далече, старуха!» Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ. «Далеко ли, старичокъ?» «Еще половина!» Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ. Старуха снова спрашиваетъ: «Далеко ли, старичокъ?» Только старикъ хотѣлъ сказать: «недалече!»¹⁾, мѣшокъ у него изъ зубовъ вырвался, старуха на землю свалилась и вся расшиблась²⁾. Старикъ спустился внизъ по кочешку³⁾, поднялъ мѣшокъ, а въ мѣшкѣ одно костье — и то примельчалось. Пошелъ старикъ изъ дому и горько плачетъ. Навстрѣчу ему лиска: «О чемъ, старичокъ, плачешь?» — «Какъ не плакать! старуха расшиблась». «Молчи, я вылѣчу». Старикъ палъ лисицѣ въ ноги: «Вылѣчи, что угодно заплачу». — «Ну, вытопи баньку, снеси туда толоконца мѣшочекъ, маслица горшочекъ да старуху, а самъ стань за двери и не смотри въ баньку». Старикъ вытопилъ баню, принесъ, что надо, и сталъ за двери; а лиса зашла въ баню, двери на крюкъ, стала мыть старухины кости: моетъ-не-моетъ, а все оглаживаетъ. Старикъ спрашиваетъ: «Каково старушка?» — «Пошевеливается!» говоритъ лиска, а сама доѣла старушку, собрала костье и сложила въ уголокъ и привялась мѣсить саламату. Старикъ постоялъ-постоялъ и спрашиваетъ: «Каково старушка?» — «Посиживаетъ!» говоритъ лиска, а сама саламату дохлебываетъ. Съѣла и говорить: «Старичокъ! отвори двери шире». Онъ отворилъ, а лиса прыгъ изъ баньки и убѣжала домой. Старикъ вошелъ въ баню, поглядѣлъ: только старухины кости подъ лавкой — и тѣ оглоданы; толоконцо и маслицо съѣдено. Остался старикъ одинъ въ бѣдности⁴⁾.

(Записана въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Архангельской губ.).

¹⁾ *Var.*: «послѣднія ступеньки». ²⁾ *Var.*: покатила старуха по лѣстницѣ, только костье трещить. ³⁾ *Var.*: по лѣстницѣ.

⁴⁾ *Вариантъ 1*: Жилъ старикъ и старуха. Старикъ каталь-каталь одну горошину, — она и упала наземь; искали-искали, не могли найти съ недѣлю. Минула недѣля, и увидѣли старикъ да старуха, что горошина дала ростокъ; стали ее поливать, горошина взяла расти выше избы. Горохъ поспѣлъ, и полѣзъ старикъ по гороху, нащипалъ большой узелъ и сталъ слѣзать по китинѣ (китина — стволъ травы, на которой растутъ стручки). У старика узелъ упалъ и старуху убилъ; тѣмъ и кончилось. (Записана въ Вологодской губ.).

Вариантъ 2: Жилъ дѣдъ да баба, и была у нихъ хата. Посадилъ дѣдъ бобинку, а баба горошинку подъ столъ. Горошинку поклевала курица, а бобинка выросла подъ самый столъ; приняли столъ, она еще выше выросла; сняли накать, крышу, — все растеть, и выросла подъ самое небо. Дѣдъ полѣзъ на небо, лѣзъ, лѣзъ — стоитъ хатка: стѣны изъ блиновъ, лавки изъ калачей, печка изъ творогу: вымазана масломъ. Онъ принялся ѣсть; наѣлся и легъ за печку отдыхать. Приходятъ двѣнадцать сестеръ-козъ: у одной одинъ глазъ, у другой два, у третьей три и такъ дальше, — а у по-

6. Лиса-плачя.

а. Жиль-быль старикъ со старухою, была у нихъ дочка. Разъ ѣла она бобы и уронила одинъ наземь. Бобъ росъ-росъ и выросъ до неба. Старикъ полѣзъ на небо; взлѣзъ туда, ходиль-ходилъ, любовался-любовался и говорить себѣ: «Дай принесу сюда старуху, — то-то она обрадуется!» Слѣзъ наземь, посадилъ старуху въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ опять наверхъ; лѣзъ-лѣзъ, усталъ да и выронилъ мѣшокъ. Спустился поскорѣе, открылъ мѣшокъ, смотреть — лежитъ старуха, зубы очерила, глаза вытаращила. Онъ и говорить: «Что ты, старуха, смѣешься? что зубы-то оскалила?» да какъ увидѣлъ, что она мертвая, такъ и залился слезами. Жили они одни-одинехоньки, среди пустыря: некому и поплакать-то по старухѣ. Вотъ старикъ взялъ мѣшокъ съ тремя парами бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачей ¹⁾. Видитъ: идетъ медвѣдь, онъ и говорить: «Поплачь-ко, медвѣдь, по моей старухѣ! я дамъ тебѣ двѣ бѣленькихъ курочки». Медвѣдь заревѣлъ: «Ахъ, ты, моя родимая бабушка! какъ тебя жалко». — «Нѣтъ, говорить старикъ, ты не умѣешь плакать». И пошелъ дальше. Шель-шелъ и повстрѣчалъ волка; заставилъ его причитать, и волкъ не умѣетъ. Пошелъ еще и повстрѣчалъ лису, заставилъ ее причитать за пару бѣленькихъ курочекъ. Она и заплѣла: «Туру-туру, бабушка, убилъ тебя дѣдушка». Мужичу понравилась пѣсня, онъ заставилъ лису пѣть въ другой, третій и четвертой разъ, — хватъ, а четвертой пары курочекъ и недостаетъ. Старикъ говорить: «Лиса, лиса! я четвертую пару дома забылъ; пойдѣмъ ко мнѣ». Лиса пошла за нимъ слѣдомъ. Вотъ пришли домой; старикъ взялъ мѣшокъ, положилъ туда пару собакъ, а сверху заложилъ лисанькиными шестью курочками и отдалъ ей. Лиса взяла и побѣжала; немного погодя, остановилась около пня и говорить: «Сяду на пенекъ, съѣмъ бѣлую курочку». Съѣла и побѣжала впередъ; потомъ еще на пенекъ съѣла и другую курочку съѣла, затѣмъ третью, четвертую, пятую и шестую. А въ седьмой разъ открыла мѣшокъ, собаки на нее и выскочили. Лиса ну бѣжать, — бѣжала-бѣжала и спряталась подъ колоду, спряталась и начала спрашивать: «Ушки, ушки! что вы дѣлали?» —

слѣдней двѣнадцать. Увидали, что кто-то попробовалъ ихъ хатку, выправили ее и, уходя, оставили стеречь одноглазую. На другой день дѣдъ опять полѣзъ туда же, увидѣлъ одноглазую и сталъ приговаривать: «Спи, очко, спи!» Коза заснула, онъ наѣлся и ушелъ. На слѣдующій день сторожила двуглазая, потомъ трехглазая и такъ дальше. Дѣдъ приговаривалъ: «Спи, очко, спи другое, спи третье! и проч.» Но на двѣнадцатой козѣ сбился, заговорилъ только одиннадцать глазъ; коза увидала его двѣнадцатымъ и поймала.

Сличи также съ началомъ сказки подъ № 6 а, и въ изданіи Чудинскаго № 9.

¹⁾ Плачя — женщина, оплакивающая по обычаю покойника съ разными причитаньями.

«Мы слушали да слушали, чтобъ собаки лисаньку не скушали». — «Глазки, глазки! что вы дѣлали?» — «Мы смотрѣли да смотрѣли, чтобъ собаки лисаньку не съѣли». — «Ножки, ножки, что вы дѣлали?» — «Мы бѣжали да бѣжали, чтобъ собаки лисаньку не поймали». — «А ты, хвостиче, что дѣлалъ?» — «Я по пнямъ, по кустамъ, по колодамъ зацѣплялъ, чтобъ собаки лисаньку поймали да разорвали». — «А, ты такой! такъ вотъ же, нате, собаки! ѣшьте мой хвостъ!» — и высунула хвостъ, а собаки схватили за хвостъ, и самое лисицу вытащили и разорвали ¹⁾).

б. Живаль-бываль старикъ да старушка. Старушка померла; старику стало очень жалко, пошелъ онъ искать плачеи. Идетъ, а навстрѣчу ему медвѣдь: «Куда, старикъ, пошелъ?» — «Плачеи искать: старуха померла.» — «Возьми меня въ плачеи». Старикъ спрашиваетъ: «Умѣешь ли плакать?» Онъ заплакалъ: «*м-е!*» Старикъ говоритъ: «Не умѣешь, не надобно: голосъ не хорошъ!» Пошелъ впередъ; лисича бѣжить: «Куда, старикъ, пошелъ?» спрашиваетъ его. «Плачеи искать: старуха померла.» — «Возьми-ко меня». — «Умѣешь ли плакать? поплачь-ко». Она заплакала: «У — крестья-ни-на — бы-ла — ста-руш-ка — по-у-тру — ра-но — вста-ва-ла — боль-ше — прост-ня ²⁾ — пря-ла — щи — ка-шу — ва-ри-ла — ста-ри-ка — кор-ми-ла» ³⁾). Старикъ сказалъ лисичи: «Ступай, ты мастерица плакать!» и привелъ ее домой, старухѣ въ ноги посадилъ — та стала плакать — а самъ пошелъ гробъ строить. Пока старикъ ходилъ да воротился, а въ избѣ нѣтъ ни старухи, ни лисичи: все лисича съѣла и сама ушла. Поплакалъ-поплакалъ старикъ и сталъ жить одинъ.

(Записана въ Кольскомъ уѣздѣ И. Спархинымъ).

7. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

а. Пахалъ мужикъ ниву; пришелъ къ нему медвѣдь и говорить ему: «Мужикъ, я тебя сломаю!» — «Нѣтъ, незамай (не трогай); я вотъ сѣю рѣпу, себѣ возьму хотъ корешки, а тебѣ отдамъ верхки». — «Быть такъ, сказалъ медвѣдь: а коли обманешь — такъ въ лѣсъ по дрова ко мнѣ хотъ не ѣзди!» Сказалъ и ушелъ въ дуброву. Пришло время: мужикъ рѣпу копаеъ, а медвѣдь изъ дубровы вылѣзаетъ. «Ну, мужикъ, давай дѣлить!» — «Ладно, медвѣдюшка, давай: я привезу тебѣ верхки», — и отвезъ ему возъ ботвы. Медвѣдь остался доволенъ честнымъ раздѣломъ. Вотъ мужикъ наклалъ свою рѣпу на возъ и повезъ въ городъ продавать; а навстрѣчу ему медвѣдь: «Мужикъ, куда ты ѣдешь?» — «А вотъ, медвѣдюшка, ѣду въ городъ корешки продавать». — «Дай-ко

¹⁾ Сличи съ окончаніемъ сказки: «Мужикъ, медвѣдь и лиса» (№ 7).

²⁾ Прѣстень — количество льна, выпряданное на одно веретено. ³⁾ Вар.: «Ахъ, какая была умная-разумная, бѣломоюшка, тонкопрялюшка!»

попробовать, каковъ корешокъ?» Мужикъ далъ ему рѣпу. Медвѣдь какъ съѣлъ — «А-а! заревѣлъ: ты меня обманулъ, мужикъ! корешки твои сладеньки. Теперь не ѣзжай ко мнѣ по дрова, а то задеру!» Мужикъ воротился изъ города и боится ѣхать въ лѣсъ; пожогъ и полочки и лавочки и кадочки, наконецъ, дѣлать нечего — надо въ лѣсъ ѣхать. Въѣзжаетъ потихонечку; откуда ни возьмись, бѣжитъ лисица. «Что ты, мужичокъ, спрашиваетъ она: такъ тихо бредешь?» — «Боюсь медвѣдя: сердитъ на меня, обѣщалъ задрать». — «Небожь медвѣдя, руби дрова, а я стану порскать ¹⁾); коли спросить медвѣдь: что такое? скажи: ловятъ волковъ и медвѣдей». Мужикъ принялся рубить; глядь — анъ медвѣдь бѣжитъ и мужику кричитъ: «Эй, старикъ! что это за крикъ?» Мужикъ говорить: «Волковъ ловятъ да медвѣдей». — «Охъ, мужичокъ! положи меня въ сани, закидай дровами да увяжи веревкой, — авось подумаютъ, что колода лежитъ». Мужикъ положилъ его въ сани, связалъ веревкою, и давай обухомъ гвоздить его въ голову, пока медвѣдь совсѣмъ окачурился ²⁾). Прибѣжала лиса и говорить: «Гдѣ медвѣдь?» — «А вотъ околѣлъ!» — «Ну, что жъ, мужичокъ, теперь нужно меня угостить». — «Изволь, лисанька, поѣдемъ ко мнѣ: я тебя угощу». Мужикъ ѣдетъ, а лиса впередъ бѣжитъ; сталъ мужикъ подбѣзжать къ дому, свистнулъ своимъ собакамъ и притравилъ лисицу. Лиса пустилась къ лѣсу и юркъ въ нору, — спряталась въ норѣ и спрашиваетъ: «Охъ, вы, мои глазоньки, что вы смотрѣли, когда я бѣжала?» — «Охъ, лисанька, мы смотрѣли, чтобъ ты не споткнулась». — «А вы, ушки, что дѣлали?» — «А мы все слушали, далеко ли псы гонять». — «А ты, хвостъ, что дѣлалъ?» — «Я-то, сказалъ хвостъ: все мотался подъ ногами, чтобъ ты запуталась да упала, да къ собакамъ въ зубы попала». — «А-а, каналья! такъ пусть же тебя собаки ѣдятъ». И, высунувъ изъ норы свой хвостъ, лиса закричала: «Бѣште, собаки, лисій хвостъ!» Собаки за хвостъ потащили и лисицу закамшили ³⁾). Такъ часто бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ.

(Зап. въ Тульск. губ. членомъ-сотрудникомъ Русск. Геогр. Общ. г. Мясоѣдовымъ).

b. У мужика съ медвѣдемъ была большая дружба. Вотъ и вздумали они рѣпу сѣять; посѣяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужикъ сказалъ: «Мнѣ корешокъ, тебѣ, Миша, вершокъ». Выросла у нихъ рѣпа; мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша — вершки. Видитъ Миша, что ошибся, и говорить мужику: «Ты, братъ, меня надулъ! Когда будемъ еще что-нибудь сѣять, ужъ меня такъ не проведешь». Прошелъ годъ. Мужикъ и говорить медвѣдю: «Давай, Миша, сѣять пшеницу». — «Давай», говоритъ Миша. Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница; мужикъ и говорить: «Теперь ты что возьмешь, Миша? корешокъ али вершокъ?» — «Нѣтъ, братъ, теперь меня не надуешь! подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ». Вотъ собрали

¹⁾ Охотничій терминъ. ²⁾ Издохъ. ³⁾ Задавили.

они пшеницу и раздѣлили. Мужикъ намолотилъ пшеницы, напекъ себѣ ситниковъ ¹⁾, пришелъ къ Мишѣ и говоритъ ему: «Вотъ, Миша, какая верхушка-то!» — «Ну, мужикъ! говоритъ медвѣдь: я теперь на тебя сердить, съѣмъ тебя!» Мужикъ отошелъ и заплакалъ. Вотъ идетъ лиса и говоритъ мужику: «Что ты плачешь?» — «Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить? меня медвѣдь хочеть съѣсть». — «Не бойся, дядя, не съѣстъ!» — и пошла сама въ кустья, а мужику велѣла стоять на томъ мѣстѣ; вышла оттуда и спрашиваетъ: «Мужикъ, нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ, медвѣдѣвъ?» А медвѣдь подошелъ къ мужику и говоритъ: «Ой, мужикъ, не сказывай, не буду тебя ѣсть». Мужикъ говоритъ лисѣ: «Нѣту!» Лиса засмѣялась и сказала: «А у телѣги-то что лежитъ?» Медвѣдь потихоньку говоритъ мужику: «Скажи, что колода». — «Кабы была колода, отвѣчаетъ лиса: она бы на телѣгѣ была увязана,» — а сама убѣжала опять въ кустья. Медвѣдь сказалъ мужику: «Свяжи меня и положи въ телѣгу». Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ лиса опять воротилась и спрашиваетъ мужика: «Мужикъ, нѣтъ ли у тебя тутъ волковъ-бирюковъ, медвѣдѣвъ?» — «Нѣту!» сказалъ мужикъ. А на телѣгѣ-то что лежитъ?» — «Колода». — «Кабы была колода, въ нее бы топоръ былъ воткнутъ!» Медвѣдь и говоритъ мужику потихоньку: «Воткни въ меня топоръ». Мужикъ воткнулъ ему топоръ въ спину, и медвѣдь издохъ. Вотъ лиса и говоритъ мужику: «Что теперь, мужикъ, ты мнѣ за работу дашь?» — «Дамъ тебѣ пару бѣлыхъ куръ, а ты неси — не гляди». Она взяла у мужика мѣшокъ и пошла; несла-несла и думаетъ: «Дай, погляжу». Глянула, а тамъ двѣ бѣлыя собаки. Собаки какъ выскочутъ изъ мѣшка-то, да за нею. Лиса отъ нихъ бѣгла-бѣгла, да подъ пенекъ въ нору и ушла и, сидя тамъ, говоритъ съ собою: «Что вы, ушки, дѣлали?» — «Мы все слушали». — «А вы, ножки, что дѣлали?» — «Мы все бѣжали». — «А вы, глазки?» — «Мы все глядѣли». — «А ты, хвостъ?» — «Я все мѣшалъ тебѣ бѣжать». — «А, ты все мѣшалъ! постой же, я тебѣ дамъ!» — и высунула хвостъ собакамъ. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

[(Записана въ Тамбовской губ.).]

С. Посѣялъ мужикъ съ медвѣдемъ вмѣстѣ рѣпу, и родилась рѣпа добрая. Медвѣт(д)ъ мужику сказалъ: «Твои коренья, а мои верхушки». Мужикъ всю зиму ѣлъ, а медвѣтъ съ голоду помиралъ. На другой годъ медвѣтъ сказалъ мужику: «Давай сѣять пшеницу». Пшеница родилась добрая. «Теперь ты бери верхушки», сказалъ медвѣтъ мужику: «а мои коренья». Мужикъ всю зиму ѣлъ, а медвѣтъ едва съ голоду не померъ. На третій годъ мужикъ одинъ папеть. Медвѣтъ къ нему пришелъ и гутарить ему: «Я тебя, мужикъ, съѣмъ (зато), что ты меня обманываешь». А мужикъ сказалъ ему: «Погоди, пашню допашу». Медвѣтъ и легъ подъ мужичью телѣгу. У ту пору бѣжить

¹⁾ Ситникъ — булка изъ пшеничной муки.

лиса къ мужику и говоритъ: «Мужикъ, я тебя отъ смерти отведу, — что ты мнѣ за работу дашь?» Мужикъ сказалъ: «Курь мѣшокъ». — «Хорошо; я у тебя спрошу: что у тебя подъ телѣгою лежитъ?» А медвѣтъ мужику говоритъ: «Скажи, что калода». Лиса говоритъ: «Кабы была калода, она бы на телѣгѣ была увязана». У ту пору лиса убѣжала прочь въ кусты, а послѣ опять возвратилась и говоритъ мужику: «Что у тебя на телѣгѣ лежитъ?» Мужикъ сказалъ: «Калода». — «А кабы калода, у ней бы тапоръ былъ ваткнуть». Медвѣтъ сказалъ мужику: «Ваткни въ меня тапоръ». Мужикъ и ваткнулъ тапоръ медвѣдю въ спину, отчего медвѣтъ кончился ¹⁾. Лиса говоритъ мужику: «Вывези же обѣщанной мѣшокъ курь». На другой день выѣхалъ мужикъ на пашню и вывезъ мѣшокъ, а въ немъ двѣ курицы и барзую сабаку. Вдругъ лиса прибѣгаетъ и говоритъ мужику: «Что, привезъ курь?» — «Привезъ». — «Ну, ты же пуцай по одной, а не всѣхъ вдругъ». Мужикъ выпустилъ курицу и другую, потомъ сабаку. Сабака за лисой, лиса отъ сабаки побѣжала въ нору. Сабака стоитъ у норы, а лиса сама съ собою говоритъ: «Ноги, что вы дѣлали?» — «Мы бѣжали». — «А вы, глазки?» — «Мы глядѣли». — «А вы, уши?» — «Мы слушали». — «А ты, хвостъ?» — «Я, говорить, тебѣ подъ ноги мѣшался, чтобъ ты упала». У ту пору лиса асердилась на хвостъ и высунула его изъ норы: «На, сабака, ѣшь хвостъ!» Сабака ухватила лису за хвостъ, вытащила ее и разорвала.

(Записана въ Астраханской губ. священникомъ Михаиломъ Фіалкинымъ).

d. Быу сабѣ гаспдарь ²⁾ и пашоу гараць ³⁾. Гаре йонъ, дакъ гаре, ажъ прыходзиць воукъ. «Чаго ты прышоу, воуче?» каже гаспдарь. «Прышоу тван валы зѣсьци», каже воукъ. «Мой ты добраньки, мой ты галубокъ, пачакай ⁴⁾ хаця паколь я дагару, а послѣ сабѣ зьяси». — «Добра» ⁵⁾, каже воукъ и пашоу паць возъ и тамъ легъ. Чоловѣкъ той гаре и плаче, ажъ прыходзиць лиска. «Чаго ты плачешъ, чоловѣче?» каже яму лиска. «Я плачу таго, што прышоу да мене воукъ и хоче валы зѣсьци». — «Ну, кали даси мнѣ мѣхъ курей, то праганю воука». — «Добра», каже гаспдарь. Лиска пабѣгла на гару и кричиць: «Тру-ру-ру-ру! малады князь палое ⁶⁾! Што у тебе, чоловѣче, паць возомъ ляжиць?» Чоловѣкъ атказвае: «Калода, пане, калода!» — «Кабъ калода была, то на возѣ ляжала бы». Воукъ, якъ пачуу тое, якъ зачне просиць чоловѣка, кабъ узлажиу яго на возъ. Чоловѣкъ узлажиу воука на возъ и зачау гараць. И зноу тая лиска пабѣгла на другую гару и зноу кричиць: «Тру-ру-ру-ру! малады князь палое! Што у тебе, чоловѣче, на возѣ ляжиць?» — «Калода, пане!» атказу мужикъ. «Кабъ калода была, то увязана была бы». Воукъ и зноу напрасну чоловѣка, кабъ увязау; и той чоловѣкъ, узлушы вירוку

¹⁾ Кончатся — погибать, пропадать, умирать. ²⁾ Хозяинъ. ³⁾ Орать, пахать. ⁴⁾ Чакаць — ждать. ⁵⁾ Хорошо. ⁶⁾ Охотится.

такъ увязау воука, што йонъ пакруцицца¹⁾ не смогъ. Лисица зноу пабѣгла на трецью гару и такъ само²⁾ крычиць: «Тру-ру-ру-ру! малады князь палое! Што у тебе, чоловиче, на возѣ ляжиць?» Мужикъ такъ само отказаваетъ: «Калода, пане!» — «Кабъ калода была, то сакера³⁾ урублена у нѣй была бы». Воукъ, пачуушы гэтыя слова, зачау просиць чоловѣка, кабъ гдзѣ сакеру причаши⁴⁾, кабъ яна стырчала⁵⁾. Чоловѣкъ, узявши сакеру, пришоу да воза, дый якъ рубне у галаву воука, дакъ яго и забну на смерць. А лисица, убачнушы гэта, прибѣгла да таго мужика и каже: «Я тебе абаранила адъ воука: прinesi жъ мнѣ мѣхъ курей». — «Добра», каже чоловѣкъ, дый узяушы таго забитаго воука, пашоу да дому. Зняушы шкуру з' воука, улажну у мяшокъ замѣсто курей двухъ сабакъ — Сѣрку и Бѣр(л?)ку — и пашоу у поле да лиски, гдзѣ яна ягò чакала⁶⁾. Прышоушы туда, йонъ палажну мяшокъ на землю и каже да лиски: «Ты разкарачсе добра, кабъ магла палавиць усѣ куры, а я ихъ выпущу». Лиска разкарачалася, якъ той чоловѣкъ казау, и чакае, паколь йонъ выпусыць куры. А чоловѣкъ, развязаушы мяшокъ, якъ выпусыць сабакъ, а тые сабаки якъ зачнуць рваць лиску. Лиска ледва выробиласе⁷⁾ адъ сабакъ и прибѣгла да нары и пытаецца у свайхъ очей: «Што вы думали, якъ мене рвали сабаки?» — «Мы думали, кажучъ очи, кабъ якъ прендзей⁸⁾ уцячи⁹⁾ да норки». — «А вы, лапки?» — «И мы тое самое думали». — «А ты, хвасцище-дурнице, што думау?» — «Я думау, кабъ якъ найпрендзей тебе зловили и задушили». — «Ахъ, ты, хвасцище! аддамъ тебе сабакамъ!» — дый вылязла з' норки: На, каже, Сѣрка, Бѣрка! на, хвостъ!» Тые сабаки парвали лиски хвостъ, дый адарвали. Лиска бяжиць ужò зо злосци¹⁰⁾ да мужика лаиць¹¹⁾ — на што ашукау¹²⁾.

Бяжиць яна дакъ бачиць¹³⁾, ажъ штось гудзе¹⁴⁾. Подбѣгая, ажъ дзюравы збанъ¹⁵⁾ з'вѣтрамъ. «Ахъ, ты шельма, пане збане! и ты страпишь!» каже лисица дый узяла, зачашила почалачку¹⁶⁾ на шыю дый панясла тапиць¹⁷⁾. Прыходзиць да рѣки, усадзила збанъ дый топиць. У той збанъ якъ налилося валы, дакъ той збанъ зачау тапицца и павалокъ за собою лиску. А той мужикъ гэтое усе бачиць, пошоу да рѣки, выцягнуу¹⁸⁾ лиску, здэръ¹⁹⁾ шкуру дый продау.

(Записана въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Гродненской губ., М. Дмитріевымъ).

Примѣчаніе къ №№ 1—7. Сказки о лисѣ, волкѣ, козѣ и другихъ звѣряхъ (Thiermärchen) составляютъ отрывки стариннаго животнаго эпоса, происхождение котораго относится къ той отдаленной эпохѣ,

1) Повернуться. 2) Нарѣчие: какъ-разъ то же самое. 3) Топоръ (сѣкира). 4) Прицѣпилъ. 5) Торчала. 6) Ожидала. 7) Отдѣлалася. 8) Поскорѣй 9) Утечь, убѣжать. 10) Со злости. 11) Бранить. 12) Обмануль. 13) Видить. 14) Что-то гудить. 15) Дырявый жбанъ (боченокъ, ведро). 16) Чапать — брать; слѣдовательно: дужка или ручка, за которую поднимають жбанъ. 17) Тошить. 18) Вытянуль. 19) Содраль.

когда предки наши вели бродячую жизнь охотниковъ и пастуховъ. Звѣроловъ, охотникъ и пастухъ, по самому характеру своихъ понятій, постоянно обращаются съ тѣми или другими звѣрями, стоятъ къ нимъ близко и смотрятъ на собаку, быка, волка, какъ на товарища или врага, въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ на себѣ подобнаго; они чутко приглядываются ко всѣмъ особенностямъ животныхъ, тѣшатся ихъ хитростью и силой, любятъ красотою ихъ формъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ они ведутъ войну, другихъ воспитываютъ и приручаютъ, и все переживаемое, испытываемое, такимъ образомъ, въ сообществѣ животныхъ фантазія пускаетъ въ ходъ въ *звѣросказаніи*, въ *животной былинѣ*, повѣствуя про нихъ то либо другое и надѣляя ихъ при этомъ человѣческимъ разсудкомъ и языкомъ или же приравнивая вынесенные изъ ихъ среды опыты къ отношеніямъ людского быта. Такъ образуется запасъ эпического матеріала, который въ теченіе многихъ столѣтій перерабатывается при устной его передачѣ и у различныхъ народовъ получаетъ свои особенныя черты. И въ другихъ народныхъ сказкахъ, повѣствующихъ намъ о чудесныхъ походахъ и подвигахъ богатырей, являются дѣйствующими лицами звѣри, которымъ присвоаются умъ, чувство, даръ слова и разныя сверхъестественныя свойства; но тамъ болѣе или менѣе являются они для услугъ человѣка, поставляемаго на первомъ планѣ, хоть нерѣдко превосходятъ его догадливостью и смѣлостью. Напротивъ, въ мелкихъ басняхъ, на которыя дробится животный эпосъ, главный интересъ сосредоточивается на звѣряхъ: въ этихъ басняхъ являются они не только дѣйствующими лицами, но героями — каждый съ своимъ особеннымъ характеромъ. Вообще въ народныхъ памятникахъ вся природа представляется исполненною разумной жизни, надѣленною умомъ, чувствомъ и даромъ слова; у нея свои радости и страданія, которыя она нерѣдко раздѣляетъ съ человѣкомъ. Такой поэтически-живой взглядъ на природу обуславливается характеромъ доисторическаго развитія народовъ, ибо въ основу этого развитія легло обожаніе таинственныхъ силъ природы и наивное преклоненіе предъ ея грозными и торжественными явленіями. По народнымъ преданіямъ, сохранившимся донинѣ, звѣри, птицы и растенія нѣкогда разговаривали какъ люди; поселяне вѣрятъ, что наканунѣ Новаго года домашній скотъ получаетъ способность разговаривать между собою по-человѣчески, что пчелы во всякое время могутъ разговаривать съ маткою и другъ съ другомъ, что дятель стучитъ въ дерево съ отчаянья и т. п. Въ пѣсняхъ и сказкахъ цвѣты, деревья, насѣкомыя, птицы и звѣри ведутъ между собой разговоры, предлагаютъ человѣку вопросы и даютъ ему отвѣты. Въ шумѣ древесныхъ листьевъ, свистѣ вѣтра, плескѣ волнъ, жужжаніи насѣкомыхъ, крикѣ и пѣніи птицъ, ревѣ и мычаньи животныхъ — въ каждомъ звукѣ, раздающемся въ природѣ, поселяне думаютъ слышать таинственный разговоръ, доступный только чародѣйному вѣдѣнію колдуна.

Народныя басни о лисѣ въ теперешнемъ ихъ видѣ представляютъ разрозненныя части древняго эпическаго сказанія, въ которомъ въ забавныхъ сценахъ показывается перевѣсъ хитрости, ловкости и ума, даже при недостаткѣ физическихъ силъ, надъ тупостью и слабоуміемъ, хотя бы эти послѣднія качества восполнялись огромною силою и крѣпостью тѣла. Сказаніе о лисѣ извѣстно почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и есть вообще ихъ наслѣдіе, доставшееся имъ отъ эпохи доисторической. Переработанное въ средніе вѣка, оно дошло до насъ въ нѣмецкомъ и латинскомъ спискахъ XII вѣка; другіе списки относятся къ XIII вѣку (на франкскомъ и нидерландскомъ нарѣчіяхъ), и къ XV (на нижнесаксонскомъ). Во всѣхъ редакціяхъ поэма эта содержитъ въ себѣ много изреченій и подробностей, напоминающихъ наши народныя сказки. Въ изданіи братьевъ Гриммовъ: «Kinder-und Hausmärchen» помѣщено нѣсколько сказокъ о лисѣ. Русская сказка о томъ, какъ небитая лиса ѣхала на битомъ волкѣ, сходна съ нѣмецкою «Der Fuchs und die Frau Gevätterin» (Грим., I, № 74); «Лиса повитуха» (сравни у Чудин., 12) тождественна съ нѣмецкою сказкою: «Katze und Maus in Gesellschaft» (Грим., I, 2), въ которой роль лисы заступаетъ кошка, и съ греческою, помѣщенною въ сборникѣ Гана (II, 89); «Лиса, заяцъ и пѣтухъ» сходна съ окончаніемъ сказки, напечатанной въ собраніи братьевъ Гриммовъ подь № 36 (I, стр. 223). Въ прекрасной книгѣ Гаупта и Смоляра: Volklieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz» (II, стр. 164—6) помѣщены двѣ любопытныя сказки о волкѣ и лисѣ: № 6 — «Битый небитаго везеть», № 7 — «Несчастливая рыбная ловля волка». Въ первой сказкѣ волкъ и лиса отправляются искать приключеній. Погода была чудная, и мѣсяць ярко свѣтилъ на небѣ. Вотъ пришли они къ небольшому источнику. «Что это?» спросилъ волкъ. «Гдѣ?» говоритъ лиса. «Да вотъ въ водѣ!» Полный мѣсяць отражался въ источникѣ. «Это славный сыръ». — «Я бы охотно его попробовалъ.» — «Вышей напередъ воду». И волкъ принялся тянуть въ себя воду, а лиса тутъ же заткнула его пробкою. Вылокалъ онъ всю воду до дна, а сыра нѣтъ! Послѣ того отправились они въ прядильню, гдѣ парни собирались на вечерницу. Лиса примѣтила, что здѣсь приготовлены славныя колбасы; захотѣлось ей попробовать, да какъ? У дверей лежитъ цѣпной песъ и не пустить. Она ототкнула у волка пробку — и вода полилась и стала наполнять комнату все выше и выше. Тутъ всѣ напустились на волка, принялись его ругать, бить и выголкали вонь; а лиса между тѣмъ подхватила колбасы, съѣла и вымазалась нарочно брусникою, которая подлѣ стояла. Приходить къ волку, а тотъ къ ней съ укорами; лиса притворилась избитою, окровавленною, увѣрила волка, что ей самой досталось, и уговорила пріятеля посадить ее къ себѣ на спину и отвезти домой. Волкъ согласился; дорогой лиса причитываетъ: «Битый небитаго везеть!» Волкъ услыхалъ и, переходя черезъ перекладину, сбросилъ ее въ ровъ съ водою. Есть

еще норвежская сказка (Asb. Moe, 1, 17) о медвѣдѣ и лисѣ и сербская: «Лисица се освѣтила вуку» (Карадж. 50), сходныя съ нашею сказкою о «Лисичкѣ-сестричкѣ и волкѣ». Въ норвежской — медвѣдь ловить хвостомъ рыбу, подвергается одинаковому несчастію съ волкомъ нашей сказки и оттого навсегда остается куцимъ; въ сербской рассказывается, какъ лиса стащила съ воза три сыра и какой разговоръ повела она при встрѣчѣ съ волкомъ. «Откуда ты добыла сыръ?» спрашиваетъ волкъ. «Изъ воды вытащила». — «Гдѣ жъ эта вода?» — «Пойдемъ, я тебѣ покажу». Дѣло происходило ночью, небо было ясно, и въ высотѣ блистала луна. Лиса подвела волка къ источнику, показала ему на отраженіе мѣсяца въ водѣ и сказала: «Вонъ видишь, какой сыръ въ водѣ! Локай воду, коли хочешь его вытащить». Волкъ локаль-локаль, пока не ударилаь вода изъ него назадъ ртомъ, носомъ и ушами. Съ напечатанною въ нашемъ изданіи сказкою «Мужикъ медвѣдь и лиса», сходны: а) польская о томъ, какъ мужикъ вмѣстѣ съ чортомъ варилъ пиво и сѣялъ рѣпу, а какъ дошло дѣло до дѣлежа — отдалъ ему отъ рѣпы верхушки, а отъ пива подонки или гуцу (Боричев., Нар. слав. раз., 195; Глинск., III, стр. 215), и б) чувашская (Чувашск. разговоры и сказки, составленные Спир. Михайловымъ. Казань, 1853, стран. 50 — 56) о черемисинѣ, который вмѣстѣ съ медвѣдемъ сѣялъ ячмень и рѣпу и тоже обманулъ его при дѣлежѣ, отдавъ отъ ячменя корни, а отъ рѣпы верхушки (зелень). Точно такъ же въ малорусской сказкѣ (Рудченко, I, 29) хитрая баба обманываетъ въ дѣлежѣ чорта. Роль медвѣдя въ народныхъ преданіяхъ нерѣдко возлагается на великана или чорта (D. Myth. Гримма, 980 — 1), каковая замѣна служитъ указаніемъ на древнѣйшую мнѣческую основу сказки о мужикѣ, медвѣдѣ и лисѣ, ибо въ образѣ медвѣдя олицетворялись и громовикъ и тученосные демоны. Въ бѣлорусскомъ вариантѣ этой сказки (подъ буквою d) подробности о томъ, какъ хитрила лиса, чтобы избавить мужика отъ волка, переданы съ наибольшею полнотою. По замѣчанію г. Пыпина, подобная сказка извѣстна и эстонцамъ, гдѣ также лиса пугаетъ медвѣдя охотниками (Отеч. Зап. 1856 года, № V, стр. 19). Но болѣе всего въ бѣлорусскомъ вариантѣ обращаетъ наше вниманіе — конецъ: хитрая лиса сама попадаетъ впросакъ и дѣлается жертвою своей собственной недогадливости и злости. Разсказъ о лисѣ и жбанѣ, сходный съ нашимъ, но переданный въ необыкновенно увлекательной, поэтической формѣ, существуетъ у чеховъ; смотри въ изданіи Шафарика — «Wybor z literatury české» (1845 г., Прага, стр. 228 — 230: Bájka o lise a žbanu). Шафарикъ относитъ эту байку въ XIII столѣтію. «Въ числѣ любимыхъ чтеній средневѣковой Европы, — говоритъ онъ, — были разсказы о животныхъ». Слѣдующая байка (о лисичкѣ и ведрѣ) свидѣтельствуетъ, что уже въ XIII столѣтіи у чеховъ были извѣстны подобныя сочиненія, ибо по языку своему можетъ быть отнесена она къ этой отдаленной эпохѣ. Находится она въ рукописи Градецкой (нынѣ

въ книгохранилищѣ Лобковицкомъ) и напечатана въ первый разъ въ собраніи басенъ Пухмайера, въ Прагѣ, 1795 г.; также въ сочиненіи Томсы: Ueber Veränderungen der böhm. Spr. 1805 г., стр. 72. Смотри еще рассказъ о лисѣ и кувшинѣ въ I книгѣ «Народн. русскихъ сказокъ» (№ 20) и въ сборникахъ Эрленвейна, № 34, и Рудченко, № 8.

Извѣстно, какъ мастерски сумѣлъ воспользоваться знаменитый Гёте средневѣковою поэмою о хитростяхъ лисы: см. его «Reineke Fuchs», переведенную на русскій языкъ М. Достоевскимъ. У насъ Даль старался передать въ литературной формѣ сказанія о похожденияхъ лисы (Повѣсти, сказки и рассказы казака Луганскаго. Спб., 1846, IV, 237). По свидѣтельству Даля, сказка о лисѣ и волкѣ извѣстна на Украинѣ подъ названіемъ: «Лисичка-сестричка та волкъ-панебратъ», а въ великорусскихъ губерніяхъ подъ названіемъ: «Лисы Патрикѣвны». О похожденияхъ Лисы Патрикѣвны, какъ она заставляла волка ловить рыбу, а потомъ, назвавшись лѣкаркою, съѣла у медвѣдя весь припасенный медъ, напечатана сказка въ «Подснѣжникѣ» 1860 г., № 1; въ окончаніи сказки прибавлено: «Идетъ лиса по лѣсу, а хвостъ несетъ по вѣтру; вдругъ слышитъ—жаренымъ что-то запахло. Побѣжала на запахъ и попала въ капканъ. Испугалась Лиса Патрикѣвна, начала голосить, кумовьевѣ на помощь звать—анъ пришелъ мужикъ, у котораго она рыбу повытаскала, перерѣзалъ ей горло, шкуру содралъ и на базаръ понёсъ. Послѣ набѣжала на лису волкъ; увидѣлъ, что кума безъ шубки лежитъ, заплакалъ-потужилъ, да и скушалъ куму». Сличн варианты въ изданіи г-жи Авдѣевой; «Русск. сказки для дѣтей, рассказанныя нянюшкою Авдотьей Степановною Черепьевою» (изд. 3, Спб., 1856, стр. 48—54); въ Трудахъ Курск. статист. ком. 1, 529—530; Рудченко, I, 7; II, 4; Глинск., II, стр. 209—227; начало сказки о Лисѣ-лѣкаркѣ» сравни съ напечатанною у Худяк., II, № 73. У бѣлоруссовъ есть пословица, очевидно намекающая на какой-то народный эпическій рассказъ о лисѣ: «Лисица отъ дожджу и подъ борону ховалась: не всякая, казала, кашля канецъ» (Архивъ историко-юридич. свѣд. о Россіи, изд. Калачова, 2-я половина II тома, статья Буслаева, 172—4). Въ настоящемъ изданіи (№№ 98 и 99) напечатаны сказки о Бухтанѣ Бухтановичѣ и Кузьмѣ Скоробогатомъ, въ которыхъ лиса играетъ роль хитрой свахи и женить Бухтана и Кузьму на царевнахъ.

Сборникъ хорутанскихъ сказокъ Валявца предлагаетъ нѣсколько любопытныхъ отрывковъ животнаго эпоса; сказка: «Zakaј nema zajec seloga gera» (281—2), совершенно сходна съ нашей о лисѣ-повитухѣ, только здѣсь вмѣсто двухъ лицъ выведено три: волкъ, лиса и заяць; на послѣдняго лиса и сваливаетъ свой грѣхъ. Когда изъ кумушки выступилъ медъ, она легла позади зайца, обтерлась о его шкурку, воротилась на свое мѣсто и стала будить волка: «Вставай! изъ зайца медъ выступилъ». Заяць испугался и кинулся бѣжать, а волкъ за нимъ въ погону, ухватилъ его за хвостъ и оторвалъ. Отъ того-то у зайца

такой куцый хвостъ. Въ томъ же сборникѣ находимъ слѣдующій своеобразный вариантъ сказки о томъ, какъ лиса избавила человѣка отъ медвѣдя, напечатанной нами подъ № 7: Недалеко отъ заячьей норки была медвѣжья берлога. Заяцъ сталъ ходить туда, насмѣхался надъ медвѣжатами и плевалъ на нихъ. Вотъ когда старый медвѣдь пришелъ домой, дѣти пожаловались ему на зайца. Старый разсердился: «Подождите, говорить, я его изловлю!» Взялъ да и спрятался и какъ только пришелъ заяцъ, онъ тотчасъ выскочилъ. Заяцъ — гу! — и бросился въ лѣсъ, а медвѣдь за нимъ. Гнался-гнался; гдѣ заяцъ проскочить, тамъ медвѣдь завязнетъ, и такъ застрялъ въ расколотомъ деревѣ. Случилось мимо идти мужику. Медвѣдь и молить: «Освободи меня; я тебѣ покажу за то цѣлую бортъ меда. Только смотри, никому не сказывай, какъ надо мной насмѣялся малой зайчишка!» Мужикъ обѣщаль никому про то не сказывать, взялъ топоръ, обрубилъ одну часть дерева и освободилъ медвѣдя. Медвѣдь показалъ ему бортъ съ медомъ. Вотъ мужикъ поскорѣй домой, запрѣгъ воловъ въ повозку, поѣхаль въ лѣсъ, наклаль меду и воротился назадъ. А медвѣдь тихонько подкрался къ его избушкѣ и сталъ подслушивать. Мужикъ складываетъ медъ съ воза; дѣти увидали и спрашиваютъ: «Батка, гдѣ набралъ столько меду?» — «Нашелъ въ лѣсу». Тутъ и жена пристала: «Кто же помогъ тебѣ найти?» — «Да одинъ старый медвѣдь; гналь онъ за зайцемъ да завязъ въ деревѣ; я его выпустилъ онъ мнѣ и показаль за то. Небось, не станеть теперь, старый дуракъ, гоняться за зайцами!» — «Постой, думаетъ медвѣдь, отплачу я тебѣ за эту насмѣшку!» На другое утро запрѣгъ мужикъ воловъ, положилъ на повозку мѣшокъ пшеницы, привязаль сзади плугъ и поѣхаль въ поле. Началь было пахать, а медвѣдь тутъ какъ есть: «Стой, обманщикъ! какъ же ты обѣщаль никому не рассказывать, какъ меня прищемило въ деревѣ, а добрался до дому и тотчасъ все женѣ и дѣтямъ разболталъ?» — «Что ты, приятель, я никому не рассказываль». — «Да я самъ слышаль, самъ стояль у твоей избы; а чтобы ты больше не обманываль, я тебя задеру». Услыхала то лисица и начала махать хвостомъ изъ чащи лѣса, а сама приговариваетъ: «Человѣче! умъ у тебя въ головѣ, а дубина въ рукѣ». Мужикъ вздумаль попробовать, высыпаль изъ мѣшка пшеницу и сказаль медвѣдю: «Я не приготовился къ смерти — ни исповѣди, ни эпитимьи не исполниль; полѣзай-ка ты, медвѣдь, въ этотъ мѣшокъ и замѣсто эпитимьи я понесу тебя по полю; обнесу раза два-три, тогда и дѣлай со мной, что хочешь». Медвѣдь подумаль: «Э, какой я важный господинъ! человѣкъ меня на плечахъ носить будетъ». Влѣзь въ мѣшокъ, а мужикъ тотчасъ завязаль его покрѣпче и такъ ударилъ по головѣ дубиною, что медвѣдь тутъ же околѣль. Прибѣжала лиса: «Мужикъ! вѣдь я тебя надоумила; что жъ ты мнѣ пожалуешь?» — «Хочешь утку?» — «Нѣтъ!» — «Ну, пѣтуха?» — «Нѣтъ!» — «Чего жъ тебѣ?» — «Давай отгрызу твой носъ». Мужикъ растерялся, «od straha velikoga prdne jednokrat. Lesyca

poslušā, pak veli: oho, kaj je to? Pak človek i drugi put, pak i trejti put prdne. Lesica veli: kaj je to? Človek veli: ej, nykaj; včera sem pojel devet lovnih psov pak vezda se 'sum silum očeju iti vun». Лиса ударила въ бѣгъ, а мужикъ остался съ цѣлымъ носомъ. (См. также Гана № 94 и Шлейхера стр. 8). Въ русской сказкѣ лиса, спрятавшись отъ собакъ въ нору, вступаетъ въ разговоръ сама съ собою и погибаетъ отъ вражды къ своему собственному хвосту. Тотъ же комическій эпизодъ встрѣчаемъ въ хорутанской сказкѣ: «Птица, лиса и песь» (стр. 273—4). Птица свила себѣ гнѣздо и стала нести яйца. Лиса изъявляетъ желаніе полакомиться этими яйцами. «Ахъ, какъ же ты глупа! говорить птица, развѣ ты наѣшься ими досыта? Подожди, вотъ я выведу дѣтокъ, выкормлю ихъ; тогда, пожалуй, приходи, скушай и дѣтей и меня». Лисица согласилась съ радостью. Тѣмъ временемъ птица подговорила гончаго пса, который спрятался за кусты. Приходитъ лиса, птица ей и говорить: «Ну, теперь я могу тебѣ дать, что обѣщала; позволь только мнѣ спѣть послѣднюю пѣсню». А это былъ условный знакъ у ней съ собакою, и какъ только птица запѣла, песь выскочилъ и кинулся на лису, а та бѣжать — и прямо въ нору. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстный разговоръ лисы съ своими ногами, ушами, глазами и хвостомъ.

Коротенькая басня о лисѣ, исповѣдующей пѣтуха (I, стр. 5), послужила темою того сатирическаго стихотворнаго разговора между лисицею и куромъ, который былъ напечатанъ въ «Старичкѣ-весельчакѣ, разсказывающемъ давнія московскія были», и даже попалъ въ лубочное изданіе (См. Русск. народн. сказки, изд. Сахаровымъ, предисловіе, стр. XXXII «О курѣ и льстивой лисицѣ»). Разговоръ этотъ подъ заглавіемъ: «Слогъ виршевой о курѣ съ лисицей» встрѣчается въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца XVII или начала XVIII столѣтія съ нѣкоторыми дополненіями противъ напечатаннаго въ «Старичкѣ-весельчакѣ». Въ одномъ спискѣ Пчелы, по замѣчанію г. Безсонова, при описаніи разныхъ учителей прибавлено: «не красенъ позоръ—лисица въ курятыхъ, того же нестройнѣя учитель неподобенъ». Этимъ сравненіемъ, вѣроятно, также на основѣ народнаго сказанія, лисица поставлена между курами въ положеніе учителя. Все это доказываетъ, что притча о лисѣ, изъ корыстной цѣли проповѣдующей пѣтуху о пагубѣ грѣховной жизни и суетѣ сего міра, была довольно распространена и составляла любимое народное чтеніе. Въ языкѣ напечатанныхъ нами сказокъ о лисѣ-исповѣдницѣ (сравни у Гана, II, № 9) довольно ясно обнаруживаются слѣды книжнаго вліянія. У бѣлоруссовъ извѣстенъ еще слѣдующій разсказъ о лисицѣ: однажды набрела она на кусокъ мяса подлѣ нагнутого дерева и, замѣтивъ, что кусокъ этотъ положенъ, какъ приманка къ ловушкѣ, не рѣшилась приступить къ нему. На ту пору шелъ мимо волкъ и спросилъ у кумушки, отчего она не попробуетъ такого лакомаго завтрака. Хитрая лиса отвѣчала: «Я бѣ, кумокъ,

ѣла, да лихо — сегодня среда». — «А я не посмотрю на среду!» сказал волкъ и съ жадностью бросился на мясо, но попалъ горломъ въ силокъ: дерево тотчасъ же разогнулось и подняло его на воздухъ, а лисица начала убирать оставшееся на землѣ мясо. Волкъ, увидя это съ своей висѣлицы, напомнилъ ей: «а среда, кума!» — «Нехай, кумокъ, отвѣчала лисица: тѣй середзиць, хто на небо глядзиць!» (Записки Рус. Геогр. Общ. по отд. этногр., I, 377.). Та же мысль выражена и въ народной притчѣ о котѣ. «Коть Евстафій! ты постригся?» — «Постригся». — «И посхимился?» — «И посхимился». — Пройти мимо тебя можно?» — «Можно». Мышка побѣжала, а котъ ее цапъ. «Оскоромишься, котъ Евстафій!» — «Кому скоромно, а намъ на здоровье!» (См. Пословицы Даля, стр. 1094).

При разборѣ народныхъ басенъ о хитрой лисѣ нельзя не обратить вниманія на хорутанскую сказку про больного льва (Валявецъ, стр. 28). Захворалъ левъ и залѣгъ въ свое логовище. Пришелъ къ нему на поклонъ медвѣдь. Левъ спросилъ его: «не слышишь ли ты, какъ смердить въ моей берлогѣ?» — «Правда, отвѣчалъ медвѣдь, скверно воняетъ». Левъ озлобился и разорвалъ медвѣдя. Заяцъ это видѣлъ, и когда явился на поклонъ ко льву, то на сдѣланный ему такой же вопросъ отвѣчалъ: «о нѣтъ, нисколько не воняетъ, а напротивъ прекрасно пахнетъ!» — «Лжешь ты! — закричалъ левъ, не пахнетъ, а смердить!» — и тутъ же разорвалъ зайца. Потомъ явился волкъ, и на вопросъ льва отвѣчалъ: «нѣтъ, не смердить и не пахнетъ!» — «Лжешь! — возразилъ левъ; ни то ни другое быть не можетъ» — и разорвалъ волка. Послѣ всѣхъ пришла лиса на поклонъ. «Что, спросилъ ее левъ, смердить или пахнетъ въ моемъ логовищѣ?» — Хитрая лиса отвѣчала: «прости меня, свѣтлый царь! у меня теперь насморкъ, и я не могу отвѣчать тебѣ, смердить ли здѣсь или пахнетъ, а лгать не смѣю». И левъ пощадилъ ее за то, что умна была. Съ приведенной сказкой очень близко сходна чешская сказка о царѣ-хорькѣ (Wenzig, стр. 203 — 5): Когда лягушки выбрали себѣ королемъ долгоногаго аиста, то и куры не захотѣли отстать отъ нихъ; собрался всемъ міромъ и стали совѣтъ держать. Такъ какъ никто не хотѣлъ стерпѣть, чтобы другой надъ нимъ властвовалъ, но всякій самъ добивался власти, то все пѣтухи перебрались и вступили въ битву. Они такъ долбили другъ друга клювами, что гребешка ихъ были въ крови и перья летѣли во все стороны. Наконецъ, одинъ старый и мудрый пѣтухъ посовѣтовалъ, что лучше всего взять въ короли хорька; онъ и силенъ, и съ крѣпкими зубами, его все стануть бояться, и тогда навѣрно будетъ покой и порядокъ. Совѣтъ этотъ понравился, и пѣтухи тотчасъ отправили пословъ съ предложеніемъ къ хорьку. Хорѣкъ принялъ ихъ дружелюбно и обѣщалъ защищать своихъ новыхъ поданныхъ отъ ястребовъ, которые хватаютъ цыплятъ, отъ куніцъ, которыя вышиваютъ куриныя яйца, и отъ воробьевъ, что прямо у нихъ изъ-подъ носу воруютъ кормъ. Хорѣкъ сѣлъ на

тронь, и всё пѣтухи и куры были рады, что у нихъ такой могучій и добрый король. Спустя нѣкоторое время захотѣлось хорьку курятинки: не желая вызывать ропотъ открытымъ насиліемъ, онъ рѣшился подь благовиднымъ предлогомъ предать смерти какого-нибудь пѣтуха и высосать изъ него кровь. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ самаго жирнаго пѣтуха и спросилъ его, не слышитъ ли онъ какого запаха? Пѣтухъ былъ честная душа и прямо отвѣчалъ: «извини, король! я слышу отвратительную вонь». Это былъ обыкновенный непріятный запахъ хорька. «Безстыдная тварь! — возразилъ хорёкъ: и ты осмѣлился сказать это въ лицо твоему государю?» Амъ! — и откусилъ пѣтуху голову, и вышилъ изъ него кровь. Потомъ приказалъ онъ позвать другого пѣтуха и предложилъ ему тотъ же вопросъ. Видя обезглавленный трупъ своего товарища и мордочку хорька, замаранную въ крови, бѣдный пѣтухъ затрѣся и не могъ выговорить ни одного слова. «Что ты дрожишь?» — спросилъ хорёкъ строго: «у тебя, вѣрно, недоброе на умѣ? Отвѣчай сейчас!» Пѣтухъ собралъ всё свои силы и чистымъ, сладкимъ голосомъ отвѣчалъ: «я чувствую, что здѣсь чудно пахнетъ!» — «Коварный лжець! — закричалъ хорёкъ злобно: — ты хочешь собственную негодность прикрасить лестью!» Амъ! — и сорвалъ съ него голову, а кровь высосалъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ позванъ третій пѣтухъ. Тотъ былъ хитѣрь, и на вопросъ хорька отвѣчалъ: «извини, король, погода дурная, и у меня сильной насморкъ». Хорёкъ, видя, какъ онъ умно выпутался изъ разставленной ему петли, засмѣялся и принялъ этого пѣтуха въ свою особенную милость.

8. Старая хлѣбъ-соль забывается.

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу, а на ту пору шелъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: «Сдѣлай милость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ! за мной охотники гонятъ». Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плечи. Идетъ дальше, а на встрѣчу ему охотники. «Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?» спрашиваютъ они. «Нѣтъ, не видалъ!» отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду. «Что, ушли мои злодѣи!» спросилъ бирюкъ. «Ушли». — «Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольный свѣтъ. Бирюкъ сказалъ: «А что, мужикъ, я тебя съѣмъ!» — «Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь!» — «Старая хлѣбъ-соль забывается», отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: «Ну, коли такъ, пойдемъ дальше, и если первый, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по-твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего —

съѣшь меня!» Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая кобыла. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: «Сдѣлай милость, кобылушка-матушка, разсуди насъ! Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочеть меня съѣсть!» И разсказаль ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «Я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ невоготу работать, — онъ взялъ да и стащилъ меня подь яръ; ужъ я лѣзла-лѣзла — насилу вылѣзла и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!» — «Видишь, моя правда!» молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождать до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ же вопросомъ. Собака подумала-подумала и сказала: «Служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарѣлась и перестала брехать ¹⁾, — онъ прогналь меня со двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!» — «Ну, видишь, моя правда!» Мужикъ еще пуще опечалился и упротилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи: «а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не попомнишь». Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: «Да какъ это можно, чтобы бирюкъ, этакая большая туша, могъ помѣститься въ этакомъ маломъ мѣшкѣ?» И бирюкъ и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила и сказала: «А ну-ка, мужичокъ, покажь, какъ ты сажаль его въ мѣшокъ-то!» Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала: «Да развѣ ты одну голову пряталь въ мѣшокъ?» Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. «Ну-ка, мужичокъ, продолжала лиса, покажи, какъ ты его завязываль?» Мужикъ завязаль. «Ну-ка мужичокъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ-то молотилъ?» Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку. «Ну-ка мужичокъ, какъ ты отворачиваль?» Мужикъ сталъ отворачивать да задѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: «Старая хлѣбъ-соль забывается!»

(Записана въ Черноярскомъ уѣздѣ, Астраханской губ., волостнымъ писаремъ Волконидинымъ).

Примѣчаніе. См. Сказки, издан. Эрленвейномъ, № 22; Ганъ, II, 87; подобный разсказъ извѣстенъ также у закавказскихъ народовъ (см. Закавказ. край, соч. барона Гакстгаузена, II, 70 — 71, и у бурятъ (Вѣстникъ естеств. наукъ 1854 г., стр. 395 — 7: роль волка играетъ здѣсь змѣя).

¹⁾ Лаять.

9. Овца, лиса и волкъ.

У крестьянина изъ гурта бѣжала овца. Навстрѣчу ей попалась лиса и спрашиваетъ: «Куда тебя, кумушка, Богъ несетъ?» — «Охъ, кума! была я у мужика въ гуртѣ, да житья мнѣ не стало; гдѣ баранъ сдурить, а все я, овца, виновата! Вотъ и вздумала уйти — куда глаза глядятъ». — «И я тоже, отвѣчала лиса: гдѣ мой мужъ курочку словить, а все я, лиса, виновата. Побѣжимъ-ка вмѣстѣ». Черезъ нѣсколько времени повстрѣчался имъ бирюкъ. «Здорово, кума!» — «Здравствуй!» говоритъ лиса. «Далече ли бредешь!» Она въ отвѣтъ: «Куда глаза глядятъ?» Да какъ рассказала про свое горе, — бирюкъ молвилъ: «И я также: гдѣ волчица зарѣжетъ ягненка, а все я, бирюкъ, виноватъ. Пойдемте-ка вмѣстѣ». Пошли. Дорогою бирюкъ и говоритъ овцѣ: «А что, овца, вѣдь на тебѣ тулущь-то мой!» Лиса услышала и подхватила: «Взаправду, кумъ, твой?» — «Вѣрно, мой!» — «Побожись?» — «Побожусь!» — «Къ присягѣ пойдешь?» — «Пойду». — «Ну, иди, цѣлуй присягу». Тутъ лиса смѣтила, что мужики на тропинкѣ поставили капканъ; она привела бирюка къ самому капкану и говоритъ: «Ну, вотъ здѣсь цѣлуй!» Только что сунулся бирюкъ сдуру, а капканъ щелкнулъ и ухватилъ его за морду. Лиса съ овцой тотчасъ убѣжали отъ него по добру по здорову.

(Записана въ Черноярскомъ уѣздѣ, Астраханской губ., волостнымъ писаремъ Волконидинымъ).

10. Звѣри въ ямѣ.

а. Шла свинья въ Питеръ Богу молиться. Попадается ей волкъ навстрѣчу: «Свинья, свинья! куда идешь?» — «Въ Питеръ Богу молиться». — «Возьми и меня». — «Пойдемъ, куманѣкъ!» Шли-шли, попадается лиса навстрѣчу: «Свинья, свинья! куда идешь?» — «Въ Питеръ Богу молиться». — «Возьми и меня». — «Иди, кума!» Шли они, шли, попадается имъ заяцъ: «Свинья, свинья! куда идешь?» — «Въ Питеръ Богу молиться». — «Возьми и меня съ собою». — «Ступай, косою!» Потомъ выпросилась еще бѣлка, и вотъ они шли-шли... Глядь, по дорогѣ яма глубокая и широкая; свинья прыгнула и попала въ яму, а за ней и волкъ, и лиса, и заяцъ, и бѣлка; долго они сидѣли, сильно проголодались, — ѣсть-то нечего. Лиса и придумала: «Давайте, говорить, тянуть: кто веѣхъ тоньше запоетъ, того и скушаемъ». Волкъ затынулъ толстымъ голосомъ: о-о-о! Свинья немного помягче: у-у-у! Лиса и того мягче: э-э-э! а заяцъ съ бѣлкою тонкимъ голоскомъ: и-и-и! Тотчасъ разорвали звѣри зайца да бѣлку и съѣли со веѣми косточками. На другой день лиса опять говоритъ: «Кто толще веѣхъ запоетъ, того и скушаемъ».

Волкъ всёхъ толще затынулъ: о-о-о! — ну, его и съѣли. Лиса мясо скушала, а кишечки подъ себя спрятала. Дня черезъ три сидитъ да ѣсть себѣ кишечки; свинья и спрашиваетъ: «Что ты, кума, кушаешь? Дай-ка мнѣ». — «Эхъ, свинья! вѣдь я свои кишечки таскаю; разорви и ты свое брюхо, таскай кишечки и закусывай». Свинья то и сдѣлала: разорвала свое брюхо — и досталась лисѣ на обѣдъ. Осталась лиса одна-одинёхонька въ ямѣ; вылѣзла ль она оттудова или теперь тамъ сидитъ — право, не вѣдаю.

b. Жилъ себѣ старикъ со старушкой, у нихъ только и было имѣнья, что одинъ боровъ. Пошелъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. Навстрѣчу ему идетъ волкъ. «Боровъ, борсвъ, куда ты идешь?» — «Въ лѣсъ жолуди ѣсть». — «Возьми меня съ собою». — «Я бы взялъ, говоритъ, тебя съ собою, да тамъ яма есть глубока, широка, — ты не перепрыгнешь». — «Ничего, говоритъ, перепрыгну». Вотъ и пошли; шли-шли по лѣсу и пришли къ этой ямѣ. «Ну, говоритъ волкъ, прыгай». Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ. Волкъ прыгнулъ, да прямо въ яму. Ну, потомъ боровъ наѣлся жолудей и отправился домой. На другой день опять идетъ боровъ въ лѣсъ. Навстрѣчу ему медвѣдь. «Боровъ, боровъ, куда ты идешь?» — «Въ лѣсъ жолуди ѣсть». — «Возьми, говоритъ медвѣдь, меня съ собою». — «Я бы взялъ тебя, да тамъ яма глубока, широка, — ты не перепрыгнешь». — «Небось, говоритъ, перепрыгну». Подошли къ этой ямѣ. Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ; медвѣдь прыгнулъ — прямо въ яму угодилъ. Боровъ наѣлся жолудей, отправился домой. На третій день боровъ опять пошелъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. Навстрѣчу ему косою заяць. «Здравствуй, боровъ!» — «Здравствуй, косою заяць!» — «Куда ты идешь!» — «Въ лѣсъ жолуди ѣсть». — «Возьми меня съ собою». — «Нѣтъ, косою, тамъ яма есть широка, глубока, — ты не перепрыгнешь». — «Вотъ, не перепрыгну! какъ не перепрыгнуть!» Пошли и пришли къ ямѣ. Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ, заяць прыгнулъ — попалъ въ яму. Ну, боровъ наѣлся жолудей, отправился домой. На четвертый день идетъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. Навстрѣчу ему лиса, тоже просится, чтобъ взялъ ее боровъ съ собою. «Нѣтъ, говоритъ боровъ, тамъ яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь». — «И-и, говоритъ лисица, перепрыгну!» Ну, и она попала въ яму. Вотъ ихъ набралось тамъ въ ямѣ четверо, и стали они горевать, какъ имъ ѣду добывать.

Лисица и говоритъ: «Давайте-ка голосъ тянуть; кто не вытянетъ, того и ѣсть станемъ». Вотъ начали тянуть голосъ: одинъ заяць отсталъ, а лисица всёхъ перетянула. Взяли зайца, разорвали и съѣли. Проголодались и опять стали уговариваться голосъ тянуть: кто отстанетъ, чтобъ того и ѣсть. «Если, говоритъ лисица, я отстану, то и меня ѣсть — все равно!» Начали тянуть; только волкъ отсталъ, не могъ вытянуть голосъ. Лисица съ медвѣдемъ взяли его разорвали и съѣли.

Только лисица надула ¹⁾ медвѣдя: дала ему немного мяса, а остальное припрятала отъ него и ѣсть себѣ потихоньку. Вотъ медвѣдь начинаетъ опять голодать и говорить: «Кума, кума, гдѣ ты берешь себѣ ѣду?» — «Экой ты, кумь! ты возьми-ка просунь себѣ лапу въ ребра, зацѣпишься за ребро, — такъ и узнаешь, какъ ѣсть. Медвѣдь такъ и сдѣлалъ: зацѣпилъ себя лапой за ребро, да и околѣлъ. Лисица осталась одна. Послѣ этого, убравши медвѣдя, начала лисица голодать.

Надъ этой ямой стояло древо; на этомъ древѣ вилъ дроздъ гнѣздо. Лисица сидѣла-сидѣла въ ямѣ, — все на дрозда смотрѣла и говорить ему: «Дроздъ, дроздъ, что ты дѣлаешь?» — «Гнѣздо вью». — «Для чего ты вьешь?» — «Дѣтей выведу». — «Дроздъ, накорми меня; если не накормишь, — я твоихъ дѣтей поѣмъ». Дроздъ горевать, дроздъ тосковать: какъ лисицу ему накормить? Полетѣлъ въ село, принесъ ей курицу. Лисица курицу убрала и говорить опять: «Дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?» — «Накормилъ». — «Ну, напои же меня». Дроздъ горевать, дроздъ тосковать: какъ лисицу напоить? Полетѣлъ въ село, принесъ ей воды. Напилась лисица и говорить: «Дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?» — «Накормилъ». — «Ты меня напоилъ?» — «Напоилъ». — «Вытащи жъ меня изъ ямы». — Дроздъ горевать, дроздъ тосковать: какъ лисицу вынимать? Вотъ началъ онъ палки въ яму метать; наметалъ такъ, что лисица выбралась по этимъ палкамъ на волю и возлѣ самаго древа легла — протянулась. «Ну, говорить, накормилъ ты меня, дроздъ?» — «Накормилъ». — «Напоилъ ты меня?» — «Напоилъ». — «Вытащилъ ты меня изъ ямы?» — «Вытащилъ». — «Ну, размѣши жъ меня теперь.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать: какъ лисицу размѣшить. «Я, говорить онъ, полечу, а ты, лиса, иди за мною». Вотъ хорошо; полетѣлъ дроздъ въ село, сѣлъ на ворота къ богатому мужику, а лисица легла подъ воротами. Дроздъ началъ кричать: «Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ! Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ!» Выскочили собаки и разорвали лисицу. Я тамъ была, медъ-вино шила, по губамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синій кафтанъ; я пошла, а вороны летятъ да кричатъ: «Синь кафтанъ, синь кафтанъ!» Я думала: скинь кафтанъ. — взяла да и скинула. Дали мнѣ красный шлыкъ. Вороны летятъ да кричатъ: «Красный шлыкъ, красный шлыкъ!» Я думала, что краденый шлыкъ, скинула — и осталась ни съ чѣмъ.

(Записана въ Воронежскомъ уѣздѣ К. О. Александровымъ - Дольникомъ).

Примѣчаніе. См. варианты въ сборникахъ Эрленвейна, стр. 105—6 и Рудченко, № 10.

¹⁾ Обманула.

11. Лиса и тетеревъ.

Бѣжала лисица по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева и говорить ему: «Терентій, Терентій! я въ городѣ была». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! была, такъ была». — «Терентій, Терентій! я указъ добыла». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! добыла, такъ добыла». — «Чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревьямъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! гулять, такъ гулять». — «Терентій! кто тамъ ѣдетъ!» спрашиваетъ лиса, услышавъ конскій топотъ и собачій лай. «Мужикъ». — «Кто за нимъ бѣжитъ?» — «Жеребенокъ». — «Какъ у него хвостъ-то?» «Крючкомъ». — «Ну, такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ».

(Записана въ Тверской губ.).

12. Лиса и дятель.

Жилъ былъ дятель на дубу, свилъ себѣ гнѣздышко, снесъ три яичка и высидѣлъ три дѣтенка. Повадилась къ нему лиса ходить: стукъ-стукъ хвостикомъ по сырому дубищу. «Дятель, дятель! полѣзай съ дубу долой. Мнѣ дубъ нада — сѣ ч и х и ч и к и (?) гнуть». — «Ей, лисынька! не дала ты мнѣ и одного детенышка-то высидѣть». — «Ей, дятель! брось ты мнѣ, я его выучу кузнешному». Дятель ей бросилъ, и она — кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ, да и съѣла.

Опять идетъ къ дятлу и стукъ-стукъ хвостикомъ по сырому дубищу: «Дятель, дятель! полѣзай съ дубу долой, мнѣ дубъ нада — сѣчихичики гнуть». — «Ей, лисынька! не дала ты мнѣ и одного детенышка-то высидѣть». — «Ей, дятель! брось ты мнѣ, я его выучу башмашному». Дятель ей бросилъ, а она — кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ да и съѣла.

Опять идетъ къ дятлу и стукъ-стукъ хвостикомъ по сырому дубищу: «Дятель, дятель! полѣзай съ дубу долой, мнѣ дубъ нада — сѣчихичики гнуть». — «Ей, лисынька! не дала ты мнѣ и одного детенышка-то высидѣть». — «Ей, дятель! брось ты мнѣ, я его выучу портняжному». Дятель бросилъ ей, а она кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ да и съѣла.

(Записана въ Васильскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., членомъ-сотрудникомъ Русск. Географич. Общества іеромонахомъ Макаріемъ).

13. Лиса и журавль.

Лиса съ журавлемъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: «Приходи, куманекъ! приходи, дорогой! ужъ я какъ тебя угощу!» Идетъ журавль на званой пирь,

а лиса наварила манной каши ¹⁾ и размазала по тарелкѣ. Подала и подбиваетъ: «Покушай, мой голубчикъ-куманекъ, — сама стряпала». Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучаль-стучаль — ничего не попадаетъ. А лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу ²⁾, такъ всю сама и скушала. Каша ³⁾ съѣдена; лисица и говоритъ: «Не безсудь, любезный кумъ! больше подбивать нечѣмъ». — «Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости». На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «Кушай, кумушка! право, больше нечѣмъ подбивать». Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина: и такъ зайдетъ, и эдакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ-то — все ничего не достанетъ: не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. «Ну, не безсудь, кума! больше угощать нечѣмъ». Взяла лису досада: думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла, какъ несолоно похлебала. Какъ аукнулось — такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ — врозь ⁴⁾.

(Записана въ Тверской губ.).

Примѣчаніе. Сличи съ Езоповою баснею о лисицѣ и аистѣ въ изданіи: «Езоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа, съ новѣйшаго французскаго перевода, полнымъ описаніемъ жизни Езоповой, разсужденіями нравственными и историческими и проч. снабженнаго г. Беллегардомъ, нынѣ вновь на російской языкъ переведенныя Д. Т.» Москва, 1792 г. in 8° стр. 147 — 8.

14. Снѣгурушка и лиса.

Жилъ да былъ старикъ со старухой, у нихъ была внучка Снѣгурушка. Собрались ея подружки итти въ лѣсъ по ягоды и пришли ее звать съ собой. Старики долго не соглашались, но послѣ многихъ просьбъ отпустили Снѣгурушку и приказали ей не отставать отъ подругъ. Ходя по лѣсу и собирая ягоды — деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ, — Снѣгурушка отстала отъ своихъ подругъ. Онѣ аукали ее, аукали, но Снѣгурушка не слыхала. Ужъ стало темно, подружки

¹⁾ *Вариантъ:* яичницы и размазала по сковородѣ. ²⁾ *Вар.:* яичницу. ³⁾ *Вар.* яичница. ⁴⁾ Начало этой общеизвѣстной басни передается еще такъ: Захотѣлось лисѣ, чтобъ журавль ее угостилъ, и вздумала завести съ нимъ знакомство и причестъся ему въ родню. Увидала разъ, что журавль гуляетъ по полю, подошла къ нему и говоритъ: «Здравствуй, журавль!»—«Здравствуй, премудрая просвирия! (см. сказку «Лиса-исповѣдница»). Что тебѣ?»—«Ходила я къ попу, справлялась по книгамъ и разыскала, что ты доводишься мнѣ троюроднымъ братомъ: надо намъ другъ друга знать и почитать, другъ къ другу въ гости ходить».

пошли домой. Снѣгурушка, видя, что она осталась одна, взлѣзла на дерево, стала горько плакать, припѣваячи: «Ау, ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка! У дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка; ее дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши,—покинули». Идетъ медвѣдь и спрашиваетъ: «О чемъ ты, Снѣгурушка, плачешь?» — «Какъ мнѣ, батюшка-медвѣдюшка, не плакать! я одна у дѣдушки, у бабушки внучка Снѣгурушка; меня дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши,—покинули». — «Сойди, я тебя отнесу». — «Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь!» Медвѣдь ушелъ отъ нея. Она опять заплакала, припѣваячи: «Ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка!..» Идетъ волкъ; спрашиваетъ: «О чемъ ты, Снѣгурушка, плачешь?» Она отвѣчаетъ ему то же, что и медвѣдю. «Сойди, я тебя отнесу». — «Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь». Волкъ ушелъ, а Снѣгурушка опять заплакала, причитаючи: «Ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка!..» Идетъ лисица, спрашиваетъ: «Чего ты, Снѣгурушка, плачешь?» — «Какъ мнѣ, лисанька, не плакать! меня дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши, — покинули». — «Сойди, я тебя отнесу». Снѣгурушка сошла, сѣла на спину къ лисицѣ, и та помчалась съ нею; прибѣжала къ дому и стала хвостомъ стучаться въ калитку. «Кто тамъ?» Лисица отвѣчаетъ, что она принесла къ старику и старухѣ ихъ внучку Снѣгурушку. «Ахъ, ты наша дорогая, такая-сякая, немазаная! Войди къ намъ въ избу. Гдѣ намъ тебя посадить и чѣмъ угостить?» Принесли молока, яицъ творогу и стали лисицу подчивать за ея заслугу. А лисица просить, чтобъ въ награду дали ей курицу и пустили бы ее въ поле. Старики простились съ лисицею, посадили въ одинъ мѣшокъ курицу а въ другой собаку и понесли за нею на указанное мѣсто. Выпустили курицу; только было лисица бросилась за нею, — выпустили и собаку. Увидя собаку, лисица какъ припустила въ лѣсъ, — такъ и ушла.

(Записана въ Калужской губ.).

15. Лиса и ракъ.

Лиса и ракъ стаятъ вмѣстѣ и гваряютъ прамѣшь сибя. Лиса гваритъ раку: «Давай съ тобой пирганятца». Ракъ: «Штошь, лиса, ну, давай!» Зачали пирганятца. Лишь лиса, пабѣгла, ракъ уцѣпилси лисѣ за хвостъ. Лиса до мѣста дабѣгла, а ракъ ни атцѣпляица. Лиса абярнулаась пыматрѣтъ, вярнула хвостомъ, ракъ атцѣпилси и гваритъ: «А я давно ужъ жду тибя тутъ».

(Записана въ Тамбовской губ.).

Примѣчаніе. Сличи съ баснею, напечатанною въ изданіи Езоповыхъ басенъ 1792 г., стр. 325 — 6.

16. Колобокъ ¹⁾.

Жиль-быль старикъ со старухою. Просить старикъ: «Ипеки, старуха, колобокъ». — «Изъ чего печь-то? муки нѣту». — «Э-эхъ, старуха, по коробу ²⁾ поскреби, по сусѣку ³⁾ помети: авось муки и наберется». Взяла старуха крылушко, по коробу поскребла, по сусѣку помела, и набралось муки пригоршни съ двѣ. Замѣсила на сметанѣ, изжарила въ маслѣ и положила на окошечко простудить. Колобокъ полежалъ-полежалъ, да вдругъ и покатился — съ окна на лавку, съ лавки на полъ, по полу да къ дверямъ, перепрыгнувъ черезъ порогъ въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота—дальше и дальше. Катится колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему заяцъ: «Колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ». — «Не ѣшь меня, косой зайчикъ! я тебѣ пѣсенку спою,» сказалъ колобокъ и запѣлъ:

Я по коробу скребѣнь,
По сусѣку метѣнь,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
А у тебя, зайца, не хитро уйти!»

И покатился себѣ дальше, — только заяцъ его и видѣлъ!.. Катится колобокъ, а навстрѣчу ему волкъ: «Колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ». — «Не ѣшь меня, сѣрой волкъ! я тебѣ пѣсенку спою:

Я по коробу скребѣнь,
По сусѣку метѣнь,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
У тебя, волка, не хитро уйти!»

И покатился себѣ дальше, — только волкъ его и видѣлъ!.. Катится колобокъ, а навстрѣчу ему медвѣдь: «Колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ». — «Гдѣ тебѣ, косолапому, съѣсть меня!

Я по коробу скребѣнь,
По сусѣку метѣнь,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,

¹⁾ Сдобная прѣсная лепешка. ²⁾ Ящикъ съ замкомъ для поклажи.
³⁾ Засѣкъ, закромъ.

На окошкѣ стужонъ;
 Я у дѣдушки ушелъ,
 Я у бабушки ушелъ,
 Я у зайца ушелъ,
 Я у волка ушелъ,
 У тебя, медвѣдь, не хитро уйти!»

И опять укатился, — только медвѣдь его и видѣлъ!.. Катится-катится колобокъ, а навстрѣчу ему лиса: «Здравствуй, колобокъ, какой ты хорошенькой». А колобокъ запѣлъ:

Я по коробу скребѣнь,
 По сусѣку метѣнь,
 На сметанѣ мѣшонъ.
 Да въ маслѣ пряжонъ,
 На окошкѣ стужонъ;
 Я у дѣдушки ушелъ,
 Я у бабушки ушелъ,
 Я у зайца ушелъ,
 Я у волка ушелъ,
 Я у медвѣдя ушелъ,
 У тебя, лиса, и подавно уйду!»

«Какая славная пѣсенка! сказала лиса: но вѣдь я, колобокъ, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разокъ погромче». Колобокъ вскочилъ лисѣ на мордочку и запѣлъ ту же пѣсню. «Спасибо, колобокъ! славная пѣсенка, еще бы послушала. Сядь-ка на мой язычокъ да пропой въ послѣдній разокъ». Сказала лиса, высунула свой языкъ; колобокъ сдуру прыгъ ей на языкъ, а лиса — амъ его! — и скушала.

Примѣчаніе. См. варианты въ «Русск. сказкахъ для дѣтей», издан. Авдѣевою, стр. 16 — 21, и въ сборникѣ Рудченка, II, № 2.

17. Котъ, пѣтухъ и лиса.

а. Жиль-быль старикъ, у него были котъ да пѣтухъ. Старикъ ушелъ въ лѣсъ на работу, котъ у(по)нёсь ему ѣсть, а пѣтуха оставили стеречь домъ. На ту пору пришла лиса..

«Ки(у)ке(у)реку-пѣтушокъ,
 Золотой гребешокъ,
 Выгляни въ окошко,
 Дамъ тебѣ горошку»¹⁾.

¹⁾ *Вариантъ:* «Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
 Золотой гребешокъ,
 Масляна головка,
 Шолкова бородка,

Такъ лиса пѣла, сидя подь окномъ. Пѣтухъ выставилъ окошко, высунулъ головку и посмотрѣлъ: кто тутъ поеть? Лиса схватила пѣтуха въ когти и понесла его въ гости. Пѣтухъ закричалъ: «Понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темныя лѣса, въ далекія страны, въ чужія земли, за тридевять земель, въ тридцатое царство, въ тридесатое государство. Котъ Котонаевичъ, отыми меня!» Котъ въ полѣ услыхалъ голосъ пѣтуха, бросился въ погоню, достигъ лису, отбилъ пѣтуха и принесъ домой. «Мотри ¹⁾ ты, Петя-пѣтушокъ! говорить ему котъ, не выглядывай въ окошко, не вѣрь лисѣ; она съѣстъ тебя и косточекъ не оставитъ».

Старикъ опять ушелъ въ лѣсъ на работу, а котъ унесъ ему ѣсть. Старикъ, уходя, заказывалъ пѣтуху беречь домъ и не выглядывать въ окошко. Но лисица стерегла, — ей больно хотѣлось скушать пѣтушка; пришла она къ избушкѣ и запѣла:

«Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ».

Пѣтухъ ходилъ по избѣ да молчалъ. Лиса снова запѣла пѣсенку и бросила въ окно горошку. Пѣтухъ съѣлъ горошекъ и говорить: «Нѣтъ, лиса, не обманешь меня! ты хочешь меня съѣсть и косточекъ не оставишь». — «Полно ты, Пѣтя-пѣтушокъ! стану ли ѣсть тебя! Мнѣ хотѣлось, чтобъ ты у меня погостилъ, моего житья-бытья посмотрѣлъ и на мое добро поглядѣлъ!» — и снова запѣла:

«Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головка!
Выгляни въ окошко
Я дала тебѣ горошку,
Дамъ и зернышекъ»²⁾.

Красенькій носокъ,
Смятанный лобокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ кашки
На красной на ложкѣ».

Или: «Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Чесаная головушка,
Масляная бородушка!
Выгляни въ окошечко;
Бары ѣдутъ,
Кольцами звенять,
Деньгами дарять!»

¹⁾ Смотри. ²⁾ Вар.: Дамъ тебѣ съ сѣмечкомъ лепешку. — Въ рукописи слѣдуетъ продолженіе, которое, вѣроятно, вставлено сюда изъ другого народнаго разсказа:

Пѣтухъ лишь выглянулъ въ окошко, какъ лиса его въ когти. Пѣтухъ лихимъ матомъ закричалъ: «Понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса, за дремучіе боры, по крутымъ бережкамъ по высокимъ горамъ; хочеть лиса меня съѣсти и косточекъ не оставить!» Котъ въ полѣ услыхалъ, пустился въ догоню, пѣтуха отбилъ и домой принесъ. «Не говорилъ ли я тебѣ: не открывай окошка, не выглядывай въ окошко, — съѣсть тебя лиса и косточекъ не оставитъ. Мотри, слушай меня! мы завтра дальше поидемъ».

Вотъ опять старикъ на работѣ, а котъ ему хлѣба унесъ. Лиса подкралась подъ окошко, ту же пѣсенку запѣла; три раза пропѣла, а пѣтухъ все молчалъ. Лиса говорить: «Что это, ужъ нынѣ, Петя, нѣмъ сталъ!» — «Нѣтъ, лиса! не обманешь меня, не выгляну въ окошко». Лиса побросала въ окошко горошку и пшенички и снова запѣла:

«Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головка!
Выгляни въ окошко.
У меня-то хоромы большія,
Въ каждомъ углу
Пшенички по мѣрочкѣ:
'Бшь, сытъ, не хочу!»

Потомъ прибавила: «Да посмотрѣлъ бы ты, Петя, сколько у меня рѣдкостей! Да покажись же ты, Петя! полно, не вѣрь коту. Если бы я съѣсть хотѣла тебя, то давно бы съѣла; а то, вишь, я тебя люблю, хочу тебѣ свѣтъ показать, уму-разуму тебя наставить и научить, какъ надо жить. Да покажись же ты, Петя, вотъ я за уголь уйду!» — и къ стѣнѣ ближе притаилась. Пѣтухъ на лавку скочилъ и смотрѣлъ издалека; хотѣлось ему узнать — ушла ли лиса. Вотъ онъ высунулъ головку въ окошко, а лиса его въ когти — и была такова. Пѣтухъ ту же пѣсню запѣлъ, но котъ его не слыхалъ. Лиса унесла пѣтуха и за ельничкомъ съѣла, только хвостъ да перья вѣтромъ разнесло. Котъ со старикомъ пришли домой и пѣтуха не нашли; сколько ни горевали, а послѣ сказали: «Вотъ каково не слушаться» ¹⁾!

(Записана въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.).

«Гдѣ ты вечеръ былъ-побывалъ?—
Я леталъ, леталъ
До Оаді(ѣ)ева двора.—
Что тебѣ баба дала?—
Клоку да лопату,
Корову горбату.—
Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Да выгляни въ окошко».

¹⁾ Сказка эта оканчивается и такъ: Не найдя дома своего товарища, унесеннаго злодѣйкою-лисой, котъ погореваль-погореваль и пошелъ выручать

в. Жиль-быль котъ да баранъ, у нихъ былъ пѣтушокъ. Вотъ они пошли лыки драть; пришла лиса подъ окно къ пѣтушку и говоритъ:

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляная головка!
Вотъ тебѣ съ сѣмечкомъ лепешка.
У Карпова двора
Прюкатана гора,
Стоять санки-самокатки;
Онѣ сами катягъ,
Сами ѣхать хотягъ!»

Пѣтушокъ выглянулъ, она его унесла. Онъ дорогой и кричитъ: «Котъ да баранъ! меня лиса несетъ за высокія горы, за темныя лѣса». Они услышали, воротились и отняли пѣтушка. На другой день говорятъ ему: «Смотри же, если придетъ лиса, — не выглядывай!» Лиса пришла ту жу пѣсень заѣла; пѣтушокъ выглянулъ она и унесла его. Котъ да баранъ опять отняли. На третій день говорятъ ему: «Смотри же, не гляди въ окно: мы теперь далеко уйдемъ, не услышимъ, какъ будешь кричать». Лиса пришла, такимъ сладкимъ голосомъ заѣла, что пѣтушокъ не утерпѣлъ — выглянулъ; она его схватила и понесла домой. Онъ кричалъ-кричалъ дорогой — нѣтъ, не слышали баранъ да котъ. Приходятъ они домой — нѣтъ пѣтушка. У лисы было семь дочерей. Котъ да баранъ пришли подъ окошко и начали играть: «Тюкъ-тюкъ, гусельцы, барановы струночки. Жила-была лиса красна во своемъ золотомъ гнѣздѣ; у нея было семь дочерей: первая Чучелка, другая Подчучелка, третья Подай-челнокъ, четвертая Мети-шестокъ, пятая Трубу-закрывай, шестая Огня-вздувай, а седьмая Пеки-широги!»

его изъ бѣды. Онъ купилъ себѣ кафтанъ, красныя сапожки, шапочку, сумку, саблю и гусли; нарядился гусяромъ, пришелъ къ лисициной избѣ и поетъ: «Трень-трень (или: стрень-брень), гусельки — золотыя струнушки! Дома ли Лисафья со своими со дѣтками: одинъ сынъ Терентыюшко, другой Мелентыюшко, третій Алешка-парнечокъ, одна дочь Чучелка, другая Почучелка, третья Подмети-шестокъ, четвертая Подай-челнокъ!» Лиса посылаетъ своихъ дѣтей посмотрѣть, кто тамъ поетъ. А котъ всѣхъ ихъ и зарубилъ саблею, да въ сумку. Подождала-подождала лиса: гусярь пересталъ пѣть, а дѣтки нейдутъ въ избу. Говоритъ пѣтушку: «Пооди, позови ихъ!» Вышелъ пѣтушокъ, какъ увидалъ кота — чуть было не закричалъ отъ радости: кукуреку! «Бѣги скорѣе домой!» говоритъ ему котъ. Пѣтушокъ побѣжалъ, а котъ къ лисѣ идетъ да поетъ:

«Идетъ котъ на ногахъ,
Въ красныхъ сапогахъ,
Несетъ саблю на плечѣ,
А палочку при бедрѣ,
Хочетъ лису порубить,
Ея душу загубить!»

Пришелъ да какъ хватилъ лису саблей — изъ нея и духъ вонъ!

Лиса говорить: «Поди, Чучелка, посмотри, кто такую хорошую пѣсню поеть?» Чучелка вышла, они стукъ ее въ лобокъ да въ коробокъ. Такъ всѣхъ лисиныхъ дочерей поодинокѣ и забрали. Потомъ вышла сама лиса. Они и ее стукъ въ лобокъ да въ коробокъ; взошли въ избушку, взяли пѣтушка еще живого, воротились домой и стали жить да быть.

С. Жилъ котъ съ кычаткомъ. Котъ идетъ за лыками въ лѣсъ и баить кычатку: «Если лиса придѣтъ звать въ гости и станетъ кликать, не высѣвывай ей галовычку, а то унисѣтъ тебя.» Вотъ пришла лиса звать въ гости, стала кликать: «Качетунюшка, качетунюшка! пойдѣмъ на гуменьцы ¹⁾ зылаты ²⁾ яблочки катать». Онъ глянулъ, ана яво и унясла. Вотъ онъ и сталъ кликать: «Котинька, котинька! нисетъ миня лиса за крутыя горы, за быстрыя воды». Котъ услыхаль, пришель, избавилъ кычатка отъ лисы. Котъ апятъ идетъ за лыками и апятъ приказываетъ: «Если лиса придетъ звать въ гости, не высѣвывай галовку, а то опять унисѣтъ». Вотъ лиса пришла и папржнему стала кликать. Кычатокъ глянулъ, ана яво и унясла. Вотъ онъ и сталъ кричать: «Катунюшка, катунюшка, нисѣтъ меня лиса за крутыя горы, за быстрыя воды». Котъ услыхаль, приближалъ, апятъ избавилъ кычатка.

Котъ опять скрутилси ³⁾ итить за лыками и гварить: «Ну, типерь я уйду далѣка. Если лиса апятъ придетъ звать въ гости, не высѣвывай галовку, а то унисѣтъ, и ни услышу, какъ будешь кричать». Котъ ушоль: лиса апятъ пришла и стала апятъ кликать папржнему. Кычатокъ глянулъ, лиса апятъ унясла яво. Кычатокъ сталъ кричать; кричалъ-кричалъ — нѣтъ, ни идетъ котъ. Лиса принесла кычатка дамѣ ⁴⁾ и крутилась уже жарить яво. Тутъ приближалъ котъ, сталъ стучать хвостомъ абъ акно и кликать: «Лисынька! живи хырашенька сваимъ падворьемъ: алинь сынъ — Димеша, другой — Ремеша, адна дочь Чучилка, другая — Пачучилка, третья — Подмети-шестокъ, четвертая — Подай-челнокъ!» Къ кату стали выходить лисынькины дѣти, адинъ за другимъ; онъ ихъ всѣхъ пык(о)латилъ; послѣ вышла сама лиса, онъ и нѣ убилъ — и избавилъ кычатка отъ смерти. Пришли оба дамѣ, стали жить ды паживать ды денешки наживать.

(Записана въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губ.).

Примѣчаніе. Сравни а) въ изд. г-жи Авдѣевой: «Русскія сказки для дѣтей» (№ 1). Здѣсь лиса поеть:

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка!

¹⁾ Гумно. ²⁾ Золотыя. ³⁾ Крутиться — собираться что-нибудь дѣлать.

⁴⁾ Домой.

Выгляни въ окошечко:
 Вотъ бояре ѣхали,
 Горохъ разсыпали —
 Некому подобрать.

А старикъ, у котораго жилъ пѣтушокъ, пошолъ выручать его, и наигрывая на гусельцахъ — припѣваетъ:

Стрень брень, мои гусельцы,
 Золотыя мои струночки!
 Ужь какъ дома ли лиса,
 Лиса Ивановна,
 Со своими малыми дѣтушками?
 Первая-то дочь Чучелка,
 А вторая-то Почучелка,
 Третья-то Подай-широжокъ,
 А четвертая Зажми-кулачокъ.

Онъ убилъ и лису и ея дочерей и сшилъ старухѣ изъ ихъ шкурокъ шубу. б) «Дѣтскія пѣсни» г. Безсонова, № 94. с) Сборн. Рудченка, I, № 15 и II, № 3. d) Вариантъ, сообщенный М. Михайловымъ, въ Подсѣжникѣ 1858 года, № 1, стр. 9 — 17. Иногда эта сказка оканчивается такъ: котъ опаздываетъ на выручку пѣтуха, и лиса успѣваетъ его зажарить; послѣ того, какъ семья лисы была перебита, котъ входитъ въ ея хатку и закусываетъ жаренымъ пѣтушкомъ. е) Slov. čítanka Эрбена, стр. 43 — 44, и сборн. Кульды, II, № 19.

18. Котъ и лиса.

Жилъ-былъ мужикъ; у него былъ котъ, только такой шkodливый ¹⁾ что бѣда. Надоѣлъ онъ мужику. Вотъ мужикъ думаль-думаль, взялъ кота, посадилъ въ мѣшокъ, завязалъ и понесъ въ лѣсъ. Принесъ и бросилъ его въ лѣсу: пускай пропадаетъ! Котъ ходилъ-ходилъ и набрелъ на избушку, въ которой лѣсникъ жилъ; залѣзъ на чердакъ и полеживаетъ себѣ, а захочетъ ѣсть — пойдетъ по лѣсу птичекъ да мышей ловить, наѣстся досыта и опять на чердакъ — и горя ему мало! Вотъ однажды пошелъ котъ гулять, а навстрѣчу ему лиса; увидала кота и дивится: «Сколько лѣтъ живу въ лѣсу, а такого звѣря не выдывала». Поклонилась коту и спрашиваетъ: «Скажись, доброй мѡлодецъ, кто ты таковъ? какимъ случаемъ сюда зашелъ и какъ тебя по имени величать?» А котъ вскинулъ шерсть свою и говоритъ: «Я изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ къ вамъ бурмистромъ, зовутъ меня Котофей Ивановичъ». — «Ахъ, Котофей Ивановичъ! говоритъ лиса, не знала про тебя, не вѣдала; ну, пойдемъ же ко мнѣ въ гости». Котъ пошелъ къ лисицѣ; она привела его въ свою нору и стала потчивать разной дичинкой,

¹⁾ Шкода — убытокъ, вредъ.

а сама выпрашиваетъ: «Что, Котофей Ивановичъ, женать ты или холость?» — «Холость!» говоритъ котъ. «И я лисица—дѣвица, возьми меня замужъ». Котъ согласился, и начался у нихъ пиръ да веселье. На другой день отправилась лиса добывать припасовъ, чтобъ было чѣмъ съ молодымъ мужемъ жить, а котъ остался дома. Бѣжить лиса, а навстрѣчу ей попадается волкъ и началъ съ ней заигрывать: «Гдѣ ты, кума, пропадала? Мы всѣ норы обыскали, а тебя не видали». — «Пусти, дуракъ! что заигрываешь? я прежде была лисица—дѣвица, а теперь замужняя жена». — «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?» — «Развѣ ты не слыхалъ, что къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ бурмистръ Котофей Ивановичъ? Я теперь бурмистрова жена!» — «Нѣтъ, не слыхалъ, Лизавета Ивановна. Какъ бы на него посмотрѣть?» — «У! Котофей Ивановичъ у меня такой сердитой: коли кто не по немъ, — сейчасъ съѣстъ! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклонъ; барана-то положи, а самъ схоронись, чтобъ онъ тебя не увидалъ, а то, братъ, туго придется!» Волкъ побѣждалъ за бараномъ. Идетъ лиса, а навстрѣчу ей медвѣдь и сталъ съ нею заигрывать. «Что ты, дуракъ, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица—дѣвица, а теперь замужняя жена». — «За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?» — «А который присланъ къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ бурмистромъ, зовутъ Котофей Ивановичъ, — за него и вышла». — «Нельзя ли посмотрѣть его, Лизавета Ивановна?» — «У! Котофей Ивановичъ у меня такой сердитой; коли кто не по немъ, — сейчасъ съѣстъ! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклонъ, — волкъ барана хочетъ принести. Да смотри, — быка-то положи, а самъ схоронись, чтобъ Котофей Ивановичъ тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придется!» Медвѣдь потащился за быкомъ.

Принесъ волкъ барана, ободралъ шкуру и стоитъ въ раздумьи; смотреть и медвѣдь лѣзетъ съ быкомъ. «Здравствуй, братъ Михайло Иванычъ!» — «Здравствуй, братъ Левонъ! Что, не видалъ лисицы съ мужемъ?» — «Нѣтъ, братъ, давно дожидаю». — «Ступай, зови». — «Нѣтъ, не пойду, Михайло Иванычъ, самъ иди: ты посмѣлѣй меня». — «Нѣтъ, братъ Левонъ, и я не пойду». Вдругъ откуда ни взялся — бѣжить заяцъ. Медвѣдь какъ крикнетъ на него: «Поиди-ка сюда, косою чортъ!» Заяцъ испугался, прибѣжалъ. «Ну, что, косою пострѣлъ! знаешь, гдѣ живетъ лисица?» — «Знаю, Михайло Ивановичъ!» — «Ступай же скорѣе да скажи ей, что Михайло Ивановичъ съ братомъ Левонемъ Иванычемъ давно ужъ готовы, ждуть тебя-де съ мужемъ, хотятъ поклониться бараномъ да быкомъ». Заяцъ пустился къ лисѣ во всю свою прыть, а медвѣдь и волкъ стали думать, гдѣ бы спрятаться. Медвѣдь говоритъ: «Я полѣзу на сосну». — «А мнѣ что же дѣлать? я куда дѣнусь? спрашиваетъ волкъ. *Витъ* я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Ивановичъ! схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю». Медвѣдь положилъ его въ кусты и завалилъ сухимъ листьемъ, а самъ взлѣзъ на сосну, на самую-таки макушку, и поглядываетъ, не идетъ

ли Котофей съ лисою. Заяць межъ тѣмъ прибѣжалъ къ лисицѣной норѣ, постучался и говорить лисѣ: «Михайло Ивановичъ съ братомъ Левономъ Ивановичемъ прислали сказать, что они давно готовы, ждуть тебя съ мужемъ, хотятъ поклониться вамъ быкомъ да бараномъ». — «Ступай, косою! сейчасъ будемъ» ¹⁾. Вотъ идетъ котъ съ лисою. Мед-

¹⁾ *Вариантъ 1:* Жилъ старикъ и старуха. У старика и старухи не было ни сына, ни дочери, — былъ только одинъ сѣрой котъ. Онъ ихъ поиль-кормиль, носиль имъ кунокъ и бѣлокъ, рябчиковъ, тетеревей и всякихъ звѣрьковъ. Сдѣлался старъ сѣрой котъ. Старуха и говорить старику: «Изъ чего мы, старикъ, кота держимъ? только даромъ на печи мѣсто занялъ!» — «Да куда его дѣвать-то?» — «Посади въ котомку и отнеси въ островъ (отъемный лѣсъ, удобный по своему положенію для охотниковъ); пускай тамъ свою жизнь рѣшитъ». Старикъ отнесъ. Котъ остался въ острову, день голодалъ, другой и третій и сталъ плакать. Идетъ лиса и спросила кота: «О чемъ ты плачешь, Котай Ивановичъ?» — «Ахъ, лиса! какъ мнѣ не плакать? Жилъ я у старика и старухи: поиль-кормиль ихъ: сталъ старъ, — они и прогнали меня. А лиса говорить: «Давай, Котай Ивановичъ, женимся!» — «Куды мнѣ жениться! только бы свою голову пропитать; а у тебя, чай, дѣтки есть, — кормить-поить надо». — «Ничего, какъ-нибудь прокормимся». Вотъ и вышла лиса за Котая Иваныча. Однажды медвѣдь и заяць шли мимо лисицѣной норки. Увидала ихъ лиса и закричала: «Ахъ, ты, толстопятый медвѣдь, и ты, косою заяць! какъ была я вдовой, бывало, ни одинъ изъ васъ не проходилъ мимо моей норы, а какъ вышла замужъ, то каждый день являешься; ишь какія дороги проторили! Смотрите, какъ бы васъ Котай Ивановичъ по шеѣ не проводилъ!» Вотъ, идучи дорогой, медвѣдь и сказалъ зайцу: «Что, братъ, у нея за мужъ такой — Котай Ивановичъ? ужли больше меня!» А заяць: «Ужли прятче меня? Пойдемъ-ка завтра, посмотримъ на него». Пришли на другой день къ лисицѣной норѣ и видятъ: котъ гложетъ пѣлый стягъ быка, а самъ мурлычетъ: «Мало, мало!» «Ну, братъ, — сказали медвѣдь зайцу, — бѣда наша; Котай все говорить: мало, мало! Спрячемся; ты ляжешь подъ хворостъ, а я взлѣзу на дерево». Только усѣлись они по своимъ мѣстамъ, какъ выбѣжала изъ-подъ хвороста мышъ. Котъ увидаль ее и въ ту же минуту бросился за ней къ хворосту. Заяць испугался, кинулся бѣжать; а медвѣдь услышалъ тревогу, хотѣлъ повернуться, да со страстей упалъ съ дерева и убился до смерти. Лиса съ котомъ и донинѣ поживаютъ да медвѣдя поѣдаютъ. (Записана въ Вологодской губ.).

Вариантъ 2: Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ въ дремучихъ лѣсахъ могучій котъ. Медвѣдь, волкъ, олень, лиса и заяць собрались совѣтъ держать, какъ бы могучаго, сильнаго кота къ себѣ на пиръ позвать. Наготовили всякаго добра и стали думать: кому итти за котомъ. «Ну, ступай ты, медвѣдь!» Медвѣдь началъ отговариваться: «Я мохнатъ и косолапъ, куда мнѣ! пускай волкъ пойдетъ». А волкъ говорить: «Я неповоротливъ, — онъ меня не послушаетъ; лучше пусть олень идетъ!» Олень тоже отказывается: «Я пугливъ-боязливъ, не сумѣю отвѣтъ держать; котъ, пожалуй, за то меня смерти предастъ. Иди ты, шустрая (бойкая)! — говорить лисѣ: — ты и собой хороша и оборотлива». — «У меня хвостъ длиненъ, не смогу скоро бѣжать, пускай идетъ заяць!» отвѣчаетъ лиса. Тутъ всѣ стали складывать на зайца: «Ступай, косою! не бойся. Ты поворотливъ и на ногу скоръ; коли онъ на тебя вскинется, ты сейчасъ отъ него уйдешь». Заяць — дѣлать нечего — побѣжалъ къ коту; прибѣжалъ, поклонился пониже ногъ котовыхъ и сталъ звать его на пиръ, на бесѣду. Исправилъ все по наказу и пустился

вѣдь увидаль ихъ и говоритъ волку: «Ну, братъ Левонъ Иванычъ, идетъ лиса съ мужемъ; какой же онъ маленькой!» Пришелъ котъ и сейчасъ же бросился на быка, шерсть на немъ взъерошилась, и началъ онъ рвать мясо и зубами и лапами, а самъ мурчитъ, будто сердится: «Мало, мало!» А медвѣдь говоритъ: «Невеликъ, да прожористъ! намъ четверымъ не съѣсть, а ему одному мало; пожалуй, и до насъ доберется!» Захотѣлось волку посмотрѣть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать, и началъ онъ прокапывать надъ глазами листья, а котъ услыхалъ, что листь шевелится, подумалъ, что это мышъ, да какъ кинется и прямо волку въ морду вцѣпился когтями. Волкъ вскочилъ, да давай Богъ ноги — и былъ таковъ. А котъ самъ испугался и бросился прямо на дерево, гдѣ медвѣдь сидѣлъ. «Ну,—думаетъ медвѣдь,—увидаль меня!» Слѣзать то некогда; вотъ онъ положился на Божью волю, да какъ шмякнется съ дерева объ-земь, всѣ печенки отбилъ; вскочилъ да бѣжать. А лисица вслѣдъ кричитъ: «Вотъ онъ вамъ задастъ! погодите!» Съ той поры всѣ звѣри стали кота бояться, а котъ съ лисой запаслись на цѣлую зиму мясомъ и стали себѣ жить да поживать, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

Примѣчаніе. Сличи съ этою сказкою напечатанныя: а) съ сборникѣ Эрлейнвейна, №№ 32 и 39; Рудченка, I, № 12 — 14; въ Трудахъ

назадъ бѣжать, сколько силъ хватаетъ. Явился къ своимъ товарищамъ и говоритъ: «Ну, набрался страху: самъ-то котъ бурой, шерсть на немъ стоитъ дыбомъ, а хвостъ такъ по землѣ и волочится!» Тутъ звѣри стали прятаться, кто куда: медвѣдь взобрался на дерево, волкъ залѣзъ въ кусты, лиса зарылась въ землю, а олень съ зайцемъ совсѣмъ ушли... (Окончаніе — то же.)

Вариантъ 3: Лиса вышла замужъ за Котонайла Иваныча. Разъ побѣжала она припасти мужу обѣдъ; бѣгала-бѣгала и поймала утку. Несетъ домой, а навстрѣчу ей лѣсной кабанъ. «Стой, лиса!—говоритъ:—отдай утку». — «Нѣтъ, не дамъ». — «Ну, я самъ отниму». — «А я скажу Котонайлу Иванычу: онъ тебя смерти предастъ!» — «Что такой за звѣрь?» думаетъ кабанъ и пошелъ своей дорогой. Лиса побѣжала; вдругъ повстрѣчался ей медвѣдь: «Куда лиса, бѣжишь, кому утку несешь? отдай ее мнѣ». — «Ступай-ка по добру, а то скажу Котонайлу Иванычу: онъ тебя смерти предастъ!» Медвѣдь побоялся и пошелъ своей дорогой. Лиса дальше бѣжить; попадаетъ ей волкъ. «Отдавай,—говоритъ,—утку!» — «Какъ же не такъ! Я вотъ скажу Котонайлу Иванычу,—онъ тебя самого съѣстъ!» Волкъ оробѣлъ и пошелъ себѣ дорогой, а лиса побѣжала домой. Вотъ кабанъ, медвѣдь и волкъ сошлись вмѣстѣ и стали думать да гадать, что за звѣрь такой Котонайло Иванычъ. Напередъ того его не видывали, и въ лѣсахъ его не бывало. Положили сдѣлать большой пиръ и позвать къ себѣ Котонайла Иваныча въ гости. Изготовились. «Ну,—говорятъ,—кому жъ итти за Котонайломъ?» и присудили итти волку. Волкъ собрался и побѣжалъ къ лисицной норѣ. Прибѣжалъ. А котъ выглядываетъ изъ норы, усы повисли, а глаза такъ и свѣтятся. Затрясся волкъ со страху, отдалъ коту низкій поклонъ, поздравилъ его съ молодою женой и сталъ просить въ гости. Котъ сидитъ да мурчитъ. «У, какой сердитой!» думаетъ волкъ и не знаетъ, какъ уйти... Воротился и сказалъ кабану и медвѣдю: «Ну, да и страшной же Котонайло Иванычъ! глаза такъ и горятъ! Только посмотрѣлъ на меня — и то дрожь проняла...» Вотъ оробѣли они и стали прятаться: медвѣдь влѣзъ на дерево, кабанъ затесался въ болото, а волкъ закопался въ стогъ сѣна...

Курск. Стат. Ком., I, стр. 530; b) Slov. čítanka Эрбена, стр. 101 — 3; c) въ изданіи Караджича («Српске народне приповiјетке», № 49) — сказку о медвѣдѣ, свиньѣ и лисицѣ. Однажды эти три звѣря вспахали вмѣстѣ землю, посѣяли пшеницу и собрали хлѣбъ; дошло до раздѣла: медвѣдъ взялъ себѣ зерно, свинья взяла солому, а лисѣ не досталось ничего. Разсердилась лиса и сказала имъ, что приведетъ съ собой царскаго мужа, который по правдѣ ихъ раздѣлитъ. И медвѣдъ и свинья попрятались: онъ взлѣзъ на грушу, а она закопалась въ солому. Лиса встрѣтила кошку и пригласила ее итти на гумно — мышей ловить. Кошка пошла съ радостью; идетъ по дорогѣ да за птицами гоняется. Медвѣдъ и говоритъ свиньѣ: «зло свиньо! ето лисице ће води страшнота бумбашира: огрнуо ћуракъ од куне, па и крилате тице хвата око пута». — Конецъ такой же, какъ и въ русской сказкѣ. d) Въ изданіи Гаупта и Смоляра «Volkslieder der Wenden», II, № 8, стр. 167 — 9) сказку о войнѣ волка съ лисою. У Пардоньи была старая кошка, у Наздалака старая собака. «Зачѣмъ мы держимъ кошку? — сказалъ Пардонья своей женѣ, — она совѣмъ не ловить мышей. Я ее утоплю!» — «Не дѣлай этого, — говорила жена; — она еще можетъ пригодиться. «Какъ же! мыши могутъ танцовать на ней, и она все-таки не одной не поймаетъ. Только увижу ее — сейчасъ же въ воду!» На ту пору кошка лежала подъ печью; услыхавъ такія угрозы, она убѣжала изъ дому. «Зачѣмъ мы держимъ собаку? — сказалъ Наздалакъ своей женѣ; она и глуха и слѣпа, лаетъ — когда не нужно, и молчитъ, когда нужно лаять. Я ее повѣшу!» — «Не дѣлай этого, — говорила жена; — она еще пригодится. «Какъ же! воры могутъ занять цѣлый дворъ, она и не увидитъ. Только попадется мнѣ на глаза — сейчасъ и повѣшу!» — На ту пору собака лежала въ углу; услышавъ такія рѣчи, она вскочила и убѣжала изъ дому. Кошка и собака сошлись вмѣстѣ, усѣлись и начали клясть свою судьбу. Шла мимо лисица, спросила ихъ обо всемъ и сказала: «Я васъ выручу, если вы согласны помогать мнѣ: волкъ объявилъ мнѣ войну, съ нимъ соединились медвѣдъ и кабанъ. Хотите завтра участвовать въ великой битвѣ?» Собака и кошка согласились. Волкъ медвѣдъ и кабанъ собрались на сказанное мѣсто, долго ждали непріятеля, и какъ было очень жарко, то медвѣдъ вскарабкался на вѣтвистое дерево, волкъ легъ въ тѣни подъ дубомъ, а дикая свинья вся закопалась въ кучу соломы: только кончикъ уха торчалъ наружу. Явилась лиса съ собакой и кошкой; кошка тотчасъ запримѣтила, какъ замоталъ кабанъ своимъ выставленнымъ ухомъ, въ которое ужалила его муха (жигалка), и кинулась на солому. Испуганная свинья пустилась бѣжать, а кошка со страху бросилась на дерево и прямо вцѣпилась медвѣдю въ морду. Медвѣдъ растерялся, упалъ съ дерева да прямо на волка, задавилъ его, а самъ — бѣжать.

Лиса наловила десятка три мышей, подложила къ Пардоньѣ, и говоритъ кошкѣ: «Таскай себѣ по одной мыши». Кошка такъ и сдѣ-

лала. «Смотри, — сказала жена, — наша кошка мышей ловить». — «А я не думала, чтобы старая кошка могла ловить ихъ». — «То-то, вѣдь я говорила! Но вы, мужчины, всегда хотите быть правыми». Собакѣ велѣла лиса ити къ Наздалаку въ тотъ самый день, какъ зарѣзали тамъ свинью: «Ступай во дворъ и какъ будетъ попозднѣе — лай изо всѣхъ силъ». Собака такъ и сдѣлала. «Поди, — говоритъ жена, — посмотри — не воры ли пришли? ишь собака лаетъ». — «Она сама не знаетъ, чего лаетъ!» — сказала Наздалакъ и не пошелъ. Поутру хватились, а колбасъ нѣту; лиса ихъ давно утащила. «Я не думалъ, — сказалъ мужъ, — чтобы старая собака могла быть такъ сторожлива». А жена: «то-то, вѣдь я тебѣ говорила! Но вы, мужчины, всегда хотите быть правыми». (Сравни Грим., I, № 48.)

Въ сборникѣ Валявца помѣщены двѣ любопытныя хорутанскія сказки, въ которыхъ развивается та же мысль, но въ иной обстановкѣ: е) «Osel krali' se zverine» (стр. 278 — 9). Какъ у насъ котъ выдаетъ себя за бурмистра въ лѣсахъ, такъ здѣсь осель называетъ себя звѣринымъ царемъ. Нѣкогда убѣжалъ осель отъ своего хозяина въ лѣсъ и поселился тамъ: ужъ больно плохо было жить ему у хозяина! Разъ, щипля травку, онъ запримѣтилъ вдали могучаго льва; испуганный осель не зналъ, что ему дѣлать, и залѣзъ въ свое логовище. Левъ пришелъ сердитый, и спросилъ осла: «Почему ты не поклонился мнѣ? развѣ ты не знаешь, кто я? Я — царь всѣхъ звѣрей!» — «Что-что? отвѣчалъ осель: «кто тебя поставилъ за царя? гдѣ у тебя письменное въ томъ свидѣтельство? Ужели не знаешь, что звѣриный царь — я!» — «Какъ же это? — жалостно возразилъ левъ: — до сихъ поръ мнѣ думалось, что звѣриный царь — я, и всѣ меня такъ называли». Осель показалъ ему подкову на своей ногѣ: «Видишь, вотъ моя грамата, что я владыка надъ звѣрями, а не ты; ты же не болѣе, какъ мой слуга!» — «Посмотримъ, — отвѣчалъ левъ, — кто изъ насъ царь? кто больше наловитъ звѣрей — ты или я?» — «Хорошо, давай!» Побѣжалъ левъ по лѣсамъ, по вертепамъ, и принялся за ловлю; а осель? онъ разлегся на полянѣ, ноги раскарячилъ, языкъ вонъ высунулъ — будто и вправду издохъ! Налетѣли на него вороны, кобчики и всякія птицы, а осель знай ихъ хватаетъ... Вотъ явился левъ съ добычею: осель взглянулъ и сказалъ: «Вѣдникъ! да если бъ я захотѣлъ охотиться за такими звѣрями, я бы ихъ безъ числа наловилъ; нѣтъ, ты налови мнѣ тѣхъ, что по воздуху летаютъ — вотъ какъ я сдѣлалъ!» — «Я не могу этого, — отвѣчалъ левъ; — теперь вижу, что ты въ самомъ дѣлѣ звѣриный царь. Прости меня, не наказывай за грубость; я, право, не вѣдалъ, что ты государь». Осель простилъ его. Левъ отошелъ печальный и встрѣтился въ лѣсу въ пріятелемъ своимъ волкомъ. Волкъ ему поклонился: «Будь здравъ, царь звѣриный!» На то отвѣчалъ левъ: «Какого дьявола я царь! ты меня дурачишь; тамъ есть другой царь, не я». — «Гдѣ другой царь? тебя кто-нибудь обманулъ; кромѣ тебя, нѣтъ иного царя». — «Пойдемъ, я тебѣ покажу!» Они связались

хвостами, и левъ повелъ волка на холмъ, указаль ему осла и говорить: «Смотри, вонъ царь!» — «О мой брате, — отвѣчалъ волкъ, — не будь такъ простъ, — это осель!» — «Ого! такъ ихъ *восемь!*»¹⁾ сказалъ левъ, и отъ страху пустился бѣжать вмѣстѣ съ волкомъ по трупобамъ и вертепамъ; убѣжалъ далеко-далеко, остановился и глянулъ назадъ: что съ волкомъ? А волкъ уже давно околѣлъ — самъ весь разбитъ, языкъ высунуть и зубы оскалены. «Что же ты смѣешься? — сказалъ ему левъ; — хвала Богу, что живы ушли. Передъ столькими царями не до смѣху!» f Другая хорутанская сказка: «Rat med psom Belinom i vukom» (стр. 269 — 272): Былъ мужикъ, у него былъ бѣлый пёсъ, которому по шерсти и кличку дали — Бѣлка. Познакомился пёсъ съ волкомъ, и согласились они помогать другъ другу. Говорить какъ-то волкъ приятелю Бѣлкѣ: «Эту ночь я приду къ твоему хозяину свиной красть, такъ смотри — не лай, чтобы ваши не проснулись и не поймали меня». — «Хорошо, ничего не бойся!» отвѣчалъ Бѣлка. Ночью пришелъ волкъ, залѣзъ въ хлѣвъ и принялся драть свиной. Какъ только почувалъ то Бѣлка, прибѣжалъ къ избѣ, сталъ передъ дверьми и давай изо всѣхъ силъ лаять. Хозяева проснулись, вышли на дворъ, услышали свиной визгъ и бросились прямо въ хлѣвъ; тотчасъ напали на волка, били его, били дубинами: насилу онъ улизнулъ! Когда все успокоилось, волкъ выждалъ Бѣлку за плотомъ и схватилъ его: «Ага! — говоритъ, — попался ты мнѣ; зачѣмъ обманулъ?» Молить его Бѣлка: «Пусти меня, мой драгой побратимъ! прости, я не буду больше лаять; приходи въ другой разъ свободно воровать». — «Опять обманешь?» — «Нѣтъ, право, не обману!» Волкъ опять забрался въ свиной хлѣвъ, а Бѣлка еще пуще принялся лаять. Хозяева проснулись и такъ отработали волка, что онъ еле живъ вонъ выскочилъ. Увидя у воротъ пса, онъ ему сказалъ: «Погоди, ужъ попадешься ты въ мои лапы! Черезъ три дня у насъ будетъ битва: я соберу свое войско, а ты приводи свое.» — «Хорошо!» отвѣчалъ Бѣлка. Пошелъ волкъ собирать войско, встрѣтился съ дикимъ кабаномъ и спросилъ: «Хочешь ли помочь мнѣ?» Кабанъ согласился; потомъ волкъ пригласилъ въ товарищи медвѣдя и лисицу. А Бѣлка ходитъ по двору печальный; встрѣчается съ нимъ котъ и спрашиваетъ: «Что такъ запечалился?» — «Да у меня скоро битва съ волкомъ; помоги, драгой приятель. Котъ согласился; согласился и гусакъ: «Какъ тебѣ не помочь, — сказалъ онъ; — если бы ты не охранялъ двора по ночамъ, насъ бы давно лиса подушила». Волкъ собралъ свое войско въ лѣсу: свинья закопалась въ сухіе листья, лиса и медвѣдь залѣзли на дерево, самъ волкъ легъ подъ колоду. Является Бѣлка съ своими товарищами, и побѣда остается за ними: окончаніе сказки весьма близко къ тому содержанію, какое передается въ напечатанномъ нами русскомъ текстѣ. (Сравн. Божены Нѣмцовой Slov. pohadky, стр. 582 — 5.)

¹⁾ Игра словъ: osel и osem.

19. Напуганные медвѣдь и волки.

а. Жилъ себѣ старикъ да старуха, у нихъ былъ котъ да баранъ. Старуха укопъ копить¹⁾, а котъ проказить. «Старикъ,—говорить старуха,— у насъ въ погребѣ нездорово!»—«Надо поглядѣть,—говорить ей старикъ,— не со стороны ли кто блудить»²⁾. Вотъ пошла старуха на погребъ и усмотрѣла: котъ сдвинулъ лапкой съ горшка покрывку и слизываетъ себѣ сметанку; выгнала кота изъ погреба и пошла въ избу, а котъ напередъ прибѣжалъ и запрятался на печи въ углу. «Хозяинъ!—сказываетъ старуха,— вотъ мы не вѣрили, что котъ блудить, а онъ самой и есть; давай его убьемъ!» Котъ услыхалъ эти рѣчи, какъ бросится съ печки да бѣгомъ къ барану въ хлѣвъ и началъ его обманывать: «Брате баранъ! меня хотятъ завтра убити, тебя зарѣзати». И сговорились они оба бѣжать ночью отъ хозяина. «Какъ же быть?—спрашиваетъ баранъ:— радъ бы я съ тобой лыжи наострить, да вѣдь хлѣвъ-то запертъ!»— «Ничего». Котъ тотчасъ взобрался на дверь, скинулъ лапкой веревочку съ гвоздя и выпустилъ барана. Вотъ и пошли они путемъ-дорогою, нашли волчью голову и взяли съ собой; шли-шли, увидѣли: далеко въ лѣсу свѣтитя огонекъ, они и пустились прямо на огонь. Подходятъ, а вокругъ огня грѣются двѣнадцать волковъ. «Богъ помочь вамъ, волкамъ!»— «Добро жаловать, котъ да баранъ!»— «Брате,—спрашиваетъ баранъ у кота,— что намъ вечерять³⁾ будетъ?»— «А двѣнадцать-то волчьихъ головъ! поди выбери, которая пожирнѣе». Баранъ пошелъ въ кусты, поднялъ повыше волчью голову, что дорогой-то нашли, и спрашиваетъ: «Эта ли, брате котъ?»— «Нѣтъ, не эта, выбери получше». Баранъ опять поднялъ ту же голову и опять спрашиваетъ. «Эта ли?» Волки такъ напугались, что рады бы убѣжать, да безъ спросу не смѣютъ. Четверо волковъ стали проситься у кота и барана: «Пустите насъ за дровами! мы вамъ принесемъ», и ушли. Остальные восемь волковъ еще пуще стали бояться кота да барана: «Коли двѣнадцать смогли поѣсть, а осьмерыхъ и подавно поѣдятъ». Стало еще четверо проситься за водою. Котъ отпустилъ: «Ступайте, да скорѣе ворочайтесь!» Последніе четыре волка отправились сходить за прежними волками: «Отчего де не ворочаются?» Котъ отпустилъ, еще строже наказалъ поскорѣе приходиться назадъ; а самъ съ бараномъ радъ, что они ушли-то.

Волки собрались вмѣстѣ и пустились дальше въ лѣсъ. Попадается имъ медвѣдь Михайло Ивановичъ. «Слыхалъ ли ты, Михайло Ивановичъ,— спрашиваютъ волки,— чтобы котъ да баранъ съѣдали по двѣнадцати волковъ?»— «Нѣтъ, робятушки, не слыхивалъ».— «А мы сами видѣли этакого кота да барана».— «Какъ бы, робятушки, и мнѣ посмотреть

1) Собираетъ сметану и сливки въ масло. 2) Проказничаетъ. 3) Ужинать.

какова ихъ храбрость». — «Эхъ, Михайло Иванычъ, вить больно котъ-ать ретивъ, нельзя къ нему поддобрехотаться: того и гляди, что въ клочки изорветь! Даромъ что мы прытки надъ собаками и зайцами, а тутъ ничего не возьмешь. Позовемъ-ка лучше ихъ на обѣдъ». Стали посылать лисицу: «Ступай, позови кота да барана.» Лисица начала отговариваться: «Я хоть и прытка, да неувертлива, — какъ бы они меня не съѣли!» — «Ступай!..» Дѣлать нечего, побѣжала лисица за котомъ и бараномъ. Воротилась назадъ и сказываетъ: «Обѣщались быть. Ахъ, Михайло Иванычъ, какой котъ-то сердитой! Сидитъ на пнѣ да ломаетъ его когтями: это на насъ точить онъ свои ножи! А глаза такъ и выпучил!..» Медвѣдъ струхнулъ, сейчасъ посадилъ одного волка въ сторожа на высокій пенъ, далъ ему въ лапы утирку ¹⁾ и наказалъ: «Коли увидишь кота съ бараномъ, — махай утиркою. Мы пойдемъ — ихъ повстрѣчаемъ». Стали готовить обѣдъ: четыре волка притащили четыре коровы, а въ повара медвѣдъ посадилъ сурка.

Вотъ идутъ въ гости котъ да баранъ; завидѣли они караульнаго, смекнули дѣло и стакнулись межъ собой. «Я, — говоритъ котъ, — подползу тихонько по травѣ и сяду у самаго пня супротивъ волчьей рожки, а ты, братъ баранъ, разбѣжись и, что есть силы, ударь его лбомъ!» Баранъ разбѣжался, ударилъ со всей мочи и сшибъ волка, а котъ бросился ему прямо въ морду, вцѣпился когтями и испарепалъ до крови. Медвѣдъ и волки какъ увидѣли то, зачали межъ собою растобаривать ²⁾: «Ну, робятушки, вотъ какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувѣчить съ какого высокаго пня, а намъ гдѣ ужъ на землѣ устоять! Имъ, знать, наше готовленье — то ни почему; они придутъ не угощаться, а насъ пятнать. А, братцы! не лучше ли намъ схорониться?» Волки веѣ разбѣжались по лѣсу, медвѣдъ вскарабкался на сосну, сурокъ спрятался въ нору, а лиса забила подъ колодину. Котъ съ бараномъ принялись за наготовленные кушанья. Котъ ѣсть, а самъ мурлычить: «Мало, мало!» Обернулся какъ-то назадъ, увидѣлъ, что изъ норы торчитъ сурковъ хвостъ, испугался да какъ прыснетъ на сосну. Медвѣдъ устрасался ³⁾ кота да напрямикъ съ сосны на землю и ринулся и чуть-чуть не задавилъ лисы подъ колодиной. Побѣжалъ медвѣдъ, побѣжала лиса. «Знать ты, куманекъ, ушибся?» спрашиваетъ лисица. «Нѣтъ, кумушка, если бъ я не спрыгнулъ — котъ бы давно меня съѣлъ!»

(Записана въ Гороховецкомъ у., Владимірской губ.).

в. «Жили-были на одномъ дворѣ козелъ да баранъ; жили промежъ себя дружно: сѣна клокъ — и тотъ пополамъ, а коли вилы въ бокъ — такъ одному коту Васкѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ: за каждый часъ на промыслѣ, и гдѣ плохо лежитъ — тутъ у него и брюхо болить. Вотъ однажды лежатъ себѣ козелъ да баранъ и разговариваютъ промежъ

¹⁾ Полотенце ²⁾ Разговаривать. ³⁾ Устрашился.

себя; гдѣ ни взялся котикшко-мурлышко, сѣрый лобикшко, идетъ да таково жалостно плачетъ. Козель да баранъ и спрашиваютъ: «Коть-котокъ, сѣренкій лобокъ! о чемъ ты ходя плачешь, на трехъ ногахъ скачешь?» — «Какъ мнѣ не плакать? Била меня старая баба, била-била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасала». — «А за какую вину такая тебѣ погибель?» — «Эхъ, за то погибель была, что себя не опозналъ да сметанку слизалъ». И опять заплакалъ котъ-мурлыко. «Коть-котокъ, сѣрый лобокъ! о чемъ же ты еще плачешь?» — «Какъ не плакать? Баба меня била да приговаривала: ко мнѣ придетъ зять, гдѣ будетъ сметаны взять? За неволю придется колоть козла да барана». Заревѣли козель да баранъ: «Ахъ, ты, сѣрой котъ, безтолковый лобъ! за что ты насъ-то загубилъ? Вотъ мы тебя забодаемъ!» Тутъ мурлыко вину свою приносилъ и прощенья просилъ. Они простили его, и стали втроемъ думу думать: какъ быть и что дѣлать? «А что, середній братъ баранко! — спросилъ мурлыко, — крѣпокъ ли у тебя лобъ: попробуй-ка о ворота». Баранъ съ разбѣгу стукнулся о ворота лбомъ: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старшій братъ мрасище ¹⁾ козлице, разбѣжался, ударился — и ворота отворились.

Пыль столбомъ подымается, трава къ землѣ приклоняется, бѣгутъ козель да баранъ, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ — сѣрой лобъ. Усталъ онъ и взмолился названнымъ братьямъ: «Ни то старшій братъ, ни то средній братъ, не оставьте меньшого братишку на сѣденіе звѣрямъ». Взялъ козель, посадилъ его на себя, и понеслись они опять по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ. Долго бѣжали — и день и ночь, пока въ ногахъ силы хватило. Вотъ пришло крутое крутище, станова становище; подъ тѣмъ крутищемъ скошенное поле, на томъ полѣ стога, что города стоятъ. Остановились козель, баранъ и котъ отдыхать; а ночь была осенняя, холодная. «Гдѣ добыть огня?» думаютъ козель да баранъ; а мурлышко уже добылъ бересты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ бараномъ стукнуться лбами. Стукнулись козель съ бараномъ да таково крѣпко, что искры изъ глазъ посыпались: берестечко такъ и зарыдало ²⁾. «Ладно, — молвилъ сѣрой котъ, — теперъ обогрѣмся», да за словомъ и затошилъ стогъ сѣна.

Не успѣли они путемъ обогрѣться, глядь — жалуетъ незванный гость, мужикъ-сѣрячокъ Михайло Ивановичъ. «Пустите, — говоритъ, — обогрѣться да отдохнуть: что-то неможется» ³⁾. — «Добро пожаловать, мужикъ-сѣрячокъ муравейничекъ! ⁴⁾ Откуда, братъ, идешь?» — «Ходилъ на пасику да подрался съ мужиками, оттого и хворь ⁵⁾ прикинулась; иду къ лисѣ лѣчиться». Стали вчетверомъ темну ночь дѣлать: медвѣдь подъ стогомъ, мурлыка на стогу, а козель съ бараномъ у теплоты ⁶⁾. Идутъ семь волковъ сѣрыхъ, восьмой бѣлой — и прямо къ стогу.

¹⁾ Мрась—негодяй. ²⁾ Вспыхнуло, затрещало. ³⁾ Нездоровится. ⁴⁾ Мелкой породы медвѣдь, который любитъ разгребать муравьиныя кучи и лакомиться муравьиными яйцами. (Рус. Вѣстн. 1857. 463.) ⁵⁾ Болѣзнь. ⁶⁾ Огня.

«Фу-фу, — говоритъ бѣлый волкъ, — нерусскимъ духомъ пахнетъ. Какой такой народъ здѣсь? давайте силу пытать!» Заблеяли козель и баранъ со страстей ¹⁾, а мурлышко такую рѣчь повелъ: «Ахти, бѣлой волкъ, надъ волками князь! не серди нашего старшаго: онъ, помилуй Богъ, сердить! — какъ расходится, никому не одобровать. Аль не видите у него бороды? Въ ней-то и сила; бороною онъ звѣрей побиваетъ, а рогами только кожу сьмааетъ. Лучше съ честью подойдите да попросите; хотимъ дискать поиграть съ твоимъ меньшимъ братишкомъ, что подъ стогомъ-то лежить». Волки на томъ козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вотъ онъ крѣпился-крѣпился, да какъ хватить на каждую лапу по волку; загѣли они Лазаря, выбрались кое-какъ да, поджавъ хвосты, подавай Богъ ноги.

А козель да баранъ тѣмъ времечкомъ подхватили мурлыку и побѣжали въ лѣсъ и опять наткнулись на сѣрыхъ волковъ. Коть вскарабкался на самую макушку ели, а козель съ бараномъ схватились передними ногами за еловый сукъ и повисли. Волки стоятъ подъ елью, зубы оскалили и воютъ, глядя на козла и барана. Видитъ котъ-сѣрый лобъ, что дѣло плохо, сталъ кидать въ волковъ еловыя шишки да приговаривать: «Разъ волкъ! два волкъ! три волкъ! — всего-то по волку на брата. Я, мурлышко, давеча двухъ волковъ съѣлъ и съ косточками, такъ еще сыгехонекъ; а ты, большой братимъ, за медвѣдами ходилъ, да не изловилъ — бери себѣ и мою долю!» Только сказалъ онъ эти рѣчи, какъ козель сорвался и упалъ прямо рогами на волка. А мурлыка знай свое кричить: «Держи его, лови его». Тутъ на волковъ такой страхъ нашель, что со всѣхъ ногъ припустили бѣжать безъ оглядки. Такъ и ушли.

с. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужичокъ; у него были козель да баранъ ²⁾. Полѣнился мужикъ на косить сѣна; пришла зима, — нечего ѣсть козлу и барану; стали они на весь дворъ ревѣть, а мужикъ схватилъ кнутъ и ну колотить ихъ. Вотъ козель и сказалъ барану: «Давай, братъ, уйдемъ въ лѣсъ; найдемъ стогъ сѣна и станемъ жить». — «Пойдемъ, братъ Козьма Микитичъ! хуже не будетъ». Козель стащилъ у хозяина ружье, а баранъ куль, и пошли вдвоемъ; идутъ путемъ-дорогою и нашли старую волчью голову. «Братъ баранъ! — сказалъ тутъ козель, — возьми эту голову и положи въ куль». — «На чорта она намъ? и такъ тяжело итти!» —

1) Со страху. 2) *Вариантъ 1:* Козель говоритъ: «Пойдемъ, баранъ, странствовать». — «Куда?» спрашиваетъ баранъ. «Извѣстно — куда! въ лѣсъ». — «Зачѣмъ?» — «Извѣстно — зачѣмъ! волковъ да медвѣдей пугать». — «Какъ бы на свою шею не напугать?» — «Ничего! пойдемъ». Вотъ и пошли въ лѣсъ. *Вариантъ 2:* Жилъ мужикъ, у него былъ козель да такой бѣдовой: погонитъ пастухъ стадо, козель бѣжитъ впереди да прямо въ хлѣбъ. Пастухъ за нимъ, а онъ въ сторону; бился-бился съ нимъ, и свилъ себѣ кнутъ аршинъ въ тридцать. Только козель въ хлѣбъ, а пастухъ его кнутомъ по ляжкамъ. Собрался козель бѣжать...

«Возьми! Придемъ на мѣсто, сваримъ себѣ студень». Баранъ поднялъ волчью голову, положилъ въ куль и понесъ. Шли они, шли и, наконецъ, пришли въ лѣсъ. «Я совсѣмъ иззябъ», сказалъ баранъ. А козелъ увидалъ, что въ сторонѣ огонь свѣтится, и говоритъ: «Вонъ гдѣ-то огонь горитъ; пойдемъ туда!» Пошли на огонь и прямехонько-таки наткнулись на волковъ: сидятъ кругомъ огня да грѣются. Баранъ напугался, — еле душа въ тѣлѣ держится. А козелъ говоритъ ему: «Не робѣй, баранъ!» А самъ подошелъ къ волкамъ: «Здорово, ребята!» — «Здравствуй Козьма Микитичъ!» «Вотъ, — думаютъ волки, — славная будетъ пожива: козелъ да баранъ сами пришли, сами въ ротъ просятся». Только козелъ себѣ на умѣ. «Ну-ка, братъ баранъ, давай, — говоритъ, — сюда волчью голову: сваримъ да сдѣлаемъ студень. Да смотри, выбирай, чтобъ былъ старой волкъ!» Баранъ вынулъ изъ куля волчью голову и несетъ козлу. «Не та, — говоритъ козелъ: — тамъ въ кулю есть другая голова, съ самаго стараго волка, — ту и притащи». Баранъ сталъ копать въ своемъ кулѣ; копался-копался и несетъ опять ту же голову. «Ахъ, ты, дуракъ, — закричалъ козелъ и ногами затопалъ: — не та!.. Посмотри, на самомъ исподѣ лежитъ». Баранъ опять копался-копался и несетъ ту же самую голову. «Ну, вотъ теперь такъ! — сказалъ козелъ. — Эту самую голову мнѣ и надобно». А волки поглядываютъ да раздумываютъ: «Ишь, сколько наколотилъ нашей братии: одиѣхъ головъ цѣлой куль». — «Нѣтъ ли у васъ, братцы, — спрашиваетъ козелъ, — въ чемъ намъ ужинъ изготовить?» Тутъ волки повскакали и побѣжали, кто за дровами, кто за водою, кто за посудой, а у самихъ на умѣ, какъ бы уйти по добру по здорову. Бѣгутъ, а навстрѣчу имъ медвѣдь. «Куда вы, сѣрые волки?» — «Ахъ, Михайло Ивановичъ! ты не знаешь нашего горя: пришли къ намъ козелъ да баранъ, принесли съ собой цѣлый куль волчьихъ головъ, хотятъ студень варить: мы убоялись, чтобъ они и до насъ не добрались, и убѣжали». — «Ахъ, вы, дурачье! — сказалъ медвѣдь. — Козелъ да баранъ сами къ вамъ пришли, — только бери да кушай, а вы убоялись! Пойдемте-ка со мною». — «Пойдемъ».

Козель и баранъ увидали, что волки назадъ идутъ, засуетились, забѣгали. Козель взобрался на дерево, изловчился и усѣлся, а баранъ лѣзь-лѣзь, никакъ не можетъ высоко подняться, ухватился кое-какъ за сукъ передними ногами и повисъ на немъ. Вотъ пришелъ медвѣдь съ волками, смотритъ: куда бы дѣвались козелъ да баранъ? — нигдѣ не видать. «Ну, братцы, — сказалъ медвѣдь волкамъ, — собирайте жолудей, — стану ворожить: куда запропастился козелъ съ бараномъ?» Волки набрали жолудей, а медвѣдь сѣлъ подъ дерево, сталъ выкидывать жолудями и ворожить, какъ бабы на бобахъ гадаютъ. Баранъ говоритъ козлу: «Ахъ, козелъ, упаду: мочи нѣтъ — ногамъ больно!» — «Держись! — отвѣчаетъ козелъ, — а то ни за грошъ пропадемъ: они заѣдятъ насъ!» Баранъ крѣпился-крѣпился, да какъ повалится наземъ. Козель видитъ бѣду неминуемую, выстрѣлилъ въ ту жъ минуту изъ ружья и закричалъ

во всю глотку: «Хватай ворожею-то! держи его!»¹⁾ Медвѣдь испугался, какъ бросится бѣжать безъ оглядки, а волки за нимъ. Такъ всё и разбѣжались. Тогда козель слѣзъ съ дерева и не захотѣлъ оставаться въ лѣсу. Воротился онъ вмѣстѣ съ бараномъ домой, и стали себѣ жить-поживать да лиха избывать²⁾.

¹⁾ *Вариантъ:* Напуганные козломъ волки недолго бѣжали, а пораздумали-поразсудили и поворотили назадъ. Приходятъ, а козла и барана нѣтъ. Козель взлѣзъ на дерево, а баранъ повисъ на суку. Слышать волки по духу, что они близко, а гдѣ — не найдутъ, и послали за медвѣдемъ-костомѣтомъ. Пришелъ медвѣдь, сталъ метать на костяхъ и отгадывать, гдѣ спрятались козель да баранъ. Пока медвѣдь ворожилъ, баранъ не удержался, какъ брякнется наземь, и кричитъ: «Вотъ они! вотъ они!» А козель за нимъ вслѣдъ упалъ и реветъ: «Держи, пожалуйста, костомѣта!..»

²⁾ *Вариантъ:* Жили старикъ да старуха; у нихъ были баранъ да козель, только такіе блудливые: совсѣмъ отъ стада отбились, бѣгаютъ себѣ по сторонамъ, — ищи, гдѣ хочешь. «Знаешь что, старуха, — говоритъ старикъ: — давай заколемъ козла и барана, а то они съ жиру бѣсятся! Пожалуй, туда забѣгутъ, что и не найдешь, — все равно пропадутъ даромъ». — «Ну, что жъ, заколемъ». А баранъ съ козломъ стояли подъ окошкомъ, подслушали эти рѣчи и убѣжали въ густой-густой лѣсъ. Прибѣжали и говорятъ: «Надо развести теперь огонь, а то холодно будетъ; вишь, какая роса холодная!» Стали они таскать хворосту, — набрали цѣлую кучу. Надо огню добыть. Недалеко мужики жгли уголья. Вотъ козель съ бараномъ утащили у нихъ головешку, развели огонь и сѣли грѣться. Вдругъ прибѣжали три медвѣдя и усѣлись около костра. Что дѣлать? Козель сталъ спрашивать: «Что, баранъ, ѣсть хочешь?» — «Хочу». — «А что, ружье у тебя заряжено?» — «Заряжено». — «А топоръ востѣръ?» — «Востѣръ». — «Ну, поди, добывай на ужинъ». — «Нѣтъ, братъ козель, я сейчасъ только пришелъ, — не пойду». — «Неужто жъ намъ голоднымъ спать?» — «Ступай, убей вотъ этого медвѣдя; мы ихъ не звали, они сами къ намъ пришли, — зажаримъ да поужинаемъ». Медвѣдь оробѣлъ и говоритъ: «Ахъ, братцы, козель и баранъ! гдѣ станете меня жарить? Вишь, у насъ какой малой огонь! Пустите меня, я наломаю вамъ дровъ, разведу побольше костеръ, тогда убейте меня и жарьте». — «Хорошо, ступай за дровами». Медвѣдь вскочилъ — и давай Богъ ноги. «Кто себѣ врагъ! — думаетъ онъ про себя. — Ни за что не ворочусь назадъ». Другой медвѣдь видитъ, что посланный за дровами не ворочается, и взяло его раздумье: «Пожалуй, они за меня теперь примутся. Пойду, — говоритъ, — помогу тому медвѣдо: вѣрно, онъ такъ много наломалъ, что и пригашить не въ силу». — «Ну, ступай, помоги». Вотъ и другой медвѣдь убѣжалъ; остался еще одинъ. Козель обождалъ немножко и говоритъ: «Ну, братъ, медвѣдь, приходится тебя бить. Самъ видишь, — очередные-то ушли!» — «Ахъ, братцы! на чемъ же станете меня жарить? огню-то вовсе нѣтъ. Лучше пойду я да погоню очередныхъ назадъ». — «Да и ты, пожалуй, не воротись?» — «Ну, право, ворочусь, да и тѣхъ съ собою приведу!» — «Ступай, да поскорѣй приходи: не умирать же намъ съ голоду? Коли самъ за вами пойду — всѣмъ худо будетъ!» И послѣдній медвѣдь со всѣхъ ногъ пустился бѣжать и убѣжалъ далеко-далеко. «Славно, братъ, надули! — говоритъ козель. — Только, вишь, здѣсь надо каждому шороху бояться. Пойдемъ-ка домой, — заодно пропадать! А можетъ, старикъ-то и сжалится». Вотъ и воротились домой. Старикъ обрадовался: «Накорми-ка ихъ!» говоритъ старухѣ. Козель и баранъ начали ласкаться; старухѣ жалко ихъ стало, она и говоритъ старику: «Неужто намъ ѣсть нечего! Не станемъ колоть козла и барана,

Примѣчаніе. Приводимъ малорусскую редакцію этой сказки, заимствуя ее изъ «Черниговскихъ губернска. вѣдомостей» 1860 г., № 21, часть неофіціал., стр. 159 — 161:

Бувъ соби чоловікъ та жинка; мали вони козла й барана. «Охъ, жинко! — каже чоловікъ, — проженемо ми пѣго барана и козла, а то вже вони у насъ дурно хлїбъ їдять. А вберай(те)сь, козелъ и баранъ, соби з' Богомъ, щобъ ви не були у мене и въ двори!» Пошили вони соби торбу, та-й пішли. Идуть, та идуть. Посередъ поля лежить вовча голова. Отъ баранъ дужій та не смиливій, а козелъ смиливій та не дужій. «Бери, баране, голову! бо ти дужій». — «Охъ, бери ти, козле! бо ти смиливій». Узали вдвохъ и вкинули въ торбу. Идуть, та идуть — коли горить вогонь: «Ходимо й ми туди! тамъ переночуемо, щобъ насъ вовки не з'їли». Приходять туда, ажъ то вовки кашу варять: «А, здорови, молодци!» — «А, драствуйте, братци, драствуйте! ще каша не кипить, мясо буде з'васъ». Отъ тутъ баранъ уже злякавъсь, а козелъ давно уже злякавъсь. Козелъ и одумавсь: «А подай лишень, баране, отую вовчу голову!» Отъ баранъ и принисъ. «Та не цю, а подай більшу!» каже козелъ. Баранъ зновъ цупить ту-жъ саму. «Та подай ще більшу!» Отъ тутъ уже вовки злякались; стали вони думати-гадати, якъ-би видтиля удрати. «Славная, братци, кумпанія, и каша гарна кипить, та ничимъ долить; піду я пò воду». Якъ пішовъ вовкъ пò воду: «Хай вамъ обичо з' вашою кумпанією!» Якъ зачавъ другій того дожидати, ставъ думати-гадати, якъ би-й соби видтиля удрати: «Э, вражій синь! пішовъ тай-сидить, ничимъ кашу долить. Осъ визьму я ломаку, та прижену јого якъ собаку». Якъ побигъ, такъ и той не вернувся. А третій сидивъ-сидивъ: «Осъ піду лишень я, такъ я ихъ прижену!» Якъ побигъ, такъ и той радъ, шо втикъ. «Охъ, нумъ ¹⁾, брате, скорійше хвататься, щобъ намъ оцю кашу појисти, та з' куреня убратьця!» Отъ якъ одумавсь вовкъ: «Э, щобъ намъ троимъ та козла и барана боятьця! осъ ходимъ ми ихъ појимо вражихъ синивъ». Прійшли, ажъ тїи добре шатались, уже з' куреня убрались; якъ побитли та-й на дуба зібрались. Стали вовки думати-гадати, якъ-би козла та барана нагнати. Якъ стали йти, и нашли ихъ на дуби. Козелъ смѣлійшій излизъ на самій верхъ, а баранъ не смиливій — такъ нижче. «Охъ, лягай, — кажуть вовки ковтуноватому вовкови; — ти старшій! та-й ворожи, чи не побачимо ихъ». Якъ лигъ вовкъ до-гори и зачавъ ворожити. Баранъ сидить на голли ²⁾, та такъ дрижить: якъ упаде, та на вовка. Козелъ смиливій не ставъ зивати, а якъ закричить: «Подай мени ворожбита!» Вовки якъ зхватились, та насилу видтиля убрались. (Записана въ Борзенскомъ уѣздѣ.) См. подобную же сербскую сказку въ Матеріалахъ для изучен. народн. слов., изд. Худякова, стр. 30 — 32.

пусть еще поживуть!» — «Ну, ладно!» сказалъ мужикъ. Стали они жить себѣ, поживать да добра наживать; а козелъ съ бараномъ баловство свое совсѣмъ оставили, — сдѣлались смирными да послушными.

¹⁾ Станемъ. — ²⁾ На вѣткѣ.

20. Медвѣдь, лиса, слѣпень и мужикъ.

Жиль-быль мужикъ, у него была пѣгая лошадь. Мужикъ запрѣгъ ее въ телѣгу и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Только пріѣхалъ въ лѣсъ, а навстрѣчу ему идетъ большой медвѣдь. Поздоровался съ мужикомъ и спрашиваетъ: «Скажи, мужичокъ, кто твою лошадку пѣжилъ? 1) Ишь, какая рябенъкая да славная!» — «Эхъ, братъ Мишка, — говоритъ мужикъ, — я самъ ее выпестрилъ». — «Да развѣ ты умѣешь пѣжить? — «Кто! я-то? Да еще какой мастакъ! Коли хочешь, я, пожалуй, сдѣлаю тебя пестрѣе моей лошади». Медвѣдь обрадовался: «Сдѣлай милость, пожалуста! Я тебѣ за работу цѣлой улей притащу». — «Ну, что жъ! хорошо. Только надо тебя, стараго чорта, связать веревками, а то тебѣ не улежать, какъ стану пѣжить». Медвѣдь согласился. «Погоди, — думаетъ мужикъ: — я тебя спеленаю!» Взялъ вожжи и веревки и такъ скрутилъ, опуталъ медвѣдя, что тотъ зачалъ ревѣть на весь лѣсъ, а мужикъ ему: «Постой, братъ Мишка! не шевелись, пора пѣжить». — «Развяжи, мужичокъ, — просится медвѣдь, — я ужъ не хочу быть пѣгимъ: пожалуста, отпусти!» — «Нѣтъ, старой чортъ, самъ напросился, — такъ тому и быть». Нарубилъ мужикъ дровъ, наклалъ цѣлой ворохъ и развелъ огонь жарко-жарко, да взялъ топоръ и положилъ его прямо на огонь. Какъ накалился топоръ дѣкрасна, мужикъ вытащилъ его и давай пѣжить медвѣдя, — только заверещало! 2) Медвѣдь заревѣлъ, что есть мочи, понатужился, перервалъ всѣ веревки и вожжи и ударился бѣжать по лѣсу безъ оглядки, только лѣсъ трещить. Рыскаль-рыскаль медвѣдь по лѣсу, изъ силы выбился, хочеть лечь — нельзя: все брюхо и бока выжжены; какъ заревѣтъ-заревѣтъ! «Ну, только попадись мнѣ мужикъ въ лапы, ужъ будетъ меня помнить!»

На другой день мужикова жена пошла въ поле рожь жать и взяла съ собою краюшку хлѣба да кувшинъ молока. Пришла на свою полосу, поставила въ сторонкѣ кувшинъ съ молокомъ и стала жать. А мужикъ думаетъ: «Дай провѣдаю жену». Запрѣгъ лошадь, подѣзжаетъ къ своей полосѣ и видитъ, что во ржи бродитъ лиса. Подобралась плутовка къ кувшину съ молокомъ, кое-какъ всунула въ него свою голову, да назадъ-то ужъ никакъ ее и не вытащить: ходитъ по жнивѣ да головою мотаеть и говорить: «Ну, кувшинъ, пошутить, да и будетъ!.. Ну, полно же баловать: отпусти меня!.. кувшинушко! голубчикъ! полно тебѣ дурачиться, поитраль, да и довольно!..» А сама все головою мотаеть. Вотъ покудова лиса уговаривалась съ кувшиномъ, мужикъ досталъ полѣно, подошелъ, да какъ урѣжетъ ее по ногамъ. Лиса бросилась вдругъ въ сторону да головой прямо о камень — и кувшинъ въ мелкіе черепки разбила. Видитъ, что за ней гонится мужикъ съ полѣ-

1) Сдѣлалъ пѣгою.

2) Верещать — трещать, шипѣть, какъ масло или вода на огнѣ.

номъ, лиса какъ прибавить рыси! — даромъ, что на трехъ ногахъ, а не догонишь и съ собаками, — и скрылась въ лѣсу.

Воротился мужикъ и сталъ накладывать на телѣгу снопы. Откуда не взялся слѣпень, сѣлъ ему на шею и больно его укусилъ. Мужикъ хватился за шею и поймалъ слѣпня. «Ну, — говорить, — что съ тобой мнѣ дѣлать? Да хорошо, постой, будешь и ты меня помнить». Взялъ мужикъ соломину и воткнулъ ее слѣпню въ задъ: «Лети теперь, какъ знаешь!» Бѣдный слѣпень полетѣлъ и соломину за собой потащилъ. «Ну, — думаетъ себѣ, — попался я въ руки! Еще отроду этакой ноши я не таскивалъ, какъ теперь!» Вотъ летѣлъ онъ, летѣлъ, прилетѣлъ въ лѣсъ и совсѣмъ ужъ изъ силъ выбился. Захотѣлъ сѣсть на дерево — отдохнуть, думалъ повыше подняться, а соломина тянетъ его книзу. Бился-бился, на силу кое-какъ присѣлъ, захыхался и такъ тяжело началъ дышать, что даже дерево запаталось. А подъ этимъ деревомъ лежалъ тотъ самый медвѣдь, котораго мужикъ пестрилъ. Медвѣдь испугался: отчего такъ шибко запаталось дерево? Глянулъ вверхъ, а на деревѣ сидитъ слѣпень. Онъ и закричалъ ему: «Эй! братъ! родня! Слѣзай, пожалуста, долой, а то, пожалуй, вѣдь ты и дерево повалишь». Слѣпень послушался и слетѣлъ внизъ. Медвѣдь посмотрѣлъ на него и спрашиваетъ: «Кто, братъ, тебѣ такую соломину въ задъ забилъ! А слѣпень посмотрѣлъ на медвѣдя и самъ спрашиваетъ: «А тебя, братъ, кто изуродовалъ? Вишь у тебя гдѣ шерсть, а въ другомъ мѣстѣ и кости видать». — «Ну, братъ слѣпень! это меня мужикъ обработалъ». — «Ну, братъ медвѣдь, и мнѣ отъ мужика досталось». Смотрятъ они: лиса на трехъ ногахъ скачетъ. «Кто тебѣ ногу-то сломалъ?» спрашиваетъ медвѣдь. «Ахъ, куманекъ! и сама хорошенько не видала, а некому, кромѣ мужика; онъ за мной съ полѣномъ гнался». — «Братцы, пойдѣмте всѣ трое губить мужика!» Тотчасъ всѣ трое собрались и пошли на поле, гдѣ мужикъ убиралъ снопы. Вотъ стали они подходить; мужикъ увидалъ, испугался и не знаетъ, что ему дѣлать...

Примѣчаніе. Съ окончаніемъ этой сказки желающіе могутъ познакомиться въ стихотворной ея передѣлкѣ — въ Сочиненіяхъ Василя Майкова, издан. 1809 г., Спб., стр. 211, и изд. 1867 г., стр. 213.

21. Волкъ.

а. Жилъ старикъ со старухой; у нихъ была пять авецъ, шастой жирибець, сямая ¹⁾ тѣлка. Пришолъ къ нимъ волкъ и сталъ ибѣтъ ибѣсно:

Жиль жилецъ,
На кустикѣ дворець;
У няво пять авецъ,
Шастой жирибець,
Сямая тѣлка!

¹⁾ Седьмая.

Старуха и гварить стырику: «Охъ, какая пѣсня-то славная! Старикъ, дай яму авечку». Старикъ далъ яму, волкъ съѣлъ и аять пришлоль съ этый же пѣснію, и хадилъ съ нею да тѣхъ поръ, пака ни паѣль авецъ, жирибца, тѣлку и старуху. Осталси(я) адинъ старикъ; волкъ пришлоль и къ яму съ этый пѣснію. Старикъ взялъ кычергу и ну ею вазить ¹⁾ волка. Волкъ убѣжалъ и съ тѣхъ поръ къ старику ни нагой; а старикъ осталси, гаремычный, адинъ горя мыкать.

(Записана въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губ.).

в. Жиль-былъ старикъ да старушка; у нихъ была кошечка-судомоечка, собачка-пустолаечка, овечка да коровушка. Дознался волкъ, что у старика много скотины, пошелъ просить себѣ. Пришелъ и говоритъ: «Отдавай старуху!» Старику жалъ отдать старушку, — отдалъ вмѣсто нея кошечку-судомоечку. Волку этого мало: съѣлъ и опять пришелъ къ старику: «Подавай старуху!» Старику жалъ отдавать старушку, — отдалъ за нее собачку-пустолаечку. Съѣлъ волкъ и опять идетъ за старухою. Старикъ не даетъ старушки; отдалъ за нее овечку, а потомъ и коровушку, а старушку себѣ оставилъ; и стали они вдвоемъ жить да быть — и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

22. Свинья и волкъ.

а. Жиль-былъ старикъ и при немъ старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери; было скота только одна свинья востро-рылая. И повадилась та свинья ходить со двора въ заднія ворота. Чортъ ее понесъ, да въ чужую полосу — въ овёсъ. Прибѣжалъ тутъ волкъ, да и приумолкъ: схватилъ онъ свинку за щетинки, уволокъ ее за тынинки и изорвалъ. Тѣмъ сказка и кончилась.

(Записана въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.).

в. Была старая свинья, не ходила никуда днемъ со двора; ночь пришла — свинья со двора сошла. Хозяйскую полосу миновала, въ сосѣдскую попадала; цвѣточки срывала, соломку бросала. Откуль взялся старой старичище сѣрой волчище, поднялъ хвостище, свиньѣ челомъ отдалъ: «Здравствуй, милая жена, супоросная свинья! зачѣмъ шляешься и скитаешься? Здѣсь волкъ поѣдаетъ овецъ.» Приходитъ свиньѣ конецъ. «Не ѣшь меня, волчинька, не ѣшь меня, сѣринькой! я тебѣ приведу стадо поросятъ». — «Не хочу мяса инова, хочу мяса свинова». Взялъ волкъ свинку за бѣлую спинку, за черную щетинку; понесъ волкъ свинку за пень, за колоду, за бѣлую березу, сталь свинья косточки глотать, свиныхъ родителей поминать ²⁾.

¹⁾ Т.-е. бить.

²⁾ См. 4, с.

23. Волкъ и коза.

а. Жила-была коза, сдѣлала себѣ въ лѣсу избушку и нарожала дѣтокъ. Часто уходила коза въ боръ искать корму; какъ только уйдетъ, козлятки запрутъ за нею избушку, а сами никуда не выходятъ. Воротится коза, постучится въ дверь и запоетъ: «Козлятушки, дѣтятушки! отопритесь, отворитесь! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковѹю, пила воду студеную. Бѣжить молоко по вымячку, изъ вымячка въ копытчко, изъ копытчка въ сыру землю!» ²⁾ Козлятки тотчасъ отпрутъ двери и впусать мать. Она покормить ихъ и опять уйдетъ въ боръ, а козлятки запрутся крѣпко-накрѣпко. Волкъ все это и подслушалъ; выждалъ время, и только коза въ боръ, онъ подошелъ къ избушкѣ и закричалъ своимъ толстымъ голосомъ: «Вы, дѣтушки, вы, батюшки, отопритесь, отворитесь! ваша мать пришла, молока принесла, полны копытцы водицы!» А козлятки отвѣчаютъ: «Слышимъ, слышимъ — не матушкинъ голосокъ. Наша матушка поетъ тонкимъ голоскомъ и не такъ причитаетъ». Волкъ ушелъ и спрятался. Вотъ приходитъ коза и стучится: «Козлятушки, дѣтятушки! отопритесь, отворитесь! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковѹю, пила воду студеную. Бѣжить молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытчко, изъ копытчка въ сыру землю!» Козлятки впустили мать и рассказали ей, какъ приходилъ къ нимъ бирюкъ и хотѣлъ ихъ поѣсть. Коза накормила ихъ и, уходя въ боръ, строго-настрого наказала: коли придетъ кто къ избушкѣ и станетъ проситься толстымъ голосомъ и не переберетъ всего, что она имъ причитываетъ, — того ни за что не впускать въ двери. Только что ушла коза, волкъ прибѣжалъ къ избѣ, постучался и началъ причитывать тоненькимъ голоскомъ: «Козлятушки, дѣтятушки! отопритесь, отворитесь! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковѹю, пила воду студеную. Бѣжить молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытчко, изъ копытчка въ сыру землю!» Козлятки отперли двери, волкъ вбѣжалъ въ избу и всѣхъ поѣлъ; только одинъ козленокъ схоронился — въ печь улѣзъ. Приходитъ коза; сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе къ дверямъ и видитъ, что все отворено; въ избу — а тамъ все пусто; заглянула въ печь и нашла одного дѣтища. Какъ узнала коза о своей бѣдѣ, сѣла она на лавку, зачала горько плакать и приѣвать: «Охъ, вы, дѣтушки мои, козлятушки! на что отпиралися, отворялися, злomu волку доставалися? Онъ васъ всѣхъ поѣлъ и меня, козу, со великимъ горемъ, со кручиной сдѣлалъ». Услышавъ

Вариантъ: Охъ вы, дѣтушки, мои батюшки!
 Отопритесь, отомкнитесь;
 Ваша мать пришла—молока принесла,
 Полны бока молока, полны рога творога,
 Полны копытца водицы!

это волкъ, входитъ въ избушку и говорить козѣ: «Ахъ, ты, кума, кума, что ты на меня грѣшишь? Неужели-таки я сдѣлаю это? Пойдемъ въ лѣсъ, погуляемъ». — «Нѣтъ, кумъ, не до гулянья». — «Пойдемъ!» уговариваетъ волкъ. Пошли они въ лѣсъ, нашли яму, а въ этой ямѣ разбойники кашницу недавно варили, и оставалось въ ней еще довольно таки огня. Коза говоритъ волку: «Кумъ! давай попробуемъ, кто перепрыгнетъ черезъ эту яму». Стали прыгать. Волкъ прыгнулъ, да и ввалился въ горячую яму; брюхо у него отъ огня лопнуло, и козлятки выбѣжали оттуда да прыгъ къ матери. И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

(Записана въ Саратовской губерніи А. Гуськовымъ).

в. Гдѣ-то, когда-то шла брюхатая каза. Подошла она къ ябланѣ и говорить: «Яблань, яблань! пусти меня окатиться ¹⁾ подь себя». Яблань не пустила, сказала: «Яблочко отпадетъ, казлѣнка ушибѣтъ — тебѣ жъ невыгодно будетъ». Каза подошла къ орѣшнѣ, чтобъ она пустила её окатиться; и орѣшня не пустила, сказала: «Орѣхъ упадетъ, казлѣнка ушибѣтъ». Нечего дѣлать — каза пошла, какъ не сол(о)но щи хлебала. Вотъ шла-шла она и видитъ: стоитъ избушка къ лѣсу передомъ, а къ ней задомъ. Тутъ каза сказала: «Избушка, избушка! обратись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ; я войду въ тебя». Избушка обратилась, и каза вошла въ неё катиться — и окатилась. Тутъ каза расположилась какъ дома; начала нерѣдко оставлять своихъ казляточекъ въ этой избушкѣ подь запоромъ, а сама ходить въ лѣсъ — траву ѣсть.

Вотъ однажды, только каза ушла отъ казляточковъ, приходитъ къ дверямъ избушки бирюкъ ²⁾ и кричитъ толстымъ голосомъ: «Казлятушки, ребятушки! отойдите, отомкнитеся! я — ваша мать пришла, молока принесла; бѣжить молоко по вымячку, изъ вымячка въ корытце, изъ корытца въ сыру землю». Казлятки узнали, что голосъ не ихъ матери, и не отперли двери. «У нашей маменьки, — говорятъ они, — не такой голосъ: у ней голосокъ тонкой и нѣжной». Скоро послѣ того, какъ ушолъ бирюкъ, приходитъ къ двери ихъ мать и кричитъ: Ой, дѣтушки! отойдите, отомкнитеся! я — ваша мать пришла, молока принесла ³⁾; я на бору была, скорваду ⁴⁾ гладала; молочко течотъ по вымячку, изъ вымячка въ корытце, изъ корытца въ сыру землю». Казлятки отперли ей и начали пить молочко.

Между тѣмъ бирюкъ пришолъ къ кузнецу и говорить ему: «Кузнецъ, кузнецъ, сдѣлай ты мнѣ тоненькій язычокъ». Кузнецъ сдѣлалъ ему. Вотъ какъ наѣлись, напились казлятки, каза опять въ лѣсъ ушла, строго приказавъ дѣткамъ никого не пускать къ себѣ. Только каза ушла, приходитъ къ дверямъ прежній бирюкъ и началъ кричать

¹⁾ Разрѣшиться отъ бремени. ²⁾ Волкъ. ³⁾ Прибавляютъ еще: «Творогу-то на рогу, а сметанки на боку»; «молока полны бока». ⁴⁾ Скорвада — дикой лукъ.

голосомъ, похожимъ на голосъ ихъ матери: «Ой, дѣтушки! отопритесь, отомкнитеся! я — ваша мать пришла, молока принесла; бѣжить молочко по вымячку, изъ вымячка въ корытце, изъ корытца въ сыру землю». Козлятки не разгадали голоса и отперли бирюку. Бирюкъ почти всѣхъ ихъ поѣлъ (только одинъ маленькой казлен(о)чикъ спрятался подъ печь), поѣлъ, оставилъ одну шорстку да косточки и ушолъ въ лѣсъ. Пришла каза, кричить у двери, и казлѣночикъ отперъ ей. Тутъ она собрала шорстку, засушила на печи и смолола какъ муку; черезъ день затѣяла блины и вздумала позвать къ себѣ въ гости бирюка, а бирюка она видывала у своей кумушки-лисы. Затѣявъ блины, каза приходитъ къ кумѣ и просить её къ себѣ въ гости съ тѣмъ бирюкомъ. Лиса дала вѣрное ей слово, и каза воротилась домой. Вотъ поутру рано, ещё часовъ въ пять, приходитъ къ казѣ лиса съ бирюкомъ, а этотъ бирюкъ такой гладышъ ¹⁾ сталъ, что каза и не узнала его. Сѣли они за столъ; каза подала имъ тарелки, ножи вилки, масло и сливки, и стали ѣсть блины. Между тѣмъ каза полѣзла въ подполь за смятанною, а у самой не то на умѣ: взяла съ собою туда жару ²⁾ и развела огонь, а около огня натыкала много желѣзныхъ тычекъ ³⁾.

Только гости покушали блиновъ, каза и говорить имъ: не угодно ли будетъ имъ поиграть въ еѣ(я) любимую игру. Они согласились. Каза тотчасъ вынула одну доску изъ пола, и не приказывая имъ подходить близко, говорить: «Вотъ моя игра — прыгать черезъ эту дыру скоро и безъ отдышки». Лиса съ казою тутъ же перепрыгнули; за ними срягается ⁴⁾ прыгать толстой бирюкъ. Лишь только прыгнулъ, зацѣпилъ ногою за половицу и упалъ въ дыру, а тамъ на желѣзныя тычки и огонь. Каза съ лисою прикрыли его доскою, и бирюкъ сторѣлъ! Тутъ каза съ кумою лисою сдѣлали чудесной поминъ по бирюкѣ: наѣлись, напились, вышли на дворъ; каза проводила куму, а сама съ своимъ казлѣнкомъ стала жить да поживать и молочко для казлѣнка добывать.

(Записана въ Тамбовской губ.).

Примѣчаніе. См. вариантъ въ «Рус. сказкахъ», изданныхъ Авдѣвою, стр. 33 — 39; здѣсь рассказывается, что волкъ досталъ себѣ козлиную шкуру, нарядился въ нее и такимъ образомъ обманулъ козлятокъ. Съ этою сказкою сходны напечатанныя въ собраніи братьевъ Гриммовъ: «Der Wolf und die sieben jungen Geislein» (I, № 5) и еще ближе помѣщенная въ изданіи Вольфа: Romanische Märchen aus der Bukowina — «von der Ziege» (Zeitschrift für D. M., т. I, стр. 469). Въ первой сказкѣ мѣсть козы рассказывается нѣсколько иначе. Волкъ, поужинавъ козлятками, крѣпко заснулъ подъ деревомъ. Коза разрѣ-

¹⁾ Гладкій — жирный, тучный. ²⁾ Жаръ — горячіе уголья. ³⁾ Гвоздей.

⁴⁾ Готовится.

зала ему брюхо, освободила оттуда своихъ дѣтёнышей еще живыхъ, а наложила вмѣсто нихъ тяжелыхъ камней и зашила волчье брюхо. Волкъ проснулся, почувствовалъ сильную жажду, пошелъ къ колодцу и только нагнулся пить — камни его потянули, и волкъ утонулъ. Въ сказкѣ, напечатанной въ журналѣ Вольфа, мѣсто волка заступаетъ медвѣдь. Коза, сходно съ содержаніемъ нашей сказки, поётъ.

Drei junge
Wol geschopft
Macht der mutter die thür auf.
Die mutter bringt zu essen
Ein stück von salze
Auf dem rücken,
Ein Malajasch (maisbrödchen)
In der ferse,
Milch in der brust,
Brinsa ¹⁾ zwischen den lippen.

Въ русской сказкѣ волкъ идетъ къ кузнецу и просить сдѣлать ему тоненькій голосокъ — рассказъ, подобный тому, какой встрѣчается въ народныхъ преданіяхъ о вѣдьмѣ (см. сказку подъ № 62).

24. Волкъ - дурень.

а. Въ одной деревнѣ жилъ-былъ мужикъ, у него была собака; смолоду сторожила она весь домъ, а какъ пришла тяжелая старость — и брехать ²⁾ перестала. Надоѣла она хозяину; вотъ онъ собрался, взялъ веревку, зацѣпилъ собаку за шею и повелъ ее въ лѣсъ; привелъ къ осинѣ и хотѣлъ было удавить, да какъ увидѣлъ, что у стараго пса текутъ по мордѣ горькія слезы, ему и жалко стало: смиловался, привязалъ собаку къ осинѣ, а самъ отправился домой. Остался бѣдный песъ въ лѣсу и началъ плакать и проклинать свою долю. Вдругъ идетъ изъ-за кустовъ большущій волкъ, увидалъ его и говорить: «Здравствуй пестрой кобель! долгонько поджидалъ тебя въ гости. Бывало, ты прогонялъ меня отъ своего дому, а теперь самъ ко мнѣ попался: что захочу, то надъ тобой и сдѣлаю. Ужъ я тебѣ за все отплачу!» — «А что хочешь ты, сѣрой волчокъ, надо мною сдѣлать!» — «Да немного: съѣмъ тебя со всей шкурой и съ костями». — «Ахъ, ты, глупой сѣрой волкъ! Съ жиру самъ не знаешь, что дѣлаешь; таки послѣ вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачѣмъ тебѣ понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? Мое мясо теперь словно гнилая колода. А вотъ лучше я тебя научу: поди-ка да принеси мнѣ пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и дѣлай со мною что угодно». Волкъ послушалъ кобеля, по-

¹⁾ Родъ соленого сыра. ²⁾ Лаять.

шелъ и притащилъ ему половину кобылы: «Вотъ тебѣ и говядинка! Смотри, поправляйся». Сказалъ и ушелъ. Собака стала прибирать мясо и все поѣла. Черезъ два дня приходитъ сѣрой дуракъ и говорить кобелю: «Ну, братъ, поправился али нѣтъ?» — «Маленько поправился; колибъ еще принесъ ты мнѣ какую-нибудь овцу, — мое мясо сдѣлалось бы не при-мѣръ слаже!» Волкъ и на то согласился, побѣжалъ въ чистое поле, легъ въ лошинѣ и сталъ караулить, когда погонить пастухъ свое стадо. Вотъ пастухъ и гонитъ стадо; волкъ повысмотрѣлъ изъ-за куста овцу, которая пожирнѣе да побольше, вскочилъ и бросился на нее, ухватилъ за шиворотъ и потащилъ къ собакѣ. «Вотъ тебѣ овца, поправляйся!» Стала собака поправляться, съѣла овцу и почувала въ себѣ силу. Пришелъ волкъ и спрашиваетъ: «Ну, что, братъ, каковъ теперь?» — «Еще немножко худъ. Вотъ когда бы ты принесъ мнѣ какого нибудь кабана, такъ я бы разжирѣлъ какъ свинья!» Волкъ добылъ и кабана, принесъ и го-воритъ: «Это моя послѣдняя служба! Черезъ два дня приду къ тебѣ въ гости». — «Ну, ладно, — думаетъ собака, — я съ тобою поправлюсь». Черезъ два дня идетъ волкъ къ откормленному псу, а песъ завидѣлъ и сталъ на него брехать. «Ахъ, ты, мерзкой кобель, сказалъ сѣрой волкъ, — смѣешь ты меня бранить!» И тутъ же бросился на собаку и хотѣлъ ее разорвать. Но собака собралась уже съ силами, стала съ волкомъ въ дыбки и начала его такъ подчивать, что съ сѣраго только космы летятъ. Волкъ вырвался да бѣжать скорѣе; отбѣжалъ далече, захотѣлъ остановиться, да какъ услышалъ собачій лай, — опять припустилъ. Прибѣжалъ въ лѣсъ, легъ подъ кустомъ и началъ зализывать свои раны, что дались ему отъ собаки. «Ишь какъ обманулъ, мерзкой кобель! — говоритъ волкъ самъ съ собою. — Постой же, теперь кого ни попаду, ужъ тотъ изъ моихъ зубовъ не вырвется!»

Зализалъ волкъ раны и пошелъ за добычей. Смотрить, на горѣ стоитъ большой козель; онъ къ нему, и говорить: «Козель, а козель, я пришелъ тебя съѣсть». — «Ахъ, ты, сѣрой волкъ! для чего станешь ты понапрасну ломать объ меня свои старые зубы? А ты лучше стань подъ горою и разинь свою широкую пасть; я разбѣгусь да таки прямо къ тебѣ въ ротъ, — ты меня и проглотишь!» Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ свою широкую пасть, а козель себѣ на умѣ; полетѣлъ съ горы какъ стрѣла, ударилъ волка въ лобъ да такъ крѣпко, что онъ съ ногъ свалился. А козель и былъ таковъ! Часа черезъ три очнулся волкъ, — голову такъ и ломитъ ему отъ боли. Сталъ онъ думать: про-глотилъ ли онъ козла или нѣтъ? Думалъ-думалъ, гадалъ-гадалъ. «Колѣи бѣ я съѣлъ козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; ка-жись, онъ бездѣльникъ меня обманулъ! Ну, ужъ теперь я буду знать что дѣлать!»

Сказалъ волкъ и пустился къ деревнѣ: увидалъ свинью съ поро-сятами и бросился было схватить поросенка, а свинья не даетъ. «Ахъ, ты, свиная харя! — говоритъ ей волкъ, — какъ смѣешь грубить?»

Да я и тебя разорву и твоих поросятъ за одинъ разъ проглочу». А свинья отвѣчала: «Ну, до сей поры не ругала я тебя; а теперь скажу, что ты большой дурачина!» — «Какъ такъ?» — «А вотъ какъ! Самъ ты, сѣрой, посуди: какъ тебѣ ѣсть моихъ поросятъ? *вѣтъ* они недавно родились. Надо ихъ обмыть. Будь ты моимъ кумомъ, а я твоей кумой; станемъ ихъ, малыхъ дѣтушекъ, крестить». Волкъ согласился. Вотъ хорошо; пришли они къ большой мельницѣ. Свинья говорить волку: «Ты, любезный кумъ, становись по ту сторону заставки, гдѣ воды нѣту, а я пойду, стану поросятъ въ чистую воду окунать да тебѣ по одному подавать». Волкъ обрадовался, думаетъ: «Вотъ когда попадетъ въ зубы добыча-то!» Пошелъ сѣрой дуракъ подъ мостъ, а свинья тотчасъ схватила заставку, зубами подняла и пустила воду. Вода какъ хлынетъ и потащила за собой волка и почала его вертѣть. А свинья съ поросятами отправилась домой; пришла, наѣлась и съ дѣтками на мягкую постель спать повалилась.

Узнавъ сѣрой волкъ лукавство свиньи, насили кое-какъ выбрался на берегъ и пошелъ съ голоднымъ брюхомъ рыскать по лѣсу. Долго издыхалъ онъ съ голоду, не вытерпѣлъ, пустился опять къ деревнѣ и увидѣлъ — лежитъ около гумна какая-то падла. «Хорошо, — думаетъ, — вотъ придетъ ночь, наѣмся хоть этой падлы.» Нашло на волка неурожайное время, — радъ и падлою поживиться! Все лучше, чѣмъ съ голоду зубами пощелкивать, да по-волчьи пѣсенки распѣвать. Пришла ночь; волкъ пустился къ гумну и сталъ ушисывать падлу. Но охотникъ ужъ давно его поджидалъ и приготовилъ для пріятеля пару хорошихъ орѣховъ ¹⁾; ударилъ онъ изъ ружья, и сѣрой волкъ покатился съ разбитой головою. Такъ и скончалъ свою жизнь сѣрой волкъ!

б. Дѣло было въ старину, когда еще Христось ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ апостолами. Разъ идутъ они дорогою, идутъ широкою; попадается навстрѣчу волкъ и говорить: «Господи, мнѣ ѣсть хочется!» — «Поди, сказалъ ему Христось, — съѣшь кобылу». Волкъ побѣждалъ искать кобылу, увидѣлъ ее, подходитъ и говорить: «Кобыла! Господь велѣлъ тебя съѣсть». Она отвѣчаетъ: «Ну, нѣтъ! меня не съѣшь, не позволено; у меня на то есть видъ ²⁾, только далеко забить». — «Ну, покажи!» — «Подойди поближе къ заднимъ ногамъ». Волкъ подошелъ: она какъ треснетъ его по зубамъ задними копытами, ажно ³⁾ волкъ на три сажени назадъ отлетѣлъ! А кобыла убѣжала.

Пошелъ волкъ съ жалобой; приходитъ ко Христу и говорить: «Господи! кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — «Ступай, съѣшь барана». Волкъ побѣждалъ къ барану; прибѣжалъ и говорить: «Баранъ! я тебя съѣмъ, — Господь приказалъ». — «Пожалуй, съѣшь; да ты стань подъ горою да разинь свою пасть, а я стану на горѣ, разбѣгусь, такъ прямо къ тебѣ въ ротъ и вскочу!» Волкъ сталъ подъ горою

1) Т.-е. пуль. 2) Паспортъ. 3) Такъ что.

и разинулъ пасть; а баранъ какъ разбѣжится съ горы да какъ ударить его своимъ бараньимъ лбомъ: — баць! — спишь волка съ ногъ, да самъ и ушелъ. Волкъ сталь, глядитъ на всѣ стороны — нѣтъ барана!

Опять отправился съ жалобой: приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи! и баранъ меня обманулъ; чуть-чуть совсѣмъ не убилъ!» «Поди! — сказалъ Христось, — съѣшь портного». Побѣждалъ волкъ; попадаетъ ему навстрѣчу портной. «Портной! я тебя съѣмъ. — Господь приказалъ». — «Погоди, дай хоть съ родными проститься». — «Нѣтъ, не дамъ проститься». — «Ну, что дѣлать, такъ и быть, съѣшь. Дай только я тебя смѣряю: влѣзу ли еще въ тебя-то?» — «Смѣрай!» говоритъ волкъ. Портной зашелъ сзади, схватилъ волка за хвостъ, завилъ хвостъ за руку, и давай сѣраго утюжить ¹⁾. Волкъ бился-бился, рвался, рвался, оторвалъ хвостъ, да давай Богъ ноги! Бѣжитъ, что есть силы, а навстрѣчу ему семь волковъ. «Постой! — говоритъ: — что ты, сѣрой, безъ хвоста?» — «Портной оторвалъ». — «Гдѣ портной?» — «Вонъ идетъ по дорогѣ». — «Давай догонять его», — и пустились за портнымъ. Портной услышалъ погоню, видитъ, что дѣло плохо, взобрался поскорѣй на дерево, на самый верхъ и сидитъ. Вотъ волки приближали и говорятъ: «Станемъ, братцы, доставать портного; ты, кургузой ²⁾, ложись подъ исподъ, а мы на тебя, да другъ на дружку уставимся, — авось достанемъ!» Кургузой легъ наземъ, на него сталь волкъ, на того другой, на другого третій, все выше и выше, — ужъ послѣдній взлѣзаетъ. Видитъ портной бѣду неминуемую: вотъ-вотъ достануть, — и закричалъ сверху: «Ну, ужъ никому такъ не достанется, какъ кургузому!» ³⁾ Кургузой какъ выскочитъ изъ-подъ низу да бѣжать. Всѣ семеро волковъ попадали наземъ да за нимъ вдогонку; нагнали — и ну рвать его, только ключья летятъ. А портной слѣзъ съ дерева и пошелъ домой.

Примѣчаніе. Приводимъ малорусскій вариантъ, напечатанный въ «Черниговск. губерн. вѣдомостяхъ» (1860 г., № 21, часть неофиц., стр. 159 — 161) подъ заглавіемъ: «Казка про кравця и вовка»:

Якъ бувъ у попа кравецъ и пишовъ на село робити, а въ той часъ безщасному вовкови не послалъ Бигъ корму. Винъ злизъ на гору, да-й просе Бога: «Дай, Господи, јисти, а то вмру!» — «Охъ, иди жъ, — каже, — вовче! шо нападешъ попове, то-й јисти тоби готове». Отъ иде вовкъ — ходе кобыла: «Здорово була, кобыло, а чія ти есть!» — «Охъ, вовче, я попова!» — «Ти жъ мени јисти готова!» — «Охъ, подивися жъ, — каже, — вовче! я була въ гòроди, принесла бумаги». Ставъ вовкъ дивитьця въ бумаги, кобыла якъ стрибнула! оглянулася, такъ и вовка не взирали. Отъ иде вовкъ, та-й думаетъ: «Якій я дурень есть! чи я панъ, чи я письменній, шо ще мени въ бумаги дивитьця?» Иде вовкъ,

1) Бить. 2) Безхвостый. 3) У малороссіянъ существуетъ поговорка: «Кому, кому — а що куцому, то вже не минеця!».

ажъ ходитъ баранъ: «Здоровъ бувъ, баране! а чій ти есть?» — «Поповій!» — «Ти жъ мени јисти готовій!» — «Ой, станъ же ти, вовче, въ долини, а я пиду на гору; роззявъ ритъ, такъ я самъ тоби влечу». Якъ розигнавсь баранъ, якъ давъ јому въ лобъ, дакъ трохи не заснувъ вовкъ. Отъ иде вовкъ, та-й думаетъ: «Якій я дурень! чи я панъ, чи що! шо ще захотивъ легкаго хлиба?» Стривъ вовкъ свіни: «Здорови були, свіни! а чіи ви есть?» — «Попови!» — «Ви жъ мени јисти готови!» — «Охъ, вовче-братіку! зволь же намъ хоть писню заспивать». Поти свини вовка манили, поки люди взглядили вовка да-й прогнали. Отъ иде вовкъ и стричаетъ кравця: «Здоровъ бувъ, кравче! а чій ти есть?» — «Поповій!» — «Ти жъ мени јисти готовій!» — «Охъ, вовче-братіку! дозвожь же мени хоть умытьца на послідній дорози, отъ дай же ще-й хвоста втертись». Отъ кравецъ у хвистъ руки якъ умотавъ, якъ отпу- стивъ три аршини, такъ вовкъ тамъ трохи-й не гинувъ... Отъ кравецъ якъ одумавешъ, якъ побигъ, та на дуба и сховавсь. Ставъ вовкъ думати-гадати, якъ-би того кравця здогнати: зибравъ собі молодщивъ и шидій- шовъ якъ разъ пидъ того дуба. «Онде, братци, сидитъ кравецъ на дуби. Охъ, нумте, братци! якъ-би јого достати...» Отъ лигъ безхвостій на-споди, а ти вси на його зверху; отъ уже одному вовку стати и кравця достати. Той кравецъ каже: «Понюхаю хочъ на послідній дорози та-баки!» Понюхавши: *ахчи!* А вовкъ думавъ, шо кричитьъ: *аршинъ!* якъ пирсне видтила, якъ посиплютца вовки, якъ вхопили того вовка, розирвали — и пропавъ бидній! (Записана въ Борзенскомъ уѣздѣ.)

В. И. Даль передалъ интересную сказку, рассказанную ему Пушкинымъ, «О Георгіи Храбромъ и о волкѣ» (см. Повѣсти сказки и рассказы казака Луганскаго, II, стр. 459 и въ Библиот. для чтенія 1836 г., т. XIV, стр. 133). Основная мысль этой сказки, по замѣчанію г. Пыпина, — представить въ походе волка ту далекую первобыт- ную эпоху, когда еще не были опредѣлены отношенія звѣрей ни къ са- мимъ себѣ, ни къ человѣку, и когда волкъ долженъ былъ самоучкою впервые добывать для себя живности; вообще начало сказокъ о звѣряхъ принадлежитъ грубой порѣ звѣроловнаго и пастушескаго быта, ставив- шаго людей лицомъ къ лицу съ независимымъ міромъ животныхъ. Мірская сходка, о которой здѣсь говорится, напоминаетъ подобную же сходку при дворѣ царя-льва въ германскомъ Рейнгартѣ (Отечеств. Записки 1856, V, критика, стр. 20 — 22) Жестокій приѣмъ, испытанный волкомъ у гнѣдаго тура и коня (быкъ бросаетъ его рогами, а конь бьетъ задомъ), извѣстенъ еще въ Езоповой баснѣ: «О лошади и лвъ» (смотри вышеозначенное изданіе 1792 года, стр. 36). Старый левъ, желая растерзать лошадь, вздумалъ притвориться лѣкаремъ и сталъ спрашивать ее о здоровьѣ. Лошадь жаловалась, что недавно занозила заднюю ногу. Левъ взялся вынуть занозу. Но только наклонился, какъ лошадь ударила его въ лобъ задними ногами и скрылась. У ла- тинскаго стихотворца Филельфа («Езоповы басни», стр. 348 — 350)

волкъ, поддѣлываясь къ коню, спрашиваетъ: чей онъ сынъ и какъ его зовуть? Конь отвѣчалъ, что покойный отецъ написалъ обо всемъ ему на копытѣ, и когда волкъ полюбобытствовалъ прочесть эту надпись, то лошадь ударила его задомъ и убѣжала. Георгій Храбрый посылаетъ еще волка къ барану, который бьетъ его своимъ крѣпкимъ лбомъ, къ кабану, который ранитъ его клыкомъ, наконецъ, къ людямъ, которые зашиваютъ его въ собачью шкуру и бьютъ. Къ этому святому волкъ обращается съ своими просьбами о пищѣ, потому что между простолюдинами Георгій Храбрый почитается покровителемъ стадъ и начальникомъ волковъ (Поэт. Возвр. I, стр. 699 — 711). Въ другихъ народныхъ рассказахъ волкъ съ тѣми же просьбами обращается къ Спасителю (Н. Р. Лег., № 3). Отъ одного поселянина слышали мы такой рассказъ: Пасли два пастуха овечье стадо; захотѣлось одному водицы испить, и пошелъ онъ черезъ лѣсъ къ колодцу. Шель-шелъ и увидѣлъ большой вѣтвистый дубъ, а подъ нимъ вся трава примята и выбита. «Дай посмотрю, что тутъ дѣлается», сказалъ пастухъ и взлѣзъ на самую верхушку дерева. Глядь — ѣдетъ св. Георгій, а вслѣдъ за нимъ бѣжитъ многое множество волковъ. Остановился Георгій у самага дуба, началъ разсылать волковъ въ разныя стороны и наказываетъ всякому, чѣмъ и гдѣ пропитаться. Всѣхъ разослалъ; собирается ужъ ѣхать; на ту пору тащется хромою волкъ и спрашиваетъ: «А мнѣ то что жъ?» Егорій говорить: «А тебѣ вонъ на дубу сидитъ!» Волкъ день ждалъ и два ждалъ, чтобы пастухъ слѣзъ съ дерева, такъ и не дождался; отошелъ подальше и схоронился за кустъ. Пастухъ оглядѣлся, спустился съ дуба — и бѣжать! А волкъ какъ выскочитъ изъ-за куста, схватилъ его и тутъ же съѣлъ. Сличи съ хорутанскимъ рассказомъ (Валяв., 93 — 94), въ которомъ вмѣсто св. Юрія выведенъ *волчій пастыръ* (Vučji pastir).

Со сказкою о волкѣ-дурнѣ сходна напечатанная въ изданіи Гаупта и Смоляра *Völklieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz*, Grimm'a, 1843, in 4°), во II-й части на стр. 161 — 4: «Des Wolfes glücklicher Tag». Разъ поутру потягивался волкъ въ своей берлогѣ, а солнце бросало на него свой свѣтъ. Шла мимо лисица и сказала ему: «Нынѣшній день ты постоянно будешь счастливъ». — «Отчего?» спросилъ волкъ. «Да солнце бросаетъ на тебя свой свѣтъ!» — «Я было не хотѣлъ сегодня выходить, — сказалъ волкъ, — но если это такъ — то пойду». Бѣжитъ волкъ лѣсомъ, а навстрѣчу ему два вора несутъ свиное сало. Увидѣли сѣраго, побросали сало и давай Богъ ноги. Волкъ обнюхалъ сало и сказалъ: «Лисица права; сегодня я въ самомъ дѣлѣ счастливъ. Какое славное сало! Но кто станетъ поутру ѣсть сало, чтобы потомъ цѣлый день томиться жаждою?» И онъ побѣжалъ дальше на лугъ; тамъ увидѣлъ кобылу съ жеребенкомъ и подумалъ про себя: «Это лучше!» Онъ сказалъ кобылѣ: «Нынѣшній день сулитъ мнѣ счастье, и потому я съѣмъ твоего жеребенка». — «Мнѣ это очень пріятно, и я высоко

цѣню, что столь знатный господинъ хочетъ скушать моего жеребенка. Но будь добръ, окажи мнѣ напередъ услугу. Я слышала, что ты знаменитый лѣкаръ. Я всадила себѣ въ правую заднюю ногу большую занозу, и куда ни ходила — никто не могъ мнѣ помочь. Не избавишь ли ты меня отъ этой бѣды?» — «Знаменитый лѣкаръ! — подумаль про себя волкъ. — Гмъ! этого я не зналъ. Но кобыла не стала бы говорить, если бы не было такъ». И онъ сказалъ: «Покажи!» и подступилъ ближе. Кобыла подняла ногу, и только что волкъ хотѣлъ посмотрѣть, — ударила его въ голову съ такою силою, что онъ упалъ безъ чувствъ. А кобыла скрылась съ своимъ жеребенкомъ. Когда волкъ очнулся, его ужасно раздражилъ обманъ кобылы. «Кто приказалъ тебѣ выдавать себя за лѣкаря? — сказалъ волкъ. — Но лиса сказала, что сегодняшній день сулитъ мнѣ счастье»... и онъ пустился дальше и пришелъ къ мельницѣ; тутъ увидѣлъ онъ свинью съ поросенкомъ. «Сегодня мой счастливый день, — сказалъ волкъ, — и потому я съѣмъ твоего поросенка». — «Мнѣ это очень лестно, и я высоко цѣню, что такой знатный господинъ хочетъ скушать моего поросенка. Но будь добръ, обожди немножко. Самъ видишь, поросенокъ весь выпачканъ и замаранъ; я вымою его начисто, какъ пристойно для столь почетнаго вельможи». — «Почетный вельможа! — подумаль про себя волкъ. — Гмъ! этого я еще не знавалъ. Но свинья не стала бы говорить, если бы это не такъ было». И онъ сказалъ: «Вмой!» а самъ съѣлъ на берегу. Свинья бросилась съ своимъ поросенкомъ въ рѣку, поплыла къ мельницѣ и скрылась совсѣмъ. Разсердился волкъ и говорить самъ себѣ: «Никто не приказывалъ тебѣ выдавать себя за вельможу. Вотъ теперь и обманула тебя свинья, это глупое животное! Но лиса сказала, что нынѣшній день сулитъ мнѣ счастье»... и голодный волкъ пошелъ дальше. Пришелъ онъ на поле и увидѣлъ двухъ бодавшихся козловъ. Онъ объявилъ имъ о счастливомъ днѣ и о своемъ желаніи съѣсть одного ихъ нихъ. «О, это намъ очень лестно, — отвѣчали они, — что такой знатный господинъ желаетъ скушать одного изъ насъ. Но будь добръ, окажи намъ напередъ услугу. Мы слышали, что ты знаменитѣйшій судья; у насъ идетъ споръ объ этомъ полѣ, и куда мы ни обращались — никто не могъ навести насъ на правый путь. Разсуди, кому должно принадлежать поле. Ты станешь здѣсь среди поля, а мы разойдемся по концамъ, и кто прежде прибѣжитъ къ тебѣ, тотъ и выиграетъ». — «Знаменитѣйшій судья! я этого еще не знавалъ. Но козлы не стали бы говорить, если бы этого не было. Бѣгите!» сказалъ волкъ, а самъ усѣлся посреди поля. Козлы пустились бѣжать изо всѣхъ силъ и быстро исчезли. Раздраженный этимъ обманомъ, волкъ сказалъ себѣ: «Кто велѣлъ выдавать себя судьей! Но пойду еще дальше: лиса сказала, что сегодняшній день обѣщаетъ мнѣ счастье»... Пришелъ онъ на выгонъ и увидѣлъ въ загородкѣ цѣлое стадо овецъ, а при нихъ ни пастуха ни собаки. «Это не дурно», подумаль волкъ, и сказалъ овцамъ: «Нынче счастливый мой день, и я теперь же

хочу одну изъ васъ съѣсть». — «Намъ очень пріятно, — отвѣчали овцы, — и мы высоко цѣнимъ, что такой знатный господинъ хочетъ скушать одну изъ насъ. Но будь добръ, окажи напередъ услугу. Мы слышали, что ты опытный заѣвало, а мы сильно въ немъ нуждаемся: лучший баранъ у насъ умеръ, и куда мы ни ходили — никто не могъ намъ хорошенько затащить. Не поможешь ли ты намъ въ нуждѣ?» — «Опытный заѣвало! я этого не знавалъ о себѣ. Но овцы не стали бы говорить, если бы это не такъ было!» подумалъ волкъ. Онъ взлѣзъ на пастушій шалапъ и съ важностью началъ качать ногою взадъ и впередъ, чтобъ всё видѣли, какъ онъ ударяетъ тактъ. Овцы заблеяли во все горло, одна выше другой; завылъ и волкъ. Цѣлая деревня и всё собаки сбѣжались на это пѣніе, и въ то время, какъ волкъ заливался больше и больше, кто-то нанесъ ему такой ударъ, что онъ упалъ съ шалапа наземъ. Тутъ принялись грызть его собаки, а люди бить дубинами, жердями и вилами. Насилу ушелъ онъ. «Кто велѣлъ, — говорилъ онъ самъ съ собою, — выдавать себя за пѣвца! Вотъ теперь овцы, самыя глушыя изъ всѣхъ животныхъ, — и тѣ обманули... Но у меня есть еще сало, — можно хорошо поужинать». И волкъ отправился на то мѣсто, гдѣ повстрѣчалъ двухъ воровъ, но лиса ужъ давно утащила все сало.

Смотри подобные же рассказы Рудченко, I, № 1 — 4; Глинск., III, 177 — 191; Матер. для изученія нар. словесн., 42 — 47; Валявецъ, стр. 267 — 9 «Vuk - Rimljan»; Вольфъ, стр. 419 — 421; Ганъ, II, № 92 и 93.

25. М е д в ѣ д ь .

а. Жиль-былъ старикъ да старуха, дѣтей у нихъ не было. Старуха и говорить старику: «Старикъ, сходи по дрова». Старикъ пошелъ по дрова; попалъ ему навстрѣчу медвѣдь и сказываетъ: «Старикъ, давай бороться». Старикъ взялъ да и отсѣкъ медвѣдю топоромъ лапу; ушелъ домой съ лапой¹⁾ и отдалъ старухѣ: «Вари, старуха медвѣжью лапу». Старуха сейчасъ взяла содрала кожу, сѣла на нее и начала шипать шерсть, а лапу поставила въ печь вариться. Медвѣдь ревѣлъ-ревѣлъ, надумался и сдѣлалъ себѣ липовую лапу; идетъ къ старику на деревяшкѣ и поетъ:

Скрипи, нога!
Скрипи, липовая!
И вода-то спитъ,
И земля-то спитъ,
И по селамъ спятъ,

¹⁾ *Вариантъ:* Жиль старикъ со старухой. Захотѣлось старухѣ медвѣжьего мяса. «Ступай, старикъ, за медвѣжьимъ мясомъ». Старикъ взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Приходить; глянулъ: лежить подъ колодою старой медвѣдь и крѣпко спитъ. Старикъ недолго думалъ, отрубилъ у медвѣдя ногу и понесъ домой.

По деревнямъ спать;
 Одна баба не спать,
 На моей кожѣ сидить,
 Мою шерстку прядеть,
 Мое мясо варить,
 Мою кожу сушить!

Вѣщоры старикъ и старуха испугались. Старикъ спрятался на полати подъ корыто, а старуха на печь подъ черныя рубахи. Медвѣдь взошелъ въ избу; старикъ со страху кряхтитъ подъ корытомъ, а старуха закашляла. Медвѣдь нашелъ ихъ, взялъ, да и съѣлъ ¹⁾.

(Записана въ Осинскомъ уѣздѣ, Пермской губ.).

в. Жила-была старуха. Избушка ея стояла на отлетѣ отъ села, дворъ былъ плохо огороженъ, а скотинки-то было вдоволь; одна корова да шесть овецъ. Зимой всюду бродятъ волки да медвѣди; вотъ къ этой старухѣ и повадился по ночамъ ходить медвѣдь — овецъ ѣсть. Разломалъ назади плетень, съѣлъ овцу, съѣлъ и другую. Старуха зачала караулить и накинула на себя такую дурень ²⁾, что и ночь стала у ней какъ день. Сняла она съ зарѣзанныхъ медвѣдемъ овецъ шерстку и всю ноченьку сидитъ себѣ да прядеть. Вотъ медвѣдь много разъ приходилъ; хочется ему съѣсть овечку — не тутъ-то было! Только медвѣдь за плетень, а старуха скрипъ дверью и выйдетъ на дворъ. Медвѣдь съ досады пересталъ ходить по задамъ, а подойдетъ подъ окно къ старухиной избѣ и запоетъ пѣсню: «Скрипи-скрипи, скрипка, на липовой ножкѣ! И вода-то спитъ и земля-то спитъ; одна бабушка не спитъ, свою шерстку прядеть!» Выйдетъ старуха за ворота по-смотреть, кто такъ хорошо поетъ, а медвѣдь шастъ назадъ къ плетню, стябрить ³⁾ овцу и уйдетъ въ лѣсъ. Такъ-то всѣхъ овецъ и перетаскалъ. Бѣдная старушка сломала свою избушку и поселилась на кутѣ у своего брата; стали они вмѣстѣ жить да поживать, добра наживать да лиха избывать.

(Записана въ Тамбовской губ.).

Примѣчаніе. Смотри Худяк., т. II, № 72, Дѣтск. пѣсни, № 96, и «Русскія сказки для дѣтей», изданныя Авдѣевою, № 5. Мужики пошли на медвѣдя; онъ сталъ на заднія лапы и двинулся на нихъ. Одинъ изъ мужиковъ ударилъ по немъ и отрубилъ ему лапу. Медвѣдь пуще озлился. «Пойдемъ-ка, ребята, домой! теперь онъ немного наскачется на трехъ ногахъ; а какъ изойдетъ кровью, тогда прійдемъ, да и снимемъ съ него шкуру». Такъ рѣшили мужики, пошли въ деревню и унесли съ собой медвѣжью лапу. Одна старуха выпросила у нихъ эту лапу, пришла

¹⁾ *Вариантъ:* Увидала старуха медвѣдя. «Ну, старикъ! полѣзай въ кузовъ, я тебя повѣшу надъ дверьми, а сама залѣзу на печь и за дрова спрячусь». Только медвѣдь въ избу — кузовъ съ старикомъ оборвался и упалъ. Медвѣдь испугался, вонъ изъ избы да бѣжать. ²⁾ Дурь. ³⁾ Утащить, украдетъ.

домой, остригла съ нея шерсть, содрала кожу, а мясо поставила вариться. Настала ночь. Старуха съела на печь, подостлала подь себя медвѣжью кожу и начала пряхть медвѣжью шерсть, и приговариваетъ: наряду шерсти, свяжу себѣ чулки — то-то тепло мнѣ будетъ зимой! На дворѣ ужь полночь. Старуха сидитъ на печи да дремлетъ. Вдругъ раздались на улицѣ рывканье и скрипъ. Старуха жила въ своей избушкѣ одна-одинехонька. Что такое? думаетъ старуха. Рывканье и скрипъ все ближе да ближе. Вотъ она выглянула въ окошко, и видитъ — идетъ медвѣдь на деревяжкѣ и поетъ:

«Скырлы, скырлы, скырлы,
 На липовой ногѣ,
 На березовой клюкѣ,
 На красномъ батогѣ.
 По селамъ спячь,
 По деревнямъ спячь;
 Одна баба не спитъ,
 На моей кожѣ сидитъ,
 Мою шерстку прядетъ,
 Мое мясо варитъ,
 Мою кожу сушитъ!»

Старуха видитъ — дѣло плохо, отперла подполье, погасила лучину и спряталась за печку. Медвѣдь выломалъ двери, вошелъ въ избу, да прямо въ подполье — бух! Старуха созвала мужиковъ; они убили медвѣдя, а старуха наярала изъ его шерсти нитокъ и связала себѣ чулки, да и стала жить-поживать.

26. Медвѣдь, собака и кошка.

Жилъ себѣ мужикъ, у него была добрая собака, да какъ устарѣла, перестала и лаять и оберегать дворъ съ анбарами. Не захотѣлъ мужикъ кормить ее хлѣбомъ, прогналъ со двора. Собака ушла въ лѣсъ и легла подь дерево издыхать. Вдругъ идетъ медвѣдь ¹⁾ и спрашиваетъ: «Что ты, кобель, улегся здѣсь?» — «Пришелъ околѣвать съ голоду! Видишь, нынче какая у людей правда: покуда есть сила — кормятъ и поятъ, а какъ пропадетъ сила отъ старости — ну, и погоняютъ со двора!» — «А что, кобель, хочется тебѣ ѣсть?» — «Еще какъ хочется-то!» — «Ну, пойдемъ со мною: я тебя накормлю». Вотъ и пошли. Попадается имъ навстрѣчу жеребецъ. «Гляди на меня!» сказалъ медвѣдь собакѣ и сталъ лапами рвать землю. «Кобель, а кобель!» — «Ну, что?» — «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?» — «Красны, медвѣдь». Медвѣдь еще сер-

¹⁾ *Вариантъ:* Идетъ сѣрой волкъ. «А, попался! — говоритъ онъ кобелю. — Зачѣмъ ты не подпускалъ меня близко къ деревнѣ?» — «Прости, Григорій Иванычъ! Впередъ не стану, буду тебѣ первый другъ!» Тутъ волкъ и подружился съ собакою. (Вся сказка имѣетъ то же содержаніе, только мѣсто медвѣдя заступаетъ волкъ.)

дитѣ началъ рвать землю. «Кобель, а кобель! что, шерсть взерошилась?» — «Взерошилась, медвѣдь!» — «Кобель, а кобель! что, хвостъ поднялся?» — «Поднялся!» Вотъ медвѣдь схватилъ жеребца за брюхо; жеребецъ упалъ наземь. Медвѣдь разорвалъ его и говоритъ: «Ну, кобель, ѣшь сколько угодно. А какъ приберешь все, приходи ко мнѣ». Живетъ себѣ кобель, ни о чемъ ни думаетъ; а какъ съѣлъ все да проголодался опять, побѣжалъ къ медвѣдю. «Ну, что, братъ, съѣлъ?» — «Съѣлъ; теперича опять пришлось голодать». — «Зачѣмъ голодать? Знаешь ли, гдѣ ваши бабы жнутъ?» — «Знаю». — «Ну, пойдѣмъ, я подкрадусь къ твоей хозяйкѣ и ухвачу изъ зыбки ¹⁾ ея ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Какъ отнимешь, и отнеси назадъ; она за то станетъ тебя по-старому кормить хлѣбомъ». Вотъ ладно; приближалъ медвѣдь, подкрался и унесъ ребенка изъ зыбки. Ребенокъ закричалъ, бабы бросились за медвѣдемъ, догоняли-догоняли и не могли нагнать, такъ и воротились; мать плачетъ, бабы тужать. Откуда ни взялся кобель, догналъ медвѣдя, отнялъ ребенка и несетъ его назадъ. «Смотрите, — говорятъ бабы, — старой-то кобель отнялъ ребенка!» Побѣжали навстрѣчу. Мать ужъ такъ рада-рада. «Теперича, — говоритъ, — я этого кобеля ни за что не покину!» Привела его домой, налила молочка, покрошила хлѣбца и дала ему: «На, покушай!» А мужику говоритъ: «Нѣтъ, муженѣкъ, нашего кобеля надо беречь да кормить: онъ моего ребенка у медвѣдя отнялъ; а ты сказывалъ, что у него силы нѣтъ!» Поправился кобель, отѣлся. «Дай Богъ, — говоритъ, — здоровья медвѣдю! не далъ помереть съ голоду», — сталъ медвѣдю первой другъ.

Разъ у мужика была вечеринка. На ту пору медвѣдь пришель къ собакѣ въ гости. «Здорово, кобель! ну, какъ поживаешь, хлѣбъ поѣдаешь?» — «Слава Богу! — отвѣчаетъ собака: — не житье, а масляница. Чѣмъ же тебя подчевать? Пойдемъ въ избу: хозяева загуляли и не увидятъ, какъ ты пройдешь; а ты войди въ избу да поскорѣй подъ печку. Вотъ я что добуду, тѣмъ и стану тебя подчевать». Ладно, забрались въ избу. Кобель видитъ, что гости и хозяева порядкомъ перепились, и ну угощать пріятеля. Медвѣдь выпилъ стаканъ, другой — и поразобрало его. Гости затянули пѣсни — и медвѣтю захотѣлось: сталъ свою заводить; а кобель уговариваетъ: «Не пой, а то бѣда будетъ!» Куды! Медвѣдь не утихаеть, а все громче заводитъ свою пѣсню. Гости услышали вой, схватили колья и давай бить медвѣдя; онъ вырвался да бѣжать, еле-еле живъ уплѣлся.

Была еще у мужика кошка; перестала ловить мышей и ну прокаться: куда ни ползетъ, а что нибудь разобѣтъ или изъ кувшина прольетъ. Мужикъ прогналъ кошку изъ дому, а собака видитъ, что она бѣдствуетъ безъ ѣды, и начала потихоньку носить къ ней хлѣба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала присматривать; какъ узнала про

1) Люльки, колыбели.

это, принялась кобеля бить; била-била, а сама приговаривала: «Не таскай кошкѣ говядины, не носи кошкѣ хлѣба!» Вотъ дня черезъ три вышелъ кобель со двора и видитъ, что кошка совѣмъ съ голоду издыхаетъ. «Что съ тобой?» — «Съ голоду помираю; потуда и сыта была, покуда ты меня кормилъ». — «Пойдемъ со мною». Вотъ и пошли. Приходитъ кобель къ табуну и началъ копать землю лапами, а самъ спрашиваетъ: «Кошка, а кошка, что, глаза красны?» — «Ничего не красны». — «Говори, что красны!» Кошка и говоритъ: «Красны». — «Кошка, а кошка! что, шерсть оцетинилась?» — «Нѣтъ, не оцетинилась!» — «Говори, дура, что оцетинилась!» — «Ну, оцетинилась». — «Кошка, а кошка! что, хвостъ поднялся?» — «Ничего не поднялся». — «Говори, дура, что поднялся!» — «Ну, поднялся». Кобель какъ бросится на кобылу, а кобыла какъ ударить его задомъ, — у кобеля и духъ вонь! А кошка и говоритъ: «Вотъ теперича и впрямъ глаза кровью налились, шерсть взъерошилась и хвостъ завился. Прощай, братъ кобель! и я пойду помирать».

Примѣчаніе. Сравни у Рудченка №№ 4, 5 и 6.

27. К о з а.

а. Сидитъ козѣль да плачетъ: онъ послалъ козу за орѣхами; она пошла и пропала. Вотъ козѣль и зазѣль:

Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калѣными!
 «Добро же, коза! пошлю на ты волки».
 Волки нейдутъ козы гнать:
 Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калѣными!
 «Добро же, волки! пошлю на васъ медвѣдь(я)».
 Медвѣдь нейдетъ волковъ драть,
 Волки нейдутъ козы гнать:
 Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калѣными!
 «Добро же, медвѣдь! пошлю на ты люди».
 Люди нейдутъ медвѣдь стрѣлять,
 Медвѣдь нейдетъ волковъ драть,
 Волки нейдутъ козы гнать:
 Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калѣными!
 «Добро же, люди! пошлю на васъ дубьѣ».
 Дубьѣ нейдетъ людей бить,
 Люди нейдутъ медвѣдь стрѣлять,
 Медвѣдь нейдетъ волковъ драть,
 Волки нейдутъ козы гнать:
 Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калѣными!

«Добро же, дубьё! пошлю на тя топоръ».
 Топоръ нейдетъ дубьё рубить,
 Дубьё нейдетъ людей бить,
 Люди нейдутъ медвѣдъ стрѣлять,
 Медвѣдъ нейдетъ волковъ драть,
 Волки нейдутъ козы гнать:

Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калёными!

«Добро же, топоръ! пошлю на тя камень».
 Камень нейдетъ топоръ тупить,
 Топоръ нейдетъ дубьё рубить,
 Дубьё нейдетъ людей бить,
 Люди нейдутъ медвѣдъ стрѣлять,
 Медвѣдъ нейдетъ волковъ драть,
 Волки нейдутъ козы гнать:

Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калёными!

«Добро же, камень! пошлю на тя огонь».
 Огонь нейдетъ камень палить,
 Камень нейдетъ топоръ тупить,
 Топоръ нейдетъ дубьё рубить,
 Дубьё нейдетъ людей бить,
 Люди нейдутъ медвѣдъ стрѣлять.
 Медвѣдъ нейдетъ волковъ драть,
 Волки нейдутъ козы гнать:

Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калёными!

«Добро же, огонь! пошлю на тя воду».
 Вода нейдетъ огонь лить,
 Огонь нейдетъ камень палить,
 Камень нейдетъ топоръ тупить,
 Топоръ нейдетъ дубьё рубить,
 Дубьё нейдетъ людей бить,
 Люди нейдутъ медвѣдъ стрѣлять,
 Медвѣдъ нейдетъ волковъ драть,
 Волки нейдутъ козы гнать:

Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калёными!

«Добро же, вода! пошлю на тя бурю».
 Буря пошла воду гнать,
 Вода пошла огонь лить,
 Огонь пошелъ камень палить,
 Камень пошелъ топоръ тупить,
 Топоръ пошелъ дубьё рубить,
 Дубьё пошло людей бить,
 Люди пошли медвѣдъ стрѣлять,
 Медвѣдъ пошелъ волковъ драть,
 Волки пошли козу гнать:

Вотъ коза съ орѣхами,
 Вотъ коза съ калёными!»

в. Пошла коза за лыками;
 Козы нѣту за рѣкой.
 «Ну, постой же ты, коза!
 Я нашлю на тебя волка».
 Волкъ нейдетъ козы рѣзать:
 Козы нѣту за рѣкой.
 «Ну, постой же ты мнѣ, волкъ!
 Я нашлю на те медвѣдь».
 Медвѣдь нейдетъ волка драть,
 Волкъ нейдетъ козы рѣзать:
 Козы нѣту за рѣкой.
 «Ну, постой же ты, медвѣдь!
 Я нашлю на те дубьѣ».
 Дубьѣ нейдетъ медвѣдь бить,
 Медвѣдь нейдетъ волка драть,
 Волкъ нейдетъ козы рѣзать:
 Козы нѣту за рѣкой.
 «Ну, постой же ты, дубьѣ!
 Я нашлю на те топорь».

И такъ далѣе: на топорь насылается камень, на камень — ломъ, на ломъ — кузнецъ, на кузнеца плеть.

Плеть идетъ кузнецъ бить,
 Кузнецъ идетъ ломъ варить,
 Ломъ идетъ камень дробить,
 Камень идетъ топорь точить,
 Топорь идетъ дубьѣ рубить,
 Дубьѣ идетъ медвѣдь бить,
 Медвѣдь идетъ волка драть,
 Волкъ идетъ козу рѣзать!
 (Записана въ Воронежской губ.).

Примѣчаніе. См. Рудч., № 27 и Дѣтск. пѣсни, № 101.

28. Сказка о козѣ лупленной.

Коза рухлена, половина бока луплена!.. Слушай, послушивай! Жиль-быль мужикъ, у него былъ зайчикъ. Вотъ и пошелъ мужикъ на поле; тутъ увидалъ онъ: лежитъ коза — половина бока луплена, а половина нѣтъ. Мужикъ сжалился надъ нею, взялъ ее, принесъ домой и положилъ подъ сарай. Пообѣдавъ и отдохнувъ немножко, вышелъ онъ на огородъ, и зайчикъ съ нимъ. Тутъ коза изъ-подъ сарая въ избу пробралась и тамъ крючкомъ заперлась.

Вотъ зайчикъ захотѣлъ поѣсть и прибѣжалъ къ дверямъ избы, хватъ лапкой — дверь заперта. «Кто тамъ?» спрашиваетъ зайчикъ. Коза отвѣчаетъ: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выду —

всѣ бока повыбью!»¹⁾ Зайчикъ съ горемъ отошелъ отъ двери, вышелъ на улицу и плачетъ. Навстрѣчу ему бирюкъ. «Что ты плачешь?» спросилъ бирюкъ. «У насъ въ избѣ кто-то», сказалъ сквозь слезы зайчикъ. А бирюкъ: «Иди со мною, — я выгоню!» Пришли къ дверямъ. «Кто здѣсь?» спросилъ бирюкъ. Коза затопала ногами и сказала: «Я—коза рухлена, половина бока луплена; выду — всѣ бока повыбью!» Вотъ они и ушли отъ двери. Зайчикъ опять заплакалъ и вышелъ на улицу, а бирюкъ убѣжалъ въ лѣсъ. Навстрѣчу зайцу идѣтъ кочеть: «Что ты плачешь?» Зайчикъ ему сказалъ. Вотъ кочеть и говоритъ: «Иди со мною, — я выгоню!» Подходя къ двери, зайчикъ, чтобы устрашить козу, кричить: «Идетъ кочеть на пятахъ, несетъ саблю на плечахъ, идетъ душу губить — козѣ голову рубить!» Вотъ подошли; кочеть и спрашиваетъ: «Кто тамъ?» Коза попрежнему: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выду — всѣ бока повыбью!» Зайчикъ опять со слезами ушелъ на улицу. Тутъ подлетѣла къ нему пчолка, суетится и спрашиваетъ: «Кто тебя? о чомъ ты плачешь?» Зайчикъ сказалъ ей, и пчолка полетѣла къ избѣ. Тутъ она спросила: «Кто тамъ?» Коза отвѣчала попрежнему. Пчолка разсердилась, начала летать кругъ стѣнокъ; вотъ жужжала-жужжала и нашла дырочку, влѣзла туда, да за голый бокъ и жальнула²⁾ козу рухлену и сдѣлала на боку пухлину. Коза со всего маху въ дверь — и была такова! Тутъ зайчикъ вбѣгъ въ избу, наѣлся-напился и спать повалился. Когда зайчикъ проснется, тогда и сказка начнется.

(Записана въ Тамбовской губерніи).

Примѣчаніе. Сказка эта, сходная съ напечатанною подъ № 3 — о лисѣ, зайцѣ и пѣтухѣ³⁾ въ Малороссіи рассказывается полнѣе (см. *Lud Ukrainski przez Antoniego Nowosielskiego* (Марцинковскаго), Вильно, 1857, стр. 243; Рудченко, I, 25; Малорусскій литерат. сборникъ Д. Мордовцева, стр. 361 — 6: «Коза-дереза»):

Бувъ соби дидъ та баба; у дида дочка, у баби дочка. Накупивъ дидъ кизь, та-й пославъ бабину дочку пасти. А вона пасла-пасла, та-й гоне до дому. А дидъ сивъ на воритцяхъ въ червонихъ чобитцяхъ, та-й каже: «Кози мои любі, кози мої мили! чи ви жили, чи пили?» А коза ёго и каже: «Ни, дидусю!

Якъ бигли черезъ мисточикъ,
Ухватили кленовій листочикъ;
Якъ бигли черезъ гребельку,
Ухватили води капельку —
Тилько пили и жили».

¹⁾ Въ Воронежской губерніи этотъ отвѣтъ козы передается такъ: «Я — коза рьяная, за боки драная; сколю тебя рогами, стопчу тебя ногами!» Въ Малороссіи: «Я — коза-дереза (задирака, капризная — см. малорос. словарь г. Аенасьева-Чужбинскаго, 87), пивбока луплена, за копу куплена. Тупуту ногами, сколю тебе рогами, лашками загребу, хвостикомъ замету — бррру!» (Быть русск. народа, соч. Терещенко, IV, 45.)²⁾ Ужала. ³⁾ См. Варіанты въ трудахъ Курск. Статист. Комитета, I, стр. 529 и 541.

Отъ дидь взявъ та-й убивъ бабину донку и одряжае свою дочку: «Гони жь ти!» (И съ нею и съ бабою было то же самое, что случилось съ бабиной дочкою; погналь козъ дѣдъ.) Накормивъ и напоивъ, та-й пишовъ попереть до дому, та-й сивъ на воротцяхъ. (Спрашиваетъ козъ: «Чи ви пили, чи ви јили?» Коза отвѣчаетъ то же, что и прежде.) Отъ винъ тоди ји черкъ за роги, та-й повисивъ драть; отъ дравъ-дравъ, та ножикъ и притушивъ, та-й пишовъ до коваля, щобъ ножикъ поточить. А коза одорваласъ (съ ободраннымъ бокомъ), та-й утекла у лисичину хатку. А лиса бигала дѣсь на промысло, та якъ прійшла, а хтось у ји хатци; отъ вона и пита: «Хто, хто въ мојій хатци?»

— Я коза-дереза,
Пивъ-бока луплена,
За три копи куплена.
Тупу-тупу ногами,
Сколю тебе рогами,
Хвостикомъ вымету,
Ножками на двирь вынесу!

Отъ лисичка пишла, та-й сила пидь березку, та-й плаче. — Вызываются помочь ей разные звѣри: волкъ, медвѣдъ, левъ, зайчикъ, и ничего не могутъ сдѣлать; наконецъ приходитъ кочеть и выгоняетъ козу. Въ Хорутанскихъ приповѣдкахъ Валявца (стр. 285 — 6) мѣсто козы заступаетъ баранъ; волкъ взялся было выгнать его изъ лисичиной норки, да какъ услыхалъ окрикъ барана: «*pol me odrtine, pol me kosmate*», такъ и струсиль: «Тамъ, тетка, — сказалъ онъ лисѣ, — кто-то чудной!» Выгналь барана ёжъ; онъ вкатился въ нору клубкомъ и давай колоть его въ ободранный бокъ острыми иглами. Баранъ выскочиль, и волкъ съ лисою скушали его. Вылѣзъ ёжъ: «Что жь вы мнѣ оставили?» — «Да ничего!» Ежъ разсердился: «Пойдемте, — говорить, — на судъ». Привель волка къ капкану, стукнулъ легонько заднею лапкою и сказалъ: «*Gospron sudec! stante se*. — «Дай-ка я разбужу его!» сказалъ волкъ, удариль по желѣзу сильнѣе и попалъ въ капканъ. Эта послѣдняя подробность напоминаетъ русскій рассказъ о томъ, какъ волкъ давалъ лисѣ присягу (№ 9). Въ другой сказкѣ того же сборника (стр. 287 — 8) выведены ёжъ и серна. Они поспорили, кто изъ нихъ скорѣе перебѣжитъ поле. Ежъ свернулся въ клубокъ и покатился, а серна понеслась съ такой быстротой, что на бѣгу ударилась головой о дерево и ушиблась до смерти. Ежъ захотѣлъ покушать ея печенокъ, но самъ не въ силахъ былъ разорвать серны, и потому отправился искать мясника. На дорогѣ попадаетъ ему заяцъ, потомъ лиса; и тотъ и другая вызываются быть мясниками; но ёжъ посмотрѣль имъ въ зубы и отказаль. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ волка и беретъ его съ собою. Волкъ разорваль серну на четыре части: «Первая часть (сказаль онъ) — моему дядѣ, вторая — моему отцу, третья — моей матери, а эта — мнѣ самому». «А мнѣ что?» спросиль ёжъ. «Тебѣ все,

что осталось». Ежу такой дѣлѣжъ показался несправедливымъ, и онъ сказалъ волку: «Пойдемъ судиться!» — «Пойдемъ!» Ежъ приводитъ волка къ кашкану, послѣ чего слѣдуетъ та же сцена, какую мы видѣли въ предыдущей сказкѣ; волкъ попадаетъ въ тиски; является мужикъ съ топоромъ, начинаетъ бить его по лбу; за первымъ ударомъ ежъ закричалъ: «Это твоему дядѣ!» За вторымъ: «Это твоему отцу!» за третьимъ: «это твоей матери!» а за четвертымъ: «это тебѣ; самъ же ты достанешься мнѣ!» — Къ приведеннымъ вариациямъ о лупленой козѣ надо прибавить еще венгерскую сказку (Штиръ, стр. 201—4): вмѣсто ёжа здѣсь ту же роль играетъ дикобразъ, и какъ скоро онъ выгналъ козу, то волкъ, серна и заяцъ разорвали ее и съѣли; на долю лисы достались кишки. Волкъ и на то позарился; лиса научаетъ его разорвать собственное брюхо и лакомиться своими внутренностями (сличи съ сказками № 1, е и 10).

29. Сказка пра аднаво аднабокава барана.

У аднаво барина бѣла многа животсыны ¹⁾. Тольки-што онъ принялъ ²⁾ пятакъ барашковъ, изъ шкуракъ йихныхъ выдѣлалъ авчинки и сталъ сибѣ шубу шить. Призвалъ партнова: «Ну, — баить, — ишей мнѣ шубу». Тотъ памѣрилъ-памѣрилъ, видзить, што не хватаитъ йиму полъавчинки на шубу. «Мало, — баить, — авчинъ, — не хватаитъ на клинѣи». — «Эвтому дзѣлу мѡжна пасабить» — баить баринъ, и вилѣлъ лакею сваму у аднаво барана садратъ шкурку съ адново боку. Лакей такъ и сдѣлалъ, какъ баринъ баилъ. Тольки-што йетотъ баранъ разсерчалъ на барина, падазвалъ къ сибѣ казла: «Пайдземъ, — баить, — отъ эдакава лихадзѣя; въ лѣсу пакѡ мѡжна житъ, травка естъ, вадзицу найдзѣмъ, сѣтси бѣдземъ». Вотъ йяны и паплы. Пришли въ лѣсъ, сладзили шалашу и ну по ноцамъ начевѡтсѣ. Живутъ сибѣ да паживаютъ да травку паядаютъ.

Тольки-што у тавѡ барина житъ не палюбилосъ ни йимъ аднымъ. Ушло съ тавѡ со двара карова да свинья, питухъ да гусакъ. Вотъ йяны, пакѡ бѣла тсиплѡ, жили сибѣ на воли, а какъ пришла зимушка-зима, и йяны стали прятѡтцы атъ мароза. Вотъ хадзили-хадзили пѡ лису, да и нашли шалашу-га барана и стали йяны проситца къ йиму: «Пусти, — баютъ: намъ вѣдзъ халадно». А йяны и знатсѣ не хатсѣтъ, — никакѡ ни пускаютъ. Вотъ карова падходзитъ: «Пустейтсѣ, — баить, — а ни то всю вашу шалашу нѡ бокъ сварачу!» Баранъ видзить, плоха дзѣла, пустсилъ йиѡ. Падходзитъ свинья: «Пустейтсѣ, — баить, — а нѣтъ — такъ я всю землю изрою, да такѣ падроюсь къ вамъ; матрѣтсѣ, вамъ же будзетъ халаднѣя». Дзѣлать нечиво, и йету пустсили. Глядзъ — и гусакъ то же баить: «Пустейтсѣ, а ни то я дыру праклюю, матрѣтсѣ, вамъ же будзетъ халаднѣя».

1) Скота. 2) Принять — бить и свѣжевать скотину.

«Пустейтсе,—баить и пѣгунъ¹⁾»,—а ни то всю крышу вашу абс...» Што дзѣлатсь! Пустили и йѣтыхъ, да и стали всѣ йяны житсь вмѣстяхъ.

Долга ль, каротка ль йяны жили, а аднажды пли мѣма йихъ разбойники и услыхали крикъ да гамъ, падашлѣ — паслухали, ни знаютъ, што такое естсь, и пасылають аднавѣ свавѣ товарища: «Ступай, — бають, — а ни то—веревка на шею да и въ воду!» Дзѣлатъ нечиво, тотъ и пашолъ. Какъ тольки взаполъ, какъ начали йивѣ са всѣхъ старонь. Вотъ йонъ, дзѣлатсь нечиво, назадъ... «Ну, братчи!—баить,—што хотситсе, дзѣлайтсе, а я ужъ ни за шта не пайду. Эдакаво страха сродзясь ни видываль. Тольки-што взаполъ, гдзѣ ни вазьмись баба, да миня ухватамъ-та, да миня ухватамъ-та; а тутъ ищо барыня, да такъ и серчаить; а тутъ глядзь—чиботарь²⁾ да миня шиламъ-та, да миня шиламъ-та въ задъ; а тутъ ищо партной да ножницами; а тутъ ищо салдаты со шпорами да такъ на меня скинулся, што волосы у нивѣ дыбомъ стали: вотъ я те!—баить. А тамъ ищо, знатсь, йихной набольшой: ужѣ-ка я-та йиво! Братчи,—баить,—срѣбилъ». — «Ну,—бають—разбойники,—дзѣлатсь нечиво, уйдземтсе, а то, пожалуй, и насъ-та всѣхъ привяжутъ!» Ушли.

А йяны живутъ пакà да живутъ сибѣ складно. Вдругъ приходзять къ йихной шалаши звѣрьѣ³⁾, да пѣ духу и узнали, што тамъ ёстсь(ь). «Нутка,—бають волку,—подзи-ка ты папирѣдъ!» Тольки-што тотъ взаполъ, какъ теѣ начали йивѣ кататсь,—насилу ноги аттуда вынесъ. Ни знаютъ, што и дзѣлатсь. А тѣта былъ съ ними ежъ; во йонъ: «Постойтсе-ка,—баить: вотъ ужѣ-ка я папытаюсь, авось лучше будзетъ!» Вишь йонъ зналъ, што у барана-та аднавѣ бока нѣту. Вотъ йонъ и подкатился да и кал(ь)-ни барана; какъ тотъ черезъ всѣхъ да какъ прыгнетъ, да и дрàла. За нимъ и всѣ, да такъ и разбѣжались. А намѣсто ихъ звѣрьѣ тутà и астались.

(Записана въ Тверской губернии И. И. Лажечниковымъ).

Примѣчаніе. См. Slov. rohad. Божены Нѣмцовой, стр. 379 — 382.

30. Зимовье звѣрей.

Шель быкъ лѣсомъ; попадается ему навстрѣчу баранъ. «Куды, баранъ, идешь?»—спросилъ быкъ. «Отъ зимы лѣта ищущу»,—говорить баранъ. «Пойдемъ со мною!» Вотъ пошли вмѣстѣ; попадается имъ навстрѣчу свинья. «Куды, свинья, идешь?»—спросилъ быкъ. «Отъ зимы лѣта ищущу»,—отвѣчаетъ свинья. «Иди съ нами!» Пошли втроемъ дальше; навстрѣчу имъ попадается гусь. «Куды, гусь, идешь?»—спросилъ быкъ. «Отъ зимы лѣта ищущу»,—отвѣчаетъ гусь. «Ну, иди за нами!» Вотъ гусь и пошелъ за ними. Идутъ, а навстрѣчу имъ пѣтухъ. «Куды, пѣтухъ, идешь?»—спросилъ быкъ. «Отъ зимы лѣта ищущу»,—отвѣчаетъ пѣтухъ. «Иди за нами!»

1) Пѣтухъ. 2) Сапожникъ. 3) Волки.

Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежь себя: «Какъ же, братцы-товарищи! время приходитъ холодное; гдѣ тепла искать?» Быкъ и сказываетъ: «Ну, давайте избу строить, а то и впрямь зимою позамерзнемъ». Баранъ говоритъ: «У меня шуба тепла, — вишь, какая шерсть! я и такъ прозимую». Свинья говоритъ: «А по мнѣ хоть какіе морозы—я не боюсь: зароюся въ землю и безъ избы прозимую». Гусь говоритъ: «А я сяду въ середину ели, одно крыло постелю, а другимъ одѣнуся,—меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую». Пѣтухъ говоритъ: «И я тожъ!» Быкъ видитъ, — дѣло плохо: надо одному хлопотать. «Ну,—говоритъ,—вы какъ хотите, а я стану избу строить». Выстроилъ себѣ избушку и живетъ въ ней. Вотъ пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баранъ—дѣлать нечего—приходитъ къ быку: «Пусти, братъ, погрѣться».—«Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба тепла,—ты и такъ перезимуешь, не пущу!»—«А коли не пустишь, то я разбѣгуся и вышибу изъ твоей избы бревно ¹⁾: тебѣ же будетъ холоднѣе». Быкъ думаль-думаль: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозить»,—и пустилъ барана. Вотъ и свинья прозябла, пришла къ быку: «Пусти, братъ, погрѣться».—«Нѣтъ, не пущу: ты въ землю зароешься, и такъ прозимуешь!»—«А не пустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою да твою избу уроню». Дѣлать нечего, надо пустить; пустилъ и свинью. Тутъ пришли къ быку гусь и пѣтухъ: «Пусти, братъ, къ себѣ погрѣться». «Нѣтъ, не пущу; у васъ по два крыла: одно постелишь, другимъ одѣнешся, — и такъ прозимуете!»—«А не пустишь, — говоритъ гусь, — такъ я весь мохъ изъ твоихъ стѣнъ повыщиплю: тебѣ же холоднѣе будетъ».—«Не пустишь?»—говоритъ пѣтухъ, — такъ я взлечу на верхъ ²⁾, всю землю съ потолка сгребу: тебѣ же холоднѣе будетъ». Что дѣлать быку? Пустилъ жить къ себѣ и гуся и пѣтуха.

Вотъ живутъ они себѣ да поживаютъ въ избушкѣ ³⁾. Отогрѣлся въ теплѣ пѣтухъ и зачалъ пѣсенки распѣвать. Услышала лиса, что пѣтухъ пѣсенки распѣваетъ,—захотѣлось пѣтушкомъ полакомиться. Да какъ достать его? Лиса поднялась на хитрости: отправилась къ медвѣдю да

¹⁾ *Вариантъ*: «И сшибу дверь съ крючьевъ». ²⁾ На чердакъ. ³⁾ Сказка эта оканчивается и такъ: Спознали про то волкъ и медвѣдь. «Пойдемъ,—говорять,—въ избушку, всѣхъ поѣдимъ, а сами станемъ тамъ жить». Собралися и пришли къ избушкѣ. Медвѣдь говоритъ волку: «Иди ты впередъ!» А волкъ говоритъ: «Мнѣ не управиться,—иди ты впередъ!» — «Ну, смотри же, не выдавай меня»,—сказалъ медвѣдь и пошелъ въ избушку. Только вошелъ, быкъ и приперъ его рогами къ стѣнѣ, а баранъ разбѣжался да какъ бацнетъ (ударить) медвѣдя въ бокъ и сшибъ его съ ногъ, а свинья рветъ и мечетъ въ клочки, а гусь подлетѣлъ—глаза щиплетъ, а пѣтухъ сидитъ на брусу и кричитъ: «Подайте сюда, подайте сюда!» Волкъ услыхалъ крикъ, да бѣжать. Вотъ медвѣдь рвался-рвался, насилиу вырвался, прибѣжалъ и рассказываетъ волку: «Ну, что мнѣ было! до смерти чуть не забили, да еще одинъ на брусу сидѣлъ да все кричалъ: подайте сюда, подайте сюда! Ну, если бъ подали къ нему, — кажись бы и смерть была!»

волку и сказала: «Ну, любезные куманьки, я нашла для всѣхъ поживу: для тебя, медвѣдь, быка, для тебя, волкъ барана, а для себя пѣтуха». — «Хорошо, кумушка!—говорятъ медвѣдь и волкъ,—мы твоихъ услугъ никогда не забудемъ! Пойдемъ же, приколимъ да поѣдимъ!» Лиса привела ихъ къ избушкѣ. «Кумъ,—говоритъ она медвѣдю,—отворяй дверь, я напередъ пойду, пѣтуха съѣмъ». Медвѣдь отворилъ дверь, а лисица вскочила въ избушку. Быкъ увидалъ ее и тотчасъ прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ зачалъ осаживать по бокамъ,—изъ лисы и духъ вонь. «Что она тамъ долго съ пѣтухомъ не можетъ управиться?—говоритъ волкъ. Отпирай, братъ, Михайло Ивановичъ,—я пойду». — «Ну, ступай». Медвѣдь отворилъ дверь, а волкъ вскочилъ въ избушку. Быкъ и его прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ ну осаживать по бокамъ, и такъ его приняли, что волкъ и дышать пересталъ. Вотъ медвѣдь ждалъ-ждалъ: «Что онъ до сихъ поръ не можетъ управиться съ бараномъ,—дай я пойду». Вошелъ въ избушку, а быкъ да баранъ и его такъ же приняли,—насилу вонь вырвался и пустился бѣжать безъ оглядки.

Примѣчаніе. См. Рудченко, № 22.

31. Медвѣдь и пѣтухъ.

Быль у старика сынъ дуракъ. Просить дуракъ, чтобы отецъ его женилъ. «А если не женишь — всю печку разломаю!» — «Какъ я тебя женю? у насъ денегъ нѣту». — «Денегъ нѣту, да есть вошь, — продай его на бойню». Вошь услыхалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ опять пристаётъ къ отцу: «Жени меня, ни то всю печку разломаю!» Отецъ говоритъ: «Радъ бы женить, да денегъ нѣту». — «Денегъ нѣту, да есть баранъ, — продай его на бойню». Баранъ услыхалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ отъ отца не отходитъ: жени меня, да и только! «Я же тебѣ говорю, что денегъ нѣтъ». — «Денегъ нѣту, да есть пѣтухъ; заколи его, испеки пирогъ и продай». Пѣтухъ услыхалъ, въ лѣсъ улетѣлъ. Вошь, баранъ и пѣтухъ сошлись всѣ вмѣстѣ и выстроили себѣ въ лѣсу избушку. Медвѣдь узналъ про то, захотѣлъ ихъ съѣсть и пришелъ къ избушкѣ. Пѣтухъ увидалъ его и запрыгалъ по насѣсти; машетъ крыльями и кричитъ: «Куда-куда-куда! да подайте мнѣ его сюда: я ногами стопчу, топоромъ срублю; и ножишко здѣсь, и гужишко здѣсь, и зарѣжемъ здѣсь, и повѣсимъ здѣсь!» Медвѣдь испугался и пустился назадъ; бѣжалъ-бѣжалъ, отъ страху упалъ и умеръ. Дуракъ пошелъ въ лѣсъ, нашелъ медвѣдя, снялъ съ него шкуру и продалъ, а на эти деньги и женили дурака. Вошь, баранъ и пѣтухъ изъ лѣсу домой пришли.

32. Собака и дятель.

а. Жили мужикъ да баба и не знали, что есть за работа: а была у нихъ собака, она ихъ и кормила и поила. Но пришло время, стала собака стара, — куда ужъ тутъ кормить мужика съ бабой! — чуть сама съ голоду не пропадаетъ. «Послушай, старикъ, — говоритъ баба:—возьми ты эту собаку, отведи за деревню и прогони; пусть идетъ, куда хочетъ. Таперича она намъ не надобна! Было время — кормила насъ, ну, и держали ее». Взялъ старикъ собаку, вывелъ за деревню и прогналъ прочь. Вотъ собака ходитъ себѣ по чистому полю, а домой итти боится: старикъ со старухою стануть бить-колотить. Ходила-ходила, сѣла нѣземъ и завыла крѣпкимъ голосомъ. Летѣлъ мимо дятель и спрашиваетъ: «О чемъ ты воешь?» — «Какъ не выть мнѣ, дятель! Была я молода, кормила-поила старика со старухою; стала стара — они меня и прогнали. Не знаю, гдѣ вѣкъ доживать». — «Пойдемъ ко мнѣ, караулъ моихъ дѣтушекъ, а я кормить тебя стану». Собака согласилась и побѣжала за дятломъ. Дятель прилетѣлъ въ лѣсъ къ старому дубу, а въ дубѣ было душло, а въ душлѣ дятлово гнѣздо. «Сядись около дуба, — говоритъ дятель, — никого не пущай, а я полечу разыскивать корму». Собака усѣлась возлѣ дуба, а дятель полетѣлъ. Леталъ-леталъ и увидалъ: идутъ по дорогѣ бабы съ горшечками, несутъ мужьямъ въ поле обѣдать; пустился назадъ къ дубу, прилетѣлъ и говоритъ: «Ну, собака, ступай за мною; по дорогѣ бабы идутъ съ горшечками, несутъ мужьямъ въ поле обѣдать. Ты становись за кустомъ, а я окунусь въ воду да вываляюсь въ песку и стану передъ бабами по дорогѣ низко порхать, будто взлетѣть не могу. Онѣ начнутъ меня ловить, горшечки свои поставятъ нѣземъ, а сами за мною. Ну, ты поскорѣе къ горшечкамъ-то бросайся да наѣдайся досыта». Собака побѣжала за дятломъ и, какъ сказано, стала за кустомъ, а дятель вывалялся весь въ песку и началъ передъ бабами по дорогѣ перепархивать. «Смотри-ка, — говорятъ бабы, — дятель-то совсѣмъ мокрой, давайте его ловить!» Покинули нѣземъ свои горшки да за дятломъ, а онъ отъ нихъ дальше да дальше, отвелъ ихъ въ сторону, поднялся вверхъ и улетѣлъ. А собака межъ тѣмъ выбѣжала изъ-за куста и все, что было въ горшечкахъ, приѣла и ушла. Воротились бабы, глянули — а горшки катаются порожніе; дѣлать нечего, забрали горшки и пошли домой.

Дятель нагналъ собаку и спросилъ: «Ну, что, сыта?» — «Сыта», — отвѣчаетъ собака. «Пойдемъ же домой». Вотъ дятель летитъ, а собака бѣжитъ; попадается имъ на дорогѣ лиса. «Лови лису!» — говоритъ дятель. Собака бросилась за лисою, а лиса припустила изо всѣхъ силъ. Случись на ту пору ѣхать мужику съ бочкою детю. Вотъ лиса кинулась черезъ дорогу, прямо къ телѣгѣ и проскочила сквозь спицы колеса; собака было за нею, да завязла въ колесѣ, — тутъ изъ нея и духъ вонъ.

«Ну, мужикъ, — говорить дятель, — когда ты задавилъ мою собаку, то я причину тебѣ великое горе!» Сѣлъ на телѣгу и началъ долбить дыру въ бочкѣ, — стучить себѣ въ самое дно. Только отгонить его мужикъ отъ бочки, дятель бросится къ лошади, сядетъ промежду ушей и долбить ее въ голову. Сгонить мужикъ съ лошади, а онъ опять къ бочкѣ, — таки продолбилъ въ бочкѣ дыру и весь деготь выпустилъ. А самъ говоритъ: «Еще не то тебѣ будетъ!» и сталъ долбить у лошади голову. Мужикъ взялъ большое полѣно, сѣлъ за телѣгу, выждалъ время и какъ хватить изо всей силы; только въ дятла не попалъ, а со всего маху ударилъ лошадь по головѣ и ушибъ ее до смерти. Дятель полетѣлъ къ мужиковой избѣ, прилетѣлъ и — прямо въ окошко. Хозяйка тогда печь топила, а малый ребенокъ сидѣлъ на лавкѣ; дятель сѣлъ ему на голову и ну долбить. Баба прогоняла-прогоняла его, не можетъ прогнать: злой дятель все клюетъ. Вотъ она схватила палку, да какъ ударить; въ дятла-то не попала, а ребенка зашибла.

б. Мужикъ прогналъ со двора старую собаку; она придумала итти въ чистое поле и кормиться полевыми мышами. Пошла въ поле; увидѣлъ ее дятель и взялъ къ себѣ въ товарищи. «Я голодна», — говорить собака. «Пойдемъ въ деревню, — отвѣчаетъ дятель: — тамъ свадьбу справляютъ, будетъ чѣмъ поживиться». Птица влетѣла въ избу, гдѣ свадьбу справляли, и зачала бѣгать по столамъ, а гости стали кидать въ нее, кто чѣмъ попало, все перебили и подъ столъ перебросали; а собака въ такой суматохѣ незамѣтно пробралась въ эту же избу, затесалась подъ столъ, наѣлась, сколько душѣ угодно, и ушла. «Ну, что, сыта?» — спрашиваетъ дятель. — «Сыта-то сыта, да пить хочу!» — говорить собака. — «Ступай въ другую избу; тамъ старикъ вино цѣдитъ изъ бочки». Дятель влетѣлъ въ окошко, сѣлъ на бочку и ну долбить въ самое дно. Старикъ хотѣлъ ударить дятла, кинулъ въ него воронкой да не попалъ. Воронка куда-то закатилась; старикъ и туда и сюда — не можетъ найти, а изъ бочки вино себѣ льется наземь. Собака пробралась въ избу, напилась и назадъ. Сошлась съ дятломъ и говорить ему: «Я теперь и сыта и пьяна, хочу вдоволь насмѣяться!» — «Ладно», — отвѣчаетъ дятель. Вотъ увидали они, что работники хлѣбъ молотятъ. Дятель тотчасъ сѣлъ къ одному работнику на плечо и сталъ клевать его въ затылокъ; а другой парень схватилъ палку, хотѣлъ ударить птицу, да и свалилъ съ ногъ работника. А собака отъ смѣха такъ и катается по землѣ! Послѣ того дятель съ собакой пустились въ чистое поле и повстрѣчали лисицу. Дятель началъ манить лисицу: чуть-чуть подымется вверхъ и опять опустится внизъ; лиса ну гоняться за нимъ по полю, а собака подкралась сзади къ лисицѣ, подползла на брюхѣ, хватъ ее и начала грызть. На ту пору ѣхалъ въ городъ мужикъ съ возомъ — горшки продавать, увидѣлъ, что собака лису давитъ, прибѣжалъ къ нимъ съ полѣномъ, ударилъ со всего размаху, убилъ и ту и другую. Озлился дятель на старика, сѣлъ его лошади на голову и сталъ выклевать ей глаза. Му-

жикъ бѣжить съ полѣномъ, хочеть убить дятла; прибѣжалъ, какъ хватить — лошадь тутъ же и повалилась мертвая. А дятель увернулся, перелетѣлъ на возъ и пошелъ бѣгать по горшкамъ, а самъ такъ и бѣеть крыльями. Мужикъ за нимъ, и ну полѣномъ по возу-то, по возу-то. Перебилъ всѣ горшки и пошелъ домой ни съ чѣмъ, а дятель улетѣлъ въ лѣсъ.

Примѣчаніе. Точно такая же сказка встрѣчается и въ *Kinder- und Hausmärchen* братьевъ Гриммовъ (I, № 58, стр. 109): «Der Hund und der Sperling». Воробей, подобно дятлу нашей сказки, добываетъ собакъ мяса и хлѣба; собака легла на дорогѣ (въ одномъ вариантѣ: она напивается до-пьяна на свадьбѣ) и заснула. Извозникъ, который проѣзжалъ по дорогѣ съ двумя бочками вина, не захотѣлъ посторониться и раздавилъ собаку. Раздраженный воробей выпустилъ изъ бочекъ вино, понудилъ мужика, гоняся за нимъ съ киркою, убить своихъ лошадей, потомъ собралъ множество птицъ и вмѣстѣ съ ними опустошилъ его нивы; наконецъ воробей влетѣлъ въ избу извозника, который гоняся за нимъ, перебилъ окна, зеркала и посуду и переломалъ стѣлы и скамейки. Послѣ долгихъ хлопотъ хозяинъ поймалъ таки воробья. «Убить его!»—говоритъ хозяйка. «Нѣтъ, этого ему мало: я его живого проглочу!» Сказалъ и сдѣлалъ. «Der Sperling aber fängt an in seinem Leibe zu flattern, flattert wieder herauf, dem Mann in den Mund; da streckt er den Kopf heraus und ruft: Fuhrmann, es kostet dir doch dein Leben! Der Fuhrmann reicht seiner Frau die Hacke und spricht: Frau, schlag mir den Vogel im Munde todt». Жена ударила и попала мужу прямо по головѣ, такъ что онъ свалился мертвый, а воробей улетѣлъ. Окончаніе это весьма близко съ окончаніемъ нашей сказки (подъ литерою *a*), котораго, впрочемъ, мы не рѣшились напечатать.

33. Кочеть и курица.

Жили курычка съ кычаткомъ, и пошли ани въ лѣсъ пы¹⁾ арѣхи. Пришли къ арѣшни; кычатокъ залѣсъ ны²⁾ арѣшню рвать арѣхи, а курычку аставилъ ны зимѣ³⁾ подбирать арѣхи: кычатокъ кидантъ, а курычка подбираитъ. Вотъ кинулъ кычатокъ аришокъ и паналъ курычкѣ въ глазокъ и вышибъ глазокъ. Курычка пошла — плачить. Вотъ ѣдутъ баяри и спрашиваютъ: «Курычка, курычка! що⁴⁾ ты плачишь?» — «Мнѣ кычатокъ вышибъ глазокъ». — «Кычатокъ, кычатокъ, на що ты курычкѣ вышибъ глазокъ?» — «Мнѣ арѣшня партки рыздрала!» «Арѣшня, арѣшня, на що ты кычатку партки рыздрала?» — «Миня козы пыдгладали». — «Козы, козы, на що вы арѣшню пыдгладали?» — «Насъ пы(а)стухи ни бирягуть». — «Пыстухи, пыстухи, що вы козь не

1) По. 2) На. 3) На землѣ (на-земи). 4) Что.

биригѣтя?» — «Насъ хазяйка блинами ни кормить». — «Хазяйка, хазяйка, що ты пыстуховъ блинами не кормишь?» — «У миня свинья апарь ¹⁾ прылила». — «Свинья, свинья, на що ты у хазяйки апарь прылила?» — «У миня волкъ прасѣнчика унёсь». — «Волкъ, волкъ, на що ты у свиньѣ (и) прасѣнчика унесь». — «Я йисть зыхатѣль, мнѣ Богъ шывилѣль».

(Записана въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губ.).

34. Смерть пѣтушка.

Ходять курица съ пѣтухомъ на поповомъ гумнѣ. Подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ. Курочка сжалѣлась, пошла къ рѣчкѣ просить воды. Рѣчка говоритъ: Поди къ липкѣ, проси листа, тогда и дамъ воды!» — «Липка, липка, дай листу: листъ нести къ рѣчкѣ — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ, — ни спышнѣть ²⁾, ни сдышнѣть, ровно мертвый лежить!» Липка сказала: «Поди къ дѣвкѣ, проси нитки: въ тѣ порѣ дамъ листа!» — «Дѣвка, дѣвка, дай нитки: нитки нести къ липкѣ — липка дастъ листу; листъ нести къ рѣчкѣ — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ, — не спышнѣть, ни сдышнѣть, ровно мертвый лежить!» Дѣвка говоритъ: «Поди къ коровѣ, проси молока; въ тѣ порѣ дамъ нитки». Пришла курочка къ коровѣ: «Корова, корова, дай молока: молоко нести къ дѣвкѣ — дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ — липка дастъ листу, листъ нести къ рѣчкѣ — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ, — ни спышнѣть, ни сдышнѣть, ровно мертвый лежить!» Корова говоритъ: «Поди, курочка, къ сѣнокосамъ ³⁾, попроси у нихъ сѣна; въ тѣ порѣ дамъ молока». Пришла курочка къ сѣнокосамъ: «Сѣнокосы, сѣнокосы, дайте сѣна: сѣно нести къ коровѣ — корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ — дѣвка дастъ нитки; нитки нести къ липкѣ — липка дастъ листу; листъ нести къ рѣчкѣ — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ, — ни спышнѣть, ни сдышнѣть, ровно мертвый лежить!» Сѣнокосы говорятъ: «Поди, курочка, къ кузнецамъ, чтобы сковали косу». Пришла курочка къ кузнецамъ: «Кузнецы, кузнецы, скуйте мнѣ косу: косу нести къ сѣнокосамъ — сѣнокосы дадутъ сѣна; сѣно нести къ коровѣ — корова дастъ молока; молоко нести къ дѣвкѣ — дѣвка дастъ нитки; нитки нести къ липкѣ — липка дастъ листу; листъ нести къ рѣчкѣ — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ, — ни спышнѣть, ни сдышнѣть, ровно

1) Опару. 2) Пышнѣть — дышать. 3) Т.-е. косцамъ.

мертвый лежить!» Кузнецы сказали: «Иди, курочка, къ лаянамъ ¹⁾, проси у нихъ уголья: въ тѣ порѣ скуемъ тебѣ косу». Пришла курочка къ лаянамъ: «Лаяна, лаяна, дайте уголья: уголья нести къ кузнецамъ — кузнецы скуютъ косу; косу нести къ сѣнокосамъ — сѣнокосы дадутъ сѣна; сѣно нести къ коровѣ — корова дастъ молока; молоко нести къ дѣвкѣ — дѣвка дастъ нитки; нитки нести къ липкѣ — липка дастъ листу; листъ нести къ рѣчкѣ, — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ, — ни спышнѣть, ни сдышнѣть, ровно мертвый лежить!»

Дали Лаяна уголья; снесла курочка уголья къ кузнецамъ — кузнецы сковали косу; снесла косу къ сѣнокосамъ — сѣнокосы накопили сѣна; снесла сѣно къ коровѣ — корова дала молока; снесла молоко къ дѣвкѣ — дѣвка дала нитки; снесла нитки къ липкѣ — липка дала листу; снесла листъ къ рѣчкѣ — рѣчка дала воды; снесла воды къ пѣтушку; онъ лежитъ, ни спышнѣть, ни сдышнѣть: подавился на поповомъ гумнѣ бобовымъ зѣрняткомъ!

(Записана въ Архангельскомъ уѣздѣ А. Харитоновымъ).

Примѣчаніе. Подобныя же сказки смотри въ Staročéske powěsti, zrewy, hry, obyčej, slawnosti a napřewy, собр. W. Sumlork, I, стр. 339 — 343: въ Norwegische Volksmärchen I, № 16 и въ Kinder- und Hausmärchen, братьевъ Гриммовъ (I, № 80: «Von dem Tode des Hühnchens», III, 129 — 9). Нѣмецкая сказка любопытна по подробностямъ, съ какими переданъ разсказъ о погребеніи курочки, подавившейся орѣхомъ. Въ погребальномъ шествіи принимаютъ участіе всѣ лѣсные звѣри.

35. К у р о ч к а.

а. Жиль-быль старикъ со старушкою; у нихъ была курочка-татарушка, снесла яичко въ кутѣ подѣ окошкомъ: пестро, остро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостикомъ тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старикъ плачетъ, старуха возрыдаетъ, въ печи пылаетъ, верхъ на избѣ шатается, дѣвочка-внучка съ горя удавилась ²⁾. Идетъ просвирня, спрашиваетъ, что они такъ плачутъ. Старики начали пересказывать: «Какъ намъ не плакать? Есть у насъ курочка-татарушка, снесла яичко въ кутѣ подѣ окошкомъ; пестро, остро,

¹⁾ Лаяна — жители деревни Лая, которая стоитъ при рѣчкѣ того же имени (Лая), впадающей въ Сѣверную Двину. Они занимаются приготовленіемъ угля для портовыхъ кузницъ. ²⁾ *Вариантъ:* Жиль себѣ дѣдъ да баба, у нихъ была курочка ряба; снесла подѣ поломъ яичко. Дѣдъ билъ — не разбилъ, баба била — не разбила, а мышка прибѣгла да хвостикомъ раздавила. Дѣдъ плачетъ, баба плачетъ, курочка кодкудачетъ, ворота скрипятъ, со двора щепки летятъ!.. (Записано въ Бобровскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи).

костяно, мудрено! положили на полочку; мышка шла, хвостикомъ тряхнула, полочка упала, яичко разбилось! Я, старикъ, плачу, старуха възрыдаеть, въ печи пылаеть, верхъ на избѣ шатаеться, дѣвочка-внучка съ горя удавилась». Просвирия какъ услыхала — всѣ просвиры изломала и побросала. Подходить дьячокъ и спрашиваетъ у просвири, зачѣмъ она просвиры побросала. Она пересказала ему все горе; дьячокъ побѣжалъ на колокольню и перебилъ всѣ колокола. Идетъ попь, спрашиваетъ у дьячка: «Зачѣмъ колокола перебилъ?» Дьячокъ пересказалъ все горе попу, а попь побѣжалъ, всѣ книги изорвалъ.

в. Какъ у нашей бабушки въ задворенкѣ

Была курочка-рябушечка;
 Посадила курочка яичушко,
 Съ полки на полку,
 Въ осиновое дупѣлко ¹⁾,
 Въ куть подь лавку.
 Мышка бѣжала,
 Хвостомъ вернула —
 Яичко приломала!
 Объ этомъ яичкѣ строй ²⁾ сталъ плакать,
 Баба рыдать, верей хохотать,
 Курицы летать, ворота скрыпѣть;
 Соръ подь порогомъ закурился,
 Двери побутусились ³⁾, тынь разсыпался;
 Поповы дочери шли съ водою,
 Ушатъ приломали,
 Попадѣ сказали:
 «Ничего ты не знаешь, матушка!
 Вѣдь у бабушки въ задворенкѣ
 Была курочка-рябушечка;
 Посадила курочка яичушко,
 Съ полки на полку,
 Въ осиновое дупѣлко,
 Въ куть подь лавку.
 Мышка бѣжала,
 Хвостомъ вернула —
 Яичко приломала!
 Объ этомъ яичкѣ строй сталъ плакать,
 Баба рыдать, верей хохотать,
 Курицы летать, ворота скрыпѣть;
 Соръ подь порогомъ закурился,
 Двери побутусились, тынь разсыпался;

¹⁾ Кадочка, выдолбленная изъ цѣльнаго дерева, изъ пня. ²⁾ Нищій, калѣка. ³⁾ Покривились.

Мы шли съ водою — ушатъ приломали!»
 Попадья квашню мѣсила —
 Все тѣсто по полу разметала;
 Пошла въ церковь, попу сказала:
 «Ничего ты не знаешь!
 Вѣдь у бабушки въ задворенкѣ
 Была курочка-рябушечка...
 (Снова повторяется тотъ же рассказъ).
 тынъ разсыпался;
 Наши дочери шли съ водой —
 Ушатъ приломали, мнѣ сказали;
 Я тѣсто мѣсила —
 Все тѣсто разметала!»
 Попъ сталь книгу рвать —
 Всю по полу разметаль!

(Послѣдняя записана въ Архангельской губ., А Харитоновымъ).

36. Журавль и цапля.

Летала сова — веселая голова; вотъ она летала-летала и сѣла, да хвостикомъ повертѣла, да по сторонамъ посмотрѣла и опять полетѣла; летала-летала и сѣла, хвостикомъ повертѣла, да по сторонамъ посмотрѣла... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болотѣ журавль да цапля, построили себѣ по концамъ избушки. Журавлю показалось скучно жить одному и задумалъ онъ жениться. «Дай пойду, посватаюсь на цаплѣ!» Пошелъ журавль — тянь, тянь! — семь верстъ болото мѣсилъ; приходитъ и говорить: «Дома ли цапля?» — «Дома». — «Выдь за меня замужъ». — «Нѣтъ, журавль, неиду за тя замужъ; у тебя ноги долги, платье коротко, самъ худо летаешь и кормить-то меня тебѣ нечѣмъ! Ступай прочь, долговззой!» Журавль, какъ не солоно похлебаль, ушелъ домой. Цапля послѣ раздумалась и сказала: «чѣмъ жить одной, лучше пойду замужъ за журавля»¹⁾. Приходитъ къ журавлю и говорить: «Журавль, возьми меня замужъ!» — «Нѣтъ, цапля, мнѣ тебя не надо! не хочу жениться, не беру тебя замужъ, убирайся!» Цапля заплакала со стыда и воротилась назадъ. Журавль раздумался и сказалъ: «Напрасно не взялъ за себя цаплю; вить одному-то скучно, пойду теперь и возьму ее замужъ». Приходитъ

¹⁾ *Вариантъ*: Повадился журавль къ цаплѣ въ гости ходить. Прибѣжалъ разъ; долбитъ носомъ въ ворота, а цапля спрашиваетъ: «Кто тутъ у воротъ?» Журавль отвѣчаетъ: Я, цапленка, пришелъ тебя сватать». — «О, долгоногой жульдеба, не пойду я за тебя». Пошелъ журавль домой; а цапля стосковалася и думаетъ: «Что я не пошла за такого молодца!» Думала-думала, пошла его искать.

и говорить: «Цапля, я вздумалъ на тебѣ жениться; поди за меня». — «Нѣтъ журавль, нейду за тя замужь!» Пошелъ журавль домой. Тутъ цапля раздумалась: зачѣмъ отказала? что одной-то жить? лучше за журавля пойду! Приходитъ свататься, а журавль не хочетъ. Вотъ такъ-то и ходятъ они по сю пору одинъ на другомъ свататься, да никакъ не женятся.

(Записана въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.).

37. Ворона и ракъ ¹⁾.

Летѣла ворона по-надъ моремъ, смотреть — ракъ лѣзеть, — халь его — и понесла въ лѣсъ, чтобы усѣвшись гдѣ-нибудь на вѣткѣ, хорошенько закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говорить воронѣ: «Эй, воронѣ, воронѣ! знавь я твогò батька и твою матирь — славно люде були!» — «Угу!» — отвѣтила ворона, не раскрывая рта. «И бративъ и сестеръ твоихъ знавь: що за добри люде!» — «Угу!» — «Та вже хочъ вони и гарни люде, а тоби не ривня. Мини здається, що-й на свити нема розумнѣшого видъ тебе». — «Эге!» — крикнула ворона во весь ротъ и упустила рака въ море.

38. Орель и ворона.

Жила-была на Руси ворона съ няньками, съ мамками, съ малыми дѣтками, съ ближними сосѣдками. Прилетѣли гуси-лебеди, нанесли яичекъ; а ворона стала ихъ забижать, стала у нихъ яички таскать. Случилось летѣть мимо сычу; видитъ онъ, что ворона большихъ птицъ забижаетъ, и полетѣлъ къ сизому орлу. Прилетѣлъ и просить: «Батюшка сизой орель, дай намъ праведный судъ на шельму-ворону». Сизой орель послалъ за вороной легкаго посла-воробья. Воробей тотчасъ полетѣлъ, захватилъ ворону, она было упираться, — воробей давай ее пинками и привелъ-таки къ сизому орлу. Орель сталъ судить. «Ахъ, ты шельма-ворона, шалавая ²⁾ голова, непотребной носъ, г..... хвостъ, про тебя говорятъ, что ты на чужое добро ротъ разѣваешь, у большихъ птицъ яички таскаешь». — «Напралина, батюшка сизой орель, напралина». — «Про тебя же сказываютъ: выйдеть мужичокъ сѣять, а ты выскочишь со всѣмъ своимъ содомомъ — и ну разгребать». — «Напралина, батюшка, сизой орель, напралина!» — «Да еще сказываютъ: стануть бабы жать, нажнуть и покладуть снопы на полѣ, а ты выскочишь со всѣмъ содомомъ — и опять-таки ну разгребать да ворошить». — «Напралина, батюшка сизой орель, напралина!» Осудили ворону въ острогъ посадить.

¹⁾ См. «Основа» 1861, X, 20. ²⁾ Глупая.

39. Золотая рыбка.

На морѣ на окіяніѣ, на островѣ на Буяніѣ стояла небольшая ветхая избушка; въ той избушкѣ жили старикъ да старуха. Жили они въ великой бѣдности; старикъ сдѣлалъ себѣ сѣть и сталъ ходить на море да ловить рыбу; тѣмъ только и добывалъ себѣ дневное пропитаніе. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть, началъ тянуть, и показалось ему такъ тяжело, какъ доселева никогда не бывало: еле-еле вытянуть. Смотритъ — а сѣть пуста: всего-на-всего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая — золотая. Взмолилась ему рыбка человѣчьимъ голосомъ: «Не бери меня, старичокъ, пусти лучше въ синѣ море; я тебѣ сама пригожусь: что пожелаешь, то и сдѣлаю». Старикъ подумалъ-подумалъ и говорить: «Мнѣ ничего отъ тебя не надобно: ступай-гуляй въ морѣ!» Бросилъ золотую рыбку на воду и воротился домой. Спрашиваетъ старуха: «Много ли поймалъ, старикъ?» — «Да всего-на-всего одну золотую рыбку — и ту бросилъ въ море; крѣпко она взмолилась: отпусти, говорила, въ синѣ море, я тебѣ у (въ) пригоду стану: что пожелаешь, все сдѣлаю! Пожалѣлъ я рыбку, не взялъ съ нея выкупъ, даромъ на волю пустил. — «Ахъ ты, старой чортъ! Попалось тебѣ въ руки большое счастье, а ты и владать не сумѣлъ». Озлилась старуха, ругаетъ старика съ утра до вечера, не даетъ ему покоя: «Хоть бы хлѣба у ней выпросилъ! Вѣдь скоро сухой корки не будетъ, — что жрать-то станешь?» Не выдержалъ старикъ, пошелъ къ золотой рыбкѣ за хлѣбомъ; пришелъ на море и крикнулъ громкимъ голосомъ: «Рыбка, рыбка, стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Рыбка приплыла къ берегу: «Что тебѣ, старикъ, надо?» — «Старуха осерчала, за хлѣбомъ прислала». — «Ступай домой: будетъ у васъ хлѣба вдоволь». Воротился старикъ: «Ну, что, старуха, есть хлѣбъ?» — «Хлѣба-то вдоволь, да вотъ бѣда: корыто раскололось, не въ чемъ бѣлье мыть; ступай къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новое дала». Пошелъ старикъ на море: «Рыбка, рыбка, стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебѣ надо, старикъ?» — «Старуха прислала, новое корыто просить». — «Хорошо, будетъ у васъ и корыто». Воротился старикъ, только въ дверь, а старуха опять на него накинулась: «Ступай, — говорить, — къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новую избу построила: въ нашей жить нельзя, того и смотри, что развалится!» Пошелъ старикъ на море: «Рыбка, рыбка, стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Рыбка приплыла, стала къ нему головой, въ море хвостомъ и спрашиваетъ: «Что тебѣ, старикъ, надо?» — «Построй намъ новую избу; старуха ругается, не даетъ мнѣ покою; не хочу, говорить, жить въ старой избушкѣ: она, того и смотри, вся развалится.» — «Не тужи, старикъ, ступай домой да молись Богу: все будетъ сдѣлано.» Воротился старикъ — на его дворѣ стоитъ изба новая, дубовая, съ вырѣзанными узорами. Выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу старуха, пуще прежняго

сердится, пуще прежняго ругается: «Ахъ, ты, старой песь, не умѣешь ты счастьемъ пользоваться. Выпросилъ избу и, чай, думаешь — дѣло сдѣлалъ! Нѣтъ, ступай-ка опять къ золотой рыбкѣ да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтобъ меня добрые люди слушались, при встрѣчахъ въ поясъ кланялись». Пошелъ старикъ на море, говорить громкимъ голосомъ: «Рыбка, рыбка, стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Приплыла рыбка, стала въ море хвостомъ, къ нему головой: «Что тебѣ, старикъ, надо?» Отвѣчаетъ старикъ: «Не даетъ мнѣ старуха покою, совсѣмъ вздурилась: не хочетъ быть крестьянкою, хочетъ быть воеводихой». — «Хорошо, не тужи, ступай домой да молись Богу: все будетъ сдѣлано». Воротился старикъ, а вмѣсто избы каменной домъ стоитъ, въ три этажа выстроены; по двору прислуга бѣгаетъ, на кухнѣ повара стучать, а старуха въ дорогомъ парчевомъ платьѣ на высокихъ креслахъ сидитъ да приказываетъ. «Здравствуй, жена!» — говоритъ старикъ. «Ахъ, ты, невѣжа эдакой, какъ смѣлъ обозвать меня, воеводиху, своею женою? Эй, люди, взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетями какъ можно больнѣе». Тотчасъ прибѣжала прислуга, схватила старика за шиворотъ и потащила въ конюшню; начали конюхи угрожать его плетями, да такъ угостили, что еле на ноги поднялся. Послѣ того старуха поставила старика дворникомъ; велѣла дать ему метлу, чтобъ дворъ убиралъ, а кормить и поить его на кухнѣ. Плохое житье старику; цѣлой день дворъ убирай, а чуть гдѣ нечисто — сейчасъ на конюшню! «Экая вѣдьма! — думаетъ старикъ: далось ей счастье, а она какъ свинья зарылась: ужъ и за мужа меня не считаетъ!» Ни много ни мало прошло времени; придокучило старухѣ быть воеводихой, потребовала къ себѣ старика и приказываетъ: «Ступай, старой чортъ, къ золотой рыбкѣ, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицей». Пошелъ старикъ на море: «Рыбка, рыбка, стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебѣ, старикъ, надо?» — «Да что! вздурилась моя старуха пуще прежняго: не хочетъ быть воеводихой, хочетъ быть царицею». — «Не тужи, ступай домой да молись Богу: все будетъ сдѣлано». Воротился старикъ, а вмѣсто прежняго дома — высокой дворецъ стоитъ, подъ золотую крышею; кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ; позади большой садъ раскинулся, а передъ самымъ дворцомъ — зеленой лугъ; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ генералами да съ боярами и начала дѣлать тѣмъ войскамъ смотръ и разводъ: барабаны бьютъ, музыка гремитъ, солдаты «ура» кричатъ! Ни много ни мало прошло времени, придокучило старухѣ быть царицею, велѣла разыскать старика и представить предъ свои очи свѣтлыя. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бѣгаютъ: «Какой такой старикъ?» Насилу нашли его на заднемъ дворѣ, повели къ царицѣ. «Слушай, старой чортъ, — говоритъ ему старуха: ступай къ золотой рыбкѣ да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицею, чтобы всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались».

Старикъ было отнѣкиваться, — куда тебѣ! коли не пойдешь — голова долой! Скрѣпя сердце, пошелъ старикъ на море, пришелъ и говорить: «Рыбка, рыбка, стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Золотой рыбки нѣтъ какъ нѣтъ. Зоветь старикъ въ другой разъ — опять нѣту! Зоветь въ третій разъ — вдругъ море зашумѣло, взволновалось; то было свѣтлое, чистое, а тутъ совсѣмъ почернѣло. Приплываетъ рыбка къ берегу. «Что тебѣ, старикъ, надо?» — «Старуха еще пуще вздурилася: ужъ не хочетъ быть царицею, хочетъ быть морскою владычицей, надъ всѣми водами властвовать, надъ всѣми рыбами повелѣвать». Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла въ глубину моря. Старикъ воротился назадъ, смотритъ и глазамъ не вѣритъ: дворца какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ небольшая ветхая избушка, а въ избушкѣ сидитъ старуха въ изодранномъ сарафанѣ. Начали они жить попрежнему: старикъ опять принялся за рыбную ловлю; только какъ часто ни закидывалъ сѣтей въ море — не удалось больше поймать золотой рыбки.

40. Жадная старуха.

Жилъ старикъ со старухою; пошелъ въ лѣсъ дрова рубить. Сыскалъ старое дерево, поднялъ топоръ и сталъ рубить. Говоритъ ему дерево: «Не руби меня, мужичокъ! Что тебѣ надо, все сдѣлаю». — «Ну, сдѣлай, чтобы я богатъ былъ». — «Ладно; ступай домой, — всего у тебя вдоволь будетъ». Воротился старикъ домой — изба новая, словно чаша полная, денегъ куры не клюютъ, хлѣба на десятки лѣтъ хватить, а что коровъ, лошадей, овецъ — въ три дня не сосчитать! «Ахъ, старикъ, откуда все это?» — спрашиваетъ старуха. «Да вотъ, жена, я такое дерево нашель — что ни пожелаю, то и сдѣлаеть». Пожили съ мѣсяць: пріѣлось старухѣ богатое житье, говоритъ старику: «Хоть живемъ мы богато, да что въ этомъ толку, коли насъ люди не почитаютъ! Захочетъ бурмистръ — и тебя и меня на работу погонитъ; а придерется, такъ и палками накажетъ. Ступай къ дереву, проси, чтобы ты бурмистромъ былъ». Взялъ старикъ топоръ, пошелъ къ дереву и хочетъ подъ самый корень рубить. «Что тебѣ надо?» — спрашиваетъ дерево. «Сдѣлай, чтобы я бурмистромъ былъ». «Хорошо, ступай съ Богомъ!» Воротился домой, а его ужъ давно солдаты дожидаютъ: «Гдѣ ты, — закричали, — старой чортъ, шатаешься? Отводи скорѣй намъ квартиру, да чтобъ хорошая была. Ну-ну! поворачивайся!» А сами тесаками его по горбу да по горбу. Видитъ старуха, что и бурмистру не всегда честь, и говоритъ — старику: «Что за корысть быть бурмистровой женой! Вотъ тебя солдаты прибили, а ужъ о баринѣ и говорить нечего: что захочетъ, то и сдѣлаеть. Ступай-ка ты къ дереву да проси, чтобъ сдѣлало тебя бариномъ, а меня барыней». Взялъ старикъ топоръ, пошелъ къ дереву, хочетъ опять рубить; дерево спрашиваетъ: «Что тебѣ надо, старичокъ?» —

«Сдѣлай меня бариномъ, а старуху барыней». — «Хорошо, ступай съ Богомъ!» Пожила старуха въ барствѣ, захотѣлось ей большаго, говорить старику: «Что за корысть, что я барыня! Вотъ кабы ты былъ полковникомъ, а я полковницей — иное дѣло; все бы намъ завидовали». Погнала старика снова къ дереву; взявъ онъ топоръ, пришелъ и собирается рубить. Спрашиваетъ его дерево: «Что тебѣ надобно?» — «Сдѣлай меня полковникомъ, а старуху полковницей». — «Хорошо, ступай съ Богомъ!» Воротился старикъ домой, а его полковникомъ пожаловали. Прошло нѣсколько времени, говоритъ ему старуха: «Велико ли дѣло полковникъ! Генераль захочетъ — подь арестъ посадить. Ступай къ дереву, проси, чтобы сдѣлало тебя генераломъ, а меня генеральшею». Пошелъ старикъ къ дереву, хочетъ топоромъ рубить. «Что тебѣ надобно?» — спрашиваетъ дерево. «Сдѣлай меня генераломъ, а старуху генеральшею». «Хорошо, иди съ Богомъ!» Воротился старикъ домой, а его въ генералы произвели. Опять прошло нѣсколько времени; наскучило старухѣ быть генеральшею, говоритъ она старику: «Велико ли дѣло генераль! Государь захочетъ — въ Сибирь сошлетъ. Ступай къ дереву, проси, чтобы сдѣлало тебя царемъ, а меня царицею». Пришелъ старикъ къ дереву, хочетъ топоромъ рубить. «Что тебѣ надобно?» — спрашиваетъ дерево. «Сдѣлай меня царемъ, а старуху царицею». — «Хорошо, иди съ Богомъ!» Воротился старикъ домой, а за нимъ ужъ послы пріѣхали: «Государь-де померъ, тебя на его мѣсто выбрали». Не много пришлось старику со старухой нацарствовать: показалось старухѣ мало быть царицею, позвала старика и говоритъ ему: «Велико ли дѣло царь! Богъ захочетъ — смерть наплетъ, и запрячутъ тебя въ сырую землю. Ступай-ка ты къ дереву да проси, чтобы сдѣлало насъ богами». Пошелъ старикъ къ дереву. Какъ услышало оно эти безумныя рѣчи, зашумѣло листьями и въ отвѣтъ старику молвило: «Будь же ты медвѣдемъ, а твоя жена медвѣдицей!»¹⁾ Въ ту же минуту старикъ обратился медвѣдемъ, а старуха медвѣдицей — и побѣжали въ лѣсъ²⁾.

Примѣчаніе. Сказка о «Золотой рыбкѣ» извѣстна всему читающему русскому люду, благодаря стихотворной передѣлкѣ Пушкина. Ту же роль, какую играетъ здѣсь золотая рыбка, въ другихъ

¹⁾ *Вариантъ 1-й:* «Будь же ты, старикъ, пѣсь, а твоя жена — сука!»

²⁾ *Вариантъ 2-й:* «Ступай-ка ты къ птичкѣ-невеличкѣ да проси, чтобы насъ святыми сдѣлала». Старикъ пошелъ въ лѣсъ, просить птичку-невеличку сдѣлать ихъ святыми. «Хорошо!» сказала птичка. Старикъ воротился домой — нѣтъ ни дворца, ни денегъ, ни запасовъ; стоитъ старая избушка, на бокъ покосилась, а въ избушкѣ старуха въ презнемъ дырявомъ сарафанѣ сидитъ. «Какъ быть? Чѣмъ кормиться?» Говоритъ старуха: «Ну, старикъ, поиди къ птичкѣ, попроси хлѣба да денегъ, — не умирать же намъ съ голоду!» Пошелъ старикъ. «Матушка, птичка-невеличка! Дай намъ хлѣба и денегъ, вѣдь намъ ѣсть нечего». Отвѣчаетъ ему птичка: «А развѣ святыя ѣдятъ? А развѣ святымъ нужны деньги?..» Сказала — и улетѣла...

вариантахъ исполняютъ: лиса, птичка-невеличка и дерево, что, конечно, не чуждо связи съ древними мифическими представленіями, олицетворявшими въ себѣ естественныя силы природы. Еще одинъ списокъ этой сказки см. у Худяк. I, № 37.

41. Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ.

а. Ершишко-кропачишко ¹⁾, ершишко-пагубнишко, склался на дровнишки ²⁾ со своимъ маленькимъ ребятишкамъ ³⁾; пошелъ онъ въ Камь-рѣку, изъ Камь-рѣки въ Трось-рѣку, изъ Трось-рѣки въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Ростовское озеро — и въ этомъ озерѣ выпросился остаться одну ночку, отъ одной ночки — двѣ ночки, отъ двухъ ночекъ — двѣ недѣли, отъ двухъ недѣль — два мѣсяца, отъ двухъ мѣсяцевъ — два года, а отъ двухъ годовъ жилъ тридцать лѣтъ. Сталъ онъ по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу подѣбал(о?) подкальвать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во единъ кругъ и стали выбирать себѣ судью праведную(аго), рыбу-сомъ съ большимъ усомъ. «Будь ты,—говорять,—нашимъ судьей». Сомъ послалъ за ершомъ, добрымъ человѣкомъ, и говорить: «Ершъ, добрый человѣкъ, почему ты нашимъ озеромъ завладѣлъ?»—«Потому,—говорить,—я вашимъ озеромъ завладѣлъ, что ваше озеро Ростовское горѣло съ низу до верху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно съ низу и до верху и запусѣло». — «Не во вѣкъ,—говорить рыба-сомъ,—наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя въ томъ свидѣтели, московскія крѣпости, письменныя грамоты?»—«Есть у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: сорѣга-рыба ⁴⁾ на пожарѣ была, глаза запалила — и понынче у нея красны». И посылаетъ сомъ-рыба за сорѣгой-рыбой. Стрѣлецъ-боець, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей ⁵⁾, туды же понятыхъ, зовуть сорѣгу-рыбу. «Сорѣга-рыба, зоветь тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество» ⁶⁾. Сорѣга-рыба не дошедчи рыбы сомъ, кланялась. И говорить ей сомъ. «Здравствуй, сорѣга-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?»—«Не во вѣкъ-то,—говорить сорѣга-рыба,—не гарывало наше озеро!» Говорить сомъ-рыба. «Слышишь, ершъ, добрый человѣкъ, сорѣга-рыба въ глазахъ обвинила». А сорѣга тутъ же примолвила: «Кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, на Бога уповаеть. «Есть же у меня,—говорить,—въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: окунь рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ — и понынче у него крылья красны.

¹⁾ Кропотливый, безпокойный. ²⁾ Санки. ³⁾ Творительный падежъ множественнаго числа. ⁴⁾ Плотица. ⁵⁾ Моль — мелкая рыба разнаго рода, снитки несущены. ⁶⁾ Въ рукоп. прибавлено: «предъ ершово высочество».

Стрѣлецъ-боець, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды же понятыхъ (это государскіе посыльщики), приходятъ и говорятъ: «Окунь-рыба, зоветь тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество». И приходитъ окунь-рыба. Говорить ему сомъ-рыба: «Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» «Не во вѣкъ-то,—говорить,—наше озеро не гарывало! Кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; говоритъ сомъ-рыбѣ: «Есть же у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: щука-рыба, вдова честная, при томъ не мотыга, скажетъ истинную правду. Она на пожарѣ была, головешки носила — и понынче черна». Стрѣлецъ-боець, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды же понятыхъ (это государскіе посыльщики), приходятъ и говорятъ: «Щука-рыба, зоветь рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество». Щука-рыба, не дошедчи рыбы-сомъ, кланялась. «Здравствуй, ваше величество!» — «Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, при томъ же ты и не мотыга!—говорить сомъ. Гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» Щука-рыба отвѣчаетъ: «Не во вѣкъ-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, а на Бога уповаетъ. «Есть же—говорить,—у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: налимъ-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ — и понынче онъ черенъ». Стрѣлецъ-боець, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды же понятыхъ (это государскіе посыльщики), приходятъ къ налиму-рыбѣ и говорятъ: «Налимъ-рыба, зоветь тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество». — Ахъ, братцы, нате вамъ гривну на труды и на волокыту: у меня губы толсты, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, предъ судьямъ не стаявалъ, говорить не умѣю, кланяться право не могу». Эти государскіе посыльщики пошли домой; тутъ поймали ерша и посадили его въ петлю. По ершовымъ-то молитвамъ Богъ далъ дождь да слякоть. Ершъ изъ петли-то да и выскочилъ: пошелъ онъ въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Трось-рѣку, изъ Трось-рѣки въ Камь-рѣку. Въ Камь-рѣкѣ идутъ щука да осетръ. «Куда васъ чортъ понесъ?»—говорить имъ ершъ. Услыхали рыбаки ершовъ голосъ тонкой и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришелъ Бродька — бросилъ ерша въ лодку, пришелъ Петрушка — бросилъ ерша въ плетушку. «Наварю,—говорить,—ухи да и скушаю.» Тутъ и смерть ершова!

в. Жилъ-былъ ершишка въ барскомъ домишкѣ — брюханишка ¹⁾, ябедничшка! Прискудалось ²⁾ ершу, прибѣднялось ему; поѣхалъ ершишка въ Ростовское озеро на худенькихъ санишкахъ объ трехъ копи(н)лишкахъ. Закричалъ ершишко своимъ громкимъ голосишкомъ:

¹⁾ Обѣдало; брюханить — много ѣсть. ²⁾ Скудаться — скушиться, представляться бѣднымъ.

«Рыба севрюга, калуга, язи, головли, послѣдняя рыба плотичка-сиротичка! Пустите меня, ерша, въ озеро погулять. Мнѣ у васъ не годъ годовать, а хотя одинъ часъ пошпировать, хлѣба-соли покушать; да рѣчей послушать». Согласилась вся рыба: севрюга, калуга, всѣ язи, головли, маленькая рыба плотичка-сиротичка пустить ерша въ озеро на одинъ часъ погулять. Ершь прогулялъ одинъ часъ и сталъ всю рыбу обижать, къ тинѣ-плотинѣ прижимать. Живой рыбѣ въ обиду то показалось, пошла на ерша просить къ Петру-осетру ¹⁾ праведному: «Петръ-осетръ праведный, на что насъ ершь обижаетъ? Выпросился онъ на одинъ часъ въ наше озеро побывать да всѣхъ насъ съ озера и сталъ выгонять. Разбери и разсуди, Петръ-осетръ праведный, вѣрою и правдою». Петръ-осетръ праведный послалъ малую рыбу-пискаря искать ерша. Пискарь искалъ ерша въ озерѣ, да не могъ сыскать. Петръ-осетръ праведный послалъ среднюю рыбу-щуку искать ерша. Щука въ озеро нырнула, хвостомъ плеснула, ерша въ коргахъ ²⁾ нашла. «Здоровъ, ершишка!» — «Здравствуй, щучишка! Зачѣмъ ты пришла?» — «Къ Петру-осетру праведному звать на честь, не посадить ли тебя на цѣпь; на тебя есть просители». — «Кто же тамъ просить?» — «Вся рыба: севрюга, калуга, всѣ язи, головли и послѣдняя рыба плотичка-сиротичка — и та на тебя просить, да еще сомъ, мужикъ простой, губы толстыя, и говорить не умѣетъ — и тотъ на тебя челобитную подаль: пойдѣмъ-ка, ершь, раздѣлаемся, что на судѣ по правдѣ скажутъ?» — «Нѣтъ, щучишка! Не лучше ли дѣло такъ будетъ; пойдѣмъ со мною, погуляемъ». Щука не соглашается съ ершомъ гулять, а хочетъ ерша на судъ праведный тащить, какъ бы поскорѣй его осудить. «Ну, щука, хоть ты съ рыла и востра, да не возьмешь ерша съ хвоста! А вотъ нынче суббота, у моего отца дѣвишникъ — ширь да веселье; пойдѣмъ лучше пошьемъ, погуляемъ вечерокъ, а завтра, хоть и воскресенье, пойдѣмъ — такъ и быть — на судъ праведный; по крайней мѣрѣ, не голодные будемъ». Щука согласилась и пошла съ ершомъ гулять; ершь напоилъ ее пьяною, за пелѣду ³⁾ засадилъ, дверью затворилъ и кольемъ заколотилъ. Долго ждали на судъ щуку и не дождались. Петръ-осетръ праведный послалъ за ершомъ большую рыбу-сомъ. Сомъ въ озеро нырнулъ, хвостомъ плеснулъ, ерша въ коргахъ нашель. «Здравствуй, зятюшка!» — «Здоровъ, тестюшка!» — «Пойдѣмъ, ершь, на судъ праведный; на тебя есть просители!» — «Кто же просить?» — «Вся рыба: севрюга, калуга, всѣ язи, головли и маленькая рыба плотичка-сиротичка!» Ершь-то сому зять; сумѣлъ его сомъ въ руки взять и самолично привелъ на судъ праведный. «Петръ-осетръ праведный, зачѣмъ меня требовалъ наскоро?» — спросилъ ершь. «Какъ тебя было не требо-

¹⁾ Въ рукописи вездѣ: Петръ-сѣтръ. ²⁾ Корга — гряда камней въ водѣ; корга — камень или пень, лежащій на днѣ рѣки; плотное песчаное или каменистое дно озеръ и рѣкъ. ³⁾ Пелѣда — передній навѣсъ крыши между двумя избами; покрывка на скирдахъ. Пелѣдъ — мѣсто подлѣ самаго овина, которое покрывается соломою.

вать? Ты въ Ростовское озеро выпросился одинъ часъ погулять, а потомъ всѣхъ съ озера и сталъ выживать. Живой рыбѣ то за досаду показалось; вотъ собралась рыба севрюга, калуга, язи, головли и малая рыбка плотичка-сиротичка и самолично подала мнѣ на тебя челобитную: разбери-де, Петръ-осетръ, это дѣло правдою!» — «Ну, послушай же, — отвѣчаетъ ершъ, — и мою челобитную. Они сами обидчики: межки-борозды вытерлись ¹⁾, а берега водою подмыло, а я ѣхалъ тѣмъ берегомъ вечеромъ поздно, торопился, рѣзко ²⁾ гналъ да съ берега въ озеро пошалъ, — такъ и свалился съ землею! Петръ-осетръ праведный, прикажи собрать государевыхъ рыбаковъ да раскинуть неводы тонкіе, погони рыбу въ одно устье, тогда узнаешь, кто правъ, а кто виноватъ: правой въ неводѣ не останется, а все выскочитъ». Петръ-осетръ праведный выслушалъ его челобитную, собралъ государевыхъ рыбаковъ и погналъ всю рыбу въ одно устье. На починѣ ершишка попалъ въ неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазенки вытаращилъ и съ неводу впередъ всѣхъ выскочилъ. «Видишь, Петръ-осетръ праведный, кто правъ, кто виноватъ?» — «Вижу, ершъ, что ты правъ; ступай въ озеро да гуляй. Теперь никто тебя не обидитъ, развѣ озеро высохнетъ, да ворона тебя изъ грязи вытащитъ». Пошелъ ершишка въ озеро, при всѣхъ похваляется: «Добро же, рыба севрюга, калуга! Достанется вамъ и всѣмъ язямъ, головлямъ! Да не прощу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! Да достанется и сому толстобрюхому: ишь, говорить не умѣетъ, губы толсты, а зналъ, какъ челобитную подавать! Всѣмъ отплачу!» Шель Любимъ — ершовой похвалы не возлюбилъ; шель Сергѣй, несъ охапку жердей; пришелъ бѣсъ, заколотилъ ѣзъ ³⁾; пришелъ Перша, поставилъ на Ерша вершу; пришелъ Богданъ, ерша въ вершу Богъ далъ; пришелъ Устинъ, сталъ вершу тащить да ерша упустилъ.

с. 1729 года, мѣсяца сентября, 16 числа

Зародился ершишко-плутишко,

Худая головишко,

Шиловатый ⁴⁾ хвостъ,

Слюноватый носъ,

Кыловатая ⁵⁾ брюшина,

Лихая образина,

На рожѣ кожа какъ еловая кора.

Прижилось, прискудалось ершишку-плутишку

Въ своемъ славномъ Кубинскомъ озерѣ,

Собрался на ветхихъ ⁶⁾ дровнишкахъ

Съ женою и дѣтишкамъ,

Поѣхалъ въ Бѣлозерское озеро,

Съ Бѣлозерскаго въ Корбозерское,

¹⁾ Сгладились, уничтожились. ²⁾ Очень. ³⁾ Заколъ рыбный. ⁴⁾ Увертливый, плутоватый. ⁵⁾ Кыловатый — бранное слово (Опытъ обл. великор. словаря). ⁶⁾ Въ рукописи: «на вельмей» (?).

Съ Корбозерскаго въ Ростовское:
 «Здравствуйте, лещи,
 Ростовскіе жильцы!
 Пустите ерша пообѣдать,
 И коня покормить».
 Лещи распространились ¹⁾
 Ерша къ ночи пустили.
 Ершѣ, гдѣ ночь ночеваль,
 Тутъ и годъ годоваль;
 Гдѣ двѣ ночеваль,
 Тутъ два года годоваль;
 Сыновой пожениль,
 А дочерей замужь повыдалъ,
 Изогналъ лещовъ,
 Ростовскихъ жильцовъ,
 Во мхи и болота,
 Пропасти земныя,
 Три года лещи
 Хлѣба-соли не ѣдали;
 Три года лещи
 Хорошей воды не пивали;
 Три года лещи
 Бѣлаго свѣта не видали;
 Съ того лещи
 Съ голоду помирали.
 Сбиралися лещи въ земскую избу,
 И думали думу заедино
 И написали проебъ,
 И подавали Бѣлозеръ-Палтось-рыбѣ:
 «Матушка Бѣлозеръ-Палтось-рыба!
 Почему ершишко-плутишко,
 Худая головишко,
 Разжился, распоселился
 Въ нашемъ Ростовскомъ озерѣ
 И изогналъ насъ, лещовъ,
 Ростовскихъ жильцовъ!
 Во мхи и болота
 И пропасти земныя?
 Три года, мы, лещи,
 Хлѣба-соли не ѣдали,
 Три года лещи
 Хорошей воды не пивали,
 Три года лещи

¹⁾ Разступились, дали мѣсто.

Свѣту бѣлаго не видали;
 Съ того мы, леци,
 И съ голоду помирали.
 Есть ли у него на это дѣло
 Книги, отписи и паспорта какіе?»
 И думали думу заедино
 Щука ярославска,
 Другая пере(я)славска,
 Рыба-сомъ съ большимъ усомъ:
 Кого послать ерша позвать?
 Менька ¹⁾ послать —
 У него губы толстыя,
 А зубы рѣдкіе,
 Рѣчь не умильна(я),—
 Говорить съ ершомъ не сумѣть.
 Придумала рыба-сомъ
 Съ большимъ усомъ:
 Послать или нѣтъ за ершомъ гарбюса ²⁾:
 У гарбюса губки тоненьки,
 Платъецо бѣленько,
 Рѣчь московска,
 Походка господска.
 Дали ему окуня разсылнымъ,
 Карася пятисотскимъ,
 Семь молей, понятыхъ людей.
 Взяли ерша,
 Сковали, связали
 И на судъ представили.
 Ершъ предъ судомъ стоитъ
 И не съ упадкой говорить:
 «Матушка Бѣлозеръ-Палтось-рыба!
 Почему меня на судъ повѣщали?
 —Ахъ, ты, ершишко-плутишко,
 Худая головишко!
 Почему ты разжился и расселился
 Въ здѣшнемъ Ростовскомъ озерѣ,
 Изогналъ лещовъ,
 Ростовскихъ жильцовъ,
 Во мхи и болота
 И пропасти земныя?
 Три года леци
 Хлѣба соли не ѣдали,
 Три года леци

1) Налима. 2) Харіусъ — родъ лососей.

Хорошей воды не пивали,
 Три года леци
 Свѣту бѣлаго не видали,
 И съ того леци
 Съ голоду помирають.
 Есть ли у тебя на это дѣло
 Книги, отписи и паспорта какіе?
 —«Матушка Бѣлозеръ-Палтось-рыба!
 Въ память или нѣтъ тебѣ пришло:
 Когда горѣло наше славное Кубинское озеро,
 Тамъ и была у ершишка избиска,
 Въ избискѣ были сѣнишки,
 Въ сѣнишкахъ клѣтишко,
 Въ клѣтишкѣ ларцышко,
 У ларцышко замчишко,
 У замчишка ключишко:
 Тамъ-то были книги, отписи
 И паспорта — и все пригорѣло!
 Да не то одно пригорѣло!
 Былъ у батюшка дворець
 На семи верстахъ,
 На семи столбахъ,
 Подъ полатами бобры,
 На полатахъ ковры —
 И то все пригорѣло!»
 А рыба семга позади стояла
 И на ерша злымъ голосомъ кричала:
 «Ахъ, ты, ершишко-плутишко,
 Худая головишко!
 Тридцать ты лѣтъ
 Подъ порогомъ стоялъ
 И сорокъ человекъ разбою держалъ,
 И много головъ погубилъ
 И много живота ¹⁾ притопилъ!»
 И ершу стало азартно;
 Какъ съ рыбою семгою не отговориться?
 «Ахъ, ты, рыба-семга, боки твои сальны!
 И ты, рыба-сельдь, бока твои кислы!
 Васъ ѣдятъ господа да бояра!
 Меня мелкая чета крестьяна —
 Бабы штей наваряютъ
 И блиновъ напекутъ,

1) Имущества.

Шти хлебають, похваливають.
 Рыба костлива, да уха хороша!
 Тутъ ершъ съ семгой отговорился.
 Говорить Бѣлозерь-Палтось-рыба:
 «Окунь разсылный,
 Карась пятисотскій,
 Семь молей понятыхъ людей!
 Возьмите ерша».
 А ершъ никакихъ рыбъ не боится,
 Ото всѣхъ рыбъ боронится.
 Собрался онъ, ершишко-плутишко,
 На свои на ветхія ¹⁾ дровнишки
 Съ женою и дѣтишкамъ
 И поѣзжаетъ въ свое славное
 Въ Кубинское озеро.
 Рыба-семга хоть на ерша злымъ голосомъ кричала,
 Только за ершомъ вслѣдъ подавалась:
 «Ахъ ты, ершишко-плутишко,
 Худая головишко!
 Возьми ты меня въ свое славное
 Въ Кубинское озеро —
 Кубинскаго озера поглядѣть
 И Кубинскихъ стѣновъ посмотреѣть».
 Ершъ зла и лиха не помнить,
 Рыбу-семгу за собой поводить.
 Рыба-семга, идучи, устала,
 Въ Кубинскомъ устьѣ вздремала
 И мужику въ сѣть попала.
 Ершъ назадъ оглянулся,
 А самъ усмѣхнулся,
 «Слава тебѣ, Господи!
 Вчера рыба-семга
 На ерша злымъ голосомъ кричала,
 А сегодня мужику въ сѣть попала».
 Ершъ семгѣ подивоваль
 И самъ на утренней зорѣ вздремаль,
 Мужику въ морду ²⁾ попалъ,
 Пришелъ Никонъ,
 Заколилъ приколъ ³⁾;
 Пришелъ Перша,
 Поставилъ вершу;
 Пришелъ Богданъ,

¹⁾ Въ рукописи: «вельмые». ²⁾ Морда — рыболовная снасть, состоящая изъ мѣшка, сплетеннаго изъ ивовыхъ прутьевъ. ³⁾ Т.-е. сдѣлалъ заколь (ѣзь).

И ерша Богъ даль;
 Пришелъ Вавила,
 Поднял ерша на вила;
 Пришелъ Пимень,
 Ерша запынилъ ¹⁾;
 Пришелъ Обросимъ,
 Ерша ъземъ бросилъ;
 Пришелъ Антонъ,
 Завертѣлъ ерша въ балахонъ;
 Пришелъ Амосъ,
 Ерша въ клѣтъ понесъ,
 Идетъ Спира(я),
 Около ерша стырить ²⁾;
 Амосъ Спиру
 Да по рылу:
 «Ахъ, ты, Спира!
 Надъ эдакой рыбой стыришь;
 У тебя эдака рыба
 Вѣкъ въ дому не бывала!»
 Пришелъ Вася,
 Ерша съ клѣти слясилъ ³⁾;
 Пришелъ Петруша,
 Ерша разрушилъ ⁴⁾;
 Пришелъ Сава,
 Вынял съ ерша полтора пуда сала;
 Пришелъ Юда,
 Расклалъ ерша на четыре блюда;
 Пришла Марина,
 Ерша помыла;
 Пришла Акулина,
 Ерша подварила;
 Пришелъ Антипа,
 Ерша стипалъ ⁵⁾;
 Пришелъ Алуца,
 Ерша слушалъ;
 Пришелъ Елизаръ,
 Блюда облизалъ;
 Пришелъ Власъ,
 Попучилъ глазъ;
 Пришла Ненила,
 И блюда обмыла!

¹⁾ Т.-е. запиналъ (пинать, пнуть). ²⁾ Стырить—дразнить, грубо говорить.

³⁾ Стащилъ (лясиль — лъстить, хитрить); слямзиль и слящиль — украсть.

⁴⁾ Т.-е. разрѣзалъ, порушилъ. ⁵⁾ Укралъ.

d. Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ

«Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярскаго Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, намъ на злаго человѣка на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ, злой человѣкъ, Щетинникъ(овъ) наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, напихъ старыхъ жировъ¹⁾; расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него аки лютыя рох(г)атины, и онъ свидится съ нами на стану — и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански, лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями».

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «Ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь ли?» Отвѣтчикъ Ершъ рече: «Отвѣчаю, господа, за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а (и) нынѣ наше, и онъ, Лещъ, жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я господа, Ершъ, Божіею милостію, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами, не смутчикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровскаго у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я доброй, живу я своею силою, а не чужею; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князи, бояря, стольники и дворяня, жильцы московскіе, дьяки и подьячіи и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною, и варятъ меня съ перцемъ и съ шав(ф)раномъ, и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмелья и, кушавши, поздравляютъ».

Судьи спрашивали истца Леща: «Ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?» Истецъ Лещъ рече: «Уличаю его Божіею правдою да вами, праведными судьями». Судьи спрашивали истца Леща: «Кому у тебя вѣдомо про Ростовское озеро и о рѣкахъ и о восточахъ²⁾, и на кого плешься?» Истецъ Лещъ рече: «Шлюся я, господа, изъ виноватыхъ³⁾ на добрыхъ людей разныхъ городовъ и области(ей); есть, господа, человѣкъ доброй, живетъ въ нѣмецкой области, подъ Ивановъ-городомъ, въ рѣкѣ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ, да другой, господа, человѣкъ доброй живетъ въ Новгородской области, въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга». Спрашивали отвѣтчика Ерша: «Ты, Ершъ, плешься ли на лещеву правду, на таковыхъ людей?» И отвѣтчикъ Ершъ рече: «Слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣтъ; Сигъ и Лодуга — люди богатые, животами

1) Жіра, жіровка — хорошее житье, довольство. 2) Истокахъ. 3) Т.-е. изъ прикосновенныхъ дѣлу, вѣдающихъ о дѣлѣ.

прожиточны, а Лещъ такой же человекъ заводной, шлем(т)ся въ послушество(о)»¹⁾. И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «Почему у тебя такіе люди недрузья и какая у тебя съ ними недружба?» Отвѣтчикъ Ершъ рече: «Господа мои судьи! Недружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ — для того, что Сигъ и Лодуга — люди великіе, а Лещъ — такой же человекъ заводной; они хотятъ насъ, маломочныхъ людей, испродать²⁾ напрасно».

Судьи спрашивали истца Леща: «Еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ, и о востокахъ, и на кого шлешься?» Истецъ Лещъ рече: «Шлюся я, господа: изъ виноватыхъ есть человекъ доброй, живетъ въ Переславскомъ озерѣ, рыба - Сельдь». Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «Ты, Ершъ, шлешься ли на лещевую правду?» Отвѣтчикъ же Ершъ рече: «Сигъ, и Лодуга, и Сельдь съ племянн³⁾, а Лещъ — такой же человекъ заводной: въ сосѣдствѣ имаются, гдѣ судятся — ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ не молвятъ».

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня⁴⁾, приказали взять въ правдѣ переяславскую Сельдь. Приставъ же окунь емлетъ въ понятыхъ Мня, и Мень Окуню-приставу сулить посулы великіе и рече: «Господине Окуне! Азь не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико — ходить не смогу, а се глаза малы — далеко не вижу, а се губы толсты — передъ добрыми людьми говорить не умѣю». Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Е(я)зя. И окунь поставленъ(вилъ) въ правдѣ переславскую Сельдь. И судьи спрашивали въ правдѣ у переславской Сельди: «Сельдь, скажи ты намъ про Леща и про Ерша и промежь ими про Ростовское озеро». Сельдь же рече въ правдѣ: «Леща съ товарищи знаютъ; Лещъ — человекъ доброй, христіанинъ Божій, живетъ своею а не чужею (силой); а Ершъ, господа, злой человекъ — Щетинникъ».⁵⁾

. знаешь ли его?» Осетръ же рече: «Азь, господа⁶⁾, не въ правдѣ⁷⁾ и не⁸⁾ въ послушествѣ, а впрямь (скажу): слышалъ про того Ерша, что сварятъ его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу Божіею правдою о своей обидѣ: когда я шель изъ Волги-рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ мене встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ; а я лукавства его не ви(ѣ)далъ, а спрошать про него, злаго человека, никого не случилось, и онъ меня вопроши: «Братецъ Осетръ, гдѣ идеши?» И азь ему повѣдалъ: «Иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать». И рече ми Ершъ: «Братецъ Осетръ, когда азь шель Волгою-рѣкою, тогда азь былъ толще тебя и долѣ (долѣе, т.-е. длиннѣе), бока мои терли у Волги-

¹⁾ Ссылается на свидѣтельство. ²⁾ Разорить тяжбою. ³⁾ То же, что — «съ родни». ⁴⁾ Налима. ⁵⁾ Здѣсь въ рукописи опущена ссылка Леща на новое свидѣтельство. Такимъ свидѣтелемъ выведенъ Осетръ; въ началѣ же сказки онъ поставленъ судьей: очевидная запутанность въ текстѣ рукописи. ⁶⁾ Въ рукописи: «господа вы». ⁷⁾ Т.-е. не ради суда. ⁸⁾ Въ рукописи: м н е.

рѣки береги(а), очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скудень, — иду изъ Ростовскаго озера». Азъ же, господа, слышавъ такое его прелес(т)ное¹⁾ слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ поморилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще вамъ, господа, скажу: тотъ же Ершъ обманулъ меня, Осетра, стараго мужика, и привеле меня къ неводу и рече ми: «Братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ: есть тамъ рыбы много». И я его нача посылати напередъ. И онъ, Ершъ, мнѣ рече: «Братецъ Осетръ, коли мѣншей братъ ходитъ напредъ большаго?»²⁾ И я на его, господа, прелес(т)ное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ, да увязъ, а неводъ—что боярскій дворъ: итти (войти) — ворота широки, а выйти—узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ е(я)чею³⁾, а самъ мнѣ насмѣхался: «Ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся!» А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: «Братецъ, братецъ Осетръ, прости, не поминай лихомъ. А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головьѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: «Братецъ Осетръ, терпи, Христа ради!»

Конецъ суднаго дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: «Леща съ товарищами оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головой и велѣли казнить торговою казнію — бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своей задней клещею, а у печати сидѣлъ Вандышъ⁴⁾ переславской. Да на того же Ерша выдали правую грамату: гдѣ его застануть въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речеть Ершъ судьямъ: «Господа судьи, судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищами оправили, а меня обвинили». Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ, — только того Ерша и видѣли!

(Займствована изъ рукописнаго сборника XVIII в., принадл. И. Е. Забѣлину).

Примѣчаніе. Судя по списку, напечатанному въ нашемъ изданіи подъ буквою d, происхождение сказки объ Ершѣ Щетинниковѣ должно быть отнесено къ XVI столѣтію. Формы словеснаго судопроизводства этой эпохи сохранены здѣсь съ поразительною вѣрностію (сличи съ правыми граматами, напечатанными въ «Юридическихъ Актахъ»). Это мѣткая сатира на старинное сутяжничество и ябедническую изворотливость. Сказка объ Ершѣ составляла въ старину любимое чтеніе и вмѣстѣ съ

1) Въ рукоп. здѣсь вставлены слова: къ рѣкамъ жированье. 2) Въ рукоп. слѣдуетъ за этимъ слова: кои честь. 3) Ячея — пространство клѣтокъ у мережи. 4) Снитокъ, маленькая рыбка.

другими повѣстями сохранилась до насъ въ рукописныхъ сборникахъ и даже перешла на лубки. Обиліе вариантовъ, замѣчаемыхъ въ различныхъ ея спискахъ, уже доказываетъ, какъ много она была распространена между читающимъ и нечитающимъ людемъ. Кромѣ обнародованныхъ нами списковъ, извѣстны еще помѣщенные въ Пермскомъ сборникѣ, I, стр. 125 — 6, и въ Русск. нар. сказкахъ Сахарова, стр. 154. Въ примѣчаніяхъ своихъ Сахаровъ привелъ и отрывокъ этой же сказки, напечатанный въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1832 г., № 18, стр. 291 — 3. Въ рукахъ Н. В. Калачева былъ еще одинъ списокъ сказки объ Ершѣ, который онъ предполагалъ помѣстить въ своемъ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи». Лубочное изданіе состоитъ изъ картины (въ одинъ листъ), изображающей озеро съ разными рыбами; кругомъ озера представлена въ лицахъ судьба Ерша послѣ его поимки, съ приличными надписями, внизу текстъ:

Повѣсть о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ. Пришелъ Лещъ на Ерша, подалъ челобитну, а въ челобитной пишетъ тако: «Господамъ моимъ отъ рыбъ великому Осетру и Бѣлугѣ и Бѣлой-рыбицѣ. Бьемъ челомъ на лихова Ерша, что онъ владѣетъ насильствомъ нашими вотчинами. Собою онъ малъ, а щетины у него какъ острия рогатины, и гдѣ онъ ни попросится ночевать, и кто его не вѣдаючи пуститъ, — и онъ хочетъ хозяина вонъ выжить. А мы хотимъ быть оправлены вами праведными судіями». Судьи спросили Леща: «Чѣмъ, Лещъ, Ерша уличаешь?» Лещъ сказалъ: «Уличаю я его истинною правдою; да есть у меня рыбы добры, зовутъ ихъ Сигъ и Ладога, на нихъ я шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлешься ли ты на Сига и на Ладогу?» Ершъ сказалъ: «Сигъ и Ладога рыбы велики, а мы рыбы малыя; а се онѣ съ Лещемъ хлѣбъ-соль водятъ вмѣстѣ, и онѣ правды не скажутъ». Судьи спросили Леща: «(Еще) чѣмъ Ерша уличаешь?» Лещъ сказалъ: «Уличаю я его общею правдою, да есть у меня еще рыба добрая, зовутъ ее Сельдь переславская; на ту я еще сошлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлешься ли ты на общую правду — Сельдь?» Ершъ сказалъ: «То общая правда; на ту я и шлюся». Судьи послали по Сельдь пристава Окуня. Окунь пошелъ, взялъ въ понятые Сому, и Сомъ съ большимъ усомъ сказалъ, что-де я въ понятые не гожусь, имѣю брюхо велико, ходить не могу, глазами вдо(а?)ль не вижу. И Окунь отпустилъ Сому, и взялъ въ понятые Язя, и поставили Сельдь предъ судьями. Судьи спросили Сельдь: «Чье Ростовское озеро, изстари ли Ершово? и знаютъ ли Ерша на Москвѣ всѣ богатые (и) покупаютъ ли его для похмелья дорогою цѣною и съ похмелья имъ оправляются?» Сельдь переславская сказала, что Ростовское озеро изстари лещѣво, а тотъ-де Ершъ гдѣ ни попросится ночевать (и) кто его не вѣдаючи пуститъ—и онъ хочетъ хозяина выжить, и знаютъ его всѣ богатые, у кого одна полушка есть— и на ту ершовъ (ей) много купить: столько не съѣдятъ, сколько расплюютъ его! Судьи приговорили: истца Леща оправить, а отвѣтника

Ерша обвинить и въ соль (п)осолить и противъ солнышка повѣсить. И какъ Ершъ сіе услышалъ, вильнулъ хвостомъ и ушелъ въ хворостъ: только Ерша и видѣли! и всему тому конецъ. Послали міромъ Першу заложить вершу; пришелъ Богданъ, Ерша Богъ далъ; пришелъ Устинъ, опять Ерша упустилъ; пришелъ Иванъ, опять Ерша поймалъ; пришелъ Поташъ, сталъ Ерша топтать; пришелъ Давидъ, сталъ Ерша давить; пришелъ сусѣдъ, бросилъ Ерша въ сусѣкъ; пришелъ Лазарь, по Ерша слазилъ; пришелъ Назаръ, понесъ Ерша на базаръ: недорогъ! Пришелъ Константинъ, даетъ за Ерша шесть алтынъ: уступи, Назаръ! Пришелъ Мартынъ, даетъ *Костентину* барыша алтынъ; пришелъ Аносъ и даромъ Ерша унёсъ; пришелъ Копронъ, сустигъ на конь; пришелъ Павелъ, котель поставилъ; пришелъ Ерема, принесъ дровъ беремя; пришелъ Селиванъ, воды въ котель наливалъ; пришелъ Обросимъ, Ерша въ котель бросилъ; пусть попрѣтъ, къ ужину поспѣтъ. Пришелъ Перша, посыпалъ перцу; пришелъ Лука, крошилъ луку; пришелъ Савва, положилъ полтора пуда коровьяго сала; пришелъ Глѣбъ, принесъ хлѣбъ; пришелъ Пахомъ, хлѣба напахалъ ¹⁾; пришелъ Логинъ, принесъ ложекъ; пришелъ Вавила, поднялъ Ерша на вила; пришелъ Филиппъ, сталъ Ерша пилить; пришелъ Демидъ, сталъ Ерша дѣлить; пришелъ Мина, мякнулъ ²⁾ Демиду въ рыла; пришелъ Титъ, только походя бз . . . ; пришелъ Андрей, Тита по плѣши огрѣлъ; пришелъ Яковъ, одинъ Ерша смякалъ, самъ убѣжалъ, только ножки показалъ. Пришелъ Елизаръ, только котла полизалъ, а Ерша и въ глаза не видалъ; пришелъ Данила да сестра его Ненила, только по Ершѣ голосомъ повыли и конецъ ему сотворили.

Есть другое лубочное сказаніе, содержаніе котораго также заимствовано изъ обыденной людской жизни и перенесено въ міръ животныхъ. Это — «Небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обверчена въ черныхъ тряпичахъ, какъ мыши коты погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь отдавали(ютъ) съ церемоніемъ (ей). «Быль престарѣлой котъ казанской, уроженецъ астраханской, разумъ сибирской, жилъ славно, плелъ лапти — носилъ сапоги, сладко ѣлъ, слабо бз . . . , умеръ въ сѣрой мѣсяцъ, въ шестопятое число, въ жидовскій шабашъ». Подъ такимъ заглавіемъ на листѣ изображена картина, представляющая похоронную процессію: мертваго коты везутъ шесть мышей въ саняхъ, а передъ нимъ и позади сопровождаютъ его разныя мыши. Картина пояснена слѣдующими надписями: «Знатныя подпольныя мыши, криношныя блудницы, на послѣдокъ коту послужили, на чухонскія дровни, связавъ лапы, положили, хотятъ печаль утолить, а коты въ г..... ямѣ утопить. На полозахъ сидитъ кучеръ—изъ навозной кучи. Съ Балчуга старая крыса поминаетъ коты Алабриса... по нотѣ (амъ) воспѣваетъ, а малыя съ визгомъ прицѣваютъ, искусная мышка

¹⁾ Нарѣзалъ. — ²⁾ Ударилъ.

изъ нѣмецкой лавки, взявши свирѣль въ лапки, умильно играетъ, кота прокликаетъ; изъ Рогожской мышъ... тащитъ бубень скорча; позади бѣжить изъ Таганки самая поганка, бьетъ въ бубень: походъ будетъ; деревенская мышъ... въ свирѣлку играетъ — ладу не знаетъ, въ бала-лайку играетъ — на поминки къ коту гостей собираетъ.... съ Дону, изъ убогаго дому, пѣсни воспѣваетъ, послѣ кота добрую жизнь возвѣщаетъ: мышъ татарская Аринка тожъ наигрываетъ въ волынку, мышъ изъ Рязани, въ синемъ сарафанѣ, идучи, горько плачетъ, а сама въ присядку пляшетъ...» и такъ далѣе. Въ повѣсти объ Ершѣ и въ небылицѣ о мышахъ, погребающихъ кота, нельзя не увидѣть книжнаго вліянія; но едва ли можно сомнѣваться въ ихъ народномъ происхожденіи. «Небылица» о мышахъ отличается народнымъ юморомъ и складомъ; искать въ ней намековъ на какое-либо политическое событіе, какъ дѣлалъ покойный Снѣгиревъ (Сборн. истор. и статист. свѣд. о Россіи, 208—9), кажется, совершенно напрасно; она, какъ и всякая басня, любопытна указаніемъ на обычныя людскія отношенія и можетъ быть примѣняема къ различнымъ житейскимъ случаямъ¹⁾. Лубочныя картины про Ерша Щетинникова и «Мыши кота погребаютъ» давно составляютъ любимое украшеніе деревенскихъ избъ; содержаніе ихъ послужило матеріаломъ для нѣкоторыхъ народныхъ пословицъ, какъ видно изъ сборника пословицъ XVII столѣтія. (См. Рус. граверы, соч. Ровинскаго, стр. 135, 140 и Архивъ историко-юридич. свѣдѣній Россіи, изданіе Калачева, т. II, половина 2, стр. 61).

42. Байка о щукѣ зубастой.

Въ ночь на Ивановъ день родилась щука въ Шекснѣ, да такая зубастая, что Боже упаси! Лещи, окуни, ерши — всѣ собрались глазѣть на нее и дивовались такому чуду. Вода той порой въ Шекснѣ всколыхалася: шель поромъ черезъ рѣку да чуть не затопился, а красныя дѣвки гуляли по берегу да всѣ поразсыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по днямъ, а по часамъ: что день, то на вершокъ прибавится; и стала щука зубастая въ Шекснѣ похаживать да лещей, окуней полавливать: издали увидить леща, да и хватъ его зубами — леща какъ не бывало, только косточки хрустятъ на зубахъ у щуки зубастой. Экая оказія случилась въ Шекснѣ! *Ш*то дѣлать лещамъ да окунямъ? Тошно приходитъ: щука всѣхъ пріѣстъ, прикарнаетъ²⁾. Собралась вся мелкая рыбица и стали думу думать, какъ перевести щуку зубастую да такую торовастую. На совѣтъ пришелъ и Ершъ Ершовичъ и такъ наскоро взголцылъ³⁾: «Полноте думу думать да голову

¹⁾ См. Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки, текстъ кн. IV, стр. 256 — 270, гдѣ доказывается, что «Небылица» мѣтитъ на Петра I. *Ред.*

²⁾ Погубить, изведеть. ³⁾ Глчить — говорить, кричать.

ломать, полноте мозгъ портить; а вотъ послушайте, что я буду баять. Тошно намъ всёмъ тепере въ Шекснѣ: щука зубастая проходу не дастъ, всякую рыбу на зубъ беретъ! Не житье намъ въ Шекснѣ: переберемтесь-ка лучше въ мелкія рѣчки жить — въ Сизму, Коному да Славенку; тамъ насъ никто не тронетъ, и будемъ жить припѣваючи да дѣтокъ наживаючи». И поднялись всё ерши, лещи, окуни изъ Шексны въ мелкія рѣчки Сизму, Коному и Славенку. По дорогѣ, какъ шли, хитрый рыбакъ многихъ изъ ихней братіи изловилъ на удочку и сварилъ забубенную ущицу, да тѣмъ, кажись, и заговѣлся. Съ тѣхъ поръ въ Шекснѣ совсѣмъ мало стало мелкой рыбицы. Закинетъ рыбарь удочку въ воду, да ничего не вытащитъ; когда нѣкогда попадается стерлядка, да тѣмъ и ловлѣ пабашь! Вотъ вамъ и вся байка о щукѣ зубастой да такой торовастой. Много надѣлала плутовка хлопотъ въ Шекснѣ, да послѣ и сама не сдобровала: какъ не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червяковъ и попалась сама на крючокъ. Рыбарь сварилъ уху, хлебаль, да хвалиль: такая была жирная! Я тамъ былъ, вмѣстѣ уху хлебаль, по усу текло, въ ротъ не попало.

(Записана въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской губ., И. Чернышевымъ)

43. Теремъ мухи.

а. Построила муха теремъ; пришла вошь-поползуха: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокѣмъ?» — «Муха-горюха; а ты кто?» — «Я вошь-поползуха». Пришла блоха-попрядуха¹⁾: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокѣмъ?» — «Я муха-горюха да вошь-поползуха». Пришелъ комаръ долгоногой: «Кто, кто, кто въ терему? Кто кто, кто въ высокѣмъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха». Пришла мышечка-тютюрюшечка: «Кто, кто, кто въ терему? Кто, кто, кто въ высокѣмъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой». Пришла ящерка²⁾ шерошѣрочка: «Кто, кто, кто въ терему? Кто, кто, кто въ высокѣмъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка». Пришла лиса Патрикѣвна: «Кто, кто, кто въ терему? Кто, кто, кто въ высокѣмъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошѣрочка». Пришелъ зайшка изъ-подъ кустышка. «Кто, кто, кто въ терему? Кто кто, кто въ высокѣмъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошѣрочка, я лиса Патрикѣвна». Пришелъ волчище-сѣрое хвостище: «Кто, кто, кто въ терему! Кто, кто, кто въ высокѣмъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха»

¹⁾ Отъ слова «прядать» — прыгать, скакать. ²⁾ Ящерица.

духа, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошёрочка, я лиса Патрикѣевна, я заюшка изъ-подъ кустышка». Пришелъ—медвѣдь толстоногой: «Кто, кто, кто въ терему? Кто, кто, кто въ выкѣмъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрыдуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошёрочка, я лиса Патрикѣевна, я заюшка изъ-подъ кустышка, я волчище-сѣрое хвостище»¹⁾. Всѣ изъ терема: «А ты кто?» — «Я тѣпышь-ляпышь, всѣмъ подгнѣтышь!» — сказалъ медвѣдь, спустилъ лапой по терему и разбилъ его.

(Записана въ Архангельской губ. А. Харитоновымъ).

в. Ъхаль мужикъ съ горшками, потерялъ большой кувшинъ. Залетѣла въ кувшинъ муха и стала въ немъ жить-поживать. День живеть, другой живеть. Прилетѣлъ комаръ и стучится: «Кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — «Я муха-шумиха; а ты кто?» — «А я комаръ-пискунъ». — «Иди ко мнѣ жить». Вотъ и стали вдвоемъ жить. Прибѣжала къ нимъ мышь и стучится: «Кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — «Я муха-шумиха да комаръ-пискунъ; а ты кто?» — «Я изъ-за угла хмыстень». — «Иди къ намъ жить». И стало ихъ трое. Прискакала лягушка и стучится: «Кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — «Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, да изъ-за угла хмыстень; а ты кто?» — «Я на водѣ балагта»²⁾. — «Иди къ намъ жить». Вотъ и стало ихъ четверо. Пришелъ заяцъ и стучится: «Кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — «Я муха-шумиха да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта; а ты кто?» — «Я на полѣ свертень». — «Иди къ намъ». Стало ихъ теперь пятеро. Пришла еще лисица и стучится: «Кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — «Я муха-шумиха да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень; а ты кто?» — «Я на полѣ краса». — «Ступай къ намъ». Прибрела собака и стучится: «Кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — «Я муха-шумиха да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень да на полѣ краса; а ты кто?» — «А я гамъ-гамъ!» — «Иди къ намъ жить». Собака влѣзла. Прибѣжалъ еще волкъ и стучится: «Кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — «Я муха-шумиха да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень, на полѣ краса да гамъ-гамъ; а ты кто?» — «Я изъ-за кустовъ хашъ»³⁾. — «Иди къ намъ жить». Вотъ живутъ себѣ всѣ вмѣстѣ. Спозналъ про эти хоромы медвѣдь, приходитъ и стучится — чуть хоромы живы: «Кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — «Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень, на полѣ краса, гамъ-

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ упоминаются: блоха-попрыгуха, слѣпень-жигунъ, лягушка-квакушка, лиса-краса, зайка-поплутайка, собачка-изъ-подъ воротъ гамъ! ²⁾ «Хмыстень»; можетъ-быть, отъ глагола химистить—красть, похищать, а «балагта» отъ балáкать—болтать. ³⁾ *Вариантъ*: «Я волкъ, что дѣлилъ васъ въ долгъ».

гамъ да изъ-за кустовъ хашь; а ты кто?» — «А я лѣсной гнѣть!» Сѣлъ на кувшинъ и всѣхъ раздавилъ.

с. Лежить въ полѣ лошадиная голова. Прибѣжала мышка-норышка¹⁾ и спрашиваетъ: «Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живеть?» Никто не отвѣчаетъ. Вотъ она вошла и стала жить въ лошадиной головѣ. Пришла лягушка-квакушка: «Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живеть?» — «Я мышка-норышка; а ты кто?» — «А я лягушка-квакушка». — «Ступай ко мнѣ жить». Вошла лягушка и стали себѣ вдвоёмъ жить. Прибѣжалъ заяцъ: «Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живеть?» — «Я мышка-норышка да лягушка-квакушка; а ты кто?» — «А я на-горѣ-увертышь». — «Ступай къ намъ». Стали они втроёмъ жить. Прибѣжала лисица: «Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живеть?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на-горѣ-увертышь; а ты кто?» — «А я вездѣ-поскокишь». — «Иди къ намъ». Стали четверо жить. Пришелъ волкъ: «Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живеть?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горѣ-увертышь, вездѣ-поскокишь; а ты кто?» — «А я изъ-за кустовъ-хватышь». — «Иди къ намъ». Стали пятеро жить. Вотъ приходитъ къ нимъ медвѣдь: «Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живеть?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на-горѣ-увертышь, вездѣ-поскокишь, изъ-за кустовъ-хватышь». — «А я всѣхъ васъ-давишь!» — сѣлъ на голову и раздавилъ всѣхъ.

(Записана въ Московскомъ уѣздѣ)

Примѣчаніе. См. варианты въ Дѣтск. пѣсн., № 98; Рудчен., II, № 1; въ изд. Эрленвейна, № 105, и въ Пермскомъ Сборникѣ, I, стр. 121 — 2 (здѣсь встрѣчаются дѣйствующія лица: муха-камуха, комарь-пискунъ, слѣпень-жигунъ, лягушка-по водамъ вахта, мышъ-по угламъ мухта, лисица-красавица, заяцъ-изъ-за куста хвѣтень, медвѣдь-изъ берлоги валень).

44. М и з г и р ь ²⁾.

а. Въ старыя годы, въ старопрежнѣе, въ красну вѣсну въ тёплое лѣто сдѣлалась такая соморота³⁾, въ мѣрѣ тягота: стали проявляться комары да мошки, людей кусать, горе(я)чую кровь пропускать. Проявился мизгирь, удалой добрый мѣлодецъ, сталъ ношками трясти да мерѣшки⁴⁾ плести, ставить на пути на дорожки, куда летаютъ комары да мошки. Муха грязна, строка⁵⁾ некошна⁶⁾, полетѣла да чуть не пала, къ мизгирию въ сѣть попала; то⁷⁾ её мизгирь сталъ бить да губить, да за горло давить. Муха мизгирию взмолилася: «Батюшко мизгирь! не бей ты меня, не губи ты меня; у меня много будетъ дѣтей си-

¹⁾ Отъ слова: нора. ²⁾ Паукъ. ³⁾ Въмѣсто: соромота (срамота). ⁴⁾ Мрежи, сѣти. ⁵⁾ Строка — насѣкомое, похожее на осу. ⁶⁾ Некошной — злой, непріятный. ⁷⁾ Тутъ, тогда.

ротать, по дворама ходить и собакъ дразнить». То её мизгирь о(т)пустилъ; она полетѣла, забунчала ¹⁾, извѣстила всѣмъ комарамъ и мошкамъ: «Ой еси, вы, комары и мошки! убирайтесь подъ осиново коришшо ²⁾»; проявился мизгирь, сталъ ношками трясти, мерѣшки плести, ставить на пути на дорошки, куды летаютъ комары да мошки; всѣхъ изловить! Они полетѣли, забились подъ осиново коришшо, лежатъ яко мертвы. Мизгирь пошолъ, нашелъ сверчка, таракана и клопа: «Ты сверчокъ, сѣдь на кочокъ ³⁾ испивать табачокъ; а ты, тараканъ, ударь въ барабанъ; а ты, клопъ-блинникъ, поди подъ осиново коришшо, проложъ про меня мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что мизгиря-борца, добра молодца, въ живѣ нѣтъ: въ Казань отослали, въ Казанѣ(и) голову отси(ѣ)кли на плахѣ и плаху раскололи». Сверчокъ сѣлъ на кочокъ испивать табачокъ, а тараканъ ударилъ въ барабанъ; клопъ-блинникъ пошолъ подъ осиново коришшо, говоритъ: «Что запали, лежите яко мертвы? Вѣдь мизгиря-борца, добра молодца, въ живѣ нѣтъ: въ Казань отослали, въ Казанѣ голову отсикли на плахѣ и плаху раскололи». Они возрадовались и возвеселились, по трою ⁴⁾ перекрестились, полетѣли, чуть не пали, да къ мизгирию всѣ въ сѣтъ попали. Онъ и говоритъ: «Что вы очинь мелки! почаще бы ко мнѣ въ гости бывали, пивца-винца испивали и намъ бы подавали!»

(Записана въ Пермской губ., Шадринскаго округа, въ заштатномъ городѣ Далматовѣ государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ).

в. Въ нынѣшнія времена проявилась новая ромода ⁵⁾: комары, мухи летали, въ кринкахъ молоко болтали. Мизгирь на то осердился, на спину ложился; наставилъ мерошки на всѣ пути-дорожки. Летить пѣстрая оса, честная вдова; сверху пала, въ сѣтъ попала. Мизгирь подскочилъ да голову отрубилъ. Собирались комары да мухи: кто потомъ, кто скудельникомъ ⁶⁾, а кто плакальщикомъ; отпѣли кости, положили въ трошни ⁷⁾, понесли тѣ кости въ село Комарово. Звонятъ въ Перборѣ — слышно въ Моргуновѣ, колокола клыкъ — просятъ сто пудъ лыкъ!

Примѣчаніе. См. варианты въ Пермскомъ Сборникѣ, I, стр. 118—120, и въ пѣсняхъ Рыбникова, III, стр. 332—3; IV, стр. 153—4. (Новое изданіе: I, 496; III, 159.—*Ред.*)

45. Пузырь, соломинка и лапотъ.

Жили-были пузырь, соломинка и лапотъ; пошли они въ лѣсъ дрова рубить, дошли до рѣки, не знаютъ, какъ черезъ рѣку перейти. Лапотъ говоритъ пузырю: «Пузырь, давай на тебѣ переплывемъ!» — «Нѣтъ,

1) Закужжала. 2) Кореньше. 3) Сядь на кочку? 4) По три раза. 5) Суетливость, толкотня. 6) Тотъ, кто обмываетъ усопшаго. 7) Въ заплечья.

лапотъ! пусть лучше соломинка перетянется съ берега на берегъ, а мы перейдемъ по ней». Соломинка перетянулась; лапотъ пошелъ по ней, она и переломилась. Лапотъ упалъ въ воду, а пузырь хохоталь-хохоталь да и лопнулъ! ¹⁾

Примѣчаніе. См. вариантъ въ Пермскомъ Сборникѣ, I, стр. 121 (вмѣсто лаптя — уголёкъ) и сличи съ № 18 въ сборникѣ Kinder-und Hausmärchen Гримма.

46. Р Ъ П К А.

Посѣялъ дѣдко рѣпку; пошелъ рѣпку рвать, захватился за рѣпку: тянеть-потянеть, вытянуть не можетъ! Сѣзвалъ дѣдко бабку: бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ! Пришла внучка: внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ! Пришла сучка: сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ! Пришла нѣга(?). Нѣга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ! Пришла друга ²⁾ нѣга; друга нѣга за нѣгу, нѣга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ! (и такъ далѣе до пятой нѣги). Пришла пята нѣга. Пять ногъ за четыре, четыре ноги за три, три ноги за двѣ, двѣ ноги за нѣгу, нѣга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянуть-потянуть — вытянули рѣпку! ³⁾

(Записана въ Архангельской губ. А. Харитоновымъ).

47. Г Р И Б Ы.

Вздумалъ грибъ, разгадалъ боровикъ ⁴⁾, подь дубочкомъ сидючи, на всѣ грибы глядючи, сталъ приказывать: «Приходите вы, бѣлянки, ко мнѣ на войну». Отказались бѣлянки: «Мы грибовыя дворянки! не идемъ на войну». — «Приходите, рыжики, ко мнѣ на войну». Отказались рыжики: «Мы богатые мужики! неповинны на войну итти». — «При-

¹⁾ *Вариантъ:* Шли два старика по дорожкѣ и зашли въ пустую избушку согрѣться на печкѣ: пузырекъ да бородка. Посылаетъ пузырекъ бородку: «Поди, добудь огонька!» Бородка пошла, дунула на огонекъ и (вс)пыхнула; а пузырекъ хохоталь да хохоталь, палъ съ печки и лопнулъ. ²⁾ Другая. ³⁾ *Вариантъ:* Былъ старикъ со старухою; насѣяли рѣпу. «Старуха! зоветь старикъ, я ходилъ, смотри(ѣ)ль: рѣпка частая. Пойдемъ рвать». Пришли къ рѣпкѣ: посудили-посудили; какъ намъ рѣпку рвать? Вѣжить ножка по дорожкѣ. «Ножка, пособи рѣпку рвать». Рвали-рвали, не могли вырвать... (Записано въ Вологодскомъ уѣздѣ). ⁴⁾ *Вар.:* Грибъ-грибъ-боровикъ, всѣмъ грибамъ полковникъ... или: Царь грибной сталъ звать грибовъ на войну...

ходите вы, волнушки, ко мнѣ на войну». Отказалися волнушки: «Мы господскія стряпушки! ¹⁾ не йдемъ на войну». — «Приходите вы, опѣнки, ко мнѣ на войну». Отказалися опѣнки: «У насъ ноги очень тонки! мы не идемъ на войну». — «Приходите, грузди, ко мнѣ на войну». — «Мы грузди — ребятушки дружны, пойдемъ на войну!»

Это было, какъ царь-горохъ воевалъ съ грибами.

(Записана въ Оренбургской губ.).

Примѣчаніе. См. пѣсни, собран. г. Шейномъ, въ Ч. О. И и Д. 1868, IV, 255 — 8.

48. Морозъ, солнце и вѣтеръ.

Ишоу разъ собѣ одзѣонъ челоувѣкъ и судосиу ²⁾ на дорози Сѣунычко, Морозъ и Вѣцѣрь. Ото-жъ-то споткаушисѣ ³⁾ зъ јими, сказау вуонъ имъ «похвалѣоны» ⁴⁾. Кому вуонъ оддау похвалѣоны? Сѣунычко собѣ кажэ — што мнѣ, кобъ я јоһѣ нѣ пѣкло; а Морозъ собѣ кажэ, што мнѣ, а не тобѣ, бо вуонъ цѣбѣ нѣ такъ боицэ, якъ мѣнѣ. «Ото-жъ-бо лжецѣ! нѣпрауда!» кажэ наресьци ⁵⁾ Вѣцѣрь: «той чолоувѣкъ оддау похвалѣоны нѣ вамъ, а мнѣ». Почалѣ мижки собою ажъ спѣрацисѣ ⁶⁾, сварисисѣ ⁷⁾ й онѣшто ⁸⁾ за чубы нѣ побралисѣ... «Ну коли жъ такъ, то спытаймосѣ ⁹⁾ јоһѣ, кому вуонъ оддау похвалѣоны — мнѣ, чи вамъ?» Доһонили тоһѣ чолоувѣка, спытали; ажъ вуонъ сказау: «Вѣтревѣ». — «А што, бачъ ¹⁰⁾, нѣ казау ¹¹⁾ я — што мнѣ!» — «Постудѣй же ты! я цѣбѣ ракару спѣку! ¹²⁾ кажэ Слѣнцэ: покѣмишь ¹³⁾ ты мѣнѣ». Ажно Вѣцѣрь кажэ: «Нѣ буось, нѣ спѣчэ: я буду вѣяци и охолоджаци јоһѣ». — «Такъ я жъ цѣбѣ, ћицлю ¹⁴⁾, заморожу!» кажэ Морозъ. «Нѣ лѣкайсѣ ¹⁵⁾, нѣбѣжэ ¹⁶⁾: тоһды я нѣ буду вѣяци, и вуонъ тобѣ ничѣһѣ нѣ зрѣбитъ, — безъ вѣтру нѣ заморѣзитъ». ¹⁷⁾

(Записана въ западной части Гродненской губ.).

Примѣчаніе. Варіантѣ: Шель мужикъ, смотритъ — навстрѣчу ему идуть мужики: Солнце, Вѣтеръ и Морозъ. Мужикъ мужикамъ поклонился, посередѣ дороги становился, а Вѣтру еще поклонъ на особицу.

¹⁾ Вар. «Мы старушки». ²⁾ Повстрѣчался, встрѣтилъ; см. Ипат. лѣт. подъ 1241 г. «удоси владыку». ³⁾ Тоже; *spotkawszy sie*. ⁴⁾ При встрѣчахъ и при входѣ въ чужой домъ крестьяне въ видѣ привѣтствія говорятъ: «Нѣхъ бендзѣ похвалѣоны Іезусъ Христусъ!» Другой долженъ отвѣтить: «На вѣки вѣковъ, амѣнъ». ⁵⁾ Наконецъ, польск. *nareszcie*. ⁶⁾ Отъ слова: споръ, преніе. ⁷⁾ Браниться. ⁸⁾ Чуть-чуть, чуть-не... ⁹⁾ Спросимъ, польск. *spytaуmy sie*. ¹⁰⁾ Видишь. ¹¹⁾ Говорилъ. ¹²⁾ Сдѣлаю краснымъ какъ ракъ. ¹³⁾ Помянешь ты меня. ¹⁴⁾ См. Малорос. словарь Аѣанасьева-Чужбинскаго, стр. 71. Нусел — прислужникъ палача, живодець (Польск. словарь Мюллера, I, 218). ¹⁵⁾ Польск. *nie lekaј sie*. ¹⁶⁾ Бѣдняжка, пріятель! ¹⁷⁾ Смотри Вѣстникъ Русск. Географ. Общества за 1856 г., I, 132 — 3.

Солнце сказало: «Постой, мужикъ, вотъ я те сожгу!» А Вѣтеръ молвилъ: «Я тебя не допущу». Морозъ пригрозилъ: «Постой, мужикъ, я те заморожу!» А вѣтеръ: «Я тебя одую». «Сахарова: Сказан. рус. нар., I стр. 104 — народн. притчи»; см. Шоттъ, № 28.

49. Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ Вороновичъ.

Жиль-быль старикъ да старуха, у нихъ было три дочери. Старикъ пошелъ въ амбаръ крупку брать; взялъ крупку, понёсъ домой, а на мѣшкѣ-то была дырка: крупа-то въ нее сыплется да сыплется. Пришелъ домой. Старуха спрашиваетъ: «Гдѣ крупка?» — а крупка вся высыпалась. Пошелъ старикъ собирать и говоритъ: «Какъ бы Солнышко обогрѣло, какъ бы Мѣсяцъ освѣтилъ, какъ бы Воронъ Вороновичъ пособилъ мнѣ крупку собрать: за Солнышка бы отдалъ старшую дочь, за Мѣсяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую». Сталъ старикъ собирать — Солнце обогрѣло, Мѣсяцъ освѣтилъ, а Воронъ Вороновичъ пособилъ крупку собрать. Пришелъ старикъ домой, сказалъ старшей дочери: «Одѣнься хорошенько да выйди на крылечко». Она одѣлась, вышла на крылечко — Солнце и утатило ее. Средней дочери также велѣлъ одѣться хорошенько и выйти на крылечко. Она одѣлась и вышла, — Мѣсяцъ схватилъ и утачилъ вторую дочь. И меньшей дочери сказалъ: «Одѣнься хорошенько да выйди на крылечко». Она одѣлась и вышла на крылечко, — Воронъ Вороновичъ схватилъ ее и унесъ.

Старикъ и говоритъ: «Итти развѣ въ гости къ зятю». Пошелъ къ Солнышку; вотъ и пришелъ. Солнышко говоритъ: «Чѣмъ тебя подчивать?» — «Я ничего не хочу». Солнышко сказало женѣ, чтобъ настряпала оладьевъ. Вотъ жена настряпала. Солнышко усѣлось среди полу, жена поставила на него сковороду — и оладьи сжарились. Накормили старика. Пришелъ старикъ домой, приказалъ старухѣ состряпать оладьевъ, самъ сѣлъ на полъ и велитъ ставить на себя сковороду съ оладьями. «Чего на тебѣ испекутся!» говоритъ старуха. «Ничего, говоритъ, ставь, испекутся». Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли. Нечего дѣлать, поставила старуха сковороду въ печь, испеклись оладьи, наѣлся старикъ.

На другой день старикъ пошелъ въ гости къ другому зятю, къ Мѣсяцу. Пришелъ. Мѣсяцъ говоритъ: «Чѣмъ тебя подчивать?» — «Я, отвѣчаетъ старикъ, ничего не хочу». Мѣсяцъ затопилъ про него баню. Старикъ говоритъ: «Тѣмно, бываѣтъ¹⁾, въ банѣ - то будетъ!» А Мѣсяцъ ему: «Нѣтъ, свѣтло, ступай». Пошелъ старикъ въ баню, а мѣсяцъ запахалъ перстикъ²⁾ свой въ дырочку, и отъ того въ банѣ свѣтло-свѣтло стало. Выпарился старикъ, пришелъ домой и велитъ старухѣ

1) Вѣроятно, можетъ быть. 2) Пальчикъ.

топить баню ночью. Старуха истопила; онъ и посылаетъ ее туда парить-ся. Старуха говоритъ: «Тѣмно париться-то!» — «Ступай, свѣтло будетъ!» Пошла старуха, а старикъ видѣлъ-то, какъ свѣтилъ ему Мѣсяцъ, и самъ туда жъ: взялъ-прорубилъ дыру въ банѣ и задохалъ въ нее свой перстъ. А въ банѣ свѣту нисколько нѣтъ. Старуха знай кричитъ ему: «Тѣмно!» Дѣлать нечего, пошла она, принесла лучины съ огнемъ и выпарилась.

На третій день старикъ пошелъ къ Ворону Вороновичу. Пришелъ. «Чѣмъ тебя подчивать-то?» спрашиваетъ Воронъ Вороновичъ. «Я, говоритъ старикъ, ничего не хочу». — «Ну, пойдемъ хоть спать на сѣдала» ¹⁾. Воронъ поставилъ лѣстницу и полѣзли съ старикомъ. Воронъ Вороновичъ посадилъ его подъ крыло. Какъ старикъ заснулъ, они оба упали и убились.

Примѣчаніе. Въ этой сказкѣ солнце и мѣсяцъ, согласно съ древними языческими преданіями, являются олицетворенными и женятся на дѣвицахъ. На ряду съ ними поставленъ и воронъ, игравшій такую видную роль въ мифологіи индо-европейскихъ народовъ. Въ вариантѣ, напечатанномъ въ журналѣ «Подснѣжникъ» (1858 г., I, стр. 3—9), мѣсто *Ворона* заступаетъ *Вѣтеръ*: замѣна многозначительная, ибо она совершенно согласна со всѣми древнѣйшими преданіями объ этой птицѣ.

«Въ Петровки поѣхалъ мужикъ сѣно косить. «Эхъ, жарко!—говоритъ онъ.—Кабы Вѣтеръ пахнулъ холодкомъ, меньшую бы дочь за него выдалъ». Вѣтеръ и подулъ. Выдалъ мужикъ за него дочку и поѣхалъ къ нимъ въ гости. То да сѣ, говоритъ Вѣтеръ женѣ: «Жарко, жена, въ избѣ; пойдемъ на воду сидѣть». — «Что ты? утонемъ». — «Небось не утонемъ; бери знай шубу». Пришли къ рѣкѣ, кинулъ Вѣтеръ шубу на воду: «прыгай!» говоритъ женѣ. Прыгнули оба разомъ. Вѣтеръ подулъ—и поплыла шуба чѣмъ твоя лодка. Мужикъ воротился домой, и самъ задумалъ такъ же покататься; кинулъ на воду шубу, прыгъ на нее вмѣстѣ съ старухою—и прямо на дно угодилъ.»

Олицетворенія солнца и мѣсяца, какъ и другихъ нѣкогда обоготворенныхъ силъ и явленій природы, очень обыкновенны въ сказкахъ, заговорахъ и нѣкоторыхъ старинныхъ пѣсняхъ. Герои народныхъ сказокъ часто обращаются къ свѣтиламъ, спрашивая о дорогѣ въ далекій край или о судьбѣ милыхъ сердцу. Въ одной нѣмецкой сказкѣ сестра идетъ искать своихъ братьевъ, проклятыхъ отцомъ. Она шла далеко-далеко, на конецъ свѣта, и вотъ пришла къ Солнцу; оно было сурово и пожирало маленькихъ дѣтей. Поспѣшно убѣжала она и явилась къ Мѣсяцу, но онъ былъ холоденъ, страшенъ и золъ; какъ только замѣтилъ ее, то закричалъ: «я чую, чую человѣчье мясо!» Быстро удалилась она и пришла къ Звѣздамъ, которыя были дружелюбны и ласковы; каждая изъ нихъ сидѣла на своемъ престолѣ. Утренняя звѣзда помогла ей

¹⁾ Насѣсть.

найти братьевъ. Въ другой нѣмецкой сказкѣ героиня идетъ искать своего милого, обращеннаго въ голубя. Люди не могутъ мнѣ помочь, думаетъ она, и обращается къ Солнцу: «Ты свѣтишь во все стороны, во все щели; не видалъ ли ты, гдѣ летаетъ бѣлый голубь?» — «Нѣтъ», отвѣчало Солнце и подарило ей ящичекъ съ блестящимъ платьемъ. Вечеромъ, когда взошелъ Мѣсяцъ, она обратилась къ нему: «Ты свѣтишь цѣлую ночь во все лѣса и поля; не видалъ ли ты, гдѣ летаетъ бѣлый голубь?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Мѣсяцъ и подарилъ ей яйцо, изъ котораго, какъ только его разбили, вышла золотая насѣдка съ цыплятами. Затѣмъ слѣдуютъ подобныя же обращенія къ вѣтрамъ (Грим., I, № 25; II, № 88; Zeitschrift für D. Myth., I, стр. 312; смотри также Српске народne приповиѣтке, № 10). Въ Калевалѣ мать Леминкяй-нена спрашиваетъ дорогу въ Похѣлу у Мѣсяца и отъ Солнца вывѣдываетъ о жребіи своего сына.

Замѣчательно, что и солнце и мѣсяцъ при такихъ олицетвореніяхъ сохраняютъ тѣ особенности, какія обыкновенно съ ними связываются. Такъ, въ напечатанной нами сказкѣ мѣсяцъ *освѣщаетъ* своимъ пальцемъ цѣлую баню, а солнце велитъ поставить на себя сковороду и *поджариваетъ* олады.

50. Вѣдьма и солнцева сестра.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, далеко въ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицей; у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ, съ роду нѣмой. Было ему лѣтъ двѣнадцать, и пошелъ онъ разъ въ конюшню къ любимому своему конюху. Конюхъ этотъ сказывалъ ему всегда сказки, и теперь Иванъ-царевичъ пришелъ послушать отъ него сказочки, да не то услышалъ. «Иванъ-царевичъ!» сказалъ конюхъ: «у твоей матери скоро родится дочь, а тебѣ сестра; будетъ она страшная вѣдьма, съѣстъ и отца, и мать, и всехъ подначальныхъ людей; такъ ступай попроси у отца, что ни есть наилучшаго коня—будто кататься и поѣзжай отсюда, куда глаза глядятъ, коли хочешь отъ бѣды избавиться». Иванъ-царевичъ прибѣжалъ къ отцу и съ роду впервой заговорилъ съ нимъ; царь такъ этому возрадовался, что не сталъ и спрашивать, зачѣмъ ему добрый конь надобенъ, — тотчасъ приказалъ что ни есть наилучшаго коня изъ своихъ табуновъ осѣдлать для царевича. Иванъ-царевичъ сѣлъ и поѣхалъ, куда глаза глядятъ. Долго-долго онъ ѣхалъ; наѣзжаетъ на двухъ старыхъ швей и проситъ, чтобы онѣ взяли его съ собой жить. Старухи сказали: «Мы бы рады тебя взять, Иванъ-царевичъ, да намъ ужъ немного жить. Вотъ доломаемъ сундукъ иголокъ да изошьемъ сундукъ нитокъ — тотчасъ и смерть прійдетъ!» Иванъ-царевичъ заплакалъ и поѣхалъ дальше. Долго-долго ѣхалъ; подѣзжаетъ къ Вертодубу и проситъ: «Прійми меня къ себѣ!» — «Радъ бы тебя

принять, Иванъ-царевичъ, да мнѣ жить остается немного. Вотъ какъ помыдѣру всѣ эти дубы съ корнями — тотчасъ и смерть моя!» Пуще прежняго заплакалъ царевичъ и поѣхалъ все дальше да дальше. Подѣзжаетъ къ Вертогору; сталъ его просить, а онъ отвѣтъ: «Радъ бы принять тебя, Иванъ-царевичъ, да мнѣ самому жить немного. Видишь, поставленъ я горы ворочать; какъ справлюсь съ этими послѣдними — тутъ и смерть моя!» Залился Иванъ-царевичъ горькими слезами и поѣхалъ еще дальше. Долго-долго ѣхалъ; пріѣзжаетъ, наконецъ, къ Солнцевой сестрицѣ. Она его приняла къ себѣ, кормила-поила, какъ за роднымъ сыномъ ходила. Хорошо было жить царевичу; а все нѣтъ-нѣтъ, да и сгрустнется: захочется узнать, что въ родномъ дому дѣется? Взойдетъ бывало на высокую гору, посмотреть на свой дворецъ и видѣть, что все сдѣдено, только стѣны остались. Вздохнетъ и заплачетъ. Разъ эдакъ посмотрѣлъ да поплакалъ — воротился, а Солнцева сестра спрашиваетъ: «Отчего ты, Иванъ-царевичъ, нонче заплаканной? Онъ говорить: «Вѣтромъ въ глаза надуло». Въ другой разъ опять то же; солнцева сестра взяла да и запретила вѣтру дуть. И въ третій разъ воротился Иванъ-царевичъ заплаканной, да ужъ дѣлать нечего — пришлось во всемъ признаваться, и сталъ онъ просить Солнцеву сестрицу, чтобы отпустила его, добра мѣлодца, на родину понавѣдаться. Она его не пускаетъ, а онъ ее упрашиваетъ; наконецъ, упросилъ таки, отпустила его на родину понавѣдаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два молодежавыхъ яблочка: какой бы ни былъ старъ человѣкъ, а съѣсть яблочко — вмгъ помолодѣетъ. Пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ Вертогору, всего одна гора осталась; онъ взялъ свою щетку и бросилъ во чисто поле: откуда ни взялись — вдругъ выросли изъ земли высокія-высокія горы, верхушками въ небо упираются, и сколько тутъ ихъ — видимо-невидимо! Вертогоръ обрадовался и весело принялся за работу. Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ Вертодубу, всего три дуба осталось; онъ взялъ гребенку и кинулъ во чисто поле: откуда что — вдругъ зашумѣли, поднялись изъ земли густые дубовые лѣса, дерево дерева толще! Вертодубъ обрадовался, благодарствовалъ царевичу и пошелъ столѣтніе дубы выворачивать. Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ старухамъ, далъ имъ по яблочку; онѣ съѣли, вмгъ помолодѣли и подарили ему хусточку ¹⁾: какъ махнешъ хусточкой — станетъ позади цѣлое озеро. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ домой; сестра выбѣжала, встрѣтила его, приголубила: «Сядь, говорить, братецъ, поиграй на гусяхъ, а я пойду — обѣдъ приготовлю». Царевичъ сѣлъ и брянчить на гусяхъ; выползъ изъ норы мышенокъ и говорить ему человѣческимъ голосомъ: «Спасайся, царевичъ, бѣги скорѣе! твоя сестра ушла зубы точить». Иванъ-царевичъ вышелъ изъ горницы, сѣлъ на коня и поскакалъ назадъ; а мышенокъ

¹⁾ Платокъ.

по струнамъ бѣгаетъ: гусли брянчатъ, а сестра и не вѣдаетъ, что братецъ ушелъ. Наточила зубы, бросилась въ горницу, глядь — нѣтъ ни души, только мышенокъ въ нору скользнулъ. Разозлилась вѣдьма, — такъ и скрипитъ зубами, и пустилась въ погоню. Иванъ-царевичъ услыхалъ шумъ, оглянулся: вотъ-вотъ нагонитъ сестра, махнулъ хусточкой — и стало глубокое озеро. Пока вѣдьма переплыла озеро, Иванъ-царевичъ далеко уѣхалъ. Понеслась она еще быстрѣе... вотъ ужъ близко. Вертодубъ угадалъ, что царевичъ отъ сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу, — цѣлую гору накидалъ: нѣтъ вѣдьмѣ проходу. Стала она путь прочищать: грызла-грызла, насилу продралась, а Иванъ-царевичъ ужъ далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала, — еще немножко — и уйти нельзя. Вертогоръ увидалъ вѣдму, ухватился за самую высокую гору и повернулъ ее какъ разъ на дорогу, а на ту гору поставилъ другую. Пока вѣдьма карабкалась да лѣзла, Иванъ-царевичъ ѣхалъ да ѣхалъ, и далеко очутился. Перебралась вѣдьма черезъ горы и опять погнала за братомъ... Завидѣла его и говорить: «Теперь не уйдешь отъ меня!» Вотъ близко, вотъ нагонитъ! Въ то то самое время подскакалъ Иванъ-царевичъ къ теремамъ Солнцевой сестрицы и закричалъ: «Солнце! Солнце! отвори оконце». Солнцева сестрица отворила окно, и царевичъ вскочилъ въ него вмѣстѣ съ конемъ. Вѣдьма стала просить, чтобъ ей выдали брата головою. Солнцева сестра ея не послушала и не выдала. Тогда говорить вѣдьма: «Пусть Иванъ-царевичъ идетъ со мной на вѣсы — кто кого перевѣситъ? Если я перевѣшу — такъ я его съѣмъ, а если онъ перевѣситъ — пусть меня убьетъ!» Пошли; сперва сѣлъ на вѣсы Иванъ-царевичъ, а потомъ и вѣдьма полѣзла; только ступила ногой, такъ Ивана-царевича вверхъ и подбросило, да съ такою силою, что онъ прямо попалъ на небо, къ Солнцевой сестрѣ въ терема, а вѣдьма-змѣя осталась на землѣ.

(Записана на Украинѣ).

Примѣчаніе. Сказка — въ высшей степени замѣчательная; мало-русскій вариантъ ея и объясненіе заключающихся въ обоихъ спискахъ подробностей сообщены нами въ Поэт. Воз. III. 271—4. Упоминаемая здѣсь Солнцева сестра есть Зоря. Иванъ-царевичъ, будучи преслѣдуемъ злою всепожирающею вѣдьмою, скачетъ къ ея теремамъ и взываетъ: «Солнце, Солнце! отвори *оконце*». Сербы называютъ восходъ солнца *божьимъ прозоромъ*; *прозоръ* значитъ *окно*. Сравни это слово съ реченіями: *зоря*, *зракъ*, *зрѣть*; *окно* и *око*.

51. Вазуза и Волга.

Волга съ Вазузой долго спорили, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе большаго почета. Спорили-спорили, другъ друга не переспорили и рѣшились вотъ на какое дѣло. «Давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придетъ къ морю Хвалынскому, та

изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе и почету достойнѣе». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и прямѣе и ближе и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна.

(Записана въ Тверской губ.).

Примѣчаніе. Здѣсь олицетворены двѣ рѣки, которыя спорятъ о старѣйшинствѣ и пускаются вперегонку. Олицетвореніе это — не пустая риторическая фигура, а остатокъ древняго мнѣческаго представленія. Любопытно, что большая часть тропъ, не придуманныхъ нарочно, а издавна составляющихъ неотъемлемую принадлежность языка, ведутъ свое начало отъ древнихъ представленій народа и потому заключаютъ въ себѣ намеки на мнѣческія сказанія, хотя въ позднѣйшее время намеки эти до того стерлись, что могутъ быть разгаданы только путемъ научныхъ изслѣдованій. Обстановка, сказки, очевидно, сняты съ природы: покрываясь льдомъ, рѣки на зиму засыпаютъ, а весною пробуждаются и, сбросивъ зимнія оковы, разливаются отъ растаявшихъ снѣговъ и въ быстромъ и шумномъ бѣгѣ спѣшатъ снести свои обильныя воды въ далекое море, какъ бы перегоня одна другую. Это преданіе о Вазузѣ и Волгѣ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи связывается съ именами другихъ рѣкъ. См. рассказы о Днѣпрѣ, Деснѣ, Сожѣ, Западной Двинѣ, Донѣ и Шамѣ—въ Поэт. Воз., II, стр. 225—9.

52. М о р о з к о .

а. Жили-были старикъ да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Дѣвушка скота(ину) поила-кормила, дрова и водицу въ избу носила, печку топила, обряды ¹⁾ творила, избу мела и все убирала еще до свѣту; но старуха и тутъ была недовольна и на Марѳушу ворчала: «Экая лѣнивица, экая неряха! и голикъ-то не у мѣста, и не такъ-то стоитъ, и сорно-то въ избѣ.» Дѣвушка молчала и плакала; она всячески старалась мачихѣ уноровить ²⁾ и дочерямъ ея услужить; но сестры, глядя на мать, Марѳушу во всемъ обижали, съ нею вздорили ³⁾ и плакать заставляли: то имъ и любо было. Сами онѣ поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистымъ полотенцемъ утирались и за работу садились, когда пообѣдаютъ. Вотъ

¹⁾ Уборы женскіе, платья (Опытъ обл. велик. словаря). ²⁾ Приноровиться, прійтись по нраву. ³⁾ Ссорились.

наши дѣвѣны росли да росли, стали большими и сдѣлались невѣстами. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Старику жалко было старшей дочери; онъ любилъ ее за то, что была послушная ¹⁾ да работящая, никогда не упрямилась, — что заставлятъ, то и дѣлала и ни въ чемъ слова не переборонила ²⁾; да не зналъ старикъ чѣмъ пособить горю. Самъ былъ хилъ, старуха ворчунья, а дочери ея лѣнивыцы и упрямицы.

Вотъ наши старики стали думу думать: старикъ—какъ бы дочерей пристроить, а старуха—какъ бы старшую съ рукъ сбыть. Однажды старуха и говорить старику: «Ну, старикъ, отдадимъ Марѳушу замужъ». — «Ладно» ³⁾, сказалъ старикъ и побрѣлъ себѣ на печь; а старуха вслѣдъ ему: «Завтра встань, старикъ, ты пораньше, запряги кобылу въ дровни и поѣзжай съ Марѳуткой; а ты, Марѳутка, собери свое добро въ коробейку да накинъ бѣлую исподку ⁴⁾: завтра поѣдешь въ гости». Добрая Марѳуша рада была такому счастью, что увезуть ее въ гости, и сладко спала всю ночь; поутру рано встала, умылась, Богу помолилась, все собрала, чередомъ уложила, сама нарядилась, и была дѣвка—хоть куды невѣста! А дѣло-то было зимою, и на дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Старикъ на утро, ни свѣтъ ни зоря, запрѣтъ кобылу въ дровни, подвелъ ко крыльцу; самъ пришелъ въ избу, сѣлъ на коникъ и сказалъ: «Ну, я все изладилъ!» — «Садитесь за столъ да жрите!» ⁵⁾ сказала старуха. Старикъ сѣлъ за столъ и дочь съ собою посадилъ; хлѣбница ⁶⁾ была на столѣ, онъ вынулъ челпанъ ⁷⁾ и нарушалъ ⁸⁾ хлѣба и себѣ и дочери. А старуха межъ тѣмъ подала въ блюдѣ старыхъ щей и сказала: «Ну, голубка, ѣшь да убирайся: я вдоволь на тебя наглядѣлась! Старикъ, увези Марѳутку къ жениху, да мотри, старой хрычъ, поѣзжай прямой дорогой, а тамъ сверни съ дороги-то направо, на боръ,— знаешь, прямо къ той большой соснѣ, что на пригоркѣ стоитъ, и тутъ отдай Марѳутку за Морозка». Старикъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и пересталъ хлѣбать, а дѣвка завывала. «Ну, что тутъ нюни-то распустила! Вить женихъ-то красавецъ и богачъ! Мотри-ко, сколько у него добра: всѣ ѣлки, мянды ⁹⁾ и берѣзы въ пуху; житье-то завидное, да и самъ онъ богатырь!» Старикъ молча уклалъ пожитки, велѣлъ дочери накинуть шубнякъ ¹⁰⁾ и пустился въ дорогу. Долго ли ѣхалъ, скоро ли прѣхалъ — не вѣдаю: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Наконецъ, доѣхалъ до бору, своротилъ съ дороги и пустился прямо снѣгомъ по насту; забравшись въ глушь, остановился и велѣлъ дочери слѣзать, самъ поставилъ подъ огромной сосной коробейку и сказалъ: «Сиди и жди жениха, да мотри — принимай ласковѣе». А послѣ заворотилъ лошадей — и домой.

1) Послушная. 2) Не поперечила. 3) Ладно. 4) Чистую рубаху. 5) Въ рукописи: «жрите». 6) Круглая коробка, лукошко съ крышей — для держанія хлѣба. 7) Не-початой коровой хлѣба, пирогъ безъ начинки. 8) Нарѣзаль. 9) Верхніе слои сосны. 10) Крестьянская баранья шуба.

Дѣвушка сидитъ да дрожить: ознобъ ее пробралъ. Хотѣла она вытъ, да силъ не было: одни зубы только постукиваютъ. Вдругъ слышитъ: невдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Очуд(т)ился онъ и на той соснѣ, подъ коѣй дѣвица сидитъ, и сверху ей говоритъ: «Тепло ли те, дѣвица?» — «Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!» Морозко сталъ ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Морозъ спросилъ дѣвицу: «Тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная?» Дѣвица чуть духъ переводить, но еще говоритъ: «Тепло, Морозушко! тепло, батюшко!» Морозко пуще затрепалъ и сильнѣе защелкалъ и дѣвицѣ сказалъ: «Тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная? тепло ли те, лапушка?» Дѣвица окостенѣвала и чуть слышно сказала: «Ой тепло, голубчикъ Морозушко!» Тутъ Морозко сжалился, окуталъ дѣвицу шубами и отогрѣлъ одѣялами.

Старуха на утро мужу говоритъ: «Поѣзжай, старый хрычъ, да буди молодыхъ!» Старикъ запретъ лошадь и поѣхалъ. Подѣхавши къ дочери, онъ нашель ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и коробъ съ богатыми подарками. Не говоря ни слова, старикъ сложилъ все на возъ, сѣлъ съ дочерью и поѣхалъ домой, и дѣвица бухъ въ ноги мачехѣ. Старуха изумилась, какъ увидѣла дѣвку живую, новую шубу и коробъ бѣлья. «Э, сука, не обманешь меня».

Вотъ спустя немного, старуха говоритъ старику: «Увези-ко и моихъ-то дочерей къ жениху; онъ ихъ еще не такъ одарить!» Не скоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ поутру рано старуха дѣтокъ своихъ накормила и, какъ слѣдуетъ, подъ вѣнецъ нарядила и въ путь отпустила. Старикъ тѣмъ же путемъ оставилъ дѣвокъ подъ сосною. Наши дѣвицы сидятъ да посмѣиваются: «Что это у матушки выдуманно — вдругъ обѣихъ замужъ отдавать? Развѣ въ нашей деревнѣ нѣтъ и ребятъ! Неровень чортъ прѣдетъ и не знаешь какой!» Дѣвушки были въ шубнякахъ, и тутъ имъ стало зябко. «Что, Параха? меня морозъ по кожѣ подираетъ. Ну, какъ суженой-ряженой не прѣдетъ, такъ мы здѣсь околѣемъ» ¹⁾. — «Полно, Машка, вратъ! коли рано женихи собираются? а теперь есть ли и обѣдъ ²⁾ на дворѣ». — «А что, Параха, коли прѣдетъ одинъ, кого онъ возьметъ?» — «Не тебя ли, дурища?» — «Да, мотри, тебя!» — «Конечно, меня». — «Тебя! полно тебѣ ци(ы)ганить ³⁾ да вратъ!» Морозко у дѣвушекъ руки ознобилъ, и наши дѣвицы сунули руки въ пазухи да опять за то же. «Ой, ты, заспанная рожа! нехорошая тресся! ⁴⁾ поганое рыло! пре(я)сть ты не умѣешь, а перебирать и вовсе не смыслишь». — «Охъ, ты, хвастунья! а ты что знаешь? только по бесѣдкамъ ходить да облизываться. Посмотримъ, кого скорѣе возьметъ!» Такъ дѣвицы растобаривали и не въ шутку озябли; вдругъ онѣ въ одинъ голосъ сказали: «Да кой хранци! ⁵⁾ что долго нейдетъ? вишь

¹⁾ Замерзнемъ. ²⁾ Обѣденная пора, полдень. ³⁾ Насмѣхаться. ⁴⁾ Ругательное слово, прилагаемое людямъ сварливымъ и вздорнымъ: тресса — лихорадка. ⁵⁾ Бранное выраженіе; см. Опытъ обл. великорусск. словаря.

ты посинѣла!» Вотъ вдалькѣ Морозко началъ потрескивать и съ елки на елку поскакивать да пощелкивать. Дѣвицамъ послышалось, что кто-то ѣдетъ. «Чу, Параха! ужь ѣдетъ да и съ колокольцомъ». — «Поди прочь, сука! я не слышу, меня морозъ обдираетъ». — «А еще замужь нарохтишься!» И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе, да ближе; наконецъ очуд(т)ился на соснѣ, надъ дѣвицами. Онъ дѣвицамъ говорить: «Тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя? тепло ли, мои голубушки?» — «Ой, Морозко, больно студено! мы замерзли, ждѣмъ суженаго, а онъ. окаянный, сгинулъ». Морозко сталъ ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. Тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя?» — «Поди ты къ чорту! развѣ слѣпъ, вишь у насъ руки и ноги отмерзли». Морозко еще ниже спустился, сильно приударилъ и сказалъ: «Тепло ли вамъ, дѣвицы?» — «Убирайся ко всѣмъ чертямъ въ омутъ, сгинь, окаянной!» — и дѣвушки окостенѣли.

На утро старуха мужу говорить: «Запряги-ко ты, старикъ, пошевѣнки; положи охабочку сѣнца да возьми шубное опахало ¹⁾. Чай дѣвки-то приозябли; на дворѣ-то страшной морозъ! да мотри, воровѣй ²⁾, старой хрычъ!» Старикъ не успѣлъ и перекусить, какъ былъ ужь на дворѣ и на дорогѣ. Приѣзжаетъ за дочками и находитъ ихъ мертвыми. Онъ въ пошевѣнки дѣтокъ свалилъ, опахаломъ закуталъ и рогоз(ж)кой закрылъ. Старуха, увидя старика издалека, навстрѣчу выбѣгала и такъ его вопрошала: «Чтò дѣтки?» — «Въ пошевняхъ». Старуха рогозку отвернула, опахало сняла и дѣтокъ мертвыми нашла. Тутъ старуха какъ гроза разразилась и старика разбранила: «Что ты надѣлалъ, старой песь? уходилъ ты моихъ дочекъ, моихъ кровныхъ дѣточекъ, моихъ ненаглядныхъ симячокъ (сѣмячковъ), моихъ красныхъ ягодокъ! Я тебя ухватомъ прибью, кочергой зашибу!» — «Полно, старая дрянъ! вишь ты на богатство польстилась, а дѣтки твои упрямыцы! Коли я виноватъ? ты сама захотѣла». Старуха посердилась, побранилась да послѣ съ падчерицею помирилась, и стали они жить да быть, да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сусѣдъ, свадебку сыграли, и Мар-ѳуша счастливо живетъ. Старикъ внучать Морозкомъ страшшалъ и упрямитъся не давалъ. Я на свадьбѣ былъ, медъ-пиво пилъ, по усу текло, да въ ротъ не попало.

(Записана въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.).

в. У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаеть, за все ее глядятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ — ничѣмъ не угодить: все не такъ, все худо. А надо правду сказать, дѣвочка была золото, — въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумить да затих-

¹⁾ Покрывало, одѣяло (сличи глаголь: запахиваться, запахнуть).

²⁾ Проворнѣе, скорѣе.

нетъ, а старая баба расходится — не скоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «Вези, вези, старикъ, ее, куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши о ней не слышали; да не вози къ роднымъ въ тёплую хату, а во чисто поле на трескунъ морозъ!» Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой — и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобы глаза не видали дочериной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творить. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!» — «Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную¹⁾. Морозъ хотѣлъ ее тукнуть²⁾ и заморозить; но полюбились ему ее умныя рѣчи, жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, подожгла ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!» — «Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную». Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу: онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокой да тяжелой, полный всякаго приданого. Усѣлась она въ шубочкѣ, на сундукѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ и золотомъ. Надѣла она и стала какая красавица, какая нарядница! сидитъ и пѣсенки поѣвываетъ. А мачеха по ней поминки справляетъ: напекла блиновъ. «Ступай, мужъ! вези хоронить дочь». Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: «Тявь! тявь! старикову дочь въ златѣ, сѣребрѣ везуть, а старухину женихи не берутъ!» — «Молчи, дура! на блинъ, скажи: «старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ!» Собачка съѣла блинъ да опять: «Тявь! тявь! старикову дочь въ златѣ, въ сѣребрѣ везуть, а старухину женихи не берутъ!» Старуха и блины давала и била ее, а собачка все свое: «Старикову дочь въ златѣ, въ сѣребрѣ везуть, а старухину женихи не возьмутъ!»

Скригнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокой, тяжелой, идетъ падчерица — панья-паньей сіяетъ! Мачеха глянула — и руки врозь! «Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то же поле, на то же мѣсто». Повѣзъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ-красной носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а

¹⁾ *Вариантъ*: Идетъ Морозъ въ однихъ чулкахъ, однихъ сапогахъ. «Тепло ль тебѣ, дѣвица? тепло ль тебѣ, красная?» — Божье тепло, Божье и холодно!

²⁾ Стукнуть, — пришибить.

хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ. «Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!» А собачка подъ столонъ: «Тявь! тявь! старикову дочь женихи возьмутъ, и старухиной въ мѣшкѣ косточки везуть!» — «Не ври! на пирога, скажи: старухину въ златѣ, въ сѣребрѣ везуть!» Растворилсъ ворота, старуха выбѣжала встрѣтъ(чать) дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

(Записана въ Курской губ.).

53. Старуха-говоруха.

И день и ночь старуха ворчить, — какъ у ней языкъ не заболить? а все на падчерицу: и не умна, и не статна! поидеть и прійдетъ, станеть и сядеть — все не такъ, невпопадъ! — съ утра до вечера, какъ заведенныя гусли. Надоѣла мужу, надоѣла всѣмъ, — хоть со двора бѣжи! Запрѣтъ старикъ лошадь, затѣялъ въ городъ просо везть, а старуха кричить: «Бери и падчерицу, вези хоть въ темный лѣсъ, хоть на путь на дорогу, только съ моей шеи долой!» Старикъ повѣзъ. Дорога дальняя, трудная, всё боръ да болото, гдѣ кинуть дѣвку? Видить: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, пирогомъ подперта, блиномъ накрыта, стоитъ — перевертывается. Въ избушкѣ, подумалъ, лучше оставить дочь, ссадилъ ее, далъ проса на кашу, ударилъ по лошади и укатилъ изъ виду. Осталась дѣвка одна; натолкла проса, наварила каши много, а ѣсть некому. Пришла ночь длинная, жуткая; спать — бока пролежишь, глядѣть — глаза проглядишь, слова молвить не съ кѣмъ, — и скучно и страшно! Стала она на порога, отворила дверь въ лѣсъ и зовѣтъ: «Кто въ лѣсѣ, кто въ тѣмномъ — приди ко мнѣ гостевать!» Лѣшій откликнулся, скинулся ¹⁾ молодцомъ, новгородскимъ кушомъ, прибѣжалъ и подарочекъ принѣсъ. Нынче придетъ — покалякаетъ ²⁾, завтра придетъ — гостинецъ принесетъ; уадилися ³⁾, наносилъ столько, что дѣвать некуда! А старуха-говоруха и скучила ⁴⁾ безъ падчерицы: въ избѣ у ней стало тихо, на животѣ тошно, языкъ пересохъ. «Ступай, мужъ, за падчерицей, со дна моря ее достань, изъ огня выхвати! Я стара, я хила, — за мной походить некому». Послушался мужъ; пріѣхала падчерица, да какъ раскрыла сундукъ да развѣсила добро на веревочкѣ отъ избы до воротъ, — старуха было разинула ротъ, хотѣла по-своему встрѣтить, а какъ увидѣла — губки сложила, подъ святые ⁵⁾ гостью посадила и стала величать ее да приговаривать: чего изволишь, моя сударыня?

(Записана въ Курской губ.).

¹⁾ Прикинулся, оборотился. ²⁾ Поболтаеть, поговорить. ³⁾ Повадился.
⁴⁾ Соскучилась. ⁵⁾ Иконы (т.-е. въ передн. уголѣ).

54. Дочь и падчерица.

Женился мужикъ вдовой съ дочкою на вдовѣ — тоже съ дочкою, и было у нихъ двѣ сводныя дочери. Мачеха была ненавистная; отдыху не дастъ старику: «Вези свою дочь въ лѣсъ въ землянку: она тамъ больше нарядеть». Что дѣлать! послушалъ мужикъ бабу, свѣзъ дочку въ землянку и далъ ей огниво, кремѣпикъ, труду да мѣшочекъ крупъ и говорить: «Вотъ тебѣ огоньку; огонѣкъ не переводи, кашку вари, а сама сиди да пряди, да избушку-то припри». Пришла ночь. Дѣвка затопила печурку, заварила кашу; откуда ни возьмись мышка — и говорить: «Дѣвица, дѣвица! дай мнѣ ложечку кашки». — Охъ, моя мышинька, разбай ¹⁾ мою скуку; я тебѣ дамъ не одну ложку кашки, а и досыта накормлю». Наѣлась мышка и ушла. Ночью вломился медвѣдь: «Ну-ка, дѣушка, говорить, туши огни, давай въ жмурку играть». Мышка взбѣжала на плечо дѣвицы и шепчетъ на ушко: «Не бойся, дѣвица! скажи: давай! а сама туши огонь да подъ печь полѣзай, а я стану бѣгать и въ колокольчикъ звенѣть». Такъ и случилось. Гоняется медвѣдь за мышкою — не поймаешь; сталь ревѣть да полѣньями бросать; бросаль-бросаль, да не попалъ, усталъ и молвилъ: «Мастерица ты, дѣушка, въ жмурку играть! За то пришло тебѣ утромъ стадо коней да возъ добра». На утро жена говоритъ: «Поѣзжай, старикъ, провѣдай-ка дочь — чтò напяла она въ ночь?» Уѣхалъ старикъ, а баба сидитъ да ждѣтъ: какъ-то онъ дочернія косточки привезѣтъ! Вотъ собачка: «Тяфъ-тяфъ-тяфъ! ²⁾ съ старикомъ дочка ѣдетъ, стадо коней гонитъ, возъ добра везетъ». — «Врешь, шафурка! это въ кузовѣ кости гремятъ да пограмыхиваютъ». Вотъ ворота заскрипѣли, кони на дворъ вбѣжали, а дочка съ отцомъ сидитъ на возу: полонъ возъ добра! У бабы отъ жадности ажъ глаза горятъ. «Экая важность! кричитъ: повези-ка мою дочь въ лѣсъ на ночь: моя дочь два стада коней притонить, два воза добра притащить». Повѣзъ мужикъ и бабину дочь въ землянку, и также снарядилъ ее ѣжою ³⁾ и огнемъ. Объ вечеру заварила она кашу. Вышла мышка и проситъ кашки у Наташки. А Наташка кричитъ: «Ишь, гада какая!» и пшвырнула въ нее ложкой. Мышка убѣжала, а Наташка уписываетъ одна кашу, съѣла, огни позадула и въ углу прикурнула ⁴⁾. Пришла полночь — вломился медвѣдь и говорить: «Эй, гдѣ ты, дѣушка? Давай-ка въ жмурку поиграемъ». Дѣвица молчитъ, только со страху зубами стучить. «А ты вотъ гдѣ! на колокольчикъ, бѣгай, а я буду ловить». Взяла колокольчикъ, рука дрожитъ, колокольчикъ безперечъ звенитъ, а мышка оживаетъ: «Злой дѣвицѣ живой не быть!» На утро плѣтъ баба старика въ лѣсъ: «Ступай! моя дочь два воза привезетъ,

¹⁾ Разговори. ²⁾ По другому списку — прилетаетъ пѣтухъ и кричитъ: «Жукуруку! съ старикомъ дочка ѣдетъ» и т. д. ³⁾ Ёдою. ⁴⁾ Прилегла, соснула.

два табуна пригонить». Мужик уѣхалъ, а баба за воротами ждѣтъ. Вотъ собачка: «Тяфъ-тяфъ-тяфъ! хозяйкина дочь ѣдетъ — въ кузовѣ костью гремитъ, а старикъ на пустомъ возу сидитъ». — «Врешь ты, шавчонка, моя дочь стада гонитъ и возы везетъ». Глядь — старикъ у воротъ, женѣ кузовъ подаетъ; баба кузовокъ открыла, глянула на косточки и завыла, да такъ разозлилась, что съ горя и злости на другой же день умерла; а старикъ съ дочкою хорошо свой вѣкъ доживалъ и знатнаго зятя къ себѣ въ домъ прималъ.

(Записана въ Тульской губ. г. Мясоѣдовымъ).

55. Кобылячья голова.

Якъ бувъ дидъ да баба, да у ихъ було дви дочки: одна дидова, а друга бабина. У диды була дочка така, що всегда рано уставала да усе робила, а бабиній якъ бы ничого не робить! Ото разъ баба послала ихъ на попряхи: идить же, говдритъ, да щобъ мини богато направили. Дидова дочка до свита встала да усе прядла; а бабина зъ вечера тильки якъ попрядла трошки, да-й-не прядла бильши(е). Ураньцы, якъ свить ставъ, пошли вони до дому; треба имъ було въ одномъ мисти черезъ перелазъ лизти. Бабина дочка упередъ перелизла и говдритъ: «Дай мини, сестрице, твои починки ¹⁾: я подержу, покиль ты перелизишь». Та јій одала; такъ вона, ихъ забравши, побигла до дому, да-й каже: «Дивись, мамо, скильки я направила, а сестра якъ легла зъ вечера, дакъ и не уставала до свита!» А та, прійшовши, скильки не божилась, що то јій починки, дакъ куда — баба и слухать не хотила, одъ того що вона јин и попереду не любила, да и навязалась на диду: «Дѣ хочешъ, тамъ и динь ²⁾ свою дочку, тильки щобъ вона у мене дурно ³⁾ хлиба не јила!» Отъ дидъ заприть кобылу да посадивъ дочку на визъ, и самъ сивъ, да и појихали. Јидуть лисомъ, ажъ тамъ стоить хатка на курячій нижки. Дидъ узавъ дочку да-й повивъ у хату, а хата була одчнина ⁴⁾, да-й каже: «Оставайся жъ, доню ⁵⁾, тутъ, а я пиду, дровецъ нарубаю, щобъ було чимъ кашу зварить». Да самъ пишовъ съ хати да-й појихавъ, тильки привязавъ до оконцы колодочку. Колодочка стукне, а дочка и каже: «Се мій батенько дровця рубае!» Коли стукотить, гуркотить ⁶⁾ кобыляча голова: «Хто въ мојій хати, одчини!» Дивчина встала и одчинила. «Дивчино, дивчино! пересадъ черезъ порогъ». Вона пересадила. «Дивчино, дивчино! постили мини постиль». Вона постелила. «Дивчино, дивчино! положи мене на шиль ⁷⁾». Вона положила. «Дивчино, дивчино! укрій мене». Вона и укрила. «Дивчино, дивчино! улизь же мини у праве ухо, а у ливе вылизъ».

¹⁾ Починокъ — пряжа, намотанная на веретено. ²⁾ Дѣвай, дѣнь. ³⁾ Даромъ.

⁴⁾ Отворена. ⁵⁾ Дѣчка. ⁶⁾ Стучить, шумить. ⁷⁾ Поль — возвышенный помостъ въ крестьянскихъ избахъ, замѣняющій кровати.

Вона якъ вылизла изъ ушей, дакъ стала така хорóша, що крãщей ¹⁾ не мае. Зãразъ стали и лакеи, и кони, и коляска; вона сила у коляску да-й поїхала до батька. Приходить у хату, а батько ји и не пизнавъ; а послѣ вона имъ рассказала, що зъ нїю було. Отъ баба упать при-стала до дѣда: «Вези и мою дочку туда, куда свою возивъ». Дѣдъ и бабину тудажъ отвизъ и, посадивши у хати, веливъ себе ждãть, покиль винъ нарубаеть дровъ. Тильки та пождала трошки, начала плакать, що сама осталась у лѣсу; ажъ опять стукотить, гуркотить кобыляча голова: «Хто въ мојій хати, одчини!» — «Не велика пани, и сама одчинишь», каже дивчина. «Дивчино, дивчино! пересади мене черезъ порогъ». — «Не велика пани! и сама перелизишь». — Дивчино, дивчино! постели минѣ постиль». — «Не велика пани! и сама постилишь». «Дивчино, дивчино! положи мене на пиль». — «Не велика пани! и сама ляжешь». — «Дивчино, дивчино! укрий мене». — «Не велика пани! и сама укрѣешься». Тогда кобыляча голова схватила и зъјила бабину дочку, да ки(о)сточка въ мѣшочку и повисила, а сама опять ушла. Собачка прибѣжала до баби да начала брехать: «Гавъ, гавъ! Дидова дочкã якъ паночка, а бабиной дочкѣ у торбинци кисточки!» Що прожене ²⁾ баба ји, то вона опять и приближить. Тильки баба и говорить дидови: «Појидь да подивись, що тамъ изъ мојій дочкою робица». Отъ дѣдъ појихавъ и привизъ у торбици кисточки, дакъ баба росердилась да собачку и убила.

Примъчаніе къ № 52—55. Поименованныя нами сказки, подобно многимъ другимъ, основаны на злобѣ мачехи къ дѣтямъ отъ прежняго брака ея мужа. Это нелюбовь мачехи къ падчерицамъ и пасынкамъ составляетъ наиболѣе любимый мотивъ, варіируемый народнымъ эпосомъ. Въ первой сказкѣ олицетворенъ морозъ—намекъ на вѣрованіе отдаленной старины. Между нашими поселянами до сихъ поръ существуетъ обычай, указывающій, что могучія силы природы народному воображенію представляются какъ существа живыя и могучія. Наканунѣ Рождества и на Великъ-день въ каждой семьѣ старикъ беретъ ложку кутьи или киселя, выходитъ на порогъ сѣней или влѣзаетъ на печь и, просовывая голову въ волоковое окно, говоритъ: «Морозъ, Морозъ! приходи кисель ѣсть; Морозъ, Морозъ, не бей нашъ овесъ» (Поэт. Воз., I, 319). Вмѣсто Мороза во второй сказкѣ является лѣшій, въ третьей — медвѣдь, а въ четвертой — кобылячья голова.

Съ напечатанными нами сказками сходна «Сказка о злой мачехѣ», помѣщенная въ изданіи г. Авдѣевой, стр. 56—72. Вмѣсто лѣшаго, который дѣйствуетъ въ сказкѣ: «Старуха-говоруха», здѣсь выведенъ: «старикъ старый-престарый, борода сѣдая до колѣнъ, глаза такъ и свѣтятся, какъ угли». Онъ не позволяетъ мужикамъ рубить дровъ въ своемъ заповѣдномъ лѣсу, а привезенную къ нему падчерицу заставляеть въ

1) Болѣе красивой. 2) Прогонить.

однѣ сутки напрясть нитокъ, выткать холстъ и спать рубашку. Послушная падчерица—дѣлать нечего—стала прясть и ткать; веретенцы такъ сами и вертятся,—успѣвай нитки поправлять, а челнокъ такъ и прыгаетъ взадъ и впередъ: все готово! Старикъ остался доволенъ и сказалъ: «Хочешь ли, я пошлю своихъ волковъ и медвѣдей—пусть съѣдятъ мачеху!»—«Нѣтъ, не трогай ея!» говорить дѣвочка. Онъ наградилъ ее уборами, златомъ и серебромъ и отпустилъ домой. Ёдетъ падчерица съ отцомъ домой, а собачка лаетъ: «Тявь, тявь! тявь! хозяинъ ёдетъ, золото да серебро стучить да гремитъ!» А мачехина дочь не послушалась старика, не связала ему ни носковъ ни вѣрегъ; онъ прогналъ ее въ лѣсъ, гдѣ и съѣли ее волки. Везетъ отецъ ея косточки, а собачка лаетъ: «Тявь, тявь, тявь! хозяинъ ёдетъ, косточки въ лукошкѣ стучать да гремять!»

Въ «Маякѣ» (т. XV, смѣсь, стр. 23—25) сообщенъ бѣлорусскій вариантъ. Было три сестры, младшая—дурочка. Лѣтомъ собирали онѣ въ лѣсу ягоды; старшая сестра заблудилась, шла-шла и пришла къ хаткѣ на куриной лапкѣ. Вошла въ хатку и стала сестеръ закликать: «Кто въ лѣсу, кто въ бору? приди ко мнѣ ночевать!»—«Я въ лѣсу, я въ бору! приду къ тебѣ ночевать»,—отвѣтилъ огромный медвѣдь, входя въ дверь.—«Не бойся меня, влѣзь въ правое мое ушко, вылѣзь въ лѣвое—у насъ всего будетъ!» Дѣвица влѣзла медвѣдю въ правое ухо, вылѣзла въ лѣвое и нашла у себя за пазухой ключи. «Теперь приготовь ужинъ!» Она приготовила ужинъ. Съли за столъ; мышь подбѣгаетъ и проситъ у дѣвицы кашки. «Кто съ тобой разговариваетъ?» спрашиваетъ медвѣдь. «Мышка каши проситъ». «Ударь ее по лбу», Она ударила. «Теперь стели мнѣ постель: рядъ полѣньевъ да рядъ каменевъ, ступу въ головы, а жорновомъ накрыться». Постель приготовлена; медвѣдь лёгъ, а дѣвицѣ велѣлъ цѣлую ночь бѣгать по комнатѣ да звенѣть ключами. Она бѣгаетъ, ключами побрякиваетъ, а медвѣдь лежалъ-лежалъ, и бросилъ въ нее жорновъ. «Жива еще!» закричала мышка. Медвѣдь бросилъ ступу. «Жива еще!» опять отозвалась мышка, и вслѣдъ за ступой полетѣло полѣно. Убилъ медвѣдь красную дѣвицу и высосалъ изъ нея кровь. Въ другой разъ заблудилась средняя сестра, и съ нею случилось та же самая бѣда. Вздумала меньшая дурочка—пойти поискать своихъ сестеръ и попала въ ту же хатку. Медвѣдь велѣлъ ей приготовить ужинъ и постлатъ постель. Съли они за столъ; прибѣжала мышка и стала просить каши. Дѣвица дала ей. «Кто съ тобой разговариваетъ?» спросилъ медвѣдь.—«Никто!» Вотъ когда медвѣдь улѣгся, мышка сказала красной дѣвицѣ: «Дай мнѣ ключи, я стану за тебя бѣгать!» Медвѣдь бросилъ жорновъ, мышка закричала: «не жива!» Медвѣдь вскочилъ, сталъ искать убитую, не нашелъ и побѣжалъ въ лѣсъ. Тогда мышка рассказала дѣвицѣ про старшихъ сестеръ, дала ей ключики, у которыхъ чтó ни попроси—все дадутъ, и проводила ее домой. (Сличи Глинск., III, 127—146).

Варианты сказки про «Кобылячью голову» смотри: Худяк., I, 13 и 14; Рудченко, II, 19, 20 и 21; Данилевскаго «Степныя сказки» (Спб., 1852 г.); въ послѣднемъ изданіи Кобылячья голова заставляетъ мачехину дочку влѣзть къ себѣ въ лѣвое ухо, а вылѣзти въ правое. Мачехина дочка влѣзла въ лѣвое ухо, а вылѣзла въ правое — и стала старою-престарою цыганкой, безъ зубовъ, съ клюкой и пошла въ лѣсную трущобу и съ горя утопилась въ лѣсномъ болотѣ.

56. Крошечка-Хаврошичка.

Вы знаете, что есть на свѣтѣ люди и хорошіе, есть и похуже, есть и такіе, которые Бога не боятся, своего брата не стыдятся; къ такимъ-то и попалась Крошечка-Хаврошичка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свѣтъ Божій не пустили, надъ работою каждый день занудили, заморили: она и по-дастъ, и прибираетъ, и за всѣхъ и за все отвѣчаетъ. А были у ея хозяйки три дочери большія. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка; но онѣ только и знали у воротъ сидѣть, на улицу глядѣть, а Крошечка-Хаврошичка на нихъ работала, ихъ обшивала, для нихъ и пряла и ткала, а слова добраго никогда не слыхала. Вотъ то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому, а привѣтить да пріохотить нѣтъ никого! Выйдетъ, бывало, Крошечка-Хаврошичка въ поле, обниметъ свою рябую коровку, ляжетъ къ ней на шейку и рассказываетъ, какъ ей тяжело жить-поживать: «Коровушка-матушка! меня бьютъ, жуютъ, хлѣба не даютъ, плакать не велятъ. Къ завтраму дали пять пудовъ напрясть, наткать, побѣлить, въ трубы покатасть». А коровушка ей въ отвѣтъ: «Красная дѣвица! влѣзь ко мнѣ въ одно ушко, а въ другое вылѣзь — все будетъ сработано». Такъ и сбывалось. Вылѣзетъ красная дѣвица изъ ушка — все готово: и наткано, и побѣлено, и покатоно. Отнесетъ къ мачехѣ; та поглядитъ, покряхтитъ, спрячетъ въ сундукъ, а ей еще больше работы задастъ. Хаврошичка опять придетъ въ коровушкѣ, въ одно ушко влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ и готовенькое возьметъ-принесетъ. Дивится старуха, зоветъ Одноглазку: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! доглядишь — кто сиротѣ помогаетъ: и ткѣтъ, и прядетъ, и въ трубы катаетъ?» Пошла съ сиротой Одноглазка въ лѣсъ, пошла съ нею въ поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнукѣ, разлеглась на травушкѣ; а Хаврошичка приговариваетъ: «Спи глазокъ, спи глазокъ!» Глазокъ заснулъ; пока Одноглазка встала, коровушка и наткала и побѣлила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнукѣ распеклась и на травушкѣ разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошичка баюкаетъ: «Спи глазокъ, спи другой!» Коровушка наткала, побѣлила, въ трубы покатола, а Двуглазка все

еще спала. Старуха разсердилась, на третій день послала Триглазку, а сиротѣ еще больше работы дала. И Триглазка, какъ ея старшія сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хавропичка поетъ: «Спи глазокъ, спи другой!» а о третьемъ забыла. Два глаза заснули, а третій глядитъ и все видитъ, все — какъ красная дѣвица въ одно ушко влѣзла, въ другое вылѣзла и готовые холсты подобрала. Все, что видѣла, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла къ мужу: «Рѣжь рябую корову!» Старикъ такъ саякъ: «Что ты, жена, въ умѣ ли? корова молодая, хорошая!» — Рѣжь, да и только! Наточилъ ножикъ... Побѣжала Хавропичка къ коровушкѣ: «Коровушка-матушка! тебя хотятъ рѣзать». — А ты, красная дѣвица, не ѣшь моего мяса; косточки мои собери, въ платочекъ завяжи, въ саду ихъ разсади и никогда меня не забывай — каждое утро водой ихъ поливай. Хавропичка все сдѣлала, что коровушка завѣщала; голодомъ голодала, мяса ея въ ротъ не брала; косточки каждый день въ саду поливала, и выросла изъ нихъ яблонка, да какая — Боже мой! Яблочки на ней висятъ наливныя, листочки шумятъ золотыя, вѣточки гнутся серебряныя; кто ни ѣдетъ мимо — останавливается, кто проходить близко — тотъ заглядывается.

Случилось разъ — дѣвушки гуляли по саду; на ту пору ѣхалъ по полю баринъ — богатый, кудреватый, молоденькой. Увидѣлъ яблочки, затрогалъ дѣвушекъ: «Дѣвицы-красавицы! — говорить онъ, — которая изъ васъ мнѣ яблочко поднесетъ, та за меня замужъ пойдетъ». И бросились три сестры одна передъ другой къ яблонкѣ. А яблочки то висѣли низко, подъ руками были, а то вдругъ поднялись высоко-высоко, далеко надъ головами стали. Сестры хотѣли ихъ сбить — листья глаза засыпаютъ, хотѣли сорвать — сучья косы расплетаютъ; какъ ни бились ни метались — ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хавропичка, и вѣточки приклонились, и яблочки опустились. Баринъ на ней женился, и стала она въ добрѣ поживать, лиха не зная.

(Записана въ Курской губ.).

57. Буренушка.

Не въ какомъ царствѣ, не въ какомъ государствѣ былъ-жилъ царь съ царицею, и была у нихъ одна дочь Марья-царевна. А какъ умерла царица, то царь взялъ другую жену Ягишну. У Ягишны родилось двѣ дочери: одна — двоеглазая, а другая — троеглазая. Мачеха не залюбила Марьи-царевны, послала ее пасти коровушку-буренушку и дала ей сухую краюшку хлѣбца. Царевна пошла въ чистое поле, въ правую ножку бурѣнушкѣ поклонилась — напилась - наѣлась, хорошо срядилась; за коровушкой-буренушкой цѣлой день ходить какъ барыня. День прошелъ, она опять поклонилась ей въ правую ножку, разряди-

лась, пришла домой и краюшку хлѣба назадъ принесла, на столъ положила. «Чѣмъ сука жива живетъ?» думаетъ Ягишна; на другой день дала Марьѣ-царевнѣ ту же самую краюшку и посылаетъ съ нею свою большую дочь: «Присмотри: чѣмъ Марья-царевна питается?» Пришли въ чистое поле; говорить Марья-царевна: «Дай, сестрица, я поищу у тебя въ головкѣ». Стала искать, а сама приговариваетъ: «Спи-спи, сестрица! спи-спи, родима! спи-спи, глазокъ! спи-спи, другой!» Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла къ коровушкѣ-бурѣнушкѣ, въ правую ножку поклонилась, напилась-наѣлась, хорошо срядилась и ходить весь день какъ барыня. Пришелъ вечеръ; Марья-царевна разрядилась и говорить: «(В)ставай, сестрица! (в)ставай, родима, пойдемъ домой». — «Охти мнѣ! взгоревалась сестрица: я весь день проспала, ничего не видѣла; теперь мати забранить меня!» Пришли домой; спрашиваетъ ее мати: «Что пила, что ѣла Марья-царевна?» — «Я ничего не видѣла». Ягишна заругалась на нее; поутру (в)стааетъ, посылаетъ троеглазую дочь: «Поди-ко, говорить, погляди, что она, сука, ѣс(т)ъ и пьетъ?» Пришли дѣвицы въ чистое поле бурѣнушку пасти; говорить Марья-царевна: «Сестрица! дай я тебѣ въ головкѣ поищу». — «Поищи, сестрица! поищи родима!» Марья-царевна стала искать да приговаривать: «Спи-спи, сестрица! спи-спи, родима! спи-спи, глазокъ! спи-спи, другой!» А про третій глазокъ позабыла; третій глазокъ глядитъ да глядитъ, что робить Марья-царевна. Она подбѣжала въ бурѣнушкѣ, въ правую ножку поклонилась, напилась-наѣлась, хорошо срядилась; стало солнушко садиться, — она опять поклонилась бурѣнушкѣ, разрядилась — и ну будить троеглазую: «(В)ставай, сестрица! (в)ставай! родима! пойдемъ домой». Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на столъ положила. Стала мати спрашивать у своей дочери: «Что она пьетъ и ѣс(т)ъ?» Троеглазая все и рассказала. Ягишна приказываетъ: «Рѣжь, старикъ, коровушку-бурѣнушку». Старикъ зарѣзалъ; Марья-царевна просить: «Дай дѣдушко родимой, хоть гузѣнную кишочку мнѣ». Бросилъ старикъ ей гузѣнную кишочку; она взяла, посадила ее къ веревѣ — выросъ раки-товъ кустъ, на немъ красуются сладкія ягодки, на немъ сидятъ разныя пташечки да поютъ пѣсни царскія и крестьянскія. Прослышалъ Иванъ-царевичъ про Марью-царевну, пришелъ къ ея мачехѣ, положилъ блюдо на столъ: «Которая дѣвица нарветъ мнѣ полно блюдо ягодокъ, ту за себя замужъ возьму». Ягишна послала свою большую дочь ягоды брать; птички ее и близко не подпускаютъ, того и смотри — глаза выклюютъ; послала другую дочь — и той не дали. Выпустила, наконецъ, Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягоды брать; она беретъ, а мелкія пташечки вдвое да втрое на блюдо кладутъ; пришла, поставила на столъ и царевичу поклонъ отдала. Тутъ веселымъ ширкомъ да за свадебку; взялъ Иванъ-царевичъ за себя Марью-царевну, и стали себѣ жить-поживать, добра наживать.

Долго ли, коротко ли жили, родила Марья-царевна сына. Захотѣлось ей отца навѣстить; поѣхала съ мужемъ къ отцу въ гости. Мачеха оборотила ее гусынею, а свою большую дочь снарядила Ивану-царевичу въ жены. Воротился Иванъ-царевичъ домой. Старичокъ-пѣстунъ (в)стаесть поутру ранѣхонько, умывается бѣлѣхонько, взявъ младенца на руки и пошелъ въ чистое поле къ кусточку. Летятъ гуси, летятъ сѣрые. «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ вы младѣнаго ¹⁾ матеръ видали?»—«Въ другомъ стадѣ». Летитъ другое стадо. «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ вы младѣнаго матеръ видали?» Младѣнаго матеръ на землю скочила, кожухъ сдернула, другой сдернула, взяла младенца на руки, стала грудью кормить, сама плачетъ: «Сегодня покормлю, завтра покормлю, а послѣ завтра улечу за темные лѣса, за высокія горы!» Старичокъ пошелъ домой; паренѣкъ спитъ до утра безъ разбуду, а подмѣнѣнная жена бранится, что старичокъ въ чистое поле ходитъ, всего сына заморилъ! Поутру старичокъ опять (в)стаесть ранѣхонько, умывается бѣлѣхонько, идетъ съ ребенкомъ въ чистое поле; и Иванъ-царевичъ всталъ, пошелъ невидимо за старичкомъ и забрался въ кустъ. Летятъ гуси, летятъ сѣрые. Старичокъ окликиваетъ: «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ младѣнаго матку видали?»—«Въ другомъ стадѣ». Летитъ другое стадо. «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ вы младѣнаго матеръ видали?» Младѣнаго матеръ на землю скочила, кожу сдернула, другую сдернула, бросила за кустъ и стала младѣнаго грудью кормить, стала прощаться съ нимъ: «Завтра улечу за темные лѣса, за высокія горы!» Отдала младенца старику: «Что, говорить, смородомъ ²⁾ пахнетъ?» Хотѣла было надѣвать кожи, хватилась—нѣтъ ничего: Иванъ-царевичъ спалилъ. Захватилъ онъ Марью-царевну; она обернулась скакухой ³⁾, потѣмъ ящерицей и всякой гадиной, а послѣ всего веретѣшечкомъ ⁴⁾. Иванъ-царевичъ переломилъ веретѣшко надвое, пятку назадъ бросилъ, носокъ передъ себя—стала передъ нимъ молодая молодича. Пошли они вмѣстѣ домой. А дочь Ягишны кричить-реветъ: «Разорительница идетъ! погубительница идетъ!» Иванъ-царевичъ собралъ князей и бояръ, спрашиваетъ: «Съ которой женой поволите жить?» Они сказали: «Съ первой».—«Ну, господа! которая жена скорѣе на ворота скочитъ, съ той и жить стану». Дочь Ягишны сейчасъ на ворота взлѣзла, а Марья-царевна только чапается ⁵⁾, а вверхъ не лѣзетъ. Тутъ Иванъ-царевичъ взявъ свое ружье и застрѣлилъ подмѣнѣнную жену, а съ Марьей-царевной сталъ по старому жить-поживать, добра наживать.

(Записана въ Архангельской губ.).

Примѣчаніе къ № 56—57. Варіанты см. у Худяк., II, № 56; Рудчен., II, 16; въ Записк. о южн. Руси, II, стр. 23—26; въ Собран. старин. рус. сказокъ—«сказку о Строевой дочери»; передѣлка этой послѣдней помѣщена въ Повѣстьяхъ казака Луганскаго, III, 463—474.

1) Младенца. 2) Смрадомъ. 3) Лягушкой. 4) Веретеномъ. 5) Цѣпляется.

Сказка о чудесной коровѣ существуетъ и у другихъ славянъ. У сербовъ (въ сборн. Караджича, № 32: Пепельуга) корова, помогающая сиротѣ, есть ея родная мать. Пряли дѣвицы, сидя возлѣ глубокой ямы; пришелъ старецъ съ бѣлой бородой до пояса и сказалъ: «Берегитесь, красавицы, этой ямы! Чѣе веретено упадетъ туда, у той мать превратится въ корову». Дивясь его рѣчамъ, дѣвушки придвинулись къ ямѣ поближе, стали въ нее заглядывать и вотъ у одной изъ нихъ выпало веретено изъ рукъ и укатилось въ яму. Вечеромъ воротилась она домой, а мать ея превратилась въ корову. Дальнѣйшее содержаніе сходится съ извѣстнымъ рассказомъ о Замарашкѣ (Aschenputtel); см. также Глинск., II, 237—242; Эрбен., стр. 209, и Nag. priror. Валявца, стр. 222—3. То же превращеніе встрѣчается и въ нѣмецкой сказкѣ, напечатанной у Гальтриха (№ 17): У одного мужа умерла жена, оставивъ послѣ себя трехъ дочерей; онъ женился на другой, которая родила ему сына Ганса. Мать нѣжно любила своего ребенка и цѣлыя семь лѣтъ кормила его грудью. Отцу это показалось излишнимъ; видя однажды, какъ мальчикъ сосалъ материнскую грудь, онъ съ сердцемъ сказалъ женѣ: «О, чтобъ тебѣ коровою сдѣлаться!» и въ ту же минуту она стала коровою. Каждый день мальчикъ выгонялъ свою превращенную мать на зеленый лугъ и попрежнему сосалъ ее съ утра до вечера. Отецъ замѣтилъ, что сынъ ничего не ѣстъ, пожелалъ узнать, чѣмъ онъ питается, и приказалъ своимъ дочерямъ ходить по очереди на лугъ и присматривать за нимъ. Двѣ сестры проспали и ничего не видѣли. Въ свою очередь пошла и третья. «Чѣмъ ты живешь?» спрашивала она мальчика. «Вѣтромъ живу!» Она усмѣхнулась и подумала про себя: «Подожди, ты меня не проведешь!» Проголодавшись, мальчикъ далъ сестрѣ напитокъ соннаго снадобья, и она впала въ крѣпкій сонъ; но сверхъ обыкновенныхъ глазъ у ней были еще два тайные на затылкѣ, которые никогда не закрывались; этими безсонными очами она видѣла, какъ мальчикъ сосалъ корову, и рассказала про то отцу. Раздраженный отецъ положилъ умертвить на утро и корову и сына. Съ печалью на душѣ пошелъ мальчикъ въ хлѣвъ и сталъ жаловаться матери; она посадила его промежъ рогъ и унесла далеко-далеко въ дремучій лѣсъ. Тамъ онъ сосалъ ее еще дважды-семь лѣтъ, сдѣлался необыкновеннымъ силачомъ и принялся за богатырскіе подвиги ¹⁾. Въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ есть одна (т. II, № 130: «Einäuglein, Zweiäuglein und Dreiäuglein»), весьма близкая къ нашей, только вмѣсто коровы-бурѣнушки здѣсь выведена коза. Когда несправедливо гонимая дѣвица заливалась горькими слезами, къ ней явилась вѣщая жена (weise Frau) и научила обращаться къ козѣ: «Только скажи: Zicklein, meck! Tischlein, deck! — и тотчасъ появится накрытый столикъ съ прекрасными кушаньями;

¹⁾ Далѣе содержаніе сходно со сказкою про мужика съ ноготокъ, борода съ локотокъ.

а скажешь: Zicklein, meck! Tischlein, weg! — и столикъ исчезнетъ». вмѣсто столика, у лужичанъ корова даетъ сиротѣ изъ одного рога ѣсть, а изъ другого пить (Slovanská čítanka стр. 86—87); а въ норвежской сказкѣ (ч. I, № 19) говорится о скатерти-самобранкѣ, лежавшей въ ухѣ большого быка, который и кормилъ и поилъ голодную падчерицу. Быкъ является и въ любопытномъ вариантѣ, напечатанномъ у Гальтриха (№ 35: «Das Zauberhorn»); окончаніе этой нѣмецкой сказки отличается отъ всѣхъ другихъ редакцій. Когда злая мачеха поклялась убить быка, падчерица бросилась къ нему со слезами и рассказала про ея угрозы. «Смотри же, — сказалъ быкъ, — когда я умру — возьми себѣ конецъ моего праваго рога». На другое утро падчерица стерегла стадо въ полѣ; вдругъ прилетѣлъ огромный оводъ и зажужжалъ надъ головою быка: то была мачеха, — она была хитрая волшебница и могла превращаться въ разные образы. Быкъ бросился въ сторону и побѣжалъ къ мосту, который висѣлъ надъ пропастью; въ это самое время оводъ ужалилъ его въ оба глаза, и ослѣпшее животное, не попадая на мостъ, низверглось въ бездну. Падчерица сумѣла спуститься туда и достала себѣ правый рогъ. Какъ ни била, какъ ни ругала ее мачеха, какія трудныя работы ни задавала ей, она все болѣе и болѣе хорошѣла. Вздумала мачеха отвести ее въ дикій лѣсъ и покинуть тамъ одну; привела ее въ чащу, послала за ключевой водою, а сама между тѣмъ превратилась въ чернаго жука и спряталась подъ кустомъ. Воротившись съ водою, сиротка не нашла мачехи и, полная печали, бѣгала туда и сюда по лѣсу. Уже наступалъ вечеръ, а она не знала дороги домой. Тутъ вышалъ у нея изъ за пазухи рогъ; дѣвица быстро подняла его и при этомъ нечаянно махнула имъ: тотчасъ вышло изъ него безчисленное множество быковъ. Послѣдній, вышедшій оттуда, быкъ имѣлъ золотые рога и былъ бѣлъ словно снѣгъ; онъ безпокойно трясъ головою, рылъ ногами землю и устремился на то мѣсто, гдѣ спряталась мачеха. Эта вмигъ оборотилась медвѣдемъ, и началась жаркая битва. Быкъ припѣръ своими рогами медвѣдя къ землѣ, обломилъ конецъ праваго рога и, оставивъ усмирѣннаго противника, подошелъ къ дѣвицѣ и легъ у ея ногъ; она взяла кончикъ рога, который носила при себѣ, и приставила на мѣсто сломаннаго — и только это сдѣлала, какъ золоторогій быкъ превратился въ прекраснаго царевича, а всѣ другіе быки — въ его министровъ и слугъ. Царевичъ взялъ съ собой дѣвицу, привѣзъ въ свое государство и женился на ней; а мачеха осуждена была навсегда оставаться въ образѣ лѣсной медвѣдицы. Подобное же значеніе придаетъ рогамаъ и хорутанская приповѣдка (сборн. Валавца, 49—51): Нелюбимому пасынку помогаетъ воль. «Если ты будешь голоденъ, — сказалъ онъ ему, — то сними мой правый рогъ — и внутри его найдешь и нашитки и ѣствы!» Пасынокъ такъ и дѣлалъ; черезъ нѣсколько дней онъ сталъ здоровѣй и сильнѣе, чѣмъ родной сынъ мачехи, хоть она и мучила перваго голодомъ, а послѣдняго до отвалу

кормила. Когда рѣшено было зарѣзать вола, чудесное животное подхватило пасынка и убѣжало съ нимъ такъ далеко, что развѣ во сто лѣтъ можно было туда добраться. По смерти вола, мальчикъ взялъ его рога; посмотрѣлъ въ правый рогъ — передъ нимъ явился большой городъ, открылъ лѣвый рогъ — и оттуда выступило такое стадо, что глазомъ не окинешь! Такое же несмѣтное стадо быковъ, коровъ и овецъ и такой же славный дворецъ или городъ является изъ ларчика, которымъ надѣляетъ добраго мѣлодца могучій орелъ (носитель Зевсовыхъ громовъ), въ сказкѣ о морскомъ царѣ и Василисѣ Премудрой.

Объясненіе сказки о чудесной коровѣ см. въ Поэт. Возвр., I. стр. 673—680. Чрезвычайно интересна слѣдующая подробность сказки. Мачеха заставляетъ падчерицу прясть и нарочно задаетъ ей большіе, невыполнимые уроки; красная дѣвица приходитъ къ бурѣнушкѣ, кладетъ ей кудель въ правое ухо, а изъ лѣваго вынимаетъ готовую пряжу; иногда сама лѣзетъ ей въ одно ушко и вылѣзаетъ въ другое съ оконченной работою: все выпрядено, соткано и набѣлено! Или, вмѣсто того корова начинаетъ жевать принесенный лёнъ, а изо рта у ней тянется славная, ровная нитка — только успѣвай на катушку наматывать!

Напечатанная нами сказка о бурѣнушкѣ не оканчивается свадьбою падчерицы съ царевичемъ; злая мачеха-колдунья оборачиваетъ ее гусынею, а вмѣсто ея подставляетъ свою дочь. Эпизодъ этотъ развивается перѣдко въ отдѣльныхъ разказахъ, и образы превращеній бывають различны — то въ рысь, то въ сѣру утицу (см. сказки подъ №№ 147, 148 и 149; у Худ., III, № 89; Рудченко, II, 18; финскія сказки въ Матер. для изучен. словесности, стр. 54—57).

58. Б а б а - я г а .

а. Жили-были мужъ съ женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужикъ женился на другой и отъ этой прижилъ дочь. Вотъ жена и не влюбила падчерицу; нѣтъ житья сиротѣ. Думаль-думаль нашъ мужикъ и повезъ свою дочь въ лѣсъ. Ъдетъ лѣсомъ — глядитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ и говоритъ мужикъ: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ». Избушка и поворотилась. Идетъ мужикъ въ избушку, а въ ней баба-яга: впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ другая. «Русскимъ духомъ пахнетъ!» говоритъ яга. Мужикъ кланяется; «Баба-яга, костяная нога! Я тебѣ дочку привезъ въ услуженье». — «Ну, хорошо! служи, служи мнѣ, говоритъ яга дѣвушкѣ: я тебя за это награжу». Отецъ простился и поѣхалъ домой. А баба-яга задала дѣвушкѣ пряжи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвушка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: «Дѣвица, дѣвица! что ты плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ».

Она дала имъ кашки. «А вотъ, говорятъ, ты на всякое веретѣнцо по ниточкѣ напряди». Пришла баба-яга: «Ну, что, говорить, все ли ты припасла?» А у дѣвушки все готово. «Ну, топерь поди вымой меня въ банѣ». Похвалила яга дѣвушку и надавала ей разной сряды¹⁾. Опять яга ушла и еще труднѣе задала задачу. Дѣвушка опять плачетъ. Выбѣгаютъ мышки: «Что ты, говорятъ, дѣвица красная, плачешь? дай кашки; мы тебѣ добренько скажемъ». Она дала имъ кашки, а онѣ опять научили ее, что и какъ сдѣлать. Баба-яга опять, приподчи, ее похвалила и еще больше дала сряды... А мачеха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь? Поѣхалъ мужикъ; пріѣзжаетъ и видитъ, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома; онъ и взялъ ее съ собою. Подѣзжаютъ они къ своей деревнѣ, а дома собачка такъ и рвется: «Хамъ-хамъ-хамъ! барыню везутъ, барыню везутъ!» Мачеха выбѣжала да скалкой собачку: «Врешь, говорить, скажи: въ коробѣ косточки гремятъ!» А собачка все свое. Пріѣхали. Мачеха такъ и гонить мужа и ея дочь туда же отвезти. Отвезъ мужикъ.

Вотъ баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Дѣвка такъ и рвется съ досады и плачетъ. Выбѣгаютъ мыши: «Дѣвица, дѣвица! о чемъ ты, говорятъ, плачешь?» А она не дала имъ выговорить, то тоѣ скалкой, то другую; съ ними и провозилась, а дѣла-то не придѣлала. Яга пришла, разсердилась. На другой разъ опять то же; яга изломала ее да косточки въ коробѣ и склала. Вотъ мать посылаетъ мужа за дочерью. Пріѣхалъ отецъ и повезъ однѣ косточки. Подѣзжаетъ къ деревнѣ, а собачка опять лааетъ на крылечкѣ: «Хамъ-хамъ-хамъ! въ коробѣ косточки везутъ!» Мачеха бѣжитъ со скалкой: «Врешь, говорить, скажи: барыню везутъ!» А собачка все свое: «Хамъ-хамъ, хамъ! въ коробѣ косточки гремятъ!» Пріѣхалъ мужъ; тутъ-то жена взвыла. Вотъ тебѣ, сказка, а мнѣ кринка масла.

(Записана въ Переяславль-Залѣскомъ уѣздѣ Н. Бодровымъ).

в. Жили себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачеха ее не полюбила, била ее и думала, какъ бы вовсе ее извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то, мачеха и говорить дѣвочкѣ: «Поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иглочку и ниточку — тебѣ рубашку спить». А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ. «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, родимая! зачѣмъ пришла?» — «Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иглочку и ниточку — мнѣ рубашку спить». Та ее и научаетъ: «Тамъ тебя, племянуншка, будетъ березка въ глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать — ты подлеи имъ подъ пяточки маслица; тамъ тебя собаки будутъ

¹⁾ Сряда — нарядное платье.

рвать — ты имъ хлѣбца брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть — ты ему ве(т)чины дай». Пошла дѣвочка; вотъ идетъ, идетъ и пришла.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ баба-яга, костяная нога, и ткѣтъ. «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, родимая!» — «Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку — мнѣ рубашку сшить». — «Хорошо; садись покуда ткать». Вотъ дѣвочка сѣла за краснѣ, а баба-яга вышла и говорить своей работницѣ: «Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько: я хочу ею позавтракать». Дѣвочка сидитъ ни жива ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу: «Родимая моя! ты не столько дрова полжигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи» — и дала ей платочекъ. Баба-яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ: «Ткѣшь ли, племяннушка, ткѣшь ли, милая?» — «Тку, тетушка! тку, милая!» Баба-яга и отошла, а дѣвочка дала коту ве(т)чинки и спрашиваетъ: «Нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюда?» — «Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце, говорить котъ, возьми ихъ и убѣжи; за тобою будетъ гнаться баба-яга, ты преклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сдѣлается широкая-широкая рѣка; если жъ баба-яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять преклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ — сдѣлается дремучій-дремучій лѣсъ: сквозь него она ужъ не проберется!»

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала; собаки хотѣли ее рвать — она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться — она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ на краснѣ и ткѣтъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-яга подошла къ окну и спрашиваетъ: «Ткѣшь ли, племяннушка, ткѣшь ли, милая?» — «Тку, тетка! тку, милая!» отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-яга бросилась въ хату, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выпарапалъ дѣвочкѣ глаза. «Я тебѣ сколько служу, говорить котъ, ты мнѣ косточки не дала, а она мнѣ ве(т)чинки дала». Баба-яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу, давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей: «Мы тебѣ столько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала». Ворота говорятъ: «Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица подлила». Березка говорить: «Я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала». Работница говорить: «Я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила, а она мнѣ платочекъ подарила».

Баба-яга, костяная нога, поскорѣй сѣла на ступу, толкачемъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ замечаетъ — и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга гонится и ужъ близко, взяла да-и бросила полотенце: сдѣлалась рѣка такая

широкая-широкая! Баба-яга приѣхала къ рѣкѣ и отъ злости зубами заскрипѣла, воротилась домой, взяла своихъ быковъ и пригнала къ рѣкѣ; быки выпили всю рѣку дочиста. Баба-яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга близко, бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколь ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назадъ.

А дѣдъ уже приѣхаль домой и спрашиваетъ: «Гдѣ же моя дочка?» — «Она пошла къ тетукѣ», говоритъ мачеха. Немного погодя и дѣвочка приѣхала домой; «Гдѣ ты была?» спрашиваетъ отецъ. «Ахъ, батюшка! говоритъ она, такъ и такъ: — меня матушка посылала къ теткѣ попросить иголочку съ ниточкой — мнѣ рубашку шить, а тетка — баба-яга меня съѣсть хотѣла». — «Какъ же ты ушла, дочка?» Такъ и такъ, рассказываетъ дѣвочка. Дѣдъ, какъ узналъ все это, разсердился на жену и разстрѣлялъ ее; а самъ съ дочкою сталъ жить да поживать, да добра наживать; и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ: по усамъ текло, въ ротъ не попало.

(Записана въ Бобровскомъ уѣздѣ, Воронежской губ.).

Примѣчаніе. Баба-яга является дѣйствующимъ лицомъ во многихъ народныхъ русскіхъ сказкахъ: см. сказку о трехъ царствахъ — мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ (№ 71, а), лубочное изданіе сказки объ Иванѣ-царевичѣ и Царь-дѣвицѣ и многія другія¹⁾. Вездѣ является она съ одинаковою обстановкою. Преданія представляютъ ее безобразною старухою; именемъ яги, точно такъ, же какъ именемъ вѣдьмы, поселяне называютъ въ брань старыхъ и некрасивыхъ бабъ. Слѣдуя эпическому описанію сказокъ, баба-яга, костяная нога, голова пестомъ, лежитъ въ своей избушкѣ изъ угла въ уголь, носъ въ потолокъ или черезъ грядку²⁾: подобныя выраженія служатъ насмѣшливымъ указаніемъ на ея уродливость³⁾. Наряжаясь на святкахъ бабою-ягою, крестьянки стараются придать себѣ больше безобразія: старое сморщенное лицо и черные зубы — необходимая принадлежность такого ряженія. Народныя сказки часто упоминаютъ о трехъ сестрахъ, бабахъ-ягахъ, представляя ихъ хотя сварливыми, но услужливыми, готовыми подать добрый и мудрый совѣтъ и оказать помощь тѣмъ сверхъестественными силами, которыя находятся въ ихъ полномъ распоряженіи. Онѣ предвѣщаютъ сказочному герою, что ожидаетъ его впереди, даютъ ему клубокъ, который.

¹⁾ Наприм., печатныя сказки: о трехъ королевичахъ (М. 1847), о лягушкѣ и богатырѣ (М. 1847), объ Игнатіи-царевичѣ и Суворѣ-невидимкѣ (М. 1838), въ изданіи Русск. нар. сказокъ Броницына (Спб. 1838)—о Василисѣ-золотой косѣ; о весьма чудныхъ и прекрасныхъ гусяхъ-самогудахъ (Дѣдушк. прогулки, М. 1819); объ Ивашкѣ-медвѣжьемъ ушкѣ (Собр. русск. сказокъ, М. 1830) и проч.—²⁾ Или: сидитъ на полу, ноги въ потолокъ.—³⁾ Сличи съ выраженіями укорительныхъ пѣсенъ: «а ты самъ шестомъ, голова пестомъ, уши ножницами...» и проч.

каться, указываетъ путь въ таинственныя страны, или чудеснаго коня, сапоги-самоходы и другія диковинки. Изъ святочныхъ игръ можно заключать, что баба-яга — мастерица загадывать загадки и разрѣшать ихъ темный смыслъ. Яга живетъ въ лѣсу въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, которая поворачивается, по просьбѣ, къ лѣсу задомъ, а къ пришельцу передомъ. Она ѣздитъ или летаетъ на шабашу вѣдьмъ и колдуновъ въ желѣзной ступѣ, погоняя толкачомъ (клюкою, костью) и замечая помеломъ слѣды, точно такъ же, какъ дѣлаютъ вѣдьмы, летающія на кочергахъ и ухватахъ. Бѣлоруссы увѣряютъ, что яга *погоняетъ огненною метлою воздушныя силы*, которыя приводятъ въ движеніе ея ступу; когда она ѣдетъ — *земля стонетъ и вѣтры свищутъ*.

Тѣ же преданія о бабѣ-ягѣ находимъ у всѣхъ славянъ. Словаки говорятъ, что она живетъ въ темной пещерѣ въ лѣсу, и представляютъ ее безобразною: скулы чѣмъ два пригорка, носъ — съ добрый горшокъ. У одного короля было двѣнадцать сыновей; отправились они искать себѣ невѣсть; долго ходили и пришли, наконецъ, къ хаткѣ на курьихъ ножкахъ. Хатка повернулась, и къ нимъ вышла баба-яга; она пустила странниковъ переночевать къ себѣ. Ночью младшій королевичъ, проснувшись, увидѣлъ въ печи раскаленную косу, которою яга хотѣла отсѣчь головы всѣмъ двѣнадцати братьямъ. Онъ разбудилъ братьевъ и, захвативъ съ собою башмаки-самоходы, которые могли бѣгать поверхъ воды, скрылся. Баба-ягу словаки называютъ проклятою и вѣрятъ, что если она захочетъ, то заставитъ своими чарами итти дождь или свѣтитъ солнце ¹⁾.

Кромѣ доброй стороны, въ характерѣ бабы-яги (въ первомъ спискѣ, подъ буквою а, — она награждаетъ простосердечіе и наказываетъ злость), преданія представляютъ ее и злою, враждебною человѣку; во второмъ изъ напечатанныхъ нами списковъ (подъ буквою б) она приказываетъ приготовить для себя въ ѣству дѣвочку; подобно вѣдьмѣ, она похищаетъ и поѣдаетъ дѣтей (см. сказки подъ №№ 61 и 62 и Боричевск. Пов. и пред. стр. 181).

При встрѣчѣ съ героями сказокъ или почуя присутствіе скрытаго человѣка, колдуньи и бабы-яги обыкновенно произносятъ эти слова: «Фу, фу! доселева *русскаго духа* видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ русскій духъ въ очью проявляется!» или: «Что это русскимъ духомъ пахнетъ?» ²⁾ Тѣ же слова произносятъ при встрѣчѣ съ сказочными героями и другія мнѣйшескія лица: чудо морское, змѣи и всякая нечистая сила. Въ сказкѣ: «Марко богатый и Василій Без-

¹⁾ Боричевскій. Повѣсти и пред., стр. 123—6, 145, 181—2, 185. ²⁾ Въ одной сказкѣ это выраженіе замѣнено словами «фу, фу фу! *русская коска*, зачѣмъ сюда пришла?»: (сказка о трехъ царствахъ!, № 71, а). Выраженіе: «русской духъ» употребляется здѣсь просто въ смыслѣ *человѣка*, противопоставляемаго нечистой силѣ. «Зачѣмъ ты, *русской*, пришелъ сюда?» говоритъ чортъ крестьянину въ сказкѣ о злой женѣ. Въ старинной малороссійской думѣ (Записки о Южной Руси, т. I, стр. 177) орелъ, летая надъ кораблями и предвѣщая имъ гибель отъ бури, кричитъ: «пхе, Руська кость пахне!»—

частной» (№ 173) змій, при входѣ въ свои палаты, почуяль духъ спря-
таннаго Василя и сказалъ: «Что здѣсь пахнетъ русскимъ духомъ?» —
«Какъ сюда зайти русскому духу!» — отвѣчаетъ дѣвица. — Ты по Руси
леталь, русскаго духа и набрался»¹⁾. Въ нѣмецкихъ сказкахъ подобныя
восклицанія замѣняются такимъ выраженіемъ: «У-у-у! я чую: здѣсь
пахнетъ *человѣческимъ мясомъ!*» — замѣна весьма знаменательная. Это
выраженіе произносятъ при нечаянной встрѣчѣ съ человѣкомъ колдуны,
вѣдьмы, драконы, великаны и нечистые, слѣдовательно, тѣ лица, кото-
рымъ народная фантазія приписываетъ пожираніе человѣческаго мяса
(Гримм., I, стр. 180; *Norweg. Volksmärchen*, I, № 5, 24, 27; II, № 6).
Въ чувашской сказкѣ (см. Чувашск. разговоры и сказки, стр. 36 — 37)
старая вѣдьма какъ только вошла въ избу, такъ и закричала: «Что
это человѣческимъ духомъ пахнетъ?» — «Матушка, возражаетъ ей дочь, —
да развѣ ты не каждый день употребляешь въ пищу человѣческое
мясо: такъ какому же другому запаху быть въ нашей избушкѣ!» У фин-
новъ бабѣ-ягѣ соотвѣтствуетъ Сіѣэтеръ, т.-е. пожируха (Записки Импер.
Академіи наукъ, 1862 г., кн. I, стр. 136, статья Шифнера). Сличи также
въ Тысячѣ и одной ночи (ч. I стр. 132 — 34) рассказъ о бабѣ-людоѣдкѣ.
Подробное значеніе бабы-яги объяснено въ Поэт. Возр., III, стр.
587 — 595.

Напечатанныя нами сказки о бабѣ-ягѣ основаны на обычномъ
сказочномъ мотивѣ о нелюбви мачехи къ падчерицѣ. Норвежская сказка
(*Asb. Moe*, I, № 15): «Дочь мужа и дочь жены» представляетъ первую
дѣвочку доброю и прилежною, а послѣднюю — злою и лѣнливою. Мачеха
заставляетъ падчерицу итти на службу къ вѣдьмѣ (*Trollweib*), которая
задаетъ ей трудныя работы; принесть воды въ рѣшетѣ и т. под.; но
добрая дѣвочка, пользуясь наставленіями одной птички, исполняетъ
всѣ ея приказанія и возвращается домой съ златомъ-серебромъ. Раз-
считывая на такое же счастье, мачеха посылаетъ къ вѣдьмѣ свою родную
дочь; но той назначена другая награда: какъ только откроетъ она ротъ,
каждый разъ падаютъ оттуда змѣи, жабы и всякая дрянь. Сличи съ серб-
скою сказкою (Карадж., № 35: «Опет маѣхеа и пасторка»), въ которой
вѣщая жена даетъ бѣдной сиротѣ, притѣсняемой мачехою, такой даръ:
«Кудгод ходила, сретна била, кад плакала, бисер ти ишао из очию место
суза, и кад говорила, ружа ти слатна изъ уста излазила!» а злой ма-
чехиною дочери: «тамо њој крваве сузе из очию летеле кад плакала,
а кад говорила, тамо она прекала и балила те те, — не могли лѣуди
слушати». Сказка, записанная въ Буковинѣ (см. *Zeitschrift für D. M.*,
I, стр. 42): «Двѣ дочери» передаетъ подобный же рассказъ: Дочь мужа —
добрая и услужливая, не стерпя преслѣдованій злой дочери мачехиною,
идетъ изъ дому искать на чужбинѣ себѣ службы. На пути (согласно
съ нашею сказкою о ягѣ подѣ буквою *b* и съ вариантомъ въ изданіи

¹⁾ То же въ сказкѣ «Федоръ Тугаринъ» (№ 95) произноситъ Вѣтеръ.

Эрленвейна, № 9) попалась ей паршивая собачонка — она ее вычистила, дерево въ червяхъ—она его обобрала, колодезь съ жабами и ящерицами — очистила его, развалившаяся печь — собрала ее, и потомъ нанялась въ службу къ святому Воскресенью (Sonntag), которое поручило ей созывать и купать птицъ со всего міра. Дѣвочка старательно исполняла свое дѣло, и Воскресенье дало ей въ награду ящикъ, который она должна открыть дома. На возвратномъ пути печь предложила ей калачей, колодезь утолилъ ея жажду, дерево дало ей золотыхъ яблоковъ, а собака кошелекъ съ свѣтлыми дукатами; въ ящикѣ оказались драгоценные камни, золото и серебро. Недобрая дочь мачехина, увлекаемая корыстными побужденіями, также отправилась за своимъ счастьемъ, но дорогою была немилосерда и службу свою у святого Воскресенья выполняла небрежно: обожгла всѣхъ птицъ горячей водою—и тѣ разлетѣлись въ разныя стороны. Въ награду она получила ящикъ съ жабами и змѣями ¹⁾; а на возвратномъ пути печь не дала ей ѣсты, колодезь — воды, дерево только ударило ее своими гибкими вѣтвями, собака укусила ее за икры. Съ русскою сказкою о бабѣ-ягѣ, помѣщенной подъ буквою b, сходна еще нѣмецкая: *Die beiden Mädchen und die Hexe* (Гальтрихъ, № 34). Мачеха прогоняетъ падчерицу; та идетъ по дорогѣ и очищаетъ яблоню отъ иглы терновника, перевязываетъ ногу хромающей собакѣ и закрываетъ печку, наконецъ, попадаетъ къ вѣдьмѣ, которая беретъ ее въ служанки, даетъ ей ключи отъ всѣхъ комнатъ, но запрещаетъ входить въ одну. Дѣвушка не выдержала, вошла въ запретную комнату, блиставшую какъ чистое золото, и тотчасъ сама сдѣлалась золотою. Опасаясь вѣдьмы, она рѣшилась ѡбжечь; на воротахъ сидѣлъ пѣтухъ, увидаль дѣвицу и началъ кричать. Вѣдьма услышала пѣтушій крикъ и бросилась въ погоню; но глаза ея плохо видѣли, потому что передъ ней была темная ночь, а передъ дѣвицей свѣтлый день. Печь, собака и яблоня помогаютъ ѡбглянкѣ, и она счастливо ворочается домой совершенной красавицей. Домовая ласточка, сидя на кровлѣ, встрѣчаетъ ее ласковой пѣснею. Мачеха посылаетъ къ вѣдьмѣ свою родную дочь, но та не отличалась добрымъ сердцемъ, никому не оказала услуги, и возвратный путь ея былъ печаленъ, ибо передъ нею была темная ночь, а позади сіялъ свѣтлый день. Изъ открытой печи выскочила лиса и опалила ей платье; собака укусила ее за ногу, а яблоня преградила дорогу терновыми иглами. Вѣдьма догнала ѡбглянку: «Постой, воровка, ты не похитишь моего золота!» и начала царапать ее своими длинными когтями; содрала съ нея все золото и обезображенную отпустила домой. (Сравни. Slov. «rohádky a pověsti, od Boženi Němcové, стр. 250—262). Въ томъ же изданіи есть другая сказка «*Die Geschenke der Schönen*» (№ 39). Мачеха преслѣдуетъ падчерицу и однажды утромъ посылаетъ ее на озеро, въ

¹⁾ Сличъ съ сербскою сказкою подъ № 36: изъ ящика, даннаго дракономъ злой дочери, выскочили двѣ змѣи, бросились одна на мачеху, другая — на ея дочь, и выпили у нихъ очи (стр. 181).

которомъ купались прекрасныя водяныя дѣвы. Никто изъ смертныхъ не смѣлъ туда приблизиться; разъ было попробовалъ одинъ любопытный посмотрѣть на чудныхъ дѣвъ, но онѣ утащили его въ глубину водъ. Вѣдняжка пришла къ озеру, и водяныя дѣвы, видя, что она удручена горемъ, не сдѣлали ей ни малѣйшаго зла; онѣ съ участіемъ разспросили ее, зачѣмъ она пришла, подарили ей великолѣпное платье и проводили благословеніями. «Гдѣ ты будешь итти, — сказала одна изъ нихъ, — тамъ цвѣты вырастутъ!» Другая провѣщала: «Когда ты будешь говорить, изъ устъ твоихъ разольется пріятное благовоиe!» Третья предрекла: «Когда ты станешь умываться, то въ чашкѣ явится кусокъ золота!» На другой день мачеха, прельщенная дарами прекрасныхъ дѣвъ, посылаетъ на озеро свою родную дочь — гордую и упрямую. Водяныя дѣвы обрызгали ее грязью и надѣлили такими дарами — первая: «Гдѣ ты будешь итти, тамъ вырастетъ тѣрнь!» вторая: «Когда ты будешь говорить, изъ устъ твоихъ разольется отвратительный запахъ!» третья: «Когда ты станешь умываться, то въ чашкѣ явится жаба!» Далеко пронеслась молва о красотѣ падчерицы; самъ король задумалъ на ней жениться и послалъ за невѣстой коляску. Мачеха повезла ее вмѣстѣ съ своею безобразною дочерью; на пути она выколола у падчерицы глаза, забросила ее въ болото, а свою собственную дочь нарядила невѣстою и привезла во дворець. Когда мнимая невѣста проходила королевскимъ дворомъ, то за каждымъ ея шагомъ вырасталъ между камней колючій тѣрнь; а едва произнесла она слово, какъ тотчасъ разлился кругомъ отвратительный запахъ. «Что это? — воскликнулъ изумленный король. — Это ли дары моей невѣсты?» Мать успокоила его, объяснивши все утомительнымъ путешествіемъ. Между тѣмъ ослѣпленная падчерица выползла изъ болота, пришла подъ дерево и заснула. Пробудившись, она не вѣдала — былъ ли день или ночь, и громко жаловалась на свою судьбу. Вдругъ прилетѣли три бѣлыя лебеди, сѣли на дерево и провѣщали: «Вѣдное дитя! собери съ листьевъ этого дерева утреннюю росу и омочи твои глазныя впадины». Дѣвица послушалась и въ ту же минуту прозрѣла; подобно тому въ русской сказкѣ (№ 70) купеческая дочь, которую ослѣпила злая служанка, вышла на утреннюю зорю, поплевала на свои вынутыя очи, вставила ихъ въ глазныя впадины и тотчасъ стала видѣть попрежнему. Послѣ того падчерица отправилась въ королевскій дворець, и по всему пути, гдѣ она шла, подъ ея стопами вырастали прекрасныя цвѣты, и воздухъ наполнялся пріятнымъ благоуханіемъ: такъ шествовала по древнимъ сказаніямъ богиня Весна по землѣ, только что сбросившей съ себя зимніе покровы, украшая ее цвѣтами, зеленью. Король женился на красавицѣ, а мачеху съ ея дочерью велѣлъ посадить въ бочку, утыканную гвоздями, и скатить съ высокой горы въ море. (Сличи Глин., III, 107 — 125; Slov. pohad. a povesti, стр. 179—196: «Ržové Anicka»). — Кромѣ вышеуказанной сербской сказки, Караджичъ сообщаетъ и другія, содержаніемъ которыхъ послужили отношенія

мачехи къ дѣтямъ ея мужа отъ перваго брака; смотри № 33: «Зла маѣха», № 34; «Маѣха и пасторка», № 36: «Какъ су радиле, онако су и прошле»; см. также Sloven. povèsti, Skultety a Dobsinsky, I, 14; собраніе сказокъ братьевъ Гриммовъ, 1, № 21 и 24; Walach. Märchen, № 4 («Царевна-гусятница») — въ этой сказкѣ мачеха запираетъ падчерицу на трое сутокъ безъ питья и пищи, а потомъ даетъ ей кусокъ хлѣба и кружку воды, въ которую положила маленькую змѣйку; дѣвочка съ жадностію выпиваетъ эту воду вмѣстѣ съ змѣей); собраніе сказокъ Броницына, № 4 (объ Иванѣ-Кручинѣ, купеческомъ сынѣ); Чудинск., № 13; Сочиненія Пушкина, изданіе Анненкова, на стр. 437 I тома. Въ нѣкоторыхъ варіаціяхъ сказка о мачехѣ и падчерицѣ облекается въ легендарную форму; такова хорутанская сказка, помѣщенная въ сборникѣ Валявца, стр. 231 — 2; сличи ее съ интереснымъ разсказомъ у Гальтриха, № 3: «Der gerechte Lohn».

Въ напечатанной нами сказкѣ дѣвочка, слыша за собой погону бабы-яги, бросаетъ *полотенце* — является *рыба*, бросаетъ *гребень* — и возникаетъ цѣлый *лѣсъ*. Сходно съ этимъ въ сказкѣ, напечатанной въ «Повѣстьяхъ и преданіяхъ нар. слав. плем». Боричевского (стр. 193—6): царевна, спасаясь бѣгствомъ отъ вѣдьмы, кидаетъ *гребенку* — является *рыба*, *щетку* — вырастаетъ *лѣсъ*: изъ каждаго волоска дерево, золотое *яблоко* — возникаетъ *гора*, *простыню* — показывается цѣлое *море*; въ сказкѣ объ «Иванѣ-Кручинѣ, купеческомъ сынѣ» *лѣсъ* появляется вслѣдъ за кинутымъ *голикомъ*, а *горы* вслѣдъ за кинутою *щеткою*. Тѣ же преданія сохраняются въ нѣмецкихъ сказкахъ, въ которыхъ дѣти, спасаясь бѣгствомъ, бросаютъ *щетку*, *гребень* и *зеркало* — и возникаютъ громадныя горы: Birstenberg, Kamberg, Spiegelberg (Грим., I, стр. 462 «Was-sernixe»); королевичъ, убѣжавшій отъ великана, кидаетъ *кусокъ соли* (Salzstein) — и возникаетъ высокая *гора*¹⁾, выливаетъ изъ фляги одну-двѣ капли *воды* — и рождается *море*; другой сказочный герой, преслѣдуемый троллемъ, бросаетъ *терновую лозу* — и мгновенно вырастаетъ густой и дикой *терновникъ*, бросаетъ *камень* — подымается *скала*, брызгаетъ изъ фляги *водою* — и проливается цѣлое *море*; когда онъ принимался за это послѣднее средство, вѣрный конь сказалъ ему: «Берегись, не брызни на меня, чтобъ намъ не потонуть!» (Norveg. Volksmärchen, I, № 14; II, № 16). Эти чудесныя щетки, гребни и другія вещи похищаются героями сказокъ у вѣдьмъ, великановъ и разныхъ мифическихъ дѣятелей и составляютъ принадлежность чародѣйства. (См. Поэт. Возр., III, гл. 26).

59. Василиса прекрасная.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ купецъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ онъ въ супружествѣ и прижилъ только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, дѣвочкѣ было восемь лѣтъ. Умирая, купчиха

¹⁾ Въ греческой сказкѣ (Ганъ, II, стр. 182) брошенная *соль* производитъ *море*.

призвала къ себѣ дочку, вынула изъ-подъ одѣяла куклу, отдала ей и сказала: «Слушай, Василисушка! помни и исполни послѣднія мои слова. Я умираю и вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ оставляю тебѣ вотъ эту куклу; береги ее всегда при себѣ и никому не показывай; а когда приключится тебѣ какое горе, дай ей поѣсть и спроси у нея совѣта. Покушаетъ она — и скажетъ тебѣ, чѣмъ помочь несчастью». Затѣмъ мать поцѣловала дочку и померла.

Послѣ смерти жены купецъ потужилъ, какъ слѣдовало, а потомъ сталъ думать, какъ бы опять жениться. Онъ былъ человѣкъ хорошій; за невѣстами дѣло не стало, но больше всѣхъ по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже въ лѣтахъ, имѣла своихъ двухъ дочерей, почти однолѣтокъ Василисѣ, — стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купецъ женился на вдовушкѣ, но обманулся и не нашель въ ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ея красотѣ, мучили ее всевозможными работами, чтобъ она отъ трудовъ похудѣла, а отъ вѣтру и солнца почернѣла, — совсѣмъ житья не было! Василиса все переносила безропотно и съ каждымъ днемъ все хорошѣла и полнѣла, а между тѣмъ мачеха съ дочками своими худѣли и дурнѣли отъ злости, несмотря на то, что онѣ всегда сидѣли сложа руки, какъ барыни. Какъ же это такъ дѣлалось? Василисѣ помогала ея куколка. Безъ этого гдѣ бы дѣвочкѣ сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съѣсть, а ужъ куколкѣ оставить самый лакомый кусочекъ, и вечеромъ, какъ всѣ улягутся, она запретъ въ чуланчикѣ, гдѣ жила, и потчеваетъ ее, приговаривая: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я въ домѣ у батюшки, не вижу себѣ никакой радости: злая мачеха гонитъ меня съ бѣлаго свѣта. Научи ты меня: какъ мнѣ быть и жить и что дѣлать?» Куколка покушаетъ, да потомъ и даетъ ей совѣты и утѣшаетъ въ горѣ, а на утро всякую работу справляетъ за Василису; та только отдыхаетъ въ холодочкѣ да рвѣтъ цвѣточки, а у нея ужъ и гряды вышолоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажетъ Василисѣ и травку отъ загару. Хорошо было ей жить съ куколкой.

Прошло нѣсколько лѣтъ; Василиса выросла и стала невѣстой. Всѣ женихи въ городѣ присватываются къ Василисѣ, — на мачехиныхъ дочерей никто и не досмотритъ. Мачеха злится пуще прежняго и всеѣмъ женихамъ отвѣчаетъ: «Не выдамъ меньшей прежде старшихъ!» а проводя жениховъ, побоями вымещаетъ зло на Василисѣ.

Вотъ однажды кушцу понадобилось уѣхать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Мачеха и перешла на житье въ другой домъ; а возлѣ этого дома былъ дремучій лѣсъ, а въ лѣсу на полянѣ стояла избушка, а въ избушкѣ жила баба-яга; никого она къ себѣ не подпускала и ѣла людей какъ цыплятъ. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дѣло посылала за чѣмъ-нибудь въ лѣсъ ненавистную

ей Василису; но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала къ избушкѣ бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всѣмъ тремъ дѣвушкамъ вечернія работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть — и всѣмъ по урокамъ. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку тамъ, гдѣ работали дѣвушки, а сама легла спать. Дѣвушки работали. Вотъ нагорѣло на свѣчкѣ; одна изъ мачехиныхъ дочерей взяла щипцы, чтобы поправить свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, какъ будто нечаянно и потушила свѣчку. «Что теперь намъ дѣлать? говорили дѣвушки: огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ бабѣ-ягѣ!» — «Мнѣ отъ булавокъ свѣтло! сказала та, что плела кружева: я не пойду!» «И я не пойду, сказала та, что вязала чулокъ: мнѣ отъ спиць свѣтло!» «Тебѣ за огнемъ итти, закричали обѣ: ступай къ бабѣ-ягѣ!» — и вытолкали Василису изъ горницы. Василиса пошла въ свой чуланчикъ, поставила передъ куклою приготовленный ужинъ и сказала: «На, куколка, покушай, да моего горя послушай: меня посылаютъ за огнемъ къ бабѣ-ягѣ; баба-яга съѣстъ меня!» Куколка поѣла и глаза ея заблестѣли какъ двѣ свѣчки. «Не бойся, Василисушка! сказала она: ступай, куда посылаютъ; только меня держи всегда при себѣ. При мнѣ ничего не стнется съ тобой у бабы-яги». Василиса собралась, положила куколку свою въ карманъ и, перекрестившись, пошла въ дремучій лѣсъ.

Идетъ она и дрожить. Вдругъ скачетъ мимо нея всадникъ: самъ бѣлый, одѣтъ въ бѣломъ, конь подъ нимъ бѣлой и сбруя на конѣ бѣлая, — на дворѣ стало разсвѣтать.

Идетъ она дальше, какъ скачетъ другой всадникъ; самъ красный, одѣтъ въ красномъ и на красномъ конѣ, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только къ слѣдующему вечеру вышла на полянку, гдѣ стояла избушка яги-бабы: заборъ во-кругъ избы изъ человѣческихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе съ глазами; вмѣсто вереи у воротъ — ноги человѣчи, вмѣсто заповровъ — руки, вмѣсто замка — ротъ съ острыми зубами. Василиса обомлѣла отъ ужаса и стала, какъ вкопанная. Вдругъ ѣдетъ опять всадникъ: самъ черный, одѣтъ во всемъ черномъ и на черномъ конѣ; подсккалъ къ воротамъ бабы-яги и исчезъ. какъ сквозь землю провалился, — настала ночь. Но темнота продолжалась недолго; у всѣхъ череповъ на заборѣ засвѣтились глаза и на всей полянѣ стало свѣтло, какъ среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бѣжать, оставалась на мѣстѣ.

Скоро послышался въ лѣсу страшный шумъ: деревья трещали, сухіе листья хрустѣли; выѣхала изъ лѣсу яга-баба — въ ступѣ ѣдетъ, нестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Подѣхала къ воротамъ, остановилась и, обнюхавъ вокругъ себя, закричала: «Фу-фу! русскимъ духомъ пахнетъ! кто здѣсь?» Василиса подошла къ старухѣ со страхомъ

и; низко поклонясь, сказала: «Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнемъ къ тебѣ». — «Хорошо, сказала яга-баба: знаю я ихъ, поживи ты напередъ да поработай у меня; тогда и дамъ тебѣ огня; а коли нѣтъ, такъ я тебя съѣмъ!» Потомъ обратилась къ воротамъ и вскрикнула: «Эй, запоры мои крѣпкіе, отомкнитесь; ворота мои широкія, отворитесь!» Ворота отворились, и баба-яга вѣхала посвистывая, за нею вошла Василиса, а потомъ опять все заперлось. Войдя въ горницу, баба-яга растянулась и говоритъ Василисѣ: «Подавай-ка сюда, что тамъ есть въ печи: я ѣсть хочу». Василиса зажгла лучину отъ тѣхъ череповъ, что на заборѣ, и начала таскать изъ печки да подавать ягѣ кушанье, а кушанья настряпано было человѣкъ на десять; изъ погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съѣла, все выпила старуха; Василисѣ оставила только щецъ немножко, краюшку хлѣба да кусочекъ поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говоритъ: «Когда завтра я уѣду, ты смотри — дворъ вычисти, избу вымети, обѣдъ состряпай, бѣлье приготовь, да пойди въ закомръ, возьми четверть пшеницы и очисти ее отъ чернушки ¹⁾. Да чтобъ все было сдѣлано, а не то — съѣмъ тебя!» Послѣ такого наказу баба-яга захрапѣла; а Василиса поставила старухины обѣдки передъ куклою, залилась слезами и говорила: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! тяжелую дала мнѣ баба-яга работу и грозитъ съѣсть меня, коли всего не исполню; помоги мнѣ!» Кукла отвѣтила: «Не бойся, Василиса прекрасная, поужинай, помолися да спать ложися: утро мудренѣе вечера!»

Ранѣшенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула въ окно: у череповъ глаза потухаютъ; вотъ мелькнулъ бѣлой всадникъ — и совсѣмъ разсвѣло. Баба-яга вышла на дворъ, свистнула — передъ ней явилась ступа съ пестомъ и помеломъ. Промелькнулъ красный всадникъ — взошло солнце. Баба-яга сѣла въ ступу и вѣхала со двора, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ замечаетъ. Осталась Василиса одна, осмотрѣла домъ бабы-яги, подивилась изобилію во всемъ и остановилась въ раздумьѣ: за какую работу ей прежде всего принятъся. Глядитъ, а вся работа уже сдѣлана; куколка выбирала изъ пшеницы послѣднія зерна чернушки. «Ахъ ты, избавительница моя, сказала Василиса куколкѣ: ты отъ бѣды меня спасла». — «Тебѣ осталось только обѣдъ состряпать, отвѣчала куколка, влѣзая въ карманъ Василисы: состряпай съ Богомъ, да и отдыхай на здоровье!» Къ вечеру Василиса собрала на столъ и ждетъ бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнулъ за воротами черный всадникъ — и совсѣмъ стемнѣло; только свѣтились глаза у череповъ. Затрещали деревья, захрустѣли листья — ѣдетъ баба-яга. Василиса встрѣтила ее. «Все ли сдѣлано?» спрашиваетъ яга. «Изволь посмотрѣть сама, бабушка» молвила Василиса. Баба-яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за что рассер-

¹⁾ Чернуха — ягель, родъ полевого дикаго гороха.

даться, и сказала: «Ну, хорошо!» Потомъ крикнула: «Вѣрные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рукъ, схватили пшеницу и унесли вонъ изъ глазъ. Баба-яга наѣлась, стала ложиться спать и опять дала приказъ Василисѣ: «Завтра сдѣлай ты то же, что и нынче, да сверхъ того возьми изъ закрома макъ да очисти его отъ земли, по зернышку; вишь кто-то по злобѣ земли въ него намѣшалъ!» Сказала старуха, повернулась къ стѣнѣ и захрапѣла, а Василиса принялась кормить свою куклу. Куколка поѣла и сказала ей повчерашнему: «Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе — все будетъ сдѣлано, Василисушка!»

На утро баба-яга опять уѣхала въ ступѣ со двора, а Василиса съ куколкой всю работу тотчасъ исправили. Старуха воротилась, оглядѣла все и крикнула: «Вѣрные мои слуги, сердечные друзья, выжмите изъ мака масло!» Явились три пары рукъ, схватили макъ и унесли изъ глазъ. Баба-яга сѣла обѣдать; она ѣсть, а Василиса стоитъ молча. «Что же ты ничего не говоришь со мною? сказала баба-яга: стойшь какъ нѣмая!» — «Не смѣла, отвѣчала Василиса: а если позволишь, то мнѣ хотѣлось бы спросить тебя кой о чемъ». «Спрашивай; только не всякій вопросъ къ добру ведетъ: много будешь знать, скоро состарѣешься!» — «Я хочу спросить тебя, бабушка, только о томъ, что видѣла; когда я шла къ тебѣ, меня обогналъ всадникъ на бѣломъ конѣ, самъ бѣлый и въ бѣлой одеждѣ; кто онъ такой?» — «Это день мой ясный!» отвѣчала баба-яга. — «Потомъ обогналъ меня другой всадникъ на красномъ конѣ, самъ красный и весь въ красномъ одѣтъ; это кто такой?» «Это мое солнышко красное!» отвѣчала баба-яга. — «А что значитъ черный всадникъ, который обогналъ меня у самыхъ твоихъ воротъ, бабушка?» — «Это ночь моя темная — всё мои слуги вѣрные!» Василиса вспомнила о трехъ парахъ рукъ и молчала. «Что же ты еще не спрашиваешь?» молвила баба-яга. «Будетъ съ меня и этого; сама жъ ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состарѣешься!» — «Хорошо, сказала баба-яга, что ты спрашиваешь только о томъ, что видѣла за дворомъ, а не во дворѣ: я не люблю, чтобъ у меня соръ изъ избы выносили и слишкомъ любопытныхъ ѣмъ! Теперь я тебя спрошу: какъ успѣваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебѣ?» — «Мнѣ помогаетъ благословеніе моей матери», отвѣчала Василиса. «Такъ вотъ что! Убирайся же ты отъ меня, благословенная дочка! Не нужно мнѣ благословенныхъ!» Вытащила она Василису изъ горницы и вытолкала за ворота, сняла съ забора одинъ черепъ съ горящими глазами и, наткнувъ на палку, отдала ей и сказала: «вотъ тебѣ огонь для мачехиныхъ дочекъ, возьми его; онъ вѣдь за этимъ тебя сюда и прислали».

Бѣгомъ пустилась домой Василиса при свѣтѣ черепа, который погасъ только съ наступленіемъ утра, и, наконецъ, къ вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя къ воротамъ, она хотѣла было бросить черепъ; вѣрно дома, думаетъ себѣ, ужь больше въ огнѣ

не нуждаются. Но вдруг послышался глухой голосъ изъ черепа: «Не бросай меня, неси къ мачехѣ!» Она взглянула на домъ мачехи и, не видя ни въ одномъ окнѣ огонька, рѣшилась итти туда съ черепомъ. Впервые встрѣтили ее ласково и рассказали, что съ той поры, какъ она ушла, у нихъ не было въ домѣ огня: сами высѣчь никакъ не могли, а который огонь приносили отъ сосѣдей, — тотъ погасалъ, какъ только входили съ нимъ въ горницу. «Авось твой огонь будетъ держаться!» сказала мачеха. Внесли черепъ въ горницу, а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачеху и ея дочерей, такъ и жгутъ! Тѣ было прятаться, но куда не бросятся — глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ; къ утру совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь, одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла черепъ въ землю, заперла домъ на замокъ, пошла въ городъ и попросилась на житѣе къ одной безродной старушкѣ; живетъ себѣ и поджидаетъ отца. Вотъ какъ-то говорить она старушкѣ: «Скучно мнѣ сидѣть безъ дѣла, бабушка! Сходи, купи мнѣ льну самаго лучшаго; я хоть прясть буду». Старушка купила льну хорошаго; Василиса сѣла за дѣло: работа такъ и горитъ у нея, и пряжа выходитъ ровная да тонкая, какъ волосокъ. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да такихъ бердъ не найдеть, чтобы годились на Василисину пряжу, — никто не беретя и сдѣлать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорить: «Принеси-ка мнѣ, какое-нибудь, старое бердо, да старой челнокъ, да лошадиной гривы: я все тебѣ смастерю». Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный станъ. Къ концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вмѣсто нитки продѣть можно. Весною полотно выбѣлили, и Василиса говорить старухѣ: «Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себѣ». Старуха взглянула на товаръ и ахнула: «Нѣтъ, дитятко! такого полотна, кромѣ царя, носить некому, понесу во дворецъ». Пошла старуха къ царскимъ палатамъ, да все мимо оконъ похаживаетъ. Царь увидаль и спросилъ: «Что тебѣ, старушка, надобно?» — «Ваше царское величество, отвѣчаетъ старушка, я принесла диковинный товаръ; никому, окромѣ тебя, показать не хочу». Царь приказалъ впустить къ себѣ старуху, и какъ увидѣлъ полотно — вздивовался. «Что хочешь за него?» спросилъ царь. «Ему цѣны нѣтъ, царь батюшка! я тебѣ въ даръ его принесла». Поблагодарилъ царь и отпустилъ старуху съ подарками.

Стали царю изъ того полотна сорочки шить; вскрыли, да нигдѣ не могли найти швеи, которая взялась бы ихъ работать. Долго искали; наконецъ, царь позвалъ старуху и сказалъ: «Умѣла ты напрядь и соткать такое полотно, умѣй изъ него и сорочки сшить». — «Не я, государь, пряла и соткала полотно, сказала старуха: это работа пріемыша моего, дѣвушки». «Ну, такъ пусть и сошьетъ она!» Воротилась старушка домой и рассказала обо всемъ Василисѣ. «Я знала, говорить ей Василиса, что эта работа моихъ рукъ не минуетъ». Заперлась въ свою горницу,

принялась за работу; шила она не покладываячи рукъ, и скоро дюжина сорочекъ была готова. Старуха понесла къ царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, одѣлась и сѣла подь окномъ. Сидитъ себѣ и ждетъ, что будетъ. Видитъ: на дворъ къ старухѣ идетъ царскій слуга; вошелъ въ горницу и говорить: «Царь-государь хочетъ видѣть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее изъ своихъ царскихъ рукъ». Пошла Василиса и явилась предъ очи царскія. Какъ увидѣлъ царь Василису Прекрасную, такъ и влюбился въ нее безъ памяти. «Нѣтъ, говорить онъ: красавица моя! не разстанусь я съ тобою: ты будешь моей женою». Тутъ взялъ царь Василису за бѣлыя руки, посадилъ ее подлѣ себя, а тамъ и свадьбу сыграли. Скоро воротился и отецъ Василисы, порадовался объ ея судьбѣ и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла къ себѣ, а куклоку по конецъ жизни своей всегда носила въ карманѣ.

Примѣчаніе. Въ этой сказкѣ любопытны мнѣшескія представленія дня, солнца и ночи въ образѣ всадниковъ, развѣзжающихъ на коняхъ: бѣломъ, красномъ и черномъ, доспѣхахъ тѣхъ же цвѣтовъ, что согласно съ преданіями всѣхъ индо-европейскихъ народовъ (см. Поэт. Возвр., I, стр. 130); въ богатырскихъ поэмахъ минусинскихъ татаръ, въ Вѣстникѣ Рус. Геогр. Общества, 1855 г., ч. VI, стр. 190, упоминаются два родныхъ брата — богатыри Солнце и Мѣсяцъ на рыжихъ коняхъ. Весьма знаменателенъ и рассказъ о черепахъ, глаза которыхъ свѣтятъ и жгутъ какъ огонь; представленіе это основано на древнѣйшей доисторической связи понятій: зрѣнія, свѣта и огня, о чемъ смотри Поэт. Возвр. I, стр. 153. Василиса Прекрасная несетъ воткнутый на палку черепъ, глаза котораго освѣщаютъ ей дорогу среди ночи; этотъ рассказъ напоминаетъ намъ прекрасный образъ трубадура Бертрама даль Борніо въ Дантовомъ Адѣ: онъ несетъ свою собственную голову, отдѣленную отъ тѣла, за волосы и освѣщаетъ ею путь себѣ, какъ фонаремъ.

60. Баба-яга и Заморышекъ.

Жилъ-былъ старикъ да старуха; дѣтей у нихъ не было. Ужъ чего они ни дѣлали, какъ ни молились Богу, а старуха все не рожала. Разъ пошелъ старикъ въ лѣсъ за грибами; попадаетъ ему дорогою старый дѣдъ. «Я знаю, говорить, что у тебя на мысляхъ; ты все о дѣтяхъ думаешь. Поди-ка по деревнѣ, собери съ каждаго двора по яичку и посади на тѣ яйца клушку¹⁾; что будетъ — самъ увидишь!» Старикъ воротился въ деревню; въ ихней деревнѣ былъ сорокъ одинъ дворъ; вотъ онъ обошелъ всѣ дворы, собралъ съ каждаго по яичку и посадилъ клушку на сорокъ одно яйцо. Прошло двѣ недѣли, смотреть старикъ, смотреть и старуха — а изъ тѣхъ яичекъ народились мальчики:

¹⁾ Насѣдку.

сорокъ крѣпкихъ, здоровенькихъ, а одинъ не удался — хилъ да слабъ! Сталь старикъ давать мальчикамъ имена: всѣмъ даль, а послѣд-
нему недостало имени. «Ну, говорить, будь же ты Заморышекъ!»¹⁾ Растуть у старика со старухою дѣтки, растуть не по днямъ,
а по часамъ; выросли и стали работать, отцу съ матерью помогать:
сорокъ молодцевъ въ полѣ возятся, а Заморышекъ дома управляется.
Пришло время сѣнокосное; братья траву косили, стога ставили, порабо-
тали съ недѣлю и вернулись на деревню; поѣли что Богъ послалъ и
легли спать. Старикъ смотритъ и говоритъ: «Молодо-зелено! ѣдятъ
много, спятъ крѣпко, а дѣла поди ничего не сдѣлали!» — «А ты прежде
посмотри, батюшка!» отзывается Заморышекъ. Старикъ снарядился и
поѣхалъ въ луга; глянулъ — сорокъ стоговъ смѣтано: «Ай да, молодцы,
ребята! сколько за одну недѣлю накосили и въ стога сметали». На
другой день старикъ опять собрался въ луга: захотѣлось на свое добро
полюбоваться; пріѣхалъ — а одного стога какъ не бывало! Воротился
домой и говоритъ: «Ахъ, дѣтки! вѣдь одинъ стогъ-та пропалъ». «Ничего,
батюшка! отвѣчаетъ Заморышекъ, мы этого вора поймаемъ;
дай-ка мнѣ сто рублевъ, а ужъ я дѣло сдѣлаю». Взялъ у отца сто ру-
блевъ и пошелъ къ кузнецу: «Можешь ли сковать мнѣ такую цѣпь,
чтобъ хватило съ ногъ до головы обвить человѣка?» — «Отчего не сковать!» —
«Смотри же, дѣлай покрѣпче; коли цѣпь выдержитъ — сто рублевъ
плачу, а коли лопнетъ — пропалъ твой трудъ!» Кузнецъ сковалъ же-
лѣзную цѣпь; Заморышекъ обвилъ ее вокругъ себя, потянулъ она и
лопнула. Кузнецъ вдвое крѣпче сдѣлалъ; ну та годилась. Заморышекъ
взялъ эту цѣпь, заплатилъ сто рублевъ и пошелъ сѣно караулить; сѣлъ
подъ стогъ и дожидается. Вотъ, въ самую полночь поднялась погода,
всколыхалось море и выходитъ изъ морской глубины чудная кобылица,
подбѣжала къ первому стогу и принялась пожирать сѣно. Заморышекъ
подскочилъ, оброталъ ее желѣзною цѣпью и сѣлъ верхомъ. Стала его
кобылица мыкать по доламъ, по горамъ носить; нѣтъ, не въ силахъ сѣдо-
ка сбить! Остановилась она и говоритъ ему: «Ну, доброй молодецъ! когда
сумѣлъ ты усидѣть на мнѣ, то возьми, владѣй моими жеребятами». Подбѣжала
кобылица къ синю морю и громко заржала; тутъ синѣ море
всколыхалось и вышли на берегъ сорокъ одинъ жеребецъ: конь коня
лучше! весь свѣтъ изойди — нигдѣ такихъ не найдешь. Утромъ слышитъ
старикъ на дворѣ ржанье, топотъ; что такое? а это его сынокъ За-
морышекъ цѣлой табунъ пригналъ. «Здорово, говорить, братцы! теперь
у всѣхъ у насъ по коню есть; поѣдьте невѣсть себѣ искать». — «По-
ѣдемъ!» Отецъ съ матерью благословили ихъ, и поѣхали братья въ путь-
дорогу далѣкую. Долго они ѣздили по бѣлому свѣту, да гдѣ столько
невѣсть найти? Порознь жениться не хочется, чтобъ никому обидно не
было; а какая мать похвалится, что у ней какъ разъ сорокъ одна дочь

¹⁾ Вар. Послѣдушекъ.

народилась? Заѣхали молодцы за тридевять земель; смотреть: на крутой горѣ стоятъ бѣлокаменные палаты, высокой стѣной обведены, у воротъ желѣзные столбы поставлены. Сосчитали—сорокъ одинъ столбъ. Вотъ они привязали къ тѣмъ столбамъ своихъ богатырскихъ коней и идутъ на дворъ. Встрѣчаетъ ихъ баба-яга: «Ахъ вы, незваные, непрошеные! какъ вы смѣли лошадей безъ спросу привязывать?» — «Ну, старая! чего кричишь? ты прежде напои-накорми, въ баню своди, да послѣ провѣсти и спрашивай». Баба-яга накормила ихъ, напоила, въ баню сводила, стала спрашивать: «Что, добрые мѡлодцы! дѣла пытаете или отъ дѣла лыгаете?» — «Дѣла пытаемъ, бабушка!» — «Чего жъ вамъ надобно? — «Да невѣсть ищемъ». — «У меня есть дочери», говоритъ баба-яга, бросилась въ высокіе терема и вывела сорокъ-одну дѣвицу. Тутъ они сосватались, начали пить, гулять, свадьбы справлять. Вечеромъ пошелъ Заморышекъ на своего коня посмотрѣть. Увидаль его добрый конь и промолвилъ человѣческимъ голосомъ: «Смотри, хозяинъ, какъ ляжете вы спать съ молодыми женами, нарядите ихъ въ свои платья, а на себя надѣньте женины, не то всѣ пропадемъ!» Заморышекъ сказалъ это братьямъ; нарядили они молодыхъ женъ въ свои платья, а сами одѣлись въ женины, и легли спать. Всѣ заснули, только Заморышекъ глазъ не смыкаетъ. Въ самую полночь закричала баба-яга зычнымъ голосомъ: «Эй вы, слуги мои вѣрныя! рубите незваннымъ гостямъ буйны головы». Прибѣжали слуги вѣрныя и отрубили буйны головы дочерямъ бабы-яги. Заморышекъ разбудилъ своихъ братьевъ и рассказалъ все, что было; взяли они отрубленные головы, воткнули на желѣзные спицы, кругомъ стѣны, потомъ осѣдлали коней и поѣхали наскоро. Поутру встала баба-яга, глянула въ окошечко — кругомъ стѣны торчатъ на спицахъ дочернія головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щитъ, поскакала въ погоню и начала палить щитомъ на всѣ четыре стороны. Куда мѡлодцамъ спрятаться? Впереди синѣ море, позади баба-яга — и жжетъ и палить! Помирать бы всѣмъ, да Заморышекъ догадливъ былъ: не забылъ онъ захватить у бабы-яги платочекъ; махнулъ тѣмъ платочкомъ передъ собою — и вдругъ перекинулся мостъ черезъ все синѣ море; переѣхали добрые молодцы на другую сторону. Заморышекъ махнулъ платочкомъ въ иную сторону — мостъ исчезъ, баба-яга воротилась назадъ, а братья домой поѣхали ¹⁾).

Примѣчаніе. Сравни въ сборникѣ хорутанскихъ сказокъ Валявца, стр. 6 — 7; Глинск., II, 7 — 52 и въ изданіи Боричевскаго «Повѣсти

¹⁾ *Var.* Вѣдьма польстилась на чудныхъ богатырскихъ коней и рѣшила убить ночью добрыхъ мѡлодцевъ. Заморышекъ взялъ-поснималъ съ ея сонныхъ дочерей вѣнчики, а съ своихъ братьевъ шапочки; вѣнчики надѣлъ на братьевъ, а шапочки на дочерей вѣдьмы. Вѣдьма пришла и перебила всѣхъ своихъ дочекъ. Заморышекъ захватилъ у ней щетку, гребенку и утиральникъ и съ ихъ помощью спасается бѣгствомъ: бросаетъ щетку — поднимается гора, бросаетъ гребенку — вырастаетъ лѣсъ, бросаетъ утиральникъ — появляется глубокая рѣка.

и преданія народн. славян. племени», стр. 123 — 6; Zeitschrift für D. M. I, 379 и греч. сказку Гана, II, 176 — 182: бабѣ-ягѣ соотвѣтствуетъ здѣсь дракониха или ламія; вмѣсто вѣнцовъ она отмѣчаетъ своихъ дочерей, кладя имъ въ изголовье золотыя яблоки. Рожденіе мальчиковъ изъ яицъ напоминаетъ извѣстный мифъ о Ледѣ.

61. Баба-яга и жихарь.

а. Жилъ котъ, воробей да жихарько ¹⁾ третей. Котъ да воробей пошли дрова рубить и говорятъ жихарьку: «Домовниче(а)й, да смотри: ежели придѣтъ яга-баба да станетъ считать лош(ж)ки, ты ничево не говори, молчи!» «Ладно», отвѣтили жихарь. Котъ да воробей ушли, а жихарь сѣлъ на печь за трубу. Вдругъ явля(е)тся яга-баба, берѣтъ лошки и считать: «Это котова лошка, это — воробѣва лошка, третья — жихарькова». Жихарь не можъ стерпѣть, закричалъ: «Не тронь, яга-баба, мою лошку!» Яга-баба схватила жихаря, сѣла въ ступу, поѣхала; ѣдетъ въ ступѣ, пестомъ понужать ²⁾, а помеломъ слѣды заметать. Жихарь заревѣлъ: «Котъ, бѣги! воробей, лети!» Тѣ услышали, прибѣжали. Котъ началъ с(ц)арапать ягу-бабу, а воробей клевать; отняли жихаря. На другой день стали опять собират(ь)ся въ лѣсъ дрова рубить, заказываютъ жихарю: «Смотри, ежели будетъ яга-баба, ничево не говори; мы теперь далѣко уйдемъ». Жихарь только сѣлъ за трубу на печь, яга-баба опять явилась, начала считать лошки: «Это — котова лошка, это воробѣва лошка, это — жихарькова». Жихарько не можъ утерпѣть, заревѣлъ: «Не тронь, яга - баба, мою лошку!» Яга-баба схватила жихаря, потащила, а жихарь реветъ: «Котъ, бѣги! воробей лети!» Тѣ услышали, прибѣжали: котъ сарапать, воробей клевать ягу - бабу; отняли жихаря, ушли домой.

На третій день собрались въ лѣсъ, дрова рубить, говорятъ жихарю: «Смотри, ежели придѣтъ яга-баба — молчи: мы теперь далѣко уйдемъ». Котъ да воробей ушли, а жихарь третей усѣлся за трубу на печь; вдругъ опять яга-баба берѣтъ лошки и считать: «Это — котова лошка, это — воробѣва лошка, третья — жихарькова». Жихарь молчитъ. Яга-баба вдругоредь считать: «Это — котова лошка, это — воробѣва, это — жихарькова». Жихарь молчитъ. Яга-баба въ третій разъ считать: «Это — котова лошка, это — воробѣва лошка, третья — жихарькова». Жихарько не можъ стерпѣть, забазлалъ ³⁾: «Не тронь, курва, мою лошку!» Яга-баба схватила жихаря, потащила. Жихарь кричитъ: «Котъ, бѣги! воробей, лети!» Братья ево не слышатъ. Притащила яга-баба жихаря домой, посадила въ голбець ⁴⁾, сама затопила печку,

¹⁾ Жихарь — лихой, удалой, смѣлый молодець. ²⁾ Погоняетъ. ³⁾ Базлать — громко кричать. ⁴⁾ Деревянная придѣлка къ печи, подъ которою дѣлается ходъ въ подполье.

говорить большой дочерь: «Дѣвка! я пойду въ Русь; ты изжарь къ обѣду мнѣ жихарька». — «Ладно!» та говоритъ. Печка истопилась, дѣвка велитъ выходить жихарю. Жихарь вышолъ. «Ложись на лѣтку!»¹⁾ говоритъ опеть дѣвка. Жихарь лёкъ, уставилъ одну ногу въ потолокъ, другу въ наволокъ²⁾. Дѣвка говоритъ: «Не такъ, не такъ!» Жихарь баѣтъ: «А какъ? ну - ко поучи». Дѣвка легла въ лѣтку. Жихарь не оробѣлъ, схватилъ ухватъ, да и пехнулъ въ печь лѣтку съ ягишиной дочерью, самъ ушолъ опеть въ голбець, сидитъ — дожидается ягой-бабы. Вдругъ яга-баба прибѣжала и говоритъ: «Покатат(ь)ся было, повалят(ь)ся было на жихарьковыхъ косточкахъ!» А жихарь ей въ отвѣтъ: «Покатайся, повалайся на дочерниныхъ косточкахъ!» Яга-баба спохватилась, посмотрѣла: дочь еѣ изжарена, и заревѣла: «А! ты, мошенникъ, стой, не увернеш(ь)ся!» Приказывать средней дочерѣ изжарить жихарька, сама уѣхала. Середня дочь истопила печку, велитъ выходить жихарьку. Жихарь вышолъ, лёкъ въ лѣтку, одну ногу уставилъ въ потолокъ, другу въ наволокъ. Дѣвка говоритъ: «Не такъ! не такъ!» — «А поучи: какъ?» Дѣвка легла въ лѣтку. Жихарь взялъ да и пехнулъ ее въ печь, самъ ушолъ въ голбець, сидитъ тамъ. Вдругъ яга-баба: «Покатат(ь)ся было, повалят(ь)ся было на жихарьковыхъ косточкахъ!» Онъ въ отвѣтъ: «Повалайся, покатайся на дочерниныхъ косточкахъ!» Ягишна взбѣсилась: «Э, стой! говоритъ, не увернеш(ь)ся!» Приказывать молодой дочерѣ изжарить ево. Не тутъ-то было: жихарь и эту изжарилъ! Яга-баба пушше разсердилась: «Погоди, говоритъ, у меня не увернеш(ь)ся!» Истопила печь, кричитъ: «Выходи, жихарько! ложись вотъ на лѣтку». Жихарь лёкъ, уставилъ одну ногу въ потолокъ, другу въ наволокъ, не уходитъ въ чело³⁾. Яга-баба говоритъ: «Не такъ! не такъ!» А жихарь будто не зная: «Я, говоритъ, не знаю, поучи сама!» Яга-баба тотчасъ поджалась и легла въ лѣтку. Жихарь не оробѣлъ, взялъ ее да и пехнулъ въ печь; самъ ступай домой, прибѣжалъ, сказывать братьямъ: «Вотъ чево я сдѣлалъ съ ягой-бабой!»

(Записана въ Пермской губернии, въ Шадринскомъ округѣ, государственнѣмъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ).

в. Въ одной семьѣ было три брата: большого прозвали Бараномъ, середняго Козломъ, а меньшого звали Чуфилъ-Филюшка⁴⁾. Вотъ однажды всѣ они трое пошли въ лѣсъ, а въ лѣсу жилъ караульщикомъ родной ихъ дѣдушка. У этого дѣдушки Баранъ да Козёлъ оставили своего родного брата Чуфилъ-Филюшку, а сами пошли въ лѣсъ на охоту. Филюшкѣ была и воля и доля: дѣдушка былъ старъ и большой недогадъ, а Филюшка тароватъ. Захотѣлось ему съѣсть яблочко; онъ отвернулся⁵⁾ отъ дѣдушки въ садъ и залѣзъ на яблонь. Вдругъ откуда ни

¹⁾ Лѣтка—глиняная сковорода. ²⁾ Полъ. ³⁾ Чело — верхняя часть русской печи. ⁴⁾ Приставка: «Чуфилъ, Чуфилюшка» объясняется любимую русскимъ престолюдиномъ игрою словъ. ⁵⁾ Увернулся.

взялась яга-бура въ желѣзной ступѣ, съ пихтилемъ ¹⁾ въ рукѣ; прискакала къ яблонѣ и сказала: «Здорово, Филюшка! зачѣмъ туда залѣзь?» — «Да вотъ яблочко сорвать», сказалъ Филюшка. «На-ка, родимой, тебѣ моего яблочка». — «Это гнилое», сказалъ Филюшка. «На вотъ другое.» — «А это червивое». — «Ну, будетъ тебѣ дурачиться, Филюшка! а ты вотъ возьми-ка у меня яблочко-то изъ ручки въ ручку». Онъ протянулъ руку. Яга-бура какъ схватить его, посадила въ ступу и поскакала по кустамъ, по лѣсамъ, по оврагамъ, борзо погоняетъ ступу пихтилемъ. Тутъ Филюшка, опомнившись, началъ кричать: «Козѣль, Баранъ! бѣж(г)ите скорѣй! меня яга утащила за тѣ горы за крутя, за тѣ лѣса за тѣмные, за тѣ степи за гусиновыя». Козѣль и Баранъ отдыхали тогда; одинъ (изъ нихъ) лежалъ на землѣ; вотъ ему и слышится — кричить кто-то. «Прислонись-ка ты къ землѣ!» говорить лежащій сидячему. — «Ой, это кричитъ нашъ Филюшка!» Пустились они бѣжать, бѣжали-бѣжали и догнали ягу-буру, отбили Филюшку и привезли къ дѣдушкѣ, а дѣдушка съ ума по нѣмъ сошелъ! Вотъ приказали они дѣдушкѣ смотрѣть за Филюшкой, а сами ушли. Филюшка по прежней уловкѣ опять залѣзь на яблонь; только залѣзь, а яга-бура опять передъ нимъ и даѣтъ ему яблочко. «Нѣтъ, не обманешь меня, злодѣйка!» сказалъ Филюшка. — «Да ты, Филюшка, хотъ поймай у меня яблочко: я тебѣ брошу». — «Хорошо, кидай!» Яга нарочно кинула ему яблочко пониже; онъ потянулся за яблочкомъ, хотѣлъ было схватить — вдругъ хватъ его за руку яга-бура и помчала безъ памяти опять по горамъ, по доламъ и по тѣмнымъ лѣсамъ; притащила его въ свой домъ, вымыла, выхолила и посадила въ коникъ.

Вотъ поутру собирается яга итти въ лѣсъ и приказываетъ своей дочери: «Ну, дочка моя! истопи печь жарко-нажарко и зажарь мнѣ Чуфиль-Филюшку къ ужоткому!» ²⁾ а сама ушла на добычу. Дочь истопила жарко печку, взяла связала Филюшку и положила на лопату, и только хочеть пихнуть его въ печку — онъ упрѣтъ да и упрѣтъ въ чело ногами. «Ты не такъ, Филюшка!» сказала дочь яги-бурой. — «Да какъ же? говорить Филюшка, я не умѣю». — «Вотъ какъ, пусти-ка, я тебя научу!» — и легла на лопату, какъ надо, а Чуфиль-Филюшка былъ малой не промахъ, какъ вдругъ сунетъ ее въ печь, закрылъ и заслономъ крѣпко-накрѣпко. Прошло не больше какъ часа два-три, Филюшка учуялъ, что запахло жаренымъ, отслонилъ заслонку и вынулъ дочь яги-бурой изжаренную, помазавъ ее масломъ, прикрылъ на сковородѣ полотенцемъ и положилъ въ коникъ; а самъ ушелъ на потолокъ да взявъ съ собой буднишной пихтиль и ступу яги-бурой. Вотъ передъ вечеромъ приходитъ яга-бура, прямо сунулась въ коникъ и вытащила жаркое; поѣла все, собрала все кости, разложила ихъ на землѣ рядомъ

¹⁾ Пихтиль—пестъ, толкачъ, которымъ толкутъ ленъ и коноплю. ²⁾ Ужотко — послѣдующее, наступающее время.

и начала по нимъ кататься, а про дочь и не встрянется ¹⁾—думаетъ, что она въ другой избѣ шерсть прядётъ. Вотъ яга, катаючись, приговариваетъ: «Любезная, моя дочь! выйди ко мнѣ и покатайся со мною на Филюшкиныхъ косточкахъ!» А Филюшка съ потолка кричитъ: «Покатайся, мать, повалайся, мать, на дочерниныхъ косточкахъ!»—«А! ты тамъ, разбойникъ? постой же я тебѣ задамъ!»—заскрипѣла зубами, застучала ногами и лѣзетъ на потолокъ. ЧуФилюшка не испугался, схватилъ пихтиль и со всего маху ударилъ ее по лбу: яга лишь брыкнула нѣземь. Тутъ Филюшка залѣзъ на крышу; увидалъ, что летять гуси, онъ и кричитъ имъ: «Дайте мнѣ по пѣрушку, я сдѣлаю себѣ крылушки». Они дали ему по пѣрушку, онъ и полетѣлъ домой. А дома его ужъ давнымъ-давно за упокой поминаютъ; потомъ, какъ увидали его, всѣ несказанно обрадовались, и вмѣсто упокойной затѣяли превеселую гульбу и стали себѣ жить-поживать да больше добра наживать.

(Записана въ Тамбовской губ.).

62. Ивашко и вѣдьма.

а. Жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ былъ одинъ сыночекъ Ивашечко; они его такъ-то ужъ любили, что и сказать нельзя! Вотъ просить Ивашечко у отца и матери: «Пустите меня, я поѣду рыбку ловить». — «Куда тебѣ! ты еще малъ, пожалуй утонешь, чего добраго!»— «Нѣтъ, не утону; я буду вамъ рыбку ловить; пустите!» Баба надѣла на него бѣлую рубашечку, краснымъ поясомъ подпоясала и отпустила Ивашечка. Вотъ онъ сѣлъ въ лодку и говоритъ:

Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви дальшенько!

Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви дальшенько!

Челнокъ поплылъ далеко-далеко, а Ивашко сталъ ловить рыбку. Прошло мало ли—много ли времени, притащилась баба на берегъ и зоветъ своего сына:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!

Приплынь, приплынь на бережочекъ:

Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

А Ивашко говоритъ:

Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви къ бережку:

То меня матинька зоветъ.

Челнокъ приплылъ къ бережку; баба забрала рыбу, накормила напоила своего сына, перемѣнила ему рубашечку и поясокъ и отпустила опять ловить рыбку. Вотъ онъ сѣлъ въ лодочку и говоритъ:

Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви дальшенько!

Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви дальшенько!

1) Встрянутъся — спохватиться.

Челнокъ поплыль далеко-далеко, а Ивашко сталъ ловить рыбку. Прошло мало ли много ли времени, притащился дѣдъ на берегъ и зоветъ сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ:
Я тебѣ ѣсть и пить принесъ.

А Ивашко:

Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви къ бережку:
То меня батинька зоветъ.

Челнокъ приплыль къ бережку; дѣдъ забралъ рыбу, накормилъ напоилъ сынка, перемѣнилъ ему рубашечку и поясокъ и отпустилъ опять ловить рыбку.

Вѣдьма ¹⁾ слышала, какъ дѣдъ и баба призывали Ивашку, и захотѣлось ей овладѣть мальчикомъ. Вотъ приходитъ она на берегъ и кричить хриплымъ голосомъ:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ:
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

Ивашко слышитъ, что это голосъ не его матери, а голосъ вѣдьмы, и поетъ:

Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви дальшенько,
Чѣвникъ, чѣвникъ, плыви дальшенько:
То меня не мать зоветъ, то меня вѣдьма зоветъ!

Вѣдьма увидѣла, что надобно звать Ивашку тѣмъ же голосомъ, какимъ его мать зоветъ, побѣжала въ кузнецу и просить его: «Ковалику ²⁾, ковалику! скуй мнѣ такой тонесенькой голосокъ, какъ у Ивашкиной матери, а то я тебя съѣмъ!» Коваль сковалъ ей такой голосокъ, какъ у Ивашкиной матери. Вотъ вѣдьма пришла ночью на бережокъ и поетъ:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ:
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

Ивашко приплыль; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла къ себѣ. Пришла домой и заставляеть свою дочь Алѣнку: «Истопи печь пожарче да сжарь хорошенько Ивашку, я а пойду соберу гостей—моихъ пріятелей». Вотъ Алѣнка истопила печь жарко-жарко и говоритъ Ивашкѣ: «Ступай, садись на лопату!» — «Я еще малъ и глупъ, отвѣчаетъ Ивашко: я ничего еще не умѣю, не разумѣю; поучи меня, какъ надо сѣсть на лопату». — «Хорошо, говоритъ Алѣнка, поучить не долго!» — и только сѣла она на лопату, Ивашко такъ и баракнулъ ее въ печь и закрылъ заслонкой, а самъ вышелъ изъ хаты, заперъ двери и взлѣзъ на высокой-высокой дубъ.

¹⁾ Нѣкоторые сказочники замѣняютъ въ этой сказкѣ слово «вѣдьма» — словомъ «змѣя». ²⁾ Коваль — кузнецъ; ковать, подкова.

Вѣдьма приходитъ съ гостями и стучится въ хату, — никто не отворяетъ ей дверей. «Ахъ, проклятая Алѣнка, вѣрно ушла куда-нибудь играть». Влѣзла вѣдьма въ окно, отворила двери и впустила гостей; всѣ усѣлись за столъ, а вѣдьма открыла заслонку, достала жареную Алѣнку—и на столъ: ѣли-ѣли, пили-пили и вышли на дворъ и стали валяться по травѣ. «Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наѣввшись!» кричить вѣдьма: «покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наѣввшись!» А Ивашка переговариваетъ ее сверху дуба: «Покатайся, поваляйся, Алѣнкина мясца наѣввшись!» — «Мнѣ что-то слышалось», говоритъ вѣдьма. — «Это листья шумятъ!» Опять вѣдьма говоритъ: «Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наѣввшись!» А Ивашко свое: «Покатися, поваляйся, Алѣнкина мясца наѣввшись!» Вѣдьма посмотрѣла вверхъ и увидѣла Ивашку; бросилась она грызть дубъ, — тотъ самый, гдѣ сидѣлъ Ивашко, грызла, грызла, грызла — два переднихъ зуба выломала и побѣжала въ кузню. Прибѣжала и говоритъ: «Ковалику, ковалику! скуй мнѣ желѣзные зубы, а не то я тебя съѣмъ!» Коваль сковаль ей два желѣзныхъ зуба.

Воротилась вѣдьма и стала опять грызть дубъ; грызла, грызла и только что перегрызла, какъ Ивашко взялъ да и перескочилъ на другой, сосѣдній дубъ, а тотъ, что вѣдьма перегрызла, рухнулъ наземь. Вѣдьма видитъ, что Ивашко сидитъ уже на другомъ дубѣ, заскрипѣла отъ злости зубами и принялась снова грызть дерево; грызла, грызла, грызла — два нижнихъ зуба выломала и побѣжала въ кузню. Прибѣжала и говоритъ: «Ковалику, ковалику! скуй мнѣ желѣзные зубы, а не то я тебя съѣмъ!» Коваль сковаль ей еще два желѣзныхъ зуба. Воротилась вѣдьма и стала опять грызть дубъ. Ивашко не знаетъ, что ему и дѣлать теперь; смотреть: летятъ гуси-лебеди; онъ и просить ихъ:

Гуси мои лебедята,
Возьми меня на крылята,
Понеси меня до батиныки, до матиныки;
У батиныки, у матиныки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

«Пуцай тебя середніе вѣзмутъ», говорятъ птицы. Ивашко ждетъ; летитъ другое стадо, онъ опять просить:

Гуси мои лебедята!
Возьми меня на крылята,
Понеси меня до батиныки, до матиныки;
У батиныки, у матиныки;
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

«Пуцай тебя задніе вѣзмутъ». Ивашко опять ждетъ; летитъ третье стадо, онъ просить:

Гуси мои лебедята!
Возьми меня на крылята,
Понеси меня до батиныки, до матиныки;
У батиныки, у матиныки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетѣли къ хатѣ и посадили Ивашку на чердакъ.

Рано поутру баба собралась печь блины, печеть, а сама вспоминаетъ сынка: «Гдѣ-то мой Ивашечко? хоть бы во снѣ его увидать!» А дѣдъ говоритъ: «Мнѣ снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своихъ крыльяхъ». Напекла баба блиновъ и говоритъ: «Ну, старикъ, давай блины дѣлать: «Это — тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ, это — тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ...» — «А мнѣ нима?» ¹⁾ отзывается Ивашко. «Это — тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ...» — «А мнѣ нима?» — «А ну, старикъ! говоритъ баба: посмотри, щось тамъ такѣ?» Дѣдъ полѣзъ на чердакъ и досталъ оттуда Ивашку. Дѣдъ и баба обрадовались, разспросили сынка обо всемъ, обо всемъ и стали вмѣстѣ жить да поживать, да добра наживать.

(Записана въ Бобровскомъ уѣздѣ, Воронежской губ.).

в. Бывъ сабѣ дѣдъ да баба, да у нихъ не было дятей. Во баба кажа дѣду: «Иди, дѣду, у лѣсь, да вырубай тельпушокъ ²⁾, да зраби калисочку ³⁾; я буду того тельпушка калыхать ⁴⁾, чи не будя чаго?» Дѣдъ зрабивъ такъ, якъказала баба. Во баба калыша тельпушокъ, да й припѣвая:

Люли, люли, тельпешуку!
Зварю табѣ кулешику —
И ячнага и смачнага,
Явсянага, прасянага.

Глядитъ баба, ажъ у тельпушка ноги юсть; баба зрадовалась да давай изнова пѣть, и спѣва до тыхъ поръ, покуль изъ таго тельпушка зрабилось дитя. Рады были баба и дѣдъ, што давъ имъ Богъ радость на старость, и не знали, што рабить свайму дитяти.

Расте той сына да расте; ужъ начавъ рыбку ловить и памагать батьку. Во и кажа: «Тату! ⁵⁾ зраби мини сребный чавнокъ да залате веселечко». Батько зрабивъ; сынъ начавъ лавить рыбу, и якъ паѣдя, такъ цѣлый день лоя. Во matka принясе ямѹ абѣдать або вячерьять ⁶⁾, да и кличе:

Иванька-сынокъ,
Серебный чавнокъ,
Залате веселечко,
Бѣ ко мнѣ, мае сердечко!

Пачувши маткинъ голосъ, сынъ приѣзжая къ берегу, бярѣ ядѹ ⁷⁾, аддаѣ маткѣ рыбу, а самъ изнова ѣдя.

Ти ⁸⁾ мала, ти богата ⁹⁾ ета такъ было — вѣдья, што жила въ сасѣднемъ селѣ и знакома была съ Иванькиными родителями, паза-

¹⁾ Нѣтъ. ²⁾ Чурбанъ. ³⁾ Люльку, колыбель. ⁴⁾ Качать. ⁵⁾ Отець. ⁶⁾ Ужинать. ⁷⁾ Ёда, яства. ⁸⁾ Вмѣсто «чи» — частица, соотвѣтствующая *ли, или*: «много ли, мало ли». ⁹⁾ Много.

видавала и задумала загубить бабинаго сына: приготовила абѣдать, ти вечерять да и пашла на ряку и давай гукать ¹⁾ такъ, якъ Иванькина matka гукала его. Иванька, пачувши яе голасть, бо бывъ грубый, а у матки яго тоненькій, да и кажа: «Ета не matka мене заве, а вѣдьма!» Вѣдьма разсярдилась, пашла да каваля, да и загадала зрабить такій язычокъ, якъ у Иванькиной матки; приходя знова на ряку, да и давай звать его. Јонъ думавъ, што то matka, приплывъ къ берегу. Яна яго ухватила да и панесла дамовъ; а јонъ не разглѣдавъ, якъ падѣзжавъ, бо было тѣмно.

Вѣдьма принясла Иваньку дамовъ, да и кажа сваей даццѣ ²⁾ Алѣнцѣ: «Дачушечка мая! вазьми сяго хлопчика, абмый да, вытапивши печь, укинъ, и якъ јонъ зжарицца, нарѣжъ и поставъ на сталѣ, а я пайду да пазаву кумачекъ своихъ; придемъ да и будемъ гулять». Иванька ета все чувъ. Вѣдьма пашла. Дачкà зраби, якъ казала matka, да взятши лапату, што хлѣбъ сажають, и кажа: «Ивашка, ляжъ на лапату, я тябе пакалишу!» ³⁾ Иванька легъ, да паперѣкъ; Алѣнка хатѣла укинуть яго у печь, да бача, што јонъ легъ не такъ, кажа: «Сядъ удовжъ!» ⁴⁾ Јонъ кажа: «Пакажи мнѣ; я не знаю, якъ треба ⁵⁾ лечъ». Алѣнка здура(у) да и легла, а Ивашка бурхеть ⁶⁾ ее у печь! Во яна такъ и апреглась ⁷⁾. Ивашка вынявъ ея, зрабивъ такъ, якъ matka вялѣла зрабить зъ имъ, а самъ пашовъ за горадъ да и сѣвъ на яваръ, да и сядить. Вѣдьма, сабравши сваихъ кумакъ, пришла да и давай пить да гулять да тымъ мясамъ закусувать. Яна и не думала, штобъ ета была Алѣнина; яна думала, что дачкà приготовила кушання, да пашла гулять да падружакъ.

Паѣдавши харашенька таго мяса и правадивши кумачекъ сваихъ, вѣдьма пашла на тоя мѣста, гдѣ стаявъ яваръ, што сядѣвъ Иванько, да давай качацца да пригаваривать: «Пакачуся, павалюся, Иванькинага мяса наѣввшихъ!» А јонъ и кажа: «А трясы ⁸⁾ — Алѣнкинага!» Яна, якъ пабачила яго, дагадалась, пабѣгла дамовъ, взяла тапоръ да, прибѣгши, давай рубать яваръ; тапоръ переламився. Во яна пабѣгла да каваля, да и приказала зрабить два возы тапаровъ; јонъ зрабивъ. Яна привезла ихъ туда, да давай рубать яваръ; рубая да рубая, а тапары все ламающца, бо яваръ былъ грубый; аднакъ яваръ начавъ шатацца на корнѣ и якъ ⁹⁾ не упаде. Глѣдитъ Иванька, ажъ лятить стада гусей: во јонъ и начавъ прасить ихъ:

Гуси, гуси, лебедята!
 Вазьметъ мене на крылята,
 Панесетъ мене къ аццу, къ маткѣ;
 Буди вамъ ѣсти и пити
 И харашо хадити!

¹⁾ Звать. ²⁾ Дочери. ³⁾ Покачаю. ⁴⁾ Вдоль. ⁵⁾ Надо. ⁶⁾ Вкинулъ, вбросилъ быстро. ⁷⁾ Опрягать — жарить. ⁸⁾ А чтобъ тебя лихоманка! ⁹⁾ Чуть.

Во тые гуси и гаворють: «Нехай ¹⁾ тебе другиі вòзьмутъ!» Лятять другиі, јонъ начавъ прасить; яны сказали, штобъ яго третьи взяли. Лятять и третьи; тые сказали, штобъ яго гусакъ узявъ, што лятить адзаду ²⁾. Лятить той гусакъ, јонъ начавъ прасить; той гусакъ ухвативъ и панесъ яго. Яваръ упавъ, а вѣдьма адъ злости, што не папала въ сваи руки Иваньку, стала рвацца, метацца да асталось съ т а к и м ъ. А гусакъ понесъ Иваньку въ тоя сяло, гдѣ яго радитили; прине(с)ши, сѣвъ зъ имъ на крышу. Во Иванька и ставъ прислухацца у комень ³⁾, што у хати дѣлаецца. Въ эта время Ивашкины радитили абѣдали и плакали па јомъ; во јонъ и кажа: «Не плачьте, батюшка и матушка, я тутъ». Яны, пачувши голасъ яго, выбягли на дворъ, зняли съ крыши и вельми были рады, што нашли сына свайго. Јонъ разказавъ имъ все, што было. Гусака таго яны стали харашо кармить и паить; стали жить да паживать, да добры мысли мать. Ти мала, ти багата паживши, радитили Иванькины памерли, а јонъ и тяперь живе да хлѣбъ жуе, рыбку ловя да добрыхъ людей кормя; и гусакъ тей зъ нимъ. Я самъ у Ивашки — надовѣсь ⁴⁾ јонъ свадьбу гулявъ — а на той свадьбѣ скакавъ, медъ-вино пивъ, въ ротѣ не было, а па барадѣ тьякло.

(Записана въ городѣ Погарѣ, Черниговской губерніи, учителемъ Н. Матросовымъ).

с. Якъ бувъ соби дидъ да баба, а у ихъ маленькій сынокъ Ивашко. Долго просивъ Ивашко батька, щобъ винъ зробивъ ёму човничокъ да пустывъ плавать по озеру; да все Ивашко бувъ малый, ёго боялись пустыть одного. А якъ Ивашко подри(о)сь, уже минувъ ёму десятый годъ, тоди батько зробивъ човничокъ, а маты пишла съ Ивашкомъ до озера, отпустила ёго на воду, и обещалась навидувать всякій тыждень ⁵⁾. Бувало, якъ наступить пятинка, маты прійде къ берегу и заспивает: «Ивашечку, Ивашечку! приплынь, приплынь до бережка, бо я тоби принесла јисты-пыты и сороченьку биленькую». Ивашко скаже човничку: «Плывы, плывы, човничку, до бережка: це моя маты!» Човничокъ приплыве, маты дастъ сынку јисты й пыты, надине на ёго биленьку сорочку и опять отпустыть човничокъ въ воду. Такъ вона навищала Ивашка, а видьма усе чула, ховавшись у кустахъ билия того миста, куды прищывавъ човничокъ. Видьма хотила съјисты Ивашка и на другу пятницю прійшла раньше матыри Ивашкиной и заспивала: «Ивашечку, Ивашечку, приплынь, приплынь до бережка, бо я тоби принесла јисты-пыты и сороченьку биленькую». Да заспивала грубымъ голосомъ, такъ що Ивашко узнавъ нематерыньскій голось и каже човничку: «Плывы, плывы отъ бережка, бо це прійшла не моя маты». Човничокъ отплывъ. Тоди видьма побигла до коваля и просить

¹⁾ Пускай. ²⁾ Назад. ³⁾ Комень — передняя часть печи для выхода дыму. ⁴⁾ Намедни. ⁵⁾ Недѣля.

ёго: «Ковалю, ковалю! зроби мини такій голосъ, якъ у Ивашкиной матури». Коваль зробивъ јій такій голосъ, и вона на другу п'ятницю ошьять пишла раненько да бережка и заспивала тонёнькимъ голоскомъ: «Ивашечку, Ивашечку! приплынь, приплынь до бережка, бо я тоби принесла јисты-пыты и сороченьку билёнькую». Ивашко не узнавъ уже, що це була не ёго маты, и сказавъ човничку, щобъ винъ приплывъ до бережка. Видьма схапала ёго и потащыла до себе, приказала Маруси дочьци сжарить Ивашка, а сама побигла скликать гостей. Маруся узыла лопату, що въ пичку хлибъ сажають, и каже: «Сядь, Ивашку, на лопату». Ивашко сивъ, да не такъ, якъ вона хоче. Маруся толкуе, якъ треба сисы, а винъ усе якъ будто не понимае и просить Марусю: «Сядь сама, каже, покажи мини». Маруся сила, а винъ јинъ въ пичку — вона и сжарилась. Самъ выбигъ изъ хаты, взлизъ на дерево да-й сидыть. Прійшла видьма съ гостями, стукае въ двери и кричить: «Марусю, Марусю! отчини двери». А Маруся не чуе. «Видно, суча дочка, пишла на досвитки — гулять съ дивчатами да съ парубками, или до подругъ пишла — косу у ленты заплитать». Стукала-стучала и у двери и у окна, да-й выладыла ¹⁾ окно, пролизла въ хату, отчинила двери и ввела гостей. Дывитця — въ печи жарена Маруся, подала на столъ гостямъ и просить јисты. Отъ и гости и сама видьма, најившись того мясца, выйшли изъ хаты на траву покатыця, легли и кричатъ: «Покатимся, повалимся, Ивашкиного мясца најившись!» А Ивашко съ дерева: «Покатитесь, повалитесь, Марусиноного мясца најившись!» Видьма чуе голосъ да не бачить — видкиль винъ? Опьять: «Покатимся, повалимся, Ивашкиного мясца најившись!» А Ивашко: «Покатитесь, повалитесь, Марусиноного мясца најившись!» Видьма побачила Ивашка и давай гризты дерево подъ Ивашкомъ; гризла-гризла, переломала усе зубы и побигла къ ковалю, щобъ винъ зробивъ јій железни зубы; прійшла назадъ и опьять начала гризты. Догризла до середины; въ то время гусы литять. Ивашко заголосивъ: «Гусы, мои-гусенята, визьмить мене на крылята, отнесите мене до батыньки; у ёго есть много добра, есть що јисты и пыты». А гусы ёму: «Нехай тебе задни визьмутъ!» Прилители и ти; винъ и ихъ просить, но и вони сказали: «Нехай тебе визьмутъ ти, що сзади литять». Прилители и задни, взяли Ивашка и отнесли къ батыньки и матури, посадыли на крышу хаты, а сами тутъ же сили. Тоди баба напекла пироговъ и дѣлитъ: «Цей тоби, диду, а цей мини!» А Ивашко съ крыши: «А мини?» Баба дывитця, дывитця — ничего не бачить. Опьять: «Цей тоби, диду, а цей мини!» А Ивашко съ крыши: «А мини?» Выйшла баба изъ хаты, глядь — а Ивашко сидыть на крыши; вотъ ёго заразъ сняли съ крыши, а гусей накормили овсомъ, шпеницею, напоили и пустыли литить дальше. Ивашко остався дома, и теперъ живе, хлибъ жуе и добромъ гусей вспоминае.

¹⁾ Вынула, выставила.

d. Въ нѣкоторой деревнѣ жилъ старикъ со старухой; дѣтей у нихъ не было. Однажды старикъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами; это было зимою. Старикъ нарубилъ дровъ, сколько нужно было, да срубилъ еще лутошку. Приѣхалъ домой, дрова на дворѣ оставилъ, а лутошку въ избу принесъ и положилъ въ подпечекъ. На третій день что-то въ подпечкѣ зашумѣло, а потомъ кричить: «Тятя, мама! выньте меня». Старикъ со старухой испугались; да слышать и въ другой разъ тотъ же голосъ: «Тятя, мама! выньте меня». Старикъ поглядѣлъ въ подпечекъ и увидѣлъ тамъ небольшого мальчика. Вынулъ его оттуда, показалъ старухѣ, и назвали его Лутонькою, стали его и кормить и поить. Пришло лѣто, сталъ мальчикъ промыслять рыбною ловлею и тѣмъ промысломъ кормилъ старика со старухою. Старуха, бывало, придетъ къ нему на ловлю и кричитъ ¹⁾ его: «Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! приглянь, приглянь ко бережку, а я тебѣ дамъ пирожка съ начинкою». Лутона, какъ слышитъ голосъ матери, подѣвжаетъ къ берегу, отъ матери беретъ кусокъ пирога, а ей даетъ рыбу. Однажды подглядѣла это яга-баба, пришла къ тому мѣсту и начала его манить къ себѣ такими словами, какъ и мать кликала. Лутонюшка услыхалъ толстой голосъ ягой-бабы и сказалъ ей въ отвѣтъ: «Нѣтъ, не матушкинъ голосъ, очень толстъ! Поди, языкъ поточи!». Съ тѣмъ яга-баба и отправилась. Послѣ того приходитъ туда же старуха, его мать названная, и начала манить: «Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! приглянь, приглянь ко бережку, а я тебѣ дамъ пирожка съ начинкою». Лутонька услыхалъ материнъ голосъ, подѣхалъ къ берегу, взялъ у нея пирогъ, а ей рыбу отдалъ. Старуха ушла, а яга-баба выточила свой языкъ на точилѣ, и немного погодя, прибѣжала на берегъ и стала манить Лутонюшку. Лутонька не узналъ ея голоса, подумалъ, что мать его зоветъ, подѣхалъ къ берегу; яга-баба схватила его и утащила въ свою избу. У ягой-бабы было три дочери. Она приказала бѣльшей дочери истопить избу жарко-жарко, Лутоньку жарить, а сама ушла въ поле гулять. Бѣльшая дочь истопила избу, привела Лутоньку и велѣла ему садиться на лопату. Лутонька былъ не плохъ, началъ отговариваться, что не знаетъ, не вѣдаетъ, какъ сѣсть на лопату. «Покажи, просить, какъ надо садиться!» Дочка ягой-бабы сѣла на лопату, а Лутонька взялъ лопату за черенъ ²⁾ и сунулъ ее въ печь, а самъ залѣзъ на полдовку. Приходитъ яга-баба и спрашиваетъ Лутоньку; дочери вынули изъ печи свою сестру и подали матери; она ее и скупала. Вышла на дворъ и говоритъ: «Покатаюсь, поваляюсь на Лутонюшкиныхъ косточкахъ!» а Лутонька сидитъ на полдовкѣ да себѣ говоритъ: «Покатайся, поваляйся на дочернихъ косточкахъ!» Яга-баба увидѣла Лутоньку и закричала: «Какъ ни встану, а достану тебя, Лутонька!» Достала Лутоньку и отдала дочерямъ, приказала его ожарить, а сама опять

1) Зоветъ. 2) Рукоятка.

ушла. Дочери истопили избу; средняя хотѣла посадить Лутоньку на лопату, но онъ обманулъ ее и сунулъ самоё въ печь. То же сдѣлалъ онъ и съ младшею. Яга баба пришла домой: стала звать дочерей; нѣтъ никого. Вынула сама жареное и съѣла; потомъ вышла на дворъ и говорить: «Покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиныхъ косточкахъ!» А Лутонька съ полдовки отвѣчаетъ: «Покатайся, поваляйся, дура, на дочернихъ косточкахъ!» Яга-баба увидѣла его, осердилась и хотѣла достать. Лутонька закричалъ жалобнымъ голосомъ: «Ахъ, вы, гуси! ахъ вы, лебеди! прилетите ко мнѣ, вырвите по перушку. Гуси-лебеди прилетѣли, вырвали у себя по перушку, сдѣлали два крылушка и дали Лутонюшкѣ; Лутонька взялъ и улетѣлъ отъ ягой-бабы къ отцу, къ матери и сталъ вмѣстѣ съ ними жить-поживать, да рыбку изъ воды таскать.

(Записана въ Саратовской губ. К. А. Гуськовымъ).

63. Т е р е ш е ч к а :

Худое житье было старику со старухою. Вѣкъ они прожили, а дѣтей не нажили; смолоду еще перебывались такъ-сякъ; состарились оба — напиться подать некому, и тужу(а)тъ и плачутъ. Вотъ сдѣлали они колодочку, завернули ее въ пеленочку, положили въ люлечку, стали качать да прибаюкивать — и вмѣсто колодочки сталъ ростъ въ пеленочкахъ сынокъ Терешечка, настоящая ягодка! Мальчикъ росъ-подрасталъ, въ разумъ приходилъ. Отецъ ему сдѣлалъ челночекъ. Терешечка поѣхалъ рыбу ловить, а мать ему и молочко и творожокъ стала носить. Придетъ; бывало, на берегъ и зоветъ: «Терешечка, мой сыночекъ! плыви, плыви къ бережечку, я мать, пришла, молока принесла. Терешечка далеко услышитъ ея голосокъ, подѣдетъ къ бережку, высытитъ рыбку, напѣется-наѣтся и опять поѣдетъ ловить. Одинъ разъ мать говорила ему: «Сыночекъ, милочка! будь остороженъ: тебя караулить вѣдьма Чувилиха; не попадись ей въ когти». Сказала и пошла. А Чувилиха пришла къ бережку и зоветъ страшнымъ голосомъ: «Терешечка! мой сыночекъ! плыви, плыви, къ бережечку: я, мать, пришла, молока принесла». А Терешечка распозналъ ч говорить: «Дальше, дальше, мой челночекъ! это не родимой матушки голосокъ, а злой вѣдьмы Чувилихи». Чувилиха услышала, побѣжала, доку сыскала и добыла себѣ голосокъ, какъ у Терешечкиной матери. Пришла мать, стала звать сына тоненькимъ голоскомъ: «Терешечка, мой сыночекъ! плыви, плыви къ бережечку». Терешечка услышалъ и говорить: «Ближе, ближе, мой челночекъ! это родимой матушки голосокъ». Мать его накормила, напоила и опять за рыбкой пустила. Пришла вѣдьма Чувилиха, заѣла выученнымъ голоскомъ, точь въ точь родимая матушка. Терешечка обознался, подѣхалъ; она его схватила да въ куль — и

помчала. Примчала въ избушку на курьихъ ножкахъ, велѣла дочери его сжарить, а сама, поднявши лытки, пошла опять на раздобытки. Терешечка былъ мужичокъ не дурачокъ, въ обиду дѣвкѣ не дался, вмѣсто себя посадилъ ее жариться въ печь, а самъ взобрался на высокой дубъ.

Прибѣжала Чувилуха, вскочила въ избу, напилась-наѣлась, вышла на дворъ, катается-валяется и приговариваетъ: «Покаताюсь я, повалюсь я, Терешечкинаго мяса наѣвшись!» А онъ ей съ дуба кричитъ: «Покатайся, вѣдьма, повалйся, вѣдьма, своей дочери мяса наѣвшись!» Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на всѣ стороны — нѣтъ никого! Опять затянула: «Покаताюсь я, повалюсь я, Терешечкина мяса наѣвшись!» А онъ отвѣчаетъ: «Покатайся, повалйся, вѣдьма, своей дочери мяса наѣвшись!» Испугалась она, глянула и увидѣла его на высокому дубу. Вскочила, бросилась къ кузнецу: «Кузнецъ, кузнецъ! скуй мнѣ топорокъ». Сковаль кузнецъ топорокъ и говоритъ: «Не руби же ты остріемъ, а руби обухомъ». Послушалась, стучала-стучала, рубила-рубилла, ничего не сдѣлала. Припала къ дереву; впиалась въ него зубами, дерево затрещало. По небу летятъ гуси-лебеди; Терешечка видитъ бѣду, видитъ гусей-лебедей, взмолился имъ, сталъ ихъ упрашивать:

Гуси-лебеди! возьмите меня,
Посадите меня на крылушки,
Донесите меня къ отцу, къ матери;
Тамъ васъ накормятъ-напоятъ.

А гуси-лебеди отвѣчаютъ: «Ка-га! вонъ летитъ другое стадо поголоднѣе насъ, оно тебя возьметъ-донесетъ». А вѣдьма грызетъ только щепки летать, а дубъ трещить да шатается. Летитъ другое стадо. Терешечка опять кричитъ: «Гуси-лебеди, возьмите меня, посадите меня на крылушки, донесите меня къ отцу, къ матери; тамъ васъ накормятъ-напоятъ». — «Ка-га, отвѣчаютъ гуси, за нами летитъ защипанной гусенокъ, онъ тебя возьметъ-донесетъ». Гусенѣкъ не летитъ, а дерево трещить да шатается. Вѣдьма погрызетъ, погрызетъ, взглянетъ на Терешечку, оближется и опять примется за дѣло: вотъ, вотъ къ ней свалится! По счастью, летитъ защипанной гусенѣкъ, крылушками махаетъ, а Терешечка-то его проситъ, ублажаетъ: «Гусь-лебедь ты мой, возьми меня, посади меня на крылушки, донеси меня къ отцу, къ матери; тамъ тебя накормятъ-напоятъ и чистой водицей обмоютъ». Сжалился защипанной гусенѣкъ, подставилъ Терешечкѣ крылушки, встрепенулся и полетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Подлетѣли къ окошечку родимаго батюшки, сѣли на травкѣ. А старушка напекла блиновъ, созвала гостей, поминаетъ Терешечку и говоритъ: «Это тебѣ, гостѣкъ, это тебѣ, старичокъ, а это мнѣ блинокъ!» А Терешечка подъ окномъ отзывается: «А мнѣ?» — «Погляди-ка, старичокъ: кто тамъ проситъ блинокъ?» Старикъ вышелъ, увидѣлъ Терешечку, обхватилъ его, привелъ къ матери — пошло

обниманье! А зашипаннаго гусенька откормили, отпоили, на волю пустили, и сталъ онъ съ тѣхъ поръ широко крыльями махать, впереди стада летать, да Терешечку вспоминать.

Примѣчаніе къ № 61 — 63. О значеніи вѣдьмъ въ древней русской жизни смотри Поэт. Возр., III, гл. 26.

Сказка объ «Ивашкѣ и вѣдьмѣ» встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ русскаго царства (см. сборникъ Худякова, II, № 52 и 53 и; Рудченко, II, № 15; Малорус. литер. сборн. Мордовцева, стр. 366 — 370; Записки о южн. Руси, т. II, стр. 17 — 20; Черниг. Губ. Вѣдом. 1855 г., № 17). Записанная нами въ Воронежской губерніи, гдѣ великорусское населеніе смѣшано съ малорусскимъ, сказка эта носитъ на себѣ явные слѣды малороссійской редакціи ¹⁾; въ «Маякѣ (т. XV) помѣшена бѣлорусская ея редакція: здѣсь мѣсто дочери вѣдьмы заступаешь ея сынъ, который приманиваетъ изъ сосѣднихъ селъ мальчиковъ игрушками и похищаетъ ихъ. Вѣдьма, покушавши своего собственнаго сына, катаешся по землѣ и приговариваетъ: «покатаюся-повалюся, наѣвшия *человѣческаго мяса!*» — а смѣлый мальчикъ съ вершины дерева вторить ей: «покатись, повались, вѣдьмарскаго мяса наѣвшись!» Вѣдьма принялась грызть дерево, но мальчикъ увидѣлъ, что мимо летять гуси, которыхъ онъ пасъ, и сталъ просить: «гусочки, гусочки, *бросьте мнѣ по перу, я съ вами полечу.* Гуси дали ему по перу, и окрыленный мальчикъ обратился въ гуся и улетѣлъ. Вѣдьма жила въ хатѣ на курьихъ лапкахъ, въ которой пахло запахомъ *человѣческаго мяса*; дверныя петли были изъ *человѣческихъ* суставовъ, закрутка изъ руки, а вся хата обтянута *человѣчьею* кожею (въ отдѣлѣ смѣси, стр. 21 — 22). Подобная же сказка напечатана въ «Повѣстьяхъ и преданіяхъ народовъ слав. племени» (стр. 123 — 6: словацкая) и въ «Трудахъ Общества любит. россійск. словесности» (ч. XVII, 1850 г., стр. 127 — 130: русская), но здѣсь вмѣсто вѣдьмы названа баба-яга. У яги было три дочери. Мать заманила къ себѣ русскаго молодца Фалю и потребовала, чтобы онъ въ одинъ день, одинъ часъ и одну минуту сдѣлался мужемъ всѣхъ трехъ ея дочерей. Фаля не согласился, и баба-яга приказала его сжарить; но Фаля ухитрился и сжарилъ своихъ невѣсть. Яга, покушавъ этого жаркаго, *разметала кости и стала по нимъ кататься*, приговаривая: «повалюся-покатюся по Фалюшкинымъ косточкамъ!» А Фаля: «покатайся-ко ты, поваляйся-ко ты по дочернинымъ косточкамъ!» Баба-яга превратила за то Фалю въ осла. Бѣлоруссы увѣряютъ, что баба-яга показывается въ то время, когда не достанетъ *человѣческаго мяса*, которымъ она питается и похищаетъ дѣтей; что *Смерть* передаетъ умершимъ бабъ-ягъ, съ которою она часто разгѣзжаетъ вѣсть; что

¹⁾ Малороссійская сказка о вѣдьмѣ и Ивашкѣ передана въ стихахъ въ изданіи «Насыки украинскы казкы» — подъ заглавіемъ: «Казка про маленькаго Ивася, Змію, дочку ии Алесю, та заднихъ гусенягъ». Та же сказка есть и у болгаръ; сличи съ сербской сказкою — Карадж., стр. 174 — 5.

яга и подчиненныя ей вѣдьмы питаются душами людей, и отъ того дѣлаются — легкими, какъ души ¹⁾).

Есть еще бѣлорусская сказка «Три сестры», основою которой послужила страсть вѣдьмы къ пожиранію дѣтей. Въ одной деревенѣ жили три замужнія сестры. Разъ мужья ихъ куда-то уѣхали. Въ это время приходитъ къ старшей сестрѣ вѣдьма попросить заступа; но когда та пошла за заступомъ и воротилась, то не нашла въ избѣ ни вѣдьмы ни ребенка своего. Побѣжала она по дорогѣ и справшиваетъ у рябины: «Рябинка, рябинка, не видала ль ты вѣдьмы съ ребенкомъ?» — «Очисти меня, подбери меня, тогда скажу». «Нѣтъ времени!» съ досадою сказала крестьянка и пустилась дальше. То же случилось и при разспросахъ, обращенныхъ къ яблонѣ, грушѣ, коровѣ, колодцу и квашнѣ. Яблоня и груша просили очистить ихъ, корова выдоить ее, колодець — накрыть его, квашня — замѣсить въ ней тѣсто; крестьянка всемо отказала и прибѣжала, наконецъ, къ маленькой избушкѣ; входитъ въ нее, а тамъ сидитъ старая вѣдьма, въ печи на огнѣ кипитъ смола, а на припечкѣ лежитъ ребенокъ. «Зачѣмъ кипитъ смола?» спрашиваетъ несчастная мать. «Хочу сварить твое дитя», отвѣчаетъ вѣдьма. Мать стала молить и просить. «Почеши мнѣ голову», сказала вѣдьма. Крестьянка повиновалась, но только расправила волосы, какъ смола побѣжала черезъ край горшка, «Отставь горшокъ!» говоритъ вѣдьма; мать схватываетъ горшокъ съ смолою, бросаетъ его на вѣдьму, потомъ беретъ своего ребенка и убѣгаетъ. Котъ продралъ вѣдьмѣ глаза, и она пустилась въ погоню; квашня, колодець, корова, груша, яблоня и рябина указали ей дорогу; вѣдьма догнала и разорвала ребенка на части. На другой день то же несчастіе постигло среднюю сестру, а на третій день вѣдьма посѣтила младшую сестру-дурочку и похитила у нея ребенка. Сестра-дурочка исполнила требованія рябины, груши, яблони, коровы, колодца и квашни, отъ деревьевъ получила за то плоды, отъ коровы кринку молока, отъ колодца — бутылъ воды, отъ квашни хлѣбъ. Она залила вѣдьму смолою, но, убѣгая, бросила коту все полученныя ею припасы. «Котъ, продери очи!» кричала вѣдьма. «Постой, съѣмъ хлѣбъ!» Съѣлъ хлѣбъ; вѣдьма опять кричитъ: «Котъ, продери очи!» — «Подожди, съѣмъ молоко» — и такъ далѣе. Когда онъ собрался продрать вѣдьмѣ очи, мать съ ребенкомъ была уже дома (Маякъ т. XV, смѣсь, стр. 17 — 19).

Такъ люди сострадательные и простосердечные постоянно дурачатъ и обманываютъ въ сказкахъ колдуновъ, вѣдьмъ и всякую нечистую злую силу. Народный эпосъ отдаетъ перевѣсъ нравственнымъ достоинствамъ.

Подобныя сказки встрѣчаемъ у другихъ славянъ (въ изданіи — Гаупта и Смоляра *Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-*

¹⁾ Прибавл. къ Журн. Мин. Нар. Пр. 1846, кн. I, стр. 19—20; кн. IV, стр. 110.

Lausitz, II, стр. 172 — 4; Глинск., II, 177 — 189; Этногр. сборн., V, стр. 132, въ статьѣ о кашубахъ, гдѣ мѣсто вѣдьмы заступаетъ великанка) и у нѣмцевъ. Въ изданіи братьевъ Гриммовъ (I, № 15) помѣщена сказка «Hänsel und Grethel»: здѣсь сама вѣдьма попадаетъ въ западню хитрой дѣвочки; братъ и сестра спасаются бѣгствомъ, прибѣгаютъ къ водѣ и просятъ утку перевезти ихъ на другую сторону:

Entchen, Entchen!

Da steht Grethel und Hänsel,

Kein Steg und keine Brücke,

Nimm uns auf deinen weissen Rücken.

Утка перевезла ихъ. Въ другой нѣмецкой сказкѣ упоминается о человѣческомъ мясѣ и крови въ домѣ колдуна (I, стр. 264). Въ собраніи норвежскихъ сказокъ встрѣтили мы двѣ, весьма близкихъ по своему содержанію съ нашими сказками. Вотъ содержаніе одной сказки (Asb. Moe, I, № 1): Замарашка (Aschenbrödel) похитилъ у тролля ¹⁾ серебряныхъ утокъ, одѣяло съ серебряными и золотыми узорами и золотую арфу, отъ звуковъ которой всякій дѣлается весель. Тролль захватилъ вора и сталъ его откармливать, чтобы потомъ съѣсть. Прошло восемь дней. Тролль сказалъ своей дочери: «Пойди и отрѣжь у вора мизинецъ, чтобы я могъ видѣть — жиренъ ли онъ?» Дочь пошла; «Дай свой пальчикъ!» сказала она заключенному бѣдняку. Замарашка протянулъ ей деревянный колокъ (гвоздь). «Ахъ, сказала дочь тролля, не годится для ѣды, — онъ еще жѣстокъ какъ бревно!» То же было и въ другой разъ, но въ третій Замарашка протянулъ ей свѣчной огарокъ. «Теперь пора!» сказала она. Замарашка взялся помогать ей и сталъ точить на себя ножъ. «Дай-ка я попробую о твою косу, остеръ ли ножъ?» сказалъ онъ. Дочь тролля позволила; Замарашка отрубилъ ей голову, изготовилъ изъ нея кушанье и поставилъ на столъ, а тролль спокойно съѣлъ свою собственную дочь.

Другая норвежская сказка: «Schmierbock» не менѣ любопытна. Была-жила баба, у ней былъ маленькій сынъ, да такой толстый да жирный, что его прозвали: Schmierbock (жирный козель). Разъ баба приготовила хлѣбы; вдругъ собака стала лаять. «Побѣги, Schmierbock, сказала мать, и посмотри, чего она лаетъ?» Мальчикъ сбѣгалъ, и, воротясь, сказалъ: «Ахъ, Господи! къ намъ пришла высокая вѣдьма (Trollweib), съ головой подъ мышкой и съ мѣшкомъ на спинѣ». «Влѣзай въ квашню и спрячься...» Вошла вѣдьма. «Добрый день!» сказала она. «Спасибо», отвѣчала баба.—«Schmierbock дома?» — «Нѣтъ, онъ съ отцомъ въ лѣсу». — «Жаль, а я хотѣла подарить ему серебряной ножичекъ». — «Пишь, пишь, я здѣсь!» отозвался мальчикъ и выползъ изъ квашни. «Я стара, спина у меня не сгибается, сказала вѣдьма: полѣзай самъ въ мѣшокъ и достань ножичекъ». Мальчикъ полѣзъ.

¹⁾ Драконъ, чародѣй.

Вѣдьма схватила мѣшокъ вмѣстѣ съ нимъ на спину и ушла. Утомленная, она легла на дорогѣ и заснула. Schmierbock прорѣзалъ въ мѣшкѣ дыру и ушелъ домой. Въ другой разъ случилось то же, но въ третій разъ вѣдьма, не отдыхая на дорогѣ, принесла мальчика въ свой домъ и сказала своей дочери: «Вотъ Schmierbock; возьми его, зарѣжь и свари супъ!» а сама ушла. Дочь хотѣла зарѣзать мальчика, но не знала, какъ это сдѣлать. «Погоди, я тебѣ покажу!» сказалъ мальчикъ. Положи голову на скамью». Она положила голову на скамью; Schmierbock схватилъ топоръ и отсѣкъ ей голову, положилъ туловище въ котель и сварилъ супъ, а самъ залѣзъ въ трубу. Вѣдьма пришла домой и стала кушать, приговаривая: «Вкусенъ супъ изъ Schmierbock'a!» А мальчикъ въ трубѣ переговариваетъ ее: «Вкусенъ супъ изъ вѣдьмарской дочери!» Вѣдьма бросилась посмотрѣть, кто сидитъ въ трубѣ, а Schmierbock кинулъ ей въ голову камень и убилъ ее. Послѣ того онъ забралъ все золото и серебро вѣдьмы и воротился домой къ матери. (Asb. Мое, II, № 22. См. также Deutsche Volksmärchen in Siebenbürgen, изд. Гальтриха, № 37; Nordisches Märchenbuch, стр. 35—97; Ганъ, № 95; Zeitschrift für D. M., I, 379).

Любопытно начало сказки, напечатанной нами подъ № 62, b: бездѣтные родители берутъ чурбанъ, кладутъ его въ колыбель, начинаютъ качать и причитывать надъ нимъ какъ надъ ребенкомъ, и вотъ силою прищѣва они достигаютъ исполненія своего завѣтнаго желанія: изъ обрубка дерева рождается мальчикъ. Въ другихъ сказкахъ № 62, d, № 81, b, ребенокъ рождается изъ полѣна, положеннаго на печь. Если мы припомнимъ свидѣтельство древней Эдды о первозданныхъ людяхъ — ясени и ольхѣ — и остановимъ вниманіе на остроумныхъ выводахъ Куна (Die Herabkunft des Feuers, стр. 70—78) о миѣической связи живого огня, добываемаго треніемъ двухъ полѣньевъ, съ происхожденіемъ перваго человѣка, то необходимо признаемъ и за нашимъ сказочнымъ преданіемъ глубочайшую древность. См. Поэт. Возвр., II, стр. 8—21.

64. Г у с и - л е б е д и .

Жили старичокъ со старушкою; у нихъ была дочка да сынокъ маленькой. «Дочка! дочка — говорила мать. — Мы пойдемъ на работу, принесемъ тебѣ булочку, сошьемъ платице, купимъ платочекъ: будь умна, береги братца, не ходи со двора». Старшіе ушли, а дочка забыла, что ей приказывали: посадила братца на травкѣ подъ окошкомъ, а сама побѣжала на улицу, заигралась, загулялась. Налетѣли гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылушкахъ.

Пришла дѣвочка, глядь — братца нѣту! Ахнула, кинулась, туда-сюда — нѣту! Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будетъ отъ отца и матери, — братецъ не откликнулся! Выбѣжала въ

чистое поле; метнулись вдалькъ гуси-лебеди и пропали за темнымъ лѣсомъ. Гуси-лебеди давно себѣ дурную славу нажили, много шкодили и маленькихъ дѣтей крадывали; дѣвочка угадала, что они унесли ея братца, бросилась ихъ догонять. Бѣжала, бѣжала, стоитъ печка. «Печка, печка! скажи, куда гуси полетѣли?» — «Съѣшь моего ржаного пирожка — скажу». — «О, у моего батюшки пшеничные не ѣдятся!» Печь не сказала. Побѣжала дальше, — стоитъ яблонь. «Яблонь, яблонь! скажи: куда гуси полетѣли?» — «Съѣшь моего лѣсного яблочка — скажу». — «О, у моего батюшки и садовыя не ѣдятся!» Побѣжала дальше, стоитъ молочная рѣчка, кисельные берега. «Молочная рѣчка, кисельные берега! куда гуси полетѣли?» — «Съѣшь моего простого киселика съ молокомъ — скажу». — «О, у моего батюшки и сливочки не ѣдятся!» И долго бы ей бѣгать по полямъ да бродить по лѣсу, да къ счастью попался ёжъ; хотѣла она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашиваетъ: «Ежикъ, ёжикъ! не видалъ ли, куда гуси полетѣли?» — «Вонъ гуда-то!» указаль. Побѣжала — стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ; стоитъ — поворачивается. Въ избушкѣ сидигъ баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидитъ и братецъ на лавочкѣ, играетъ золотыми яблочками. Увидѣла его сестра, подкралась, схватила и унесла, а гуси за нею въ погоню летятъ; нагонятъ злодѣи — куда дѣваться? Бѣжить молочная рѣчка, кисельные берега. «Рѣчка-матушка, спрячь меня!» — «Съѣшь моего киселика!» Нечего дѣлать, съѣла. Рѣчка ее посадила подъ бережокъ, гуси пролетѣли. Вышла она, сказала спасибо! и опять бѣжить съ братцемъ; а гуси воротились, летятъ навстрѣчу. Что дѣлать? Бѣда! Стоитъ яблонь. «Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!» — «Съѣшь мое лѣсное яблочко!» Поскорѣй съѣла. Яблоня ее заслонила вѣточками, прикрыла листиками; гуси пролетѣли. Вышла и опять бѣжить съ братцемъ, а гуси увидѣли, да за ней; совсѣмъ налетаютъ, ужъ крыльями бьютъ, того и гляди — изъ рукъ вырвутъ! Къ счастью, на дорогѣ печка. «Сударыня, печка, спрячь меня!» — «Съѣшь моего ржаного пирожка!» и дѣвушка поскорѣй пирожокъ въ ротъ, а сама въ печь, съѣла въ устьецо. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни съ чѣмъ улетѣли. А она прибѣжала домой, да хорошо еще, что успѣла прибѣжать, а тутъ и отецъ и мать пришли.

65. Князь Данила-говорила.

Жила-была старушка-княгиня; у нея росли сынъ да дочь — такіе дородные, такіе хорошіе. Не по нутру они были злой вѣдьмѣ; какъ бы ихъ извести да до худа довести, думала она и придумала: скинулась такой лисой, пришла къ ихъ матери и говоритъ: «Кумушка-голубушка! вотъ тебѣ перстенёкъ, надѣнь его на пальчикъ твоему сынку, съ нимъ будетъ онъ и богатъ и торовать, только бы не снималь и

женился на той дѣвицѣ, которой мое колечко будетъ по ручкѣ!» Старушка повѣрила, обрадовалась и, умирая, наказала сыну взять за себя жену, которой перстень годится.

Время идетъ, а сыночекъ растетъ. Выросъ и сталъ искать невѣсту; понравится одна, приглянется другая, а колечко помѣряютъ — или мало или велико: ни той ни другой не годится. Ъздиль-ѡздиль и по селамъ и по городамъ, всѣхъ красныхъ дѣвушекъ перебралъ, а суженой себѣ не сыскалъ, пріѣхалъ домой и задумался. «О чемъ ты, братецъ, кручинишься?» спрашиваетъ его сестра. Открылъ онъ ей свое бездолье, рассказалъ свое горе. «Что жъ это за мудреной перстенекъ?—говоритъ сестра.—Дай я помѣрю». Вздѣла на пальчикъ—колечко обвилось, засіяло, пришлось по рукѣ, какъ для ней нарочно вылитое. «Ахъ, сестра! ты моя суженая, ты мнѣ будешь жена!» — «Что ты, братъ, вспомни Бога, вспомни грѣхъ, женятся ль на сестрахъ?» Но братъ не слушалъ, плясалъ отъ радости и велѣлъ сбираться къ вѣнцу. Залилась она горькими слезами, выпла изъ свѣтлицы, сѣла на порогъ и рѣка-рѣкой лѣется! Идутъ мимо старушки прохожія; заввала ихъ накормить, напоить. Спрашиваютъ онѣ: что ей за печаль, что за горе? Нечего было таить; рассказала имъ все. «Ну, не плачь же ты, не горюй, а послушайся насъ: сдѣлай четыре куколки, разсади по четыремъ угламъ; станеть братъ звать подъ вѣнецъ—иди, станеть звать въ свѣтлицу — не торопись. Надѣйся на Бога, прощай!» Старушки ушли. Братъ съ сестрой обвѣнчался, пошелъ въ свѣтлицу и говорить: «Сестра Катерина, иди на перины!» Она отвѣчаетъ: «Сейчасъ, братецъ! серѣжки сниму». А куколки въ четырехъ углахъ закуковали:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!
Куку, сестру свою
Куку, за себя беретъ.
Куку, разступись, земля,
Куку, провались, сестра.

Земля стала разступаться, сестра проваливаться. Братъ кричитъ: «Сестра Катерина, иди на перины!» — «Сейчасъ, братецъ! поясокъ развяжу». Куколки кукують:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!
Куку, сестру свою
Куку, за себя беретъ.
Куку, разступись, земля,
Куку, провались, сестра.

Уже остается одна голова видна. Братъ опять зоветъ: «Сестра Катерина, иди на перины!» — «Сейчасъ, братецъ! башмачки сниму». Куколки кукують, и скрылась она подъ землей.

Братъ зоветь еще, зоветь громче — нѣту! разсердился, прибѣжалъ, хлопнулъ въ двери — двери слетѣли, глянулъ на все стороны — сестры какъ не бывало: а въ углахъ сидятъ однѣ куклы да знай себѣ кукують: «Разступись, земля, провались, сестра!» Схватилъ онъ топоръ, порубилъ имъ головы и побросалъ въ печь.

А сестра шла-шла подь землю, видить: стойтъ избушка на курьихъ ножкахъ, стойтъ - перевертывается. «Избушка! избушка! стань ты по-старому: къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ». Избушка стала, двери отворились. Въ избушкѣ сидитъ дѣвица красная, вышиваетъ ширинку серебромъ и золотомъ. Встрѣла гостью ласково, вздохнула и говоритъ: «Душечка, сеструшечка! рада я тебѣ сердечно — и привѣчу тебя и приголублю, пока матери нѣтъ; а прилетитъ — тогда бѣда и тебѣ и мнѣ: она у меня вѣдьма!» Испугалась гостя такихъ рѣчей, а дѣваться некуда, сѣла съ хозяйкой за ширинку; шьютъ да разговариваютъ. Долго ли, коротко ли, хозяйка знала время, знала, когда мать прилетитъ, обратила гостью въ иглочку, заложила въ вѣничекъ, поставила въ уголокъ. Только она ее прибрала, вѣдьма шастъ въ двери: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнетъ». — «Матушка - сударыня! шли прохожіе, да зашли водицы напиться». — «Что жъ ты ихъ не оставила?» — «Стары, родимая, не по твоимъ зубамъ». — «Впередъ гляди — на дворъ всехъ зазывай, со двора никого не пускай: а я, поднявши лытки, пойду опять на раздобытки». Ушла; дѣвушки сѣли за ширинку, шили, говорили и посмѣивались. Прилетѣла вѣдьма; нюхъ, нюхъ по избѣ: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнетъ!» — «Вотъ только заходили старички руки погрѣтъ; оставляла — не остались». Вѣдьма была голодна, пожурила дочь и опять улетѣла. Гостя отсидѣлась въ вѣничкѣ. Скорѣе принялись дошивать ширинку; и шьютъ, и поспѣшаютъ, и сговариваются: какъ бы уйти отъ бѣды, убѣжать отъ лихой вѣдьмы. Не успѣли переглянуться, перешепнуться, а она къ нимъ въ двери, легка на поминѣ, запопала врасплохъ: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнетъ?» — «А вотъ, матушка, красная дѣвица тебя дожидаетъ». Красна дѣвица глянула на старуху и обмерла! Передъ ней стояла баба-яга, костяная нога, носъ въ потолокъ вросъ. «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! топи печь жарко-жарко!» Наносили дровъ и дубовыхъ и кленовыхъ, разложили огонь: пламя изъ печи бѣтъ. Вѣдьма взяла лопату широкую, стала гостью подбивать: «Садись-ка, красавица, на лопату». Красавица сѣла. Вѣдьма двинула ее въ устье, а она одну ногу кладетъ въ печь, а другую на печь. «Что ты, дѣвушка, не умѣешь сидѣтъ; сядь хорошенько!» Поправилась, сѣла хорошенько; вѣдьма ее въ устье, а она одну ногу въ печь, а другую подь печь. Озлилась вѣдьма, выхватила ее назадъ. «Шалишь, шалишь, молодушка! сиди смирно, вотъ такъ; гляди на меня!» Шлѣтъ сама на лопату, вытянула ножки, а дѣвицы поскорѣй ее въ печь посадили, заслонками закрыли, колодами завалили, зама-

зали и засмолили, а сами пустились бѣжать, взяли съ собой шитую ширинку, щетку и гребенку. Бѣжали-бѣжали, глядь назадъ, а злодѣйка выдралась, увидала ихъ и посвистываетъ: «Гай, гай, гай, вы тамъ то!» Что дѣлать? Бросили щетку — выросъ тростникъ густой-густой: ужъ не проползеть. Вѣдьма распустила когти, прощипала дорожку, нагоняетъ близко... Куда дѣваться? Бросили гребенку — выросла дуброва темная-темная: муха не пролетитъ. Вѣдьма наострила зубы, стала работать; что ни хватить, то дерево съ корнемъ вонь! пошвыриваетъ на всѣ стороны; расчистила дорожку, и нагоняетъ опять... вотъ близко! Бѣжали-бѣжали, а бѣжать некуда, выбились изъ сѣль. Бросили ширинку злотошвейную — разлилось море широкое, глубокое, огненное; поднялась вѣдьма высоко, хотѣла перелетѣть, пала въ огонь и сгорѣла.

Остались двѣ дѣвицы, безпріютныя голубицы, надо итти, а куда? — не знаютъ. Сѣли отдохнуть. Вотъ подошелъ къ нимъ человѣкъ, спрашиваетъ: кто онѣ? и доложилъ барину, что въ его владѣніяхъ сидятъ не двѣ пташки залетныя, а двѣ красавицы намалеванныя — одна въ одну родствомъ и дородствомъ, бровь въ бровь, глазъ въ глазъ; одна изъ нихъ должна быть ваша сестрица, а которая? — угадать нельзя. Пошелъ баринъ поглядѣть, завалъ ихъ къ себѣ. Видитъ — сестра его здѣсь! слуга не совралъ, но которая? — ему не узнать; она сердита — не скажется; что дѣлать? «А вотъ что, сударь! налью я бараній пузырь крови, положите его себѣ подъ мышку, разговаривайте съ гостями, а я подойду и хвачу васъ ножомъ въ бокъ; кровь польѣтся, сестра объявится!» — «Хорошо!» Вздумали — сдѣлали: слуга хватилъ барина въ бокъ, кровь брызнула; братъ упалъ, сестра кинулась обнимать его и плачетъ и причитываетъ: «Милой мой, ненаглядной мой!» А братъ вскочилъ ни горѣлой ни болѣлой, обнялъ сестру и отдалъ ее за хорошаго человѣка; а самъ женился на ея подругѣ, которой и перстенекъ пришлось по ручкѣ, и зажили всѣ припѣваючи.

(Эта и двѣ предыдущія сказки записаны въ Курской губ.).

66. Правда и кривда.

а. Вотъ было какое дѣло, скажу твоему здоровью! Вотъ знаешь, не ва гнѣвъ твоей милости къ рѣчи сказать, какъ мы таперича съ тобой, раскалякались¹⁾ прамежъ себя двоя нашей братии мужичковъ, бяднѣющіе, пребяднѣющіе. Адинъ-ать жилъ каѣ-какъ, калатился всѣми неправдами; гараздъ былъ на абманы, и приворнуть ево было дѣло, а другой-ять шоль по правдѣ, кабы, знаешь, трудами вѣкъ пражить. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та ани и заспорили. Адинъ-ать гаварить: лутча²⁾ жить кривдай, а другой-ять гаварить: кривдай вѣкъ пражить

¹⁾ Калякать — разговаривать. ²⁾ Или: луча — лучше.

не сможишь: лутча жить какъ на-есть, ды правдай. Вотъ спорили ани, спорили, ништо, слышь, не переспорилъ. Вотъ и пашли ани, братецъ мой, на дарогу; пашли на дарогу и рѣшили спросить да трехъ разъ, хто имъ на встрѣчу пападетъ и што на эвто скажить. Вотъ ани шли-шли, братецъ мой, и увидали: барскай мужичокъ пашить. Вотъ, знашь, и падашли къ нему; падашли и гаваряютъ: «Богъ на помочъ тебѣ, знакомай! Разрѣши ты нашъ споръ: какъ лутча жить на бѣламъ свѣти — правдай али кривдай?» — «Нѣтъ, братцы! правдай вѣкъ пражить не сможишь; кривдай жить вальготнай ¹⁾. Вотъ и наше дѣло: безперечь у насъ гаспада дни атнимають, работать на себя некогда; изъ-за неволи прикиниш(ь)ся, бытто што папритчилась ²⁾ — хворь ³⁾, знашь, нашла, а самъ межъ эвтимъ время-та въ лѣсишка съѣздишь па дравицы, не днемъ, тыкъ ночью, коли есть запретъ». — «Ну, слышь, мая правда!» гаварить кривадушнай-ять правдиваму-та.

Вотъ пашли аять па дароги, знашь, што скажить имъ другой. Шли-шли, — и видють: ѣдитъ на парѣ въ павоски съ кибиткай купецъ. Вотъ падашли ани къ нему, падашли и спрашиваютъ: «Астанавись-ка, слышь, на часикъ, не ва гнѣвъ тваей милости, а чомъ мы тебя спросимъ... Рѣши, слышь, нашъ споръ: какъ лутча жить на свѣти — правдай али кривдай?» — «Нѣтъ, рабята, правдой мудряно жить, лутча кривдай. Насъ абманывають, и мы абманываемъ». — «Ну, слышь, мая правда!» гаварить аять кривадушнай-ять правдиваму-та.

Вотъ пашли ани аять па дароги, што скажить третяй. Шли-шли, вотъ и видють: ѣдитъ прикащикъ навстрѣчу. Вотъ ани падашли къ нему; падашли къ нему и спрашиваютъ: «Астановись-ка на часочикъ; рѣши ты нашъ споръ, какъ лутча жить на свѣти — правдай, али кривдай?» — «Вотъ, слышь, нашли а чомъ спрашивать! знама дѣла, што кривдай. Какая нонѣча правда? За правду въ Сибирь угадишь, скажутъ — клязникъ...» — «Ну, слышь! — гаварить кривадушнай-ять правдиваму-та: — вотъ веѣ гаваряютъ, што кривдай лутча жить». — «Нѣтъ, слышь! нада жить па Божью, какъ, знашь, Богъ велить: што будить, то и будить, а кривдай жить не хачу!» гаварить правдивай-ять кривадушнаму-та.

Вотъ пашли аять дарогай вмѣсти. Шли-шли: кривадушнай-ять всяка, знашь, съумѣить ка веѣмъ прилаживаться: вездѣ его кормють и калачи у него есть; а правдивай-ять гдѣ вадицы изашеть, гдѣ паработать, ево за эвто пакормють. А тотъ, знашь, кривадушнай-ять все смѣется надъ нимъ. Вотъ разъ правдивай-ять папрасилъ кусочикъ хлѣнца у кривадушнава-та: «Дай мнѣ кусочикъ хлѣнца». — «А што за нево мнѣ дашь?» гаварить кривадушнай-ять. «Што хошь вазьми, што у меня есть», гаварить правдивай-ять. «Дай, слышь, глазъ я тебѣ выкалю?» — «Ну, выкали!» знашь, онъ ему гаварить. Вотъ эвтимъ

¹⁾ Выгоднѣй, легче. ²⁾ Попритчиться — заболѣть съ глазу, съ укоровъ.

³⁾ Болѣзнъ.

дѣламъ-та кривадушнай-ять и выкалалъ правдивому-та глазъ, выкалалъ и далъ ему маленько хлѣнца. Тотъ, слышъ, стерпѣлъ, взялъ кусочикъ хлѣнца, съѣлъ, и пашли апать на дароги. Шли-шли; апать правдивай-ять у кривадушнава-та сталъ прасить хлѣнца кусочикъ. Вотъ тотъ апать рѣзна сталъ надъ нимъ насмѣхаться: «Дай другой глазъ я тебѣ выкалю, ну, тада ¹⁾ дамъ кусочикъ». — «Ахъ, братецъ, пожалѣй, я слѣпой буду!» знашъ, правдивай-ять упрасивалъ ево. «Нѣтъ, слышъ, за то ты правдивай, а я живу кривдай!» кривадушнай-ять ему гаварилъ. «Што дѣлать? ну такъ таму и дѣлу и быть. «На, выкали и другой, коли грѣха не боиш(ь)ся!» правдивай-ять, знашъ, гаварить кривадушнаму-та. Вотъ, братецъ мой, выкалалъ ему и другой-ять глазъ, выкалалъ и далъ ему маленько хлѣнца: далъ хлѣнца и аставилъ ево на дароги: «Вотъ, стану я тебя вадить!»

Ну, што дѣлать! Слѣпой съѣлъ кусочикъ хлѣнца и пашолъ патихоньку ощупью съ палачкай. Шолъ-шолъ каѣ-какъ и сбился съ дароги и не знатъ, куды ему ийти. Вотъ и началъ онъ прасить Бога: «Госпади! не оставь меня, грѣшнава раба тваево!» Малился-малился; вотъ и услыхалъ онъ голась, хто-та, слышъ, ему гаварить: «Иди ты направо! Какъ пайдешъ направо, придешь къ лѣсу; придешь къ лѣсу, найди ты ощупью трапинку; найдешъ трапинку, пади на той трапинки; пайдешъ на трапинки, придешь на гремачай ключъ; какъ придешь ты къ гремачаму ключу — умойся, слышъ, изъ нево вадою, испей той вады и намочи ею глаза: ты, слышъ, празрѣшишь! Какъ празрѣшишь, пади ты вверхъ на ключу таму и увидишь большой дупъ ²⁾; увидишь дупъ, падайди къ няму и залѣсь ³⁾ на нево; какъ залѣзишь на нево, даждись ночи, даждеш(ь)ся ты ночи, слушай, што будутъ гаварить пать ⁴⁾ эвтимъ дубомъ нечистые духи: ани, слышъ, тутъ слятаются на токовище». Вотъ онъ каѣ-какъ дабрѣлъ да лѣса; дабрѣлъ да лѣса, палозиль-палозиль на немъ, напалъ каѣ-какъ на трапинку; пашолъ на той трапинки, дашолъ да гремачава ключа; дашолъ да ключа, умылся вадою; умылся вадою, испилъ и примачилъ глаза; примачилъ глаза и вдругъ увидѣлъ апать свѣтъ Божей — знашъ, празрѣлъ! Вотъ какъ празрѣлъ, и пашолъ вверхъ на таму ключу; шолъ-шолъ на немъ, вотъ и видить большой дупъ — падъ нимъ все утоптана. Вотъ онъ влѣс(з)ъ на тотъ дупъ, влѣсь и даждался ночи. Начали пать тотъ дупъ слятаться са веѣхъ старонъ бѣсы; слятались-слятались... вотъ начали разказывать, гдѣ, знашъ, хто былъ. Вотъ адинъ бѣсъ и гаварить: «Я былъ у такой-та царевны; десять гадовъ ее мучаю. Всяка меня выганяють изъ неѣ: ниhto, слышъ, меня не сможетъ выгнать, а выганить тотъ, хто вотъ у такова-та богатава куща дастанить образъ Смаленскай Божей матери, што у нево на воротахъ въ куотѣ ⁵⁾ удѣланъ». Вотъ на утро, какъ веѣ бѣсы разлятѣлись, правдивай-ять

1) Тогда. 2) Дубъ. 3) Влѣзь. 4) Подъ. 5) Кіотѣ.

слѣсь съ дуба; слѣсь съ дуба и пашель искать таво купца. Искаль, искаль, каѣ-какъ нашоль ево: нашоль и проситя работать на нево: «Хать готь ¹⁾ прарабатаю, ништо мнѣ не нада, только дай мнѣ образъ Божей Матери съ варотъ». Купецъ согласился, приняль ево къ себѣ въ работники. Вотъ работаль онъ у нево, што ни есть мочи, круглай готь. Проработавши готь, онъ и просить тотъ образъ. Вотъ купецъ, слышъ: «Ну, братецъ! доволенъ я тваѣй работой, только жаль мнѣ образа; возьми лутча деньги». — «Нѣтъ, не нада денихъ, а дай мнѣ ево па угавору». — «Нѣтъ, не дамъ образъ! Прарабатай и(е)ще готь, ну — такъ и быть — тада атдамъ тебѣ ево». Вотъ эвтимъ дѣламъ-та правдивай-ять мужичокъ работаль ище готь; ни дня ни ночи не зналь, все работаль, такой старательнай былъ! Вотъ проработаль готь, апятъ, знашъ, сталъ прасить образъ Божей Матери съ варотъ. Купцу апятъ жаль и ево отпустить и образъ атдать: «Нѣтъ, лутча я тебя казноу награжу; а кали хочешъ, то парабатай ище готь, — ну, такъ атдамъ тебѣ образъ». Вотъ такъ таму дѣлу и быть: апятъ сталъ работать готь. Работаль ищо пуще таво: всѣмъ на диво — какой былъ работающей! Вотъ проработаль и третій готь; проработаль и опять просить образъ. Купецъ — дѣлать нечаво — сняль образъ съ воротъ и атдалъ ему: «На, слышъ, возьми образъ и ступай съ Богомъ!» Напайль, накармилъ ево и деньгами наградилъ малую талику.

Вотъ эвтимъ дѣламъ-та взялъ онъ образъ Смаленскай Божей Матери, взялъ ево и павѣсилъ на себя; павѣсилъ на себя и пашоль, слышъ, къ таму царю царевну лѣчить, у каторай бѣсь-ать мучитель сидить. Шоль-шоль и пришоль къ таму царю. Пришоль къ царю и гаварить: «Я де вашу царевну излѣчить смагу». Вотъ, знашъ, эвтимъ дѣламъ-та впустили ево въ харомы царскіе, впустили и паказали ему ту скарбящую царевну. Паказали царевну; вотъ онъ спросилъ вады. Падали вады. Вотъ онъ перекрестился и три земныхъ паклона палажилъ — знашъ, памалился Богу; памалился Богу и сняль съ себя образъ Божей Матери, сняль ево и съ малитвою три раза въ воду апустиль; апустиль, знашъ, и надѣль ево на царевну; надѣль на царевну и велѣль ей тою вадою умываться. Вотъ какъ ана матушка надѣла на себя тотъ образъ и умылась тою вадою, вдругъ изъ-за неѣ недугъ-ать, знашъ — вражья-та нечистая сила, клубомъ вылятѣль вонъ; вылятѣль вонъ, и ана стала здорова папржежнему. Вотъ эвтимъ дѣламъ-то не вѣсть какъ всѣ абрадывались; абрадывались и не знали, чѣмъ наградить этова мужичка: и землю давали, и вотчину сулили, и жалаванье большое клали. Нѣтъ, слышъ, ничаво не нада! Вотъ царевна-та и гаварить царю: «Я замуш(ж)ъ за нево иду». — «Ладна!» царь-ать сказалъ. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и павѣнчались; павѣнчались, и сталъ нашъ мужичокъ хадить, знашъ,

¹⁾ Годъ.

въ адѣжѣ царской, жить въ царскихъ харомахъ, пить-ѣсть все на все за одно съ ними. Жиль-жилъ и принатарѣль ¹⁾ къ нимъ.

Вотъ какъ принатарѣль онъ къ нимъ — и гаварить: «Пустите меня на родину; у меня есть мать-старушка бѣдная». — «Ладна! царевна, знашь, жена-та ево, сказала: паѣдимъ вмѣсти». Вотъ и паѣхали ани вмѣсти, вдваёмъ съ царевной. Лошади-та, адѣжа, каляска, збуря — все царская. Ёхали-ѣхали и падыѣзжаютъ ани къ ево родинѣ; падыѣзжаютъ къ родинѣ, вотъ и пападается навстрѣчу имъ тотъ кривадушнай, што, знашь, спориль-та съ нимъ, што лутча жить кривдай, чѣмъ правдай. Идетъ на встрѣчу; вотъ правдивай-ать, царской сынъ и гаварить: «Здравствуй, братецъ мой!» называетъ ево па имени. Тому знашь, въ диковинку, што въ каляски — такой знатнай баринъ ево знать, и не узналъ ево. «Помнишь, ты спориль са мною, што лутча жить кривдай, чѣмъ правдай, и выкалалъ мнѣ глаза? Эвто я самой!» Вотъ, знашь, онъ арабѣль и не зналъ, што дѣлать. «Нѣтъ, не бойся! я на тебя не сержусь, а жи(е)лаю и тебѣ такова жъ счастья. Вотъ пади ты въ такой-та лѣсъ, — знашь, научатъ ево, какъ ево Богъ научилъ,—въ томъ лѣси увидишь ты трапинку, пади па той трапинки — придешь ты къ гремячему ключу, напейся изъ таво ключа вады и умойся; какъ умоишься, пади ты вверхъ па ключу—увидишь тамъ ты большой дупъ, влѣсь на нево и прасиди всю ночь на немъ. Пады нимъ, слышь, токовище нечистыхъ духовъ и ты слушай и услышишь сваё счастье!»

Вотъ, знашь, кривадушнай-ять па ево слову, какъ па писаннаму, все эвто здѣлалъ: паполъ лѣсъ и ту трапинку; паполъ па трапинки и пришолъ къ гремячему ключу, напился и умылся; умылся и паполъ, знашь, вверхъ па немъ; паполъ вверхъ и увидѣлъ большой дупъ — пады нимъ все утоптана. Вотъ онъ залѣсь на эвтотъ дупъ, залѣсь на дупъ и даждался ночи; даждался ночи и слышитъ, знашь, какъ са веѣхъ старонъ слятались на токовище нечистые духи. Вотъ какъ слятѣлись и услышали па духу ево на дубу; услышали па духу и растерзали его на мелкія части. Такъ тѣмъ эвто дѣло и пакончилось, што правдивай-ять сталъ царскимъ сыномъ, а кривадушнава-та загрызли черти.

(Записана въ Чистопольскомъ уѣздѣ, Казанской губ.).

в. Жили два купца: одинъ кривдой, другой правдой; такъ веѣ и звали ихъ: одного Кривдою, а другого Правдою. «Послушай, Правда! — сказалъ разъ Кривда:—вѣдь кривдою жить на свѣтѣ лучше!..»—«Нѣтъ!»—«Давай спорить!» — «Давай». — «Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трехъ встрѣчахъ намъ скажутъ, что жить правдою лучше, то веѣ корабли твои, а если кривдою, то мои!» — «Хорошо!..» Плыли они много ль, мало ль, сколь ни далече путь свой продол-

¹⁾ Т.-е. приноровился къ ихъ пріемамъ и обычаямъ.

жали, — встрѣтился имъ купецъ. — «Послушай, господинъ купецъ, чѣмъ на свѣтѣ жить лучше: кривдою или правдою?» — «Жилъ я правдою, да плохо; а теперь живу кривдою; кривда лучше!» Плывуть они дальше много ль, мало ль, и встрѣчается имъ мужичокъ. «Послушай, добрый человекъ! чѣмъ на свѣтѣ лучше жить: кривдою или правдою?» — «Извѣстное дѣло — кривдою; а правдою куска хлѣба не наживешь!» На третьей встрѣчѣ имъ сказали то же самое.

Отдалъ Правда три корабля Кривдѣ, вышелъ на берегъ и пошелъ тропинкою въ темный лѣсъ. Пришелъ онъ въ избушку и легъ подъ печку спать. Ночью поднялся страшный шумъ, и вотъ кто-то говорить: «А ну-тка, похвалитесь: кто изъ васъ нынче гуще кашу заварилъ?» — «Я поссорилъ Кривду съ Правдою!» — «Я сдѣлалъ, что двоюродный братъ женится на сестрѣ!» — «Я разорилъ мельницу и до тѣхъ поръ буду ее разорять, пока не забьютъ крестъ-накрестъ палей» ¹⁾. — «Я сомустилъ человекъ убить!» — «А я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на одну царскую дочь; они сосутъ ей груди всякую ночь. А вылѣчить ее тотъ, кто сорветъ жаръ-цвѣтъ!» (Это такой цвѣтъ, который когда цвѣтеть — море колыхается и ночь бываетъ яснѣе дня; черти его боятся!)

Какъ ушли они, Правда вышелъ и помѣшалъ жениться двоюродному брату на сестрѣ, запрудилъ мельницу, не далъ убить человекъ, досталъ жаръ-цвѣтъ и вылѣчилъ царевну. Царевна хотѣла выйти за него замужъ, да онъ не согласился. Подарилъ ему царь пять кораблей, и поѣхалъ онъ домой. На дорогѣ встрѣтилъ Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросилъ у него все, какъ что было, да и залѣгъ ночью подъ печку въ той же избушкѣ... Слетѣлись духи, да и начали совѣтъ держать: какъ бы узнать того, кто испортилъ имъ всѣ дѣла? Подозрѣвали они самаго лядащаго ²⁾; какъ стали его бить да пинать, онъ бросился подъ печку, да и вытащилъ оттуда Кривду. «Я Кривда!» говорилъ купецъ чертямъ, да все-таки они его не послушали и разорвали на мелкіе кусочки.

Такъ и выходитъ, что правдою-то жить лучше, чѣмъ кривдою.

(Изъ собранія П. В. Кирѣевского).

с. Однажды спорила Кривда съ Правдою: чѣмъ лучше жить: кривдой, али правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою, а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили-спорили — никто не переспорить. Говорить Кривда: «Пойдемъ къ писарю, онъ насъ разсудитъ!» «Пойдемъ», отвѣчаетъ Правда. Вотъ пришли къ писарю. «Рѣши нашъ споръ, — говоритъ Кривда: — чѣмъ лучше жить: кривдою, али правдою?» Писарь спросилъ: «О чемъ вы бьетесь?» — «О ста рубляхъ». — «Ну, ты, Правда, проспорила: въ наше время лучше жить кривдою». Правда вынула изъ кармана сто рублей и отдала Кривдѣ, а сама все стоитъ на своемъ, что лучше жить правдою. «Пойдемъ къ судѣ, какъ онъ

¹⁾ Пали — свай. ²⁾ Худого, дурного.

рѣшить,—говорить Кривда:—коли по-твоему — я тебѣ плачу тысячу рублей, а коли по-моему — ты мнѣ должна оба глаза отдать». — «Хорошо, пойдемъ». Пришли они къ судѣ, стали спрашивать: чѣмъ лучше жить? Судья сказалъ то же самое: «Въ наше время лучше жить кривдою». — «Подавай-ка свои глаза!» говоритъ Кривда Правдѣ; выколола у ней глаза и ушла, куда знала. Осталась Правда безглазая, пала лицомъ наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла въ травѣ. Въ самую полночь собралась туда невѣрная сила. Набольшой сталъ всехъ спрашивать, кто и что сдѣлалъ. Кто говоритъ: я душу загубилъ; кто говоритъ: я того-то на грѣхъ смутилъ; а Кривда въ свой чередъ похваляется: «Я у Правды сто рублей выспорила да глаза выколола!»—«Что глаза!—говоритъ набольшой:—стоитъ потерять тутошней травкою — глаза опять будутъ!» Правда лежитъ да слушаетъ. Вдругъ крикнули пѣтухи, и невѣрная сила разомъ пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потѣрла одинъ, потѣрла другой — и стала видѣть попржнему; захватила съ собой этой травки и пошла въ путь-дорогу. Въ это время у одного царя ослѣпла дочь, и сдѣлалъ онъ кличь: кто вылѣчитъ царевну, за того отдастъ ее замужъ. Правда приложила ей къ очамъ травку, потѣрла и вылѣчила; царь обрадовался, женилъ Правду на своей дочери и взялъ къ себѣ въ домъ...

d. Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два крестьянина: Иванъ да Наумъ. Назвались они товарищами и пошли вмѣстѣ на заработки. Шли-шли, очутились въ богатомъ селѣ и нанялись у разныхъ хозяевъ; поработали одну недѣлю и свидѣлись въ воскресной день. «Ты, братъ, сколько заработалъ?» спросилъ Иванъ. — «Мнѣ пять рублей Господь далъ». — «Господь далъ! много Онъ дастъ, коли самъ не заработаешь?»— «Нѣтъ, братъ, безъ Божіей помощи самъ ничего не сдѣлаешь — ни гроша не получишь!» Тутъ они крѣпко заспорили и положили на томъ: «Пойдемъ оба по дорогѣ и спросимъ у перваго встрѣчника: чья правда? Кто проиграетъ, тотъ долженъ отдать все свои заработанные деньги». Вотъ и пошли; сдѣлали шаговъ съ двадцать — попадается имъ на встрѣчу нечистой духъ въ человѣческомъ образѣ. Стали его спрашивать, а онъ въ отвѣтъ: «Что самъ заработаешь, то и ладно! на Бога нечего надѣяться, — Онъ ни копейки не дастъ!» Отдалъ Наумъ все свои деньги Ивану и воротился къ хозяину съ пустыми руками. Прошла еще недѣля; въ воскресной день работники опять свидѣлись и подняли тотъ же споръ. Наумъ говоритъ: «Хоть на прошлой недѣлѣ ты и забралъ мои деньги, а мнѣ Господь еще больше далъ!» — «Ну,—отвѣчаетъ Иванъ,—если, по-твоему, тебѣ Богъ далъ, а не самъ ты заработалъ, то давай опять пойдемъ до первой встрѣчи и спросимъ: чья правда? Кто виноватъ останется, у того отобрать все деньги и отрѣзать правую руку». Наумъ согласился. Пошли они по дорогѣ; повстрѣчался имъ тотъ же нечистой и отвѣчалъ, что и прежде. Иванъ обобралъ у товарища деньги, отрубилъ ему правую руку и оставилъ одного. Долго думалъ

Наумъ: что теперь безъ руки дѣлать? Кто кормить-поить станетъ? Ну, да Богъ милостивъ! Пошелъ къ рѣкѣ и лёгъ на берегу подь лодку: «Переночую пока здѣсь, а утромъ увижу, что дѣлать, утро вечера мудренѣе». Въ самую полночь собралось на эту лодку многое множество нечистыхъ, и начали промежъ себя разговаривать: кто какія козни устроилъ. Одинъ говоритъ: «Я между двухъ мужиковъ споръ рѣшилъ въ противную сторону, и у правдиваго руку отрѣзали». Другой на то сказалъ: «Это пустое! только три раза по росѣ покататься — рука снова вырастетъ!» — «А я, — началъ хвастаться третій, — у такого-то барина единственную дочь изсушилъ: чуть жива ходитъ!» — «Эка! — отвѣчалъ четвертый, — если кто пожалѣетъ барина, то непременно вылѣчитъ дочку. Средство простое: взять такой-то травы, сварить да въ томъ отварѣ искупать ее — она и будетъ здорова!» — «Въ одномъ пруду, — сталъ говорить пятый, — мужикъ поставилъ водяную мельницу, и ужъ много дѣтъ хлопочетъ, а все безъ пользы: только-что запрудить плотину, а я прокопаю и выпущу воду». — «Дуракъ же твой мужикъ!» — сказалъ шестой чортъ. — «Онъ бы загатилъ получше плотину, а когда бъ стала вода прорываться, бросилъ бы туда снопъ соломы: тутъ бы ты и погибъ!» Наумъ все это слышалъ и на другой день вырастилъ свою правую руку, потомъ исправилъ у мужика плотину и вылѣчилъ дочь у барина. Щедро его наградили и мужикъ и баринъ, и зажилъ онъ припѣваючи. Разъ повстрѣчалъ онъ своего прежняго товарища; тотъ удивился, зачалъ расспрашивать: какъ де ты разбогатѣлъ и откуда руку взялъ? Наумъ ему все разсказалъ, ничего не утаилъ. Иванъ выслушалъ и думаетъ: «Постой же, и я такъ сдѣлаю, еще пуще его разбогатѣю!» Пошелъ къ рѣкѣ и лёгъ на берегъ подь лодку. Въ полночь собрались нечистые. «А что, братцы! — говоритъ одинъ изъ нихъ; — должно-быть, кто-нибудь насъ подслушиваетъ. Вить у мужика рука отросла, боярская дочь выздоровѣла, и плотина въ ходъ пошла!» Бросились все подь лодку смотрѣть; нашли Ивана и разорвали на мелкіе кусочки. Отлились волку коровьи слезки!

(Записана въ Черноярскомъ уѣздѣ, Астраханской губ., волостнымъ писаремъ Волконидинымъ.)

е. Были два брата: одинъ богатой, другой бѣдной. Богатой сдѣлалъ пирушку, позвалъ гостей, позвалъ брата. Братъ пришелъ всехъ наперво ¹⁾; послѣ него начали собираться гости. Когда набралось ихъ много, хозяинъ началъ подвигать своего брата ниже; говорить ему: «Поди-ка ты, братъ, пониже!» Братъ подвигался-подвигался и додвинулся до самыхъ дверей — больше ужъ и мѣста нѣтъ! А гостей все прибываетъ... Говоритъ, наконецъ, богатой бѣдному: «Поди-ка ты къ чорту, дай другимъ мѣсто!» Бѣдной братъ вышелъ на улицу и побѣжалъ на рѣку. Ходитъ по берегу мельникъ; бѣдной его и спрашиваетъ:

¹⁾ Прежде.

«Скажи, гдѣ чортъ живетъ?» Тотъ отвѣчаетъ: «Вонъ, поди-скочи въ бучило!»¹⁾ Вотъ бѣдной туда скочилъ и объявился²⁾ въ избѣ, — въ той избѣ никого нѣтъ. Онъ запаль³⁾ тутъ, чтобъ его не видно было, и сидитъ себѣ смирно да тихо. Скоро собрались въ избу бѣсенки; собрались и стали промежь себя похваляться. Одинъ хромой говоритъ: «Я мельницу прорылъ — ни за что ея не укрѣпить!» А другіе ему въ отвѣтъ: «Какъ не укрѣпить? Мельникъ укрѣпить!» — «Чѣмъ?» — «Онъ наладетъ терновнику да шиповнику, тѣмъ дѣло и устроить!» Мужикъ слушаетъ ихъ рѣчи... Когда бѣси убѣжали изъ избы, а мужикъ остался одинъ, онъ тотчасъ выскочилъ оттуда, вынырнулъ изъ-подъ воды и очутился наверху. Мельникъ все по берегу ходить, не знаетъ — не вѣдаетъ, чѣмъ укрѣпить мельницу. Бѣдной говоритъ: «Награди меня, я укрѣплю твою мельницу». — «Возьми, что угодно; хоть цѣлой возъ денегъ дамъ, только укрѣпи, пожалуй(й)ста!» — «Ната-скай терновника да шиповника — тѣмъ и устрой!» Мельникъ тотчасъ набилъ свай, накидалъ терновнику, набросалъ шиповнику, сверху землей заровнялъ — и укрѣпилъ мельницу, а мужику цѣлой возъ денегъ насыпалъ. Бѣдной увѣзъ деньги домой; надо въ кладовую таскать, а не въ чемъ. Вотъ онъ посылаетъ своего сына къ богатому брату и наказываетъ попросить у него четуху⁴⁾. Богатой спрашиваетъ: «На что четуха?» — «Деньги изъ телѣги въ кладовую носить». — «Какія тамъ деньги? что вы смѣтаете на мной, что ли? У васъ денегъ николи не водилось!» и нѣ далъ четухи. Мальчикъ пришелъ безо всего и говоритъ отцу: «Дядя нѣ далъ четухи, сказываетъ: на что вамъ!» Отецъ посылаетъ сына въ другой разъ: «Поди еще да хорошенько попроси». Мальчикъ опять къ дядѣ: «Дай, говоритъ, четуху: надо деньги таскать». Богатой дивится, не вѣрится: «Ступай, я самъ принесу!» Приноситъ къ бѣдному брату четуху, увидалъ полной возъ денегъ и сталъ спрашивать: «Скажи, братъ, гдѣ взялъ монету? Гляди-ка, у тебя еѣ цѣлые вороха набросаны!» — «А помнишь, какъ ты послалъ меня къ чорту? Вотъ я къ чорту сходилъ и добро получилъ». Богатому забѣдно⁵⁾ стало, пошелъ искать чорта. Прибѣжалъ на рѣку, а мельникъ по берегу ходить да радуется, что укрѣпилъ свою мельницу. Спрашиваетъ его богатой: «Гдѣ чортъ живетъ?» — «Вонъ, поди въ бучило!» Онъ бросился и объявился въ избѣ. Начали бѣсенки опять собираться въ избу и разговариваютъ промежь себя: «Вотъ мельникъ укрѣпилъ такъ мельницу и терновникомъ и шиповникомъ; теперь не разломать!» Хромой бѣсенокъ сталъ говорить: «А что, братцы! не подслушиваетъ ли кто наши рѣчи?» Давай искать вездѣ и нашли богатаго брата въ углу: «А! дакъ это ты переносишь наши рѣчи?» Взяли его, задавили и бросили въ омутъ.

f. Быль-жилъ Макарка — такой счастливой на рыбу, что за ночь по десяти ведеръ налавливалъ. Вдругъ то сдѣлалось, что совѣмъ

1) Мѣсто внизу мельничныхъ колесъ. 2) Очутился. 3) Спрятался.

4) Четверикъ. 5) Завидно.

перестала рыба попадать. Макарка-Счастливого сейчас догадался, пошелъ на рѣку ночевать и легъ подъ лодку. Пришли три чорта и хвастаются. Одинъ чортъ говоритъ: «Я вотъ у Макарки-Счастливаго всю рыбу отнял: не стала къ нему въ сѣти попадать». Другой говоритъ: «Я вотъ въ такомъ-то царствѣ всю воду остановилъ: и люди и звѣри безъ воды помирають. А можно сдѣлать, что пойдетъ вода; надобно цѣпь сковать да на той цѣпи въ омутъ опуститься и отомкнуть жилу; только надо скорѣй вылѣзть оттудова, а то человѣкъ отъ воды захлебнется!» Третій говоритъ: «А я вотъ въ нѣкоторомъ царствѣ мѹчу царицу, въ ночь по три платя раздираю!» Макарка выслушалъ эти разговоры, и только убрался черти — онъ вылѣзъ изъ-подъ лодки и пошелъ въ чужую сторону, гдѣ народъ безъ воды помираеть; пришелъ въ ту землю и говоритъ народу: «Хотите, я вамъ воду пущу?» Весь народъ возрадовался, началъ просить: «Сдѣлай милость, пусти воду!» Сейчас доложили царю. Макарка-Счастливого велѣлъ сковать цѣпь во сто сажонъ. Сковали цѣпь съ крюкомъ и опустили Макарку въ омутъ; онъ отомкнулъ жилу — вода ударила, потекла, зашумѣла... а Макарку-Счастливаго назадъ выхватили. И скотина и люди — все бѣгутъ къ водѣ! Царь пожаловалъ Макарку-Счастливаго, наградилъ его и деньгами и селами. Послѣ того отправился Макарка въ иное государство, гдѣ чортъ у царя жену мучить; пришелъ прямо во дворецъ и говоритъ царю: «Хочешь, я то сдѣлаю, что чортъ перестанетъ царицу мучить!» Царь этому возрадовался: «Сдѣлай милость! что хочешь, тебѣ заплачу». Макарка-Счастливого велѣлъ сковать себѣ долбню въ двѣнадцать пудъ да желѣзную шапку, чтобъ было что на голову надѣвать. Настала ночь; надѣлъ Макарка желѣзную шапку, взялъ въ руки долбню и сѣлъ возлѣ царицыной спальни; а кругомъ у дворца все солдаты стоятъ съ ружьями да съ пушками: какъ летитъ чортъ къ царицѣ — сейчасъ бьютъ въ него и палать, а убить не могутъ! Прилетѣлъ чортъ, увидаль Макарку и говоритъ ему: «Здорово, Макарка-Счастливого!» — «Здорово, чортъ!» — «Пусти къ царицѣ». — «Нѣтъ, не пущу! давай напередъ стукнемъ одинъ другого по разу». — «Давай!» Вотъ кинули жребій: кому достанется прежде бить? и досталось прежде бить чорту. Какъ ударилъ чортъ Макарку-Счастливаго — тотъ пошатнулся; а Макарка ударилъ его — чортъ съ ногъ свалился, еле-еле въ себя пришелъ и полетѣлъ назадъ. На другую ночь принёсъ чортъ осьмину орѣховъ и началъ Макарку-Счастливаго орѣхами занимать, только бѣ къ царицѣ пустилъ. Вотъ они щёлкали-щёлкали орѣхи, и говоритъ чортъ Макаркѣ: «Что жъ ты меня не поподчуешь своими орѣхами?» А у Макарки-Счастливаго были въ карманѣ чугунные орѣхи: «Изволь, у меня въ карманѣ есть!» Чортъ эти орѣхи во рту валялъ-валялъ, не могъ ни одного разгрызть, — такъ и бросилъ, и говоритъ опять: «Пусти къ царицѣ!» Макарка не пушаетъ: «Давай, говоритъ, ударимся еще по разу!» — «Давай!» Ударилъ чортъ — Макарка наземъ упалъ, а Макарка ударилъ — убилъ чорта

до смерти. Царь пожаловалъ Макарку - Счастливаго, отдалъ за него дочь свою замужъ; зажилъ Макарка съ царевою дочкою — просто чудо!

(Записана въ Зубцовскомъ уездѣ, Тверской губ.)

g. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были въ одной деревнѣ два сосѣда — оба портные. Разъ согласились они и пошли вмѣстѣ въ инья волости промыслять своимъ мастерствомъ. Пришли въ село, начали бабъ да мужиковъ обшивать и заработали по двадцати рублевъ на брата. Собрались и пошли въ другую волость; тѣ-другіе разговоры—и заспорили: чѣмъ лучше жить — правдою или кривдою? «Дуракъ ты!—забранился криводушной.—Видишь: баре, купцы да торговые люди умѣютъ кривить, такъ они зато въ сапогахъ ходятъ; а у насъ на деревнѣ, чай знаешь старика Абрама: весь вѣкъ свой прожилъ правдою, а сапоговъ да хорошаго платья съ роду не нашивалъ!» Правдивой стойтъ на своемъ, не соглашается. Вотъ и ударились они объ закладъ, а уговоръ былъ такой: дойти до перваго села и спросить у людей: чѣмъ лучше жить? Коли скажутъ правдою, то криводушной отдасть правдивому свои двадцать рублевъ, а коли скажутъ: кривдою, то наоборотъ — пусть правдивой расплачивается. Пришли въ село и стали ходить по избамъ да спрашивать: «Скажите, люди Божіе; чѣмъ лучше жить: правдою или кривдою?» Только кого ни пытаются, всё въ одно слово говорятъ: «Нашли о чомъ спрашивать! кривдѣ вездѣ лучше, кривда въ сапогахъ ходить, а правда въ лаптяхъ!» Отдалъ правдивой криводушному свои деньги и принялись попрежнему работать — бабъ, мужиковъ обшивать; заработали по тридцати рублевъ на брата и пошли въ третью волость. Дорогою тѣ же разговоры; одинъ говоритъ: правда лучше; другой говоритъ: нѣтъ, кривда лучше. Поспорили и ударились объ закладъ на тридцать рублевъ. Дошли до села; кого ни спросятъ — всякъ одно твердить: «Гдѣ ужъ нынче правдой жить? правда-то въ лаптяхъ ходить, а кривда въ сапогахъ!» Проспорилъ правдивой криводушному весь заработокъ. Въ третій разъ выработали они по пятидесяти рублевъ на брата и опять заспорили. Заспорили и рѣшили на томъ: если кто теперь проспорить, у того и деньги взять и глаза ему выкопать. Знаемое дѣло, правдивой проспорилъ; криводушной взялъ у него пятьдесятъ рублевъ, выкопалъ ему глаза, оставилъ одного на дорогѣ, а самъ ушелъ домой. «Видно, и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ на свѣтѣ правды!—сказалъ слѣпой;—кривда меня перемогла; какъ мнѣ быть невидущему?» Побрѣлъ ощупью и попалъ на тропинку: эта тропинка привела его до станка ¹⁾. Тутъ нащупалъ онъ толстое дерево, взлѣзъ на самую верхушку и просидѣлъ до поздняго вечера. Какъ стемнѣло, пришелъ на то мѣсто старецъ, принёсъ

¹⁾ Станокъ—избушка, выстроенная въ лѣсу, которая служить убѣжищемъ для рыболововъ, лѣсничихъ и охотниковъ. (Опытъ обл. великор. словаря.)

вязанку дровъ, сбросилъ съ плечъ и сказалъ: «Господи, благослови!» Немного погодя, пришелъ другой старецъ, а тамъ и третій; сбросили съ плечъ по вязанкѣ дровъ и также промолвили: «Господи, благослови!» Потомъ развели они огонь, сѣли возлѣ костра и стали разговаривать. Одинъ говоритъ: «У нашего царя третій годъ какъ дочь больна; кто ее вылѣчить, за того царь отдастъ ее замужъ». Другой говоритъ: «Царевну просто вылѣчить; она заболѣла въ самый Троицынъ день. Подаль ей за обѣдной попь просвиру, она стала ѣсть и уронила подъ полъ крошку, ту крошку подхватила лягушка и съѣла; отъ того вся бѣда приключилася. Теперь, коли въ Троицынъ день взять бычью кожу, помазать ее медомъ да положить подъ церковный полъ, лягушка сей-часъ всползетъ на кожу, полижетъ меду, станетъ гадовать ¹⁾, и выронитъ просвиРНую крошку. Тогда только взять эту крошку, обмыть въ водѣ да скормить царевнѣ — царевна и поздоровѣетъ». На другое утро стали старцы росой умываться и говорятъ между собой: «Какая сегодня славная роса! стѣить ею разъ-другой помочить глаза — такъ и слѣпота пропадетъ!» Послѣ того старцы ушли, а слѣпой швецъ ²⁾ спустился съ дерева, умылся росой — и въ ту жъ минуту сталъ видѣть лучше прежняго, словно никогда и глазъ не терялъ. Прославилъ онъ Господа Бога и пошелъ въ тотъ городъ, гдѣ жила больная царевна. На Троицынъ день явился онъ къ царю, потребовалъ себѣ бычью кожу да меду и сдѣлалъ все, какъ сказывалъ старецъ, и вылѣчилъ царевну. Царь обрадовался и выдалъ за него свою дочь ³⁾.

¹⁾ Блевать. (Опытъ обл. велик. словаря.) ²⁾ Портной. ³⁾ *Вариантъ*: «Вылѣчить царевну можно. Въ такой-то горѣ лежитъ животворный крестъ; да гора-то велика, всеё не скопаешь. А здѣсь нужна смѣтка: на той на горѣ растеть береза; стѣить только отмѣрить отъ березы двѣнадцать локтей на восходѣ солнца да и копать землю: тутъ онъ и лежитъ! Тѣмъ крестомъ надо благословить царевну — она совсѣмъ исцѣлѣетъ». Портной выслушалъ эти рѣчи, досталъ животворной крестъ и пошелъ въ то царство, гдѣ заклѣтая царевна людей пожирала. Три года и три мѣсяца шель онъ туда; наконецъ добрался и выпросился ночевать къ одному бѣдному мужичку. Вечеромъ стали метать жребій, кому итти на съѣденіе къ царевой дочери; а она лежитъ въ гробу въ церкви и каждую ночь съѣдаетъ по человѣку. Жребій упалъ на того самого бѣднаго мужичка, у котораго портной присталъ; пришли его брать, и поднялся въ домѣ вой да плачь: мать, жена, дѣти такъ слезами и заливаются — не приведи Богъ! «О чемъ вы плачете?» спрашиваетъ портной. «Какъ же намъ не плакать?» одинъ хозяинъ былъ, и тому досталось итти на съѣденіе. «Не тужите; я за него пойду. Одна голова не бѣдна, — мнѣ все равно помирать!» Сказалъ и пошелъ въ церковь; какъ вошелъ туда, очертилъ вокругъ себя крестомъ, стоить да Богу молится. Ровно въ двѣнадцать часовъ встала царевна изъ гроба и кинулась къ нему. Портной поднялъ животворной крестъ и благословилъ ее три раза; царевна упала къ его ногамъ, и съ той минуты совсѣмъ исцѣлѣла. Поутру приходить сторожа кости убирать, а онъ живѣхонекъ, и царевна выздоровѣла. Царь на радостяхъ отдалъ за него дочь свою и много земель, много городовъ и сель пожаловалъ въ приданое.

Примѣчаніе. Сказку о «Правдѣ и кривдѣ» удалось намъ слышать въ Бобровск. уѣздѣ, Воронежск. губ., съ нѣкоторыми особенностями.

Были-жили два мужика; у одного было четыре корабля, у другого — три, и поспорили они, чѣмъ лучше жить: кривдой али правдой? Правдивой-то и поспорилъ своему супротивнику всѣ свои три корабля, и попросилъ онъ его перевезть себя на кораблѣ на другой берегъ. Такъ дѣло и сдѣлалось; переѣхалъ онъ на другой берегъ и пошелъ по пробитой тропинкѣ и пришелъ къ дереву, а подь деревомъ мѣсто кругомъ было утоптано оттого, что сюда собиралась нечистая сила. Взлѣзъ правдивой на дерево, чтобъ отдохнуть немножко, не боясь звѣря; а за нимъ вслѣдъ собралась туда всякая нечистая сила и стала похваляться своими дѣлами. Вотъ одинъ чортъ и рассказываетъ, какъ онъ испортилъ какую-то царевну; царевна ослѣпла, оглохла, смутилась разумомъ, вылѣчить ее никто не сможетъ; а вылѣчить ее можно, надо только взять изъ такой-то церкви крестъ да облить его водою и тою водою умывать и поить больную царевну, да еще надо изъ-подъ такого-то камня достать лягву (лягушку), вынуть у нея изо рта кусочекъ просвиры, что она утащила, и дать тотъ кусочекъ съѣсть больной царевнѣ. Правдивой подслушалъ все это, добылъ и крестъ и кусочекъ просвирки и вылѣчилъ царевну. Царь отдалъ ему за то полцарства и въ жены дочь свою, а какъ умеръ царь — правдивый самъ сдѣлался царемъ. А у криводушнаго мужика все пошло прахомъ, богатство все изгибло, и сталъ онъ ходить по міру и собирать милостыню. Вотъ разъ сдѣлалъ царь на нищихъ обѣдъ; пришелъ и криводушной. Царь узналъ его, приказалъ его остановить и позвать къ себѣ и оставилъ его ночевать во дворцѣ возлѣ себя. Ночью-то мужику захотѣлось испить, и видитъ онъ: стоитъ въ палатахъ вода, какую царь умывалъ свои ноги. «Ну, — думаетъ онъ, — ничего, напьюсь и этой; царскія ноги не поганы». А царь увидѣлъ, что онъ хочетъ испить и закричалъ: «Эй, вѣстовой, дай человѣку напиться!» — и ему тотчасъ принесли чистой воды. На утро царь рассказалъ криводушному все, что съ нимъ случилось, наградилъ его и отпустилъ. Мужику захотѣлось попытать такого же счастья, и пошелъ онъ подь то же дерево, гдѣ былъ и правдивой, да нечистая сила почувала его и разорвала на части. Другіе варианты см. у Худякова, II, № 47; въ «Собраніи старин. русск. сказокъ» (въ типографіи Степанова, 1830 г.) сказку о Климкѣ, стр. 3 — 12; въ Труд. Курск. статист. комит., I, 539 — 540, и въ «Черниговск. Губерн. Вѣдомост.» 1860 г., № 15 — прекрасно записанный малороссійскій вариантъ (перепечатанъ у Рудч., II, № 35): Правда, ослѣпленная Неправдою, возвращаетъ себѣ зрѣніе, помазавъ очи пѣлющею росою съ одного дерева и тою же росою исцѣляетъ потомъ слѣпую царевну.

Эта любопытная сказка, въ основу которой положена высоко-нравственная идея, повторяется съ нѣкоторыми варіаціями у многихъ

народовъ. Въ изданіи «Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder Lausitz», II, стр. 184 — 4, сообщена сказка, весьма близкая къ русской, подъ заглавіемъ: «Правда всегда останется правдою». Прямодушный спорить съ лукавымъ и поплачивается своими глазами; слѣпой тащится онъ въ городъ и въ полночь останавливается на дорогѣ, въ надеждѣ, что кто-нибудь поутру доведетъ его до заставы. Вдругъ послышался шелестъ: на то самое мѣсто прилетѣли три духа, которые обыкновенно по ночамъ покидаютъ свои тѣла и творять на свѣтѣ великія бѣды¹⁾. Они стали передавать другъ другу свои дѣянія: одинъ посадилъ жабу въ источникъ, и оттого въ немъ вода изсякла; другой воткнулъ серебряный гвоздь въ кровать королевы, и красота ея поблекла и бѣлое тѣло до костей высохло; третій указалъ на близкій колодезь, вода котораго можетъ возратить потерянное зрѣніе. Бѣднякъ подслушалъ эти рѣчи и всѣмъ этимъ воспользовался; а лукавый его соперникъ вскорѣ былъ разорванъ тѣми же самыми дѣхами. Въ сербской редакціи (Караджичъ, № 16), споръ о правдѣ и кривдѣ рѣшаетъ дьяволь; братъ злой выкалываетъ глаза правдивому и оставляетъ его у того мѣста, гдѣ собираются вилы купаться въ источникѣ; вилы, разговаривая между собой, открываютъ ему цѣлебное свойство воды этого источника, излѣчающей отъ слѣпоты, хромоты и глухоты. Въ словацкой редакціи (Божена Нѣмц., стр. 558 — 560) вороны указываютъ слѣпцу цѣлебную воду, и они же потомъ наказываютъ криводушнаго: выклеваютъ у него очи, убиваютъ его крыльями и разносятъ по чисту полю; сравн. также въ сбор. Кульды I, № 75, и Малаго (изд. 3-е), стр. 81. Въ валахской сказкѣ (№ 5: «Чародѣйное зеркало») мать, завидуя чрезвычайной красотѣ своей дочери, испекла сильно-посоленный пирогъ, взяла кружку воды и отправилась вмѣстѣ съ дочерью въ лѣсъ, завела ее въ пустыню и истомила голодомъ, жаждою и усталостью до того, что дѣвушка не могла итти далѣе. «Ахъ!—говорила дочь,—я не могу итти дальше: я голодна». — «Позволь выколоть себѣ одинъ глазъ, и я отдамъ тебѣ этотъ пирогъ». Дѣвушка ужаснулась и заплакала. «Ну, пойдемъ дальше: видно, ты еще не голодна!» Дѣлать было нечего, — она подчинилась нуждѣ, и жестокая мать выколола ей глазъ. Дѣвушка съѣла пирогъ и почувствовала невыносимую жажду; тогда мать выколола ей другой глазъ за обѣщанную кружку воды; но, лишивъ ее зрѣнія, она разбила кружку и сказала: «Иди, милое дитя! я поведу тебя туда, гдѣ ты не узнаешь болѣе жажды!» Она поставила бѣдную слѣпую на скалѣ, у подошвы которой бѣжалъ дождевой ручей, а сама ушла домой. Слепая стала на колѣни и обратилась съ теплою молитвою къ Богу; явилась скорая заступница несчаст-

¹⁾ Почти у всѣхъ славянъ существуетъ повѣрье, что когда человѣкъ спитъ, то душа его можетъ оставлять тѣло и странствовать по свѣту. Сербы приписываютъ это вѣщимъ женамъ (колдуньямъ), и вылетающія души называютъ *vješticama*.

ныхъ — Пресв. Дѣва, повела ее къ источнику и велѣла умыться, и едва она омочила свое лицо, какъ тотчасъ же прозрѣла. Вотъ содержаніе норвежской сказки: *Treu und Untreu* (II, № 18). Два бѣдняка, родные братья, взяли по мѣшку съѣстныхъ припасовъ и пошли искать счастья. Во время пути покончили они сперва припасы правдиваго; но послѣ, когда правдивой хотѣлъ взять кусокъ изъ братнина мѣшка, криводушной ему отказалъ. «Но вѣдь ты же ѣлъ изъ моего мѣшка! — сказалъ обиженный. — «Да, а ты зачѣмъ былъ такимъ дуракомъ!» — «Неправдивымъ (*Untreu*) ты называешься, таковъ есть и будешь во всю жизнь!» Раздраженный этими словами, криводушной братъ выкололъ ему глаза: «Теперь ты, слѣпая скотина, не увидишь, кто правдивъ и кто—нѣтъ!» Слепой взлѣзъ на липу, чтобы тамъ переночевать, не боясь дикихъ звѣрей; подъ это дерево сошлись медвѣдь, волкъ, лиса и заяцъ праздновать Ивановъ день. Медвѣдь разсказалъ, что у такого-то короля плохіе глаза, не видятъ дальше локтя; но если бы онъ сталъ утромъ подъ этою липою и опрыскалъ свои глаза росой съ ея листьевъ, то видѣлъ бы все отлично. Волкъ замѣтилъ: «У короля есть глухонѣмая дочь; но еслибъ онъ зналъ то, что я знаю, то, навѣрно, помогъ бы ей: прошлаго года была королевна у причастія и уронила частицу св. хлѣба (*Altarbrod*), а большая жаба проглотила ее; если найти подъ церковнымъ поломъ жабу, вытащить изъ ея горла эту частицу и дать ее съѣсть королевнѣ, то она будетъ и слышать и говорить». Лисица сказала: «Въ королевскомъ замкѣ плохая вода, и никто не знаетъ, что среди двора подъ большимъ камнемъ находится чистый колодець». Заяцъ заключилъ: «У короля есть садъ, но плодовъ не приноситъ, потому что вокругъ его зарыта три раза обведенная золотая цѣпь». Конецъ сказки сходенъ съ русскою: правдивый женился на королевнѣ, а криводушной обѣднялъ и таскался въ лохмотьяхъ нищаго; узнавши о судьбѣ брата, онъ пошелъ искать счастья къ той же липѣ, но звѣри его почуяли и разорвали. (Сличи въ сборникахъ Гримм., II, № 107, и Гана, I, № 30).

Въ сказки о «правдѣ и кривдѣ» занесены древнія преданія: а) о *гремлячѣ* ключѣ, вода котораго возвращаетъ зрѣніе, и б) о паденіи такой же цѣлебной росы съ древесныхъ вѣтвей и о сборищѣ нечистой силы подъ *дубомъ*. Объясненіе этихъ преданій см. въ Поэт. Возвр., I, стр. 168, II, 171 — 91, 294 — 304.

Въ вариантахъ, напечатанныхъ нами подъ буквами b, c, d, болѣзнь царевны излѣчивается травами и жаръ-цвѣтомъ, который когда цвѣтеть, — ночь бываетъ яснѣ дня и море колышется, и котораго всѣ черти боятся; это, очевидно, огненный цвѣтъ папоротника, о которомъ до сихъ поръ живутъ въ народѣ самыя живыя мѣстныя преданія.

67. Королевичъ и его дядька.

а. Жиль-быль король, у него былъ сынъ подростокъ. Королевичъ былъ всёмъ хорошъ—и лицомъ и нравомъ, да отецъ-то его не больно: все его корысть мучила, какъ бы лишній барышъ взять да побольше оброку сорвать. Увидѣлъ онъ разъ старика съ соболями, съ куницами, съ бобрами, съ лисицами. «Стой, старикъ! откуда ты?»—«Родомъ изъ такой-то деревни, батюшка, а нынѣ служу у мужика-лѣшаго».—«А какъ вы звѣрей ловите?»—«Да лѣшій-мужикъ наставитъ лѣсы ¹⁾, звѣрь глупъ—и попадѣтъ».—«Ну, слушай, старикъ! я тебя виномъ напою и денегъ дамъ; укажи мнѣ, гдѣ лѣсы ставите?» Старикъ соблазнился и указаль. Король тотчасъ же велѣлъ лѣшаго-мужика поймать и въ желѣзной столбъ заковать, а въ его заповѣдныхъ лѣсахъ свои лѣсы подѣлаль. Вотъ сидитъ мужикъ-лѣшій въ желѣзномъ столбѣ да въ окошечко поглядываетъ, а тотъ столбъ въ саду стоялъ. Вышелъ королевичъ съ бабками, съ мамками, съ вѣрными служанками погулять по саду; идетъ мимо столба, а мужикъ-лѣшій кричитъ ему: «Королевское дитя! выпусти меня: я тебѣ самъ пригожусь».—«Да какъ же я тебя выпущу?»—«А пойди къ своей матери и скажи ей: матушка моя любезная, поищи у меня вшей въ головкѣ. Да головку-та положи къ ней на колѣни; она станеть у тебя въ головѣ искать, а ты улочи минуту, вытащи ключъ у ней изъ кармана да меня и выпусти» ²⁾. Королевичъ такъ и сдѣлаль: вытащилъ ключъ изъ кармана у матери, прибѣжалъ въ садъ, сдѣлаль себѣ стрѣлку, положилъ на тугой лукъ и пустилъ ее далеко-далеко, а самъ кричитъ, чтобъ мамки и няньки ловили стрѣлу. Мамки и няньки разбѣжались; въ это время королевичъ отпѣръ желѣзной столбъ и высвободилъ мужика-лѣшаго.

Пошелъ мужикъ-лѣшій рвать королевскія лѣсы. Видитъ король, что звѣри больше не попадаютъ, осерчалъ и напустился на свою жену: зачѣмъ ключъ давала, мужика-лѣшаго выпускала? И созвалъ онъ бояръ, генераловъ и думныхъ людей, какъ они присудятъ: голову ли ей на плахѣ снять, али въ ссылку сослать? Плохо пришлось королевичу,—жалъ родную мать, и признался онъ отцу, что это его вина: вотъ такъ-то и такъ-то все дѣло было. Взгоревался король: что ему съ сыномъ дѣлать? Казнить нельзя; присудили: отпустить его на всѣ на четыре стороны, на всѣ вѣтры полуденные, на всѣ выюги зимнія, на всѣ вихри осенніе; дали ему котомку и одного дядьку ³⁾.

¹⁾ Сѣти, ловушки. ²⁾ *Вариантъ*: «Пойди къ матери и заплачь горькими слезами; будеть она тебя по головушкѣ гладить, а ты у ней ключъ изъ кармана и выкради». ³⁾ *Вариантъ*: Былъ-жилъ король, у него былъ одинъ сынъ Иванъ-королевичъ; сталъ онъ на возрастъ, собралъ своихъ сверстниковъ и началъ съ ними погуливать и шутить шутки нехорошія: кого за руку ухватить—рука прочь; кого за голову—голова прочь! Пришли бояре и купцы и вся-

Вышелъ королевичъ съ дядькою въ чистое поле; шли они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и увидали колодезь. Говорить королевичъ дядькѣ: «Ступай за водою!»—«Нейду!» отвѣчаетъ дядька. Пошли дальше, шли-шли—опять колодезь. «Ступай, принеси воды: мнѣ пить хочется», просить дядьку королевскій сынъ въ другой разъ. «Нейду!» говоритъ дядька. Вотъ еще шли-шли—попадается третій колодезь; дядька опять нейдетъ, и пошелъ за водою самъ королевичъ. Спустился въ колодезь, а дядька захлопнулъ его крышкою и говоритъ: «Не выпущу! Будь ты слугою, а я—королевичемъ». Нечего дѣлать, королевичъ согласился и далъ ему въ томъ росписку своей кровью; потомъ помѣнялись они платями и отправились дальше.

Вотъ пришли они въ иное государство; идутъ къ царю во дворецъ,—дядька впереди, а королевичъ позади. Сталъ дядька жить у того царя въ гостяхъ, и ѣсть и пьеть съ нимъ за единымъ столомъ. Говорить онъ ему: «Ваше царское величество! возьмите моего слугу, хоть на кухню». Взяли королевича на кухню, заставляють его дрова носить, кострюли чистить. Немного прошло времени—выучился королевичъ готовить кушанье лучше царскихъ поваровъ. Узналъ про то государь: полюбилъ его и сталъ дарить золотомъ. Поварамъ показалось обидно, и стали они искать случая, какъ бы извести его. Вотъ одинъ разъ сдѣлалъ королевичъ пирогъ и поставилъ въ печку, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирогъ. Съѣлъ царь обѣдать; подаютъ пирогъ, царь только было за ножъ взялся, какъ бѣжить главной поваръ: «Ваше величество! не извольте кушать». И насказалъ на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалѣлъ своей любимой собаки, отрѣзалъ кусокъ пирога и бросилъ навѣмъ; собака съѣла да тутъ же издохла. Призвалъ государь королевича, закричалъ на него грознымъ голосомъ: «Какъ ты смѣлъ съ отравой пирогъ изготовить? Сейчасъ велю тебя казнить лютою казнью!»—«Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ваше величество!»—отвѣчаетъ королевичъ.—Видно, поварамъ въ обиду стало, что вы меня жалуете,—нарочно меня подъ отвѣтъ подвели». Царь его помиловалъ, велѣлъ конюхомъ быть.

Повѣлъ королевичъ коней на водопой, а навстрѣчу ему мужикъ-лѣшій: «Здорово, королевской сынъ! пойдѣмъ ко мнѣ въ гости».—«Боюсь, кони разбѣгутся».—«Ничего, пойдѣмъ!» Изба тутъ же очутилась. У лѣшаго-мужика три дочери; спрашиваетъ онъ старшую: «А что ты присудишь королевскому сыну за то, что меня изъ желѣзнаго столба выпустилъ?» Дочь говоритъ: «Дамъ ему скатерть-самобранку». Вышелъ королевичъ отъ лѣшаго-мужика съ подаркомъ, смотритъ—кони всѣ налицо;

кіе люди къ королю съ жалобами. Король только руками хлопнулъ: «Экая напасть!—говорить.—Одинъ блинъ, да и тотъ комомъ!» Созвалъ генераловъ: «Куда мнѣ сына дѣвать? въ крѣпость посадить или повѣсить?»—«Ваше королевское величество!»—отвѣчаютъ генералы и сенаторы.—Царскихъ сѣмянъ (т.е. дѣтей) не бьютъ, не куютъ, а на Божью волю пускають». (Записано въ Архангельск. губ.).

развернулъ скатерть—чего хочешь, того просишь: и питье и ѣда. На другой день гонить онъ царскихъ коней на водопой, а мужикъ-лѣшій опять навстрѣчу: «Пойдемъ ко мнѣ въ гости!» Привелъ и спрашиваетъ среднюю дочь: «А ты что королевскому сыну присудишь?»—«Я ему подарю зеркальцо: что захочешь, все въ зеркальцѣ увидишь!»¹⁾ На третій день опять попадается королевичу мужикъ-лѣшій, ведетъ къ себѣ въ гости и спрашиваетъ меньшую дочь: «А ты что королевскому сыну присудишь?»—«Я ему подарю дудочку,—только къ губамъ приложи, сейчасъ лягутся и музыканты и пѣсельники». Весело стало жить королевскому сыну: ѣсть-пить хорошо, все знаетъ, все вѣдаетъ, музыка цѣлой день гремитъ. Чего лучше? А кони-то, кони-то! чудо, да и только: и сыты, и статны, и на ногу рѣзвы. Началь царь хвалиться своей любимой дочери, что послалъ ему Господь славнаго конюха. А прекрасная царевна и сама давнымъ-давно конюха запримѣтила; да какъ и не замѣтитъ красной дѣвицѣ добра молодца! Любопытно стало царевнѣ: отчего у новаго конюха лошади и рѣзвѣе и статнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ. «Дай, думаетъ, пойду въ его горницу, посмотрю, какъ онъ, бѣдняжка, поживаетъ». А ужъ извѣстно: чего баба захочетъ, то и сдѣлаетъ. Улучила время, когда королевичъ на водопой коней погналъ, пришла въ его горницу, и какъ глянула въ зеркальцо,—тотчасъ все смекнула и унесла съ собой и скатерть-самобранку, и зеркальцо, и дудочку.

Въ это время случилась у царя бѣда: напустилъ на его царство семиглавый Идолице, просить себѣ царевну въ замужество: «А если не выдадутъ, такъ и силой возьму!» сказалъ онъ и разставилъ свое войско—тѣму тѣмущую. Плохо пришлось царю; дѣлаетъ онъ кличь по всему своему царству, сзываетъ князей и богатырей: кто изъ нихъ побѣдитъ Идолицу семиглаваго, тому обѣщаетъ дать половину царства и вдобавокъ дочь въ замужество. Вотъ собрались князья и богатыри, поѣхали сражаться противъ Идолицы; отправился и дядька съ царскимъ войскомъ. И нашъ конюхъ сѣлъ на кобылу сиву и потащился вслѣдъ за другими. Ѣдетъ, а навстрѣчу ему мужикъ-лѣшій: «Куды ты, королевской сынъ?»—«Воевать».—«Да на клячѣ далеко не уѣдешь! а еще конюхъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости». Привелъ въ свою избу, налилъ ему стаканъ водки. Королевичъ выпилъ. «Много ль въ себѣ силы чувствуешь?» спрашиваетъ мужикъ-лѣшій. «Да если бѣ была палица въ пятьдесятъ пудовъ, я бѣ ее вверху подбросилъ да свою голову подставилъ, а удара и не почувялъ бы!» Далъ ему другой стаканъ выпить: «А теперь много ли силы?» «Да если бѣ была палица во сто пудовъ, я бѣ ее выше облаковъ подбросилъ». Налилъ ему третій стаканъ: «А теперь какова твоя сила?»—«Да если бы утвердить столбъ отъ земли до неба, я бы всю вселенную повернулъ!» Мужикъ-лѣшій нацѣдилъ водки изъ другого крану и по-

¹⁾ *Вариантъ:* «Я ему подарю перстень: ночью и свѣчей зажигать не надобно — такъ свѣтитъ.

далъ королевичу; королевичъ выпилъ—и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть. Послѣ вывелъ его мужикъ-лѣшій на крыльцо, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: отколъ ни взялся—вороной конь бѣжить, земля дрожить, изъ ноздрей пламя, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ-подъ копытъ искры сыплются. Прибѣжалъ къ крыльцу и палъ на колѣнки. «Вотъ тебѣ конь!» Далъ ему еще палицу-буявицу да плеть шелковую. Выѣхалъ королевичъ на своемъ ворономъ конѣ супротивъ рати непріятельской; смотреть, а дядька его на березу взлѣзъ, сидитъ да отъ страху трясется. Королевичъ стегнулъ его плеткою разъ-другой и полетѣлъ на вражее воинство; много народу мечомъ прирубилъ, еще больше конемъ притопталъ, самому Идолицу семь головъ снёсъ. А царевна все это видѣла: не утерпѣла, чтобъ не посмотрѣть въ зеркальцо, кому она достанется. Тотчасъ выѣхала навстрѣчу, спрашиваетъ королевича: «Чѣмъ себя поблагодарить велишь?»—«Поцѣлуй меня, красна дѣвица!» Царевна не устыдилася, прижала его къ ретиву сердцу и громко-громко поцѣловала, такъ что все войско услышало.

Королевичъ ударилъ коня—и былъ таковъ! Вернулся домой и сидитъ въ своей горенкѣ, словно и на сраженіи не былъ; а дядька всѣмъ хвастаетъ, всѣмъ рассказываетъ: «Это я былъ, я Идолице побѣдилъ!» Царь встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, стоворилъ за него свою дочь и задалъ великой пиръ. Только царевна не будь глупа—возьми да и скажись, что у ней головушка болитъ, ретивое щемить. Какъ быть, что дѣлать нареченному зятю?—«Батюшка!—говорить онъ царю,—дай мнѣ корабль, я поѣду за лѣкарствами для своей невѣсты, да прикажи и конюху со мной ѣхать: я вить больно къ нему привыкъ!» Царь послушался, далъ ему корабль и конюха. Вотъ они и поѣхали; близко ли, далеко ли отплыли—дядька приказалъ сшить куль, посадить въ него конюха и пустить въ воду. Царевна глянула въ зеркальцо, видитъ—бѣда! сѣла въ коляску и поскорѣй къ морю; а на берегу ужъ мужикъ-лѣшій сидитъ да неводъ вяжетъ. «Мужичокъ! помоги моему горю: злой дядька королевича утопилъ».—«Изволь, красна дѣвица! вотъ и неводъ готовъ! Приложи-ка сама къ нему бѣлыя ручки». Вотъ царевна запустила неводъ въ глубокое море, вытащила королевича и повезла съ собою; а дома все дочиста отцу рассказала. Сейчасъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку: у царя не медь варить, не вино курить—всего вдоволь! А дядька накупилъ разныхъ снадобій и воротился назадъ; входитъ во дворецъ, а тутъ его и схватили. Взмолился онъ, да поздно: духомъ ¹⁾ его на воротахъ разстрѣляли. Свадьба королевича была веселая: всѣ кабаки и трактиры на цѣлую недѣлю были открыты для простого народа безденежно. И я тамъ былъ, медь-вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

В. Былъ мужикъ, у него было три сына: два умныхъ, третій дуракъ. Вотъ, хорошо, зачалъ мужикъ горохъ сѣять, и повадился къ нему на

¹⁾ Быстро, скоро.

горохъ незнамо кто. Видитъ отецъ, что все побито, повалено, потоптано, и сталъ говорить своимъ дѣтямъ: «Дѣти мои любезныя! надобно караулить: кто такой горохъ у насъ топчетъ?» Сейчасъ большой братъ пошелъ караулить. Приходитъ полуночное время, ударилъ его сонъ,—горохъ потоптанъ, а онъ ничего не видалъ. Опослѣй досталось караулить середнему брату; и середній ничего не видалъ. «Семь-ка я пойду,—говорить дуракъ,—ужь я не прогляжу!»—«Хорошо ты поешь! каково станется», отвѣчаютъ ему братья. И такъ пошелъ дуракъ караулить, узялъ съ собой возъ лыкъ да фунтъ табаку. Какъ сталъ его сонъ ударять, онъ сталъ табаку больше нюхать. Приѣзжаетъ на горохъ Никаноръ-богатырь, пускаетъ сваво коня, а самъ лёгъ богатырскимъ сномъ спать—лёгъ и заснулъ. Сейчасъ это дуракъ узялъ и зачалъ его соннаго лыками пуглять. Упуглялъ его лыками и пришелъ къ отцу: «Ну, говорить, поймалъ я вора!» Отецъ приходитъ, смотритъ: «Какъ же ты, дуракъ, могъ эдакую силу повалить?» Вотъ донесли царю, что пойманъ эдакой богатырь ¹⁾.

¹⁾ *Вариантъ 1-й:* Жилъ-былъ царь на царствѣ, государь на государствѣ; у того царя былъ любимый садъ, а въ томъ саду росла яблоня съ золотыми и серебряными яблоками. Началъ воръ ходить, золотыя, серебряныя яблоки обрывать. Царь поставилъ кругомъ большой караулъ—все нѣтъ толку: воръ свое дѣло знаетъ, яблочки попрежнему сымаетъ. Вотъ и вызвался старой садовникъ: «Я, говорить, могу вора изловить!» Царь тому очень радъ: «Пожалуста, излови, царской рукою награжу!» Садовникъ потребовалъ три ведра вина крѣпкаго да три кадочки меду сладкаго; взялъ корыто, разсытилъ вино медомъ и поставилъ подъ яблоню, а самъ спать пошелъ. Вдругъ пошелъ гулъ по саду: земля дрожитъ, листь на деревѣ шумить, волна на рѣкѣ подымается—летитъ чудовище; прилетѣлъ, нарвалъ золотыхъ и серебряныхъ яблокъ и увидалъ корыто, спустился наземь, упился виномъ и тутъ же мертвецкимъ сномъ заснулъ. Садовникъ какъ разъ во-время пробудился, приближалъ и двѣнадцать кузнецовъ съ собою привелъ; взяли кузнецы цѣпи желѣзныя, оковали чудовище и сволокли его соннаго въ крѣпкую темницу. Царь обрадовался, наградилъ садовника и приказалъ войска готовить, народъ сзывать, висѣлицу ставить: захотѣлъ казнить это чудище... (Царевичъ выпускаетъ его на волю). Въ назначенный часъ пошли за чудищемъ, отперли темницу—а тамъ его и духу не слышать, только разорванныя цѣпи валяются. Осерчалъ царь на свою царицу: «Какъ де ты усмотрѣть не могла? у тебя ключи были!» Схватилъ ее за бѣлую руку и возвѣлъ на висѣлицу: «Честной, православной народъ! освободила она чудище отъ лютой казни; пусть сама ее приѣметъ!» (Царевичъ признается...)

Вариантъ 2-й: У крестьянина было три сына; посѣяли на новинѣ бѣлоярую пшеницу; вмѣсто зеленой все поле засвѣтилося самоцвѣтными камнями. Пошелъ мужикъ къ царю: «Ваше величество! позволь слово говорить, не вели за слово казнить». — «Говори смѣло». Разказалъ мужикъ про камнѣя самоцвѣтные: «Намъ ли велишь тѣмъ полемъ владать или въ казну велишь отобратъ?»—«Вамъ Богъ далъ, вы и владайте!» Повадился на крестьянское поле воръ ходить. Пошелъ старшой братъ караулить. Въ самую полночь приѣзжаетъ Вихоръ Вихрѣвичъ о двѣнадцати головахъ, подъ нимъ бѣрзой конь, копытомъ въ землю бьетъ, да самоцвѣтное камнѣ пожираетъ. Большой братъ вѣскочилъ: «Что ты, Вихоръ Вихрѣвичъ, насъ обидишь? (обижаешь?) Намъ Богъ далъ, государь пожаловалъ!»—«Ахъ ты, бѣлоубой

Царь сейчас посылаетъ: «Кѣмъ онъ пойманъ?» Докладаютъ ему, что пойманъ такимъ-то дуракомъ. Тутъ сейчасъ царь приказываетъ: «Приведите мнѣ дурака!» Привели; царь спрашиваетъ: «Какъ же это, дуракъ, какъ бы его сюда привезть?» Онъ ему говоритъ: «А вотъ какъ надобно править: надобно двѣнадцать лошадей да шестьдесятъ человѣкъ народу да чугунныя дроги,—тогда можно положить Никанора-богатыря на дроги и привезть сюда». Привезли богатыря къ царю. «Какъ же, дуракъ,—спрашиваетъ царь: куды же его посадить и чѣмъ закрѣпить, чтобъ не ушелъ?» Дуракъ говоритъ: «На двадцать аршинъ вели земли выкопать, той землей завали чугунныя стѣны да накати накатники: крѣпко будетъ!» Завалили чугунныя стѣны, накатали накатники, посадили туда Никанора-богатыря и поставили надъ нимъ полкъ солдатъ караульныхъ. Дуракъ зацѣпилъ крюкомъ, перервалъ лыки и развязалъ богатыря. Царь дурака наградилъ, домой отпустилъ.

Разъ какъ-то гуляли царскія дѣти по саду и пущали золотыя стрѣлы, и попала стрѣла меньшаго брата Ивана-царевича въ окошечко Никанора-богатыря. «Ахъ, Никаноръ-богатырь! отдай мою стрѣлку».—«Помоги мнѣ,—говоритъ Никаноръ-богатырь,—прикажи хоть одну накатинку скатить,—такъ отдамъ твою стрѣлку; пожалуй, еще три своихъ подарю!» Иванъ-царевичъ понатужился и самъ снялъ одну накатину; Никаноръ-богатырь отдалъ ему золотую стрѣлку и говоритъ: «Ну, Иванъ-царевичъ! будешь ты лакеемъ, пастухомъ и поваромъ и опять будешь Иваномъ-царевичемъ». Сейчас разломалъ Никаноръ-богатырь свою темницу, вылѣзъ оттуда и весь полкъ побилъ. Царь пришелъ, увидаль и ужаснулся: «Кѣмъ богатырь выпущенъ?» Тутъ валялись избитые, израненные: у того солдата рука оторвана, у того нога изломана; говорятъ они царю: «Такъ и такъ, Иванъ-царевичъ выпустилъ». Осердился царь, послалъ собирать съ разныхъ земель королей и принцевъ. Собрались короли и принцы; угостилъ ихъ царь и сталъ съ ними думать-гадать: «Что мнѣ, говорить, съ сыномъ съ Иваномъ-царевичемъ дѣлать? Вѣдь царскихъ

щенокъ!—говоритъ Вихорь.—Еще вздумалъ со мною считаться!» Слѣзъ съ коня, вытащилъ острой ножъ и вырѣзалъ у него ремень изъ спины. На утро спрашиваетъ отецъ: «Что, сынокъ, не видалъ ли вора?»—«Нѣтъ, не видалъ!» Развѣ воръ—дуракъ, чтò тогда пойдетъ, когда стерегутъ! На другую ночь пошелъ средній братъ; у него Вихорь два ремня вырѣзалъ. На третью ночь досталось младшему караулить; онъ поймалъ вора, скрутилъ его веревками и привязалъ къ дубу...

Вариантъ 3-й: Въмѣсто чудища и Вихря сказка выводитъ Кощея, съдого старичка, который самъ съ нготь, борода съ локоть; понравилось ему гонять свой табунъ лошадей на крестьянское поле да пшеницу травить; почти всю стугбилъ. Два старшихъ брата караулили вора, да ничего не узнали; пошелъ меньшей, вырылъ яму и залѣзъ туда на ночь: «Воръ хитеръ,—думаетъ:—сонъ напущаетъ! Ну, да въ ямѣ не увидитъ и сна не напущитъ!» Цѣлую ночь доброй молодецъ не спалъ, укараулил таки Кощея, поймалъ его за бороду да къ царю отвѣзъ.

дѣтей ни казнятъ, ни вѣшаютъ». Присовѣтовали ему: дать царевичу одного слугу и пускай идетъ, куда самъ знаетъ.

Пошелъ Иванъ-царевичъ отъ своего отца: шелъ ни много ни мало, и захотѣлось ему пить. Приходить къ колодезю, глянулъ—далече вода, не достанешь, напиться нечѣмъ. Говорить онъ слугѣ своему: «Ахъ, Ванька, какъ же быть?»—«Ну, Иванъ-царевичъ!—говоритъ Ванька,—держи меня за ноги, я напысю, а тамъ и тебя напою; а то не достанешь—далече вода». Сейчасъ это Ванька началъ пить, напился, а тамъ сталъ царевича держать. Иванъ-царевичъ напился:—«Ну, Ванька, вытаскивай меня!» Онъ ему отвѣчаетъ: «Нѣтъ же! будь ты Ванька, а я буду Иванъ-царевичъ».—«Что ты, дуракъ, пустое болтаешь!»—«Самъ болтаешь! Коли не хочешь, утоплю у (въ) колодезѣ!»—«Нѣтъ же! лучше не топи; будь ты Иванъ-царевичъ, а я буду Ванька». На томъ и поладили; приходятъ въ большой градъ столичной, прямо въ палаты царскія: названной царевичъ идетъ впереди, кресты кладетъ не по-писанному, поклоны ведетъ не по-ученому, а настоящій царевичъ позади выступаетъ, кресты кладетъ по-писанному, поклоны ведетъ по-ученому. Царь принимаетъ ихъ съ охотою: «Живите у меня», говоритъ. Сейчасъ Ванька-названникъ ¹⁾ началъ наговаривать: «Ахъ, какой лакей у меня! какъ хорошо скотину стережетъ! Если лошадей погонить, то у всякой лошади сдѣлаются хвостъ золотой, грива—золотая, по бокамъ—часты звѣзды; а коровъ погонить, у всякой коровы сдѣлаются рога золотые, хвостъ—золотой, по бокамъ—часты звѣзды». Далъ ему царь лошадей стеречь. Погналъ Иванъ-царевичъ табунъ въ чистое поле; всѣ лошади отъ него разбѣжались. Онъ сѣлъ и заплакалъ горько: «Эхъ, Никаноръ-богатырь, что ты сдѣлалъ надо мной! Какъ мнѣ теперь быть?» Откуда нѣ взялся—является передъ нимъ Никаноръ-богатырь: «Что, говоритъ, тебѣ надобно, Иванъ-царевичъ?» Тотъ рассказалъ ему про свое горе. «Ничего! поѣдемъ-ка съ тобой, соберемъ всѣхъ лошадей да погонимъ къ моей меньшей сестрѣ. Меньшая сестра все подѣлаетъ, что тебѣ царь приказалъ». Пригнали табунъ къ меньшей сестрѣ; она и впрямь все подѣлала, накормила-напоила гостей и домой проводила. Гонитъ Иванъ-царевичъ лошадей къ царскому дворцу: у всякой лошади грива золотая, хвостъ—золотой, по бокамъ—звѣзды. Названникъ-Ванька подъ окномъ сидитъ: «Ахъ, каналья! сдѣлалъ-таки, сдѣлалъ! хитѣрь, говоритъ, мудѣрь!» Ну, теперича приказываетъ ему царь коровъ гнать: «Чтобъ было то же сдѣлано, а если не сдѣлаешь,—я тебя на воротахъ разстрѣляю!» Иванъ-царевичъ горько заплакалъ и погналъ коровъ; цѣлой день стерѣгъ: «Ахъ другъ Никаноръ! явись передо мной». Никаноръ-богатырь является; погнали къ его средней сестрѣ: она всѣмъ коровамъ подѣлала рожки золотые, хвосты—золотые, по бокамъ—звѣзды; накормила гостей, напоила и домой проводила. Гонитъ Иванъ-царевичъ коровъ, а Ванька-названникъ подъ окномъ

¹⁾ Самозванецъ.

сидить: «Ахъ, говорить, хотѣлъ погубить, да нѣтъ: и это сдѣлалъ!» Царь увидалъ: «Вотъ такъ пастухъ! вишь какихъ лошадей да коровъ поставилъ—любо-дорого посмотрѣть!» Говорить ему Ванька: «Онъ мнѣ и кушанье хорошо готовить!» Царь сейчасъ отправилъ его въ поварскую; пошелъ Иванъ-царевичъ къ поварамъ подь начало, а самъ горько плачетъ: «Господи! я ничего не умѣю; это все на меня напраслину наговариваютъ».

Вотъ задумалъ царь отдать свою дочерю за названника; а тутъ и пишетъ къ нему трехглавой змѣй: «Если ты не отдашь своей дочери за меня, то я всю твою силу порублю и тебе(я) самого въ полонъ возьму»¹⁾. Говорить царь своему нареченному зятю: «Что же мнѣ дѣлать?» Ванька отвѣчаетъ: «Батенька! выставимъ силу; можетъ-быть, и наша возьметъ!» Выставили силу, стали воевать. А Иванъ-царевичъ просится у поваровъ: «Пустите меня, дядиньки, посмотрѣть страженіе; я сроду не видалъ». Тѣ говорятъ: «Ступай, посмотри!» Сейчасъ приходитъ онъ на чистое поле и говорить: «Другъ Никаноръ! явись передо мной». Никаноръ-богатырь передъ нимъ является: «Что вгодно тебѣ, Иванъ-царевичъ, то и буду дѣлать». Онъ спрашиваетъ: «Какъ же намъ разогнать все это страженіе, побить непріятелей? Сослужи-ка мнѣ эту службу». — «Это службишка, а не служба!» Поѣхалъ Никаноръ-богатырь и разогналъ силу непріятельскую, всѣхъ побилъ, порубалъ. «Ну, теперь надо свадьбу играть!» говорить царь. Вдругъ пишетъ шестиглавой змѣй: «Если ты не отдашь своей дочери за меня, то всю силу твою порублю и тебе(я) самого въ полонъ возьму!»—«Ахъ, какъ же намъ быть?» спрашиваетъ царь. Говорить Ванька: «Нечего дѣлать—надо силу выставлять; можетъ-быть, намъ Богъ помогнетъ!» Выставили противъ силы змѣиной свою армію. Сталъ Иванъ-царевичъ проситься у поваровъ: «Дядиньки! отпустите меня посмотрѣть».—«Ступай, да скорѣй назадъ приходи». Онъ пошелъ на чистое поле: «Ахъ, другъ Никаноръ! явись передо мной». Никаноръ-богатырь является: «Что тебѣ вгодно, все для тебя буду дѣлать».—«Какъ бы намъ порубить эту силу?» Отвѣчаетъ Никаноръ-богатырь: Поѣду и потружусь для тебя!» Пустился на рать-силу змѣиную и побилъ ее всю дѣчиста. «Ну,—говорить царь,—теперь намъ можно и свадьбу играть: никакой помѣхи не будетъ!» Взялись за свадьбу, а тутъ двѣнадцатиглавой змѣй пишетъ: «Если не отдашь за меня своей дочери, то всю твою силу побью, тебя самого въ полонъ возьму, а царство твое головнѣй выжгу!» Надобно опять выставлять армію. «Если станетъ змѣй побивать,—думаетъ царь,—въ ту жъ минуту отдамъ ему дочь добромъ, чтобъ только царства не тронулъ». Иванъ-царевичъ просится у поваровъ: «Дядиньки! отпустите меня посмотрѣть».—«Ступай, да скорѣй назадъ приходи!» Вотъ прихо-

¹⁾ По другому варианту: у царя пиръ горой; гости взполсыта наѣдалися, взполнына напивалися. Вдругъ съ шумомъ влетаетъ въ окно каленая стрѣла и упадаетъ къ ногамъ царя, а къ той стрѣлѣ привязано грозное письмо отъ змѣя трехглаваго.

дѣть онъ на чистое поле, свистнуть-гаркнуть своимъ громкимъ голосомъ: «Другъ Никаноръ! явился передо мной». Никаноръ-богатырь является: «Ну, братъ Иванъ-царевичъ! вотъ когда служба-то намъ пришла! Садись и ты на коня и поѣдемъ: я впереди—на двѣнадцатиглаваго змѣя, а ты позади—на вѣхъ его богатырей». А у того змѣя было двѣнадцать подручныхъ богатырей. Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня и вслѣдъ за Никаноромъ-богатыремъ поѣхалъ на непріятеля: стали биться, рубиться, изводить силу змѣиную. На томъ бою ранили Ивана-царевича въ руку; онъ повернулъ коня и прямо наѣхалъ на царскую карету. Царевна сняла съ себя шаль, разорвала пополамъ и половинкой завязала ему руку. Иванъ-царевичъ опять ударилъ на змѣя и побилъ все его войско; послѣ прѣѣхалъ въ свое мѣсто, лёгъ спать и заснулъ крѣпкимъ богатырскимъ сномъ. Во дворцѣ свадьба готовится: хватились его повара: «Куда, говорятъ, дѣлся нашъ молодой поварь?» Побѣждали искать, и нашли соннаго; стали будить—никакъ не разбудятъ, стали толкать—никакъ не растолкаютъ. Одинъ поваръ взялъ колотушку: «Сейчасъ пришибу его,—пускай пропадаетъ!» Ударилъ его разъ, другой; Иванъ-царевичъ проснулся: «Ахъ, братцы, я проспалъ!» И просить: «Дядиньки! не сказывайте, что я такъ долго спалъ». Тѣ говорятъ: «Пойдемъ, дуракъ, скорѣе, чтобы насъ за тебя не ругали!» Привели его въ поварскую и заставили кострюли чистить. Иванъ царевичъ засучилъ рукава и принялся за работу. Увидала царевна у него половинку своей шали: «Покажи-ка, Ванька! гдѣ ты этотъ платокъ взялъ?» Тутъ онъ и признался: «Не тотъ, говорить, названникъ—царевичъ, а я!» и рассказалъ ей все, какъ было. Сейчасъ взяла царевна его за руку, повела къ отцу: «Вотъ мой нареченной женихъ, а не тотъ лакей!» Царь сталъ у него спрашивать: «Какъ у васъ дѣло было?»—«Такъ и такъ», говорить. Царь перевѣнчалъ свою дочь за Ивана-царевича, а названника расказнилъ. И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, во рту не было; подали бѣлужины—остался не ужинавши.

(Записана въ Воронежск. губ.—Изъ собранія, доставленнаго Н. И. Второвымъ.)

68. Иванъ-царевичъ и Марфа-царевна.

У одного царя много лѣтъ содержался мужичокъ, руки желѣзны, голова чи(у)гунна, самъ мѣдной, хитрецъ былъ, важной человекъ! Сынъ царю ¹⁾ Иванъ-царевичъ былъ малинкой, ходилъ мимо тюрьмы. Этотъ старикъ поткликалъ его къ себѣ и взмолился ему: «Дай, пожалуста, Иванъ-царевичъ, напиться!» Иванъ-царевичъ еще ничего не зналъ—былъ малинкой, почерпнулъ воды и подаль ему: старика съ этого въ тюрьмѣ не стало—ушолъ. Дошла эта вѣ(ѣ)сть и до царя. Царь приказалъ Ивана-царевича за это дѣло выгнать изъ царства. Царско слово—законъ: Ивана-царевича выгнали изъ царства; пошолъ онъ, куда глаза глядятъ.

¹⁾ Въмѣсто: царской.

Шоль долго; наконецъ приходитъ въ друго царство прямо къ царю, просится въ службу. Царь ево принялъ, приказаль сдѣлать конюхомъ. Онъ только спитъ на конюшнѣ, а за конями не ходитъ; конюшенной староста не однажды билъ ево. Иванъ-царевичъ все терпѣлъ. Какой-то царь сваталь царевну у этого царя и не высваталь; за то объявилъ войну. Этотъ царь ушоль съ войсками, а царствомъ осталась править дочь ево Марфа-царевна. Она и прежде замѣчала Ивана-царевича, что онъ не простова роду; за то и послала ево въ какое-то мѣсто губернаторомъ. Иванъ-царевичъ уѣхаль, живётъ тамъ, править дѣломъ. Одинъ разъ поѣхаль онъ на охоту; только выѣхаль за жѣло ²⁾—неоткуда взялся мужичокъ-руки желѣзны, голова чигунна, самъ мѣдной: «А, здравствуй, Иванъ-царевичъ!» Иванъ-царевичъ ему поклонился. Старикъ зовётъ его: «Поѣдемъ, говорить, ко мнѣ въ гости». Поѣхали. Старичокъ ввѣлъ ево въ богатой домъ, крикнулъ малой дочеръ: «Эй, давай-ко намъ пить и йнсь ³⁾, да и полуведѣрную чашу вина!» Закусили; вдрук(гъ) дочь приносить полуведерную чашу вина и подносить Ивану-царевичу. Онъ отказывается, говорить: «Мнѣ не выпить!» Старикъ велитъ браться; взялъ чашу и откуда у него сила взялася: на одинъ духъ такъ и выпилъ это вино! Потомъ старикъ созваль ево разгулят(ь)ся; дошли до камня въ петьсотъ пудовъ. Старикъ говорить: «Поднимай этотъ камень, Иванъ-царевичъ!» Онъ думаетъ себѣ: «Гдѣ мнѣ поднять такой камень! однако попробую». Взялъ и лек(г)ко перекинулъ; самъ опять и думать: «Откуда жо у меня берѣтся сила? небось этотъ старикъ въ винѣ ее мнѣ подаетъ». Походили сколько времени и пошли въ домъ. Приходятъ: старикъ средней дочерѣ крикнулъ ведро вина принести. Иванъ-царевичъ смѣло взялся за чашу вина, выпилъ на одинъ духъ. Опеть пошли разгулят(ь)ся, дошли до камня въ тысячу пудовъ. Старикъ говорить Ивану-царевичу: «Ну-ко, переметни этотъ камень!» Иванъ-царевичъ тотчасъ схватилъ камень и бросилъ, и думаетъ себѣ: «Эка сила хочеть во мнѣ быть!» Воротились опеть въ домъ, и опеть старикъ крикнулъ большой дочери принести полтора ведра чару зелена вина. Иванъ-царевичъ и это выпилъ на одинъ духъ. Пошли со старикомъ разгулят(ь)ся. Иванъ-царевичъ легонько метнулъ камень въ полторы тысячи пудовъ. Тогда старикъ далъ ему скатѣртку-самовѣртку и говорить: «Ну, Иванъ-царевичъ! въ тебѣ теперь много силы: лошадѣ(и) не поднять! крыльцо дома вели передѣлать, тебе оно не станѣтъ поднимать; стулья надо други жо ⁴⁾; подъ полы можно наставить чашше ⁵⁾ подстоекъ ⁶⁾. Ступай съ Богомъ!» Всѣ люди засмѣялись, какъ увидѣли, что губернаторъ съ охоты идѣтъ пѣшкомъ, а лошадь ведѣтъ въ поводу. Онъ пришоль домой; подъ пола(ы) велѣлъ наставить стоекъ, стулья всѣ передѣлали, стряпокъ ⁷⁾, горничныхъ прогналь, одинъ себѣ живётъ какъ пустынный. И всѣ дивятся, какъ

²⁾ За деревню или городъ, т. - е. въ поле. ³⁾ Ёсть. ⁴⁾ Другія же. ⁵⁾ Чаще. ⁶⁾ Подставокъ. ⁷⁾ Стряпка — кухарка, стряпать — готовить кушанье.

живётъ онъ голодомъ: никто ему не стряпать! даромъ что ево питать скатёртка-самовёртка. Въ гости ходить ни къ кому онъ не сталъ, да и какъ ходить? Ничево ево не поднимало въ домахъ.

Царь между тѣмъ съ походу воротился, узналъ, что Иванъ-царевичъ живётъ губернаторомъ, приказалъ ево смѣнить и сдѣлать опять конюхомъ. Нечево дѣлать—Иванъ-царевичъ сталъ жить конюхомъ. Одинъ разъ конюшенной староста сталъ ево куда-то наряжать, да и ударилъ, Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ, какъ схватилъ ево самъ, такъ голову и отшибъ. Дошло дѣло это до царя; привели Ивана-царевича. «Почто ты ушибъ старосту?» спросилъ царь. «Онъ самъ наперѣдъ ударилъ меня; я не шиц(б)ко ¹⁾ и отплатилъ ему, да какъ-то по головѣ: голова и отпала». Другіе конюхи сказали то жо: задѣлъ напередъ староста, а Иванъ-царевичъ ударилъ ево не шицко. Ничево не сдѣлали съ Иваномъ-царевичемъ, только смѣнили изъ конюховъ въ солдаты, онъ и тутъ началъ жить.

Не чрезъ долгое времени приходитъ къ царю мужичокъ-самъ съ нок(г)оть, борода съ локоть, и подаётъ письмо за тремя черными печатями отъ Водянова царя; тутъ написано: ежели царь въ такой-то день и на такой-то островъ не привезётъ дочь свою Марѣу-царевну въ замужъ за сына Водянова царя, то онъ людей всёхъ приберетъ и все царство огнемъ сожгётъ; а за Марѣой-царевной будетъ трёхглавой змій. Царь прочиталъ это письмо, подалъ отъ себя другой отвѣтъ къ Водяному царю, что дочь отдать согласенъ; проводилъ старика и созвалъ сенаторовъ и думныхъ дьяковъ думу думать, какъ отстоять дочь отъ трёхглавоу змія? Ежели не послать ее на островъ, то всему царству отъ Водянова царя будетъ смерть. Кликнули кличь: не выщотся ли такой человекъ, который бы взялся выручать отъ змія Марѣу-царевну? за тово ее царь и въ замужъ отдасть. Нашолся какой-то поддеггайко, взялъ роту солдатъ, повѣзъ Марѣу-царевну: привозить на островъ, оставилъ ее въ хижинѣ, а самъ остался дожидаться змія на улицѣ. Между тѣмъ Иванъ-царевичъ узналъ, что Марѣу-царевну увезли къ Водяному царю, собрался и поѣхалъ на островъ; пришолъ въ хижину, Марѣа-царевна плачетъ. «Не плачь, царевна!—сказалъ онъ ей,—Богъ милостивъ!» Самъ лёк(г)ъ на лавку, голову положилъ на колѣна Марѣѣ-царевнѣ и уснулъ. Вдрук(г)ъ змій и началъ выходить, воды за нимъ хлынуло на три аршина. Баринъ съ солдатами стоялъ тутъ; какъ начала вода прибывать, онъ и скомандовалъ имъ: маршъ на лѣсъ! Солдаты всё сбились на лѣсъ. Змій вышолъ и идётъ прямо въ хижину. Марѣа-царевна увидѣла, что змій идётъ за ней, начала Ивана-царевича будить; тотъ соскочилъ, на одинъ разъ отсѣкъ всё три головы у змія, а самъ ушолъ. Баринъ повѣзъ Марѣу-царевну домой къ отцу.

Не чрезъ много времени старикъ-самъ съ нокоть, борода съ локоть выходитъ опять изъ воды и несётъ отъ Водянова царя письмо за шести-

¹⁾ Крѣпко.

(тью) черными печатями, чтобы царь привёз дочь на тотъ же островъ шестиглавному змию; а ежели онъ не отдастъ Марѣу-царевну, то Водяной царь грозился все царство потопить. Царь отписалъ опять, что согласенъ отдать Марѣу-царевну. Малинькой старичонко ушолъ. Царь началъ кликать кличь; послали вездѣ бумаги: не найдется ли такой человекъ, который бы избавилъ Марѣу-царевну отъ змія? Тотъ же баринъ опять явился, говорить: «Я, ваше царское величество, избавлю; только дайте роту солдатъ». — «Да больше не надо ли? Теперь змій о шести главахъ». — «Будеть! мнѣ и этово много». Собрались всѣ, повезли Марѣу-царевну; а Иванъ-царевичъ узналъ, что Марѣа-царевна опять въ напасти,—за добродѣтель ее, что ево сдѣлала губернаторомъ, пошолъ туда ли, поѣхалъ ли; такъ же засталъ Марѣу-царевну въ хижинѣ, входитъ къ ней. Она ужъ ждѣтъ ево; только увидѣла—обрадовалась. Онъ лёкъ и уснулъ. Вдругъ шестиглавый змій и началъ выходить; воды хлынуло на шесть аршинъ. Баринъ съ солдатами ишшо сперва ¹⁾ сидѣлъ на лѣсу. Змій вошолъ въ хижину, Марѣа-царевна разбудила Ивана-царевича; вотъ они схватились, бились-бились; Иванъ-царевичъ отсѣкъ змию голову, другу, третью и всѣ шесть и сбросалъ ихъ въ воду, а самъ будто ни въ чомъ не бывалъ — пошолъ. Баринъ съ солдатами слѣзъ съ лѣсу, поѣхалъ домой, доносить царю, что Богъ помог(г)ъ отстоять Марѣу-царевну; и ее, видно, настрашшалъ чѣмъ-то этотъ баринъ: она не смѣла сказать, что не онъ отстаивалъ ее. Баринъ сталъ приступать, чтобы сдѣлала свадьбу. Марѣа-царевна велитъ подождать: «Даите, говорить, мнѣ поправиться со страху; я и то вонъ какъ напугалась!»

Вдругъ опять тотъ же старикъ-самъ съ нокоть, борода съ локоть выходитъ изъ воды и несётъ письмо съ девяти(тью) черными печатями, чтобы царь немедленно послалъ Марѣу-царевну на такой-то островъ и въ такой-то день къ девятиглавному змию, а ежели не пошлетъ, то все ево царство будѣтъ потоплено. Царь опять отписалъ, что согласенъ; самъ началъ искать такова человекъ, какой бы избавилъ царевну отъ девятиглавова змія. Тотъ же баринъ опять выискался и поѣхалъ съ ротой солдатъ и съ Марѣой-царевной. Иванъ-царевичъ услышалъ это, собрался и отправился туда же, а Марѣа-царевна тамъ ждѣтъ ужъ ево. Онъ пришолъ: она обрадовалась, стала ево спрашивать, какова онъ роду, кто такой, какъ зовутъ? Онъ ничего не сказалъ, лёкъ и уснулъ. Вотъ девятиглавой змій и началъ выходить, воды поднялъ на себѣ на девять аршинъ. Баринъ опять скомандовалъ солдатамъ: маршъ на лѣсъ! — залѣзли. Марѣа-царевна будитъ Ивана-царевича, не можотъ разбудить; змій ужъ бли(з)ко у порогу! Она слѣзно заплакала; Ивана-царевича разбудить все не можотъ. Змій ужъ подползатъ, только схватить Ивана-царевича — онъ все спитъ. У Марѣы-царевны былъ ножичокъ перочинной; она имъ и рѣзнула по *шиокъ* ²⁾ Ивана-царевича. Онъ проснулся, соскочилъ, схватился со змиемъ бит(ь)ся, барахтат(ь)ся. Вотъ змій началъ идолять ³⁾ Ивана-царевича. Неоткуда

1) Прежде. 2) По щекъ. 3) Одолѣвать.

взялся мужичокъ-руки желѣзны, голова чигунна, самъ мѣдной, схватилъ змѣя; отсикли двоймя ему всѣ головы, сбросали въ воду и ушли. Баринъ пушше ¹⁾ того обрадовался; соскакали съ лѣсу, отправились въ свое царство, и онъ неотступно сталъ просить царя сдѣлать свадьбу. Марфа-царевна отказывалась: «Подождите немного, да дайте мнѣ оправиться; я и то вонь какъ испугалась!»

Старичокъ-самъ съ нокотокъ, борода съ локотокъ опять принёсъ письмо. Водяной царь требуетъ виноватова. Барину и не хотѣлось было ѣхать къ Водяному царю, да нечево дѣлать — послали. Снарядили корабль и отправились (а Иванъ-царевичъ тутъ на флотѣ служилъ, какъ-то попалъ тутъ жо на корабль); плывутъ. Вдрукъ на встрѣчу(у) имъ корабль — какъ птица летитъ, только и кричатъ: «Виноватова! виноватова!» и пробѣжалъ мимо. Немного отплыли, другой корабль на встрѣчу, и опять кричатъ: «Виноватова! виноватова!» Иванъ-царевичъ указалъ на барина; ужъ они ево били-били — до полусмерти! Проѣхали. Вотъ прѣзжаютъ они къ Водяному царю. Водяной царь приказалъ натопить дѣкрасна чигунну ли, желѣзну ли баню и виноватова посадить туда. Баринъ перепугался, душа въ пятки ушла, смертонька приходитъ! А у Ивана-царевича остался съ тѣхъ кораблей ²⁾ какой-то человекъ, увидяль, что Иванъ-царевичъ не простова роду, и сталъ у него служить. Иванъ-царевичъ и послалъ ево: «Ступай, просиди въ банѣ». Тотъ сейчасъ сбѣгалъ; ему — дьяволь-то и есть — ничево тамъ не дѣлается, прибѣжалъ обратно невредимъ. Виноватова опять потребовали, теперь ужъ къ самому Водяному царю; барина увели. Ужъ ево ругалъ-ругалъ, билъ-билъ Водяной царь и велѣлъ прогнать. Поѣхали обратно.

Баринъ дома пушше ишшо сталъ гордиться и не отходитъ отъ царя, приступать, чтобы сдѣлалъ свадьбу. Царь просваталъ; назначили день, когда быть свадьбѣ. Баринъ — гдѣ поднялся! рукой не достанешь! никто близко не подходит! А царевна говоритъ отцу: «Батюшко! вели собрать всѣхъ солдатъ; я хочу смотрѣть ихъ». Тотчасъ солдатъ собрали. Марфа-царевна и пошла, всѣхъ обошла, и доходитъ до Ивана-царевича, взглянула на шпоку и видитъ рубецъ, какъ она ножичкомъ ево рѣзнула; берётъ она Ивана-царевича за руку и ведётъ къ отцу: «Вотъ, батюшко, кто меня избавилъ отъ змѣевъ; я не знала — кто онъ, а теперь узнала по рубцу на шпокѣ. Баринъ-отъ сидѣлъ съ солдатами на лѣсу!» Тутъ жо солдатъ тѣхъ спросили: сидѣли ли они на лѣсу? Они сказали: «Правда, ваше царско величество! Баринъ былъ еле живъ, негодѣнъ!» Того разу ево разжаловали и послали въ ссылку; а Иванъ-царевичъ обвѣнчался на Марфу-царевну, сталъ жить да быть и хлѣбъ жовать.

(Записана въ Пермской губ., Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

¹⁾ Пуще — больше, сильнѣй. ²⁾ Чтò повстрѣчались, — съ кораблей Водяного царя.

A. Rowland

69. Масенжны дзядокъ.

Быу сабе гаспадаръ, имѣу трехъ сыноу: двухъ розумныхъ, а треци дурень. Да таго гаспадара унадзилося ¹⁾ нѣшто у пшаницу и што дзень — по моргу ²⁾ зъѣдало. Паслау той гаспадаръ на першую ночь старшаго сына вартаваць ³⁾; ёнъ пашоу, сидзѣу-сидзѣу, а падъ самы дзень заснуу, и рано, якъ устау, то пшаницу знашоу нецѣлую. На другую ночь пашоу середни, и ёнъ такъ само заснуу падъ дзень — и нѣшто зъѣло пшаницу. На третью ночь пашоу дурень; ёнъ, якъ тольки пришоу, такъ з' вечера и лёгъ спаць, а падъ дзень устау и сядзиць; ажъ прилетая пташка. Ёнъ падкрауся и злавіу тую пташку и усадзиу у мѣхъ, и самъ лёгъ спаць. На други дзень приходзяць брате старшіе глядзѣць пшаницы — ажъ пшаница цѣлая, а дурень спиць. Яны пабудзили дурня и стали пытаць: «Чаму сегодняя цѣлая пшаница?» Ёнъ расказау братомъ усе, якъ было, и паказау пташку, каторая сядзѣла у мѣху. Яны адабрали адъ дурня тую пташку и панясли бацьку на паказъ. Пришоуши да бацька, яны сказали, што дурень спиць и што яны злавіли пташку, каторая сядзѣла на пшаницы и ѣла. Бацько, разглядѣуши тую пташку, панёсь еѣ да круля. Круль узяу пташку, заплациу за еѣ мужику и казау замкнуць да склепу ⁴⁾, а ключъ аддау жонцы. Сядзѣла тая пташка, сядзѣла у склепѣ, ажъ падбѣгъ падъ дзвери маленьки кралевичъ. Дакъ тая пташка зачиная прасиць у кралевича чалавѣчаскимъ голасамъ, кабъ ёнъ еѣ выпусциу. «Якъ же я магу выпусциць, калі ключъ адъ склепу у маеі матки на шіі?» сказау кралевичъ. «Вазьми падлашися ⁵⁾ да матки, адкрадзи ключъ и мене выпусци», сказала пташка. Той кралевичъ такъ и зрабіу: пришоу да матки, зачау пѣсницца ⁶⁾, адкрау ключъ и выпусциу тую пташку; а тая пташка — то быу масенжны дзядокъ ⁷⁾, и ёнъ, выходзячи съ склепу, сказау кралевичу: «Якъ чаго табѣ будзе треба, то тольки выйдзи на дворъ и скажи: масенжны дзѣдку, памажы мнѣ! — то я заразъ пристаулюся и, чаго тольки будзе треба, то усе зраблю». На други дзень круль паспрашау гасцей, кабъ паглядзѣли такой дзиунай пташки. Пазѣжджались госци глядзѣць пташки и па абѣдзѣ пашли да склепу; приходзяць туда, адамкнули склепъ, ажъ пташки нима! Кароль заразъ да жонки, бо у еѣ были ключи. Жонка бажилася, присягалася, што не выпуцала пташки, але ей не вѣрили и присудзили еѣ страциць ⁸⁾. Плакала яна, плакала, а послѣ припамінае, што коло еѣ пѣсциуся сынъ и пеуно ёнъ адкрау ключи; яна гето сказала мужу и усѣмъ гасцямъ. Госци адны казалі, кабъ сына павѣсиць, другіе казалі — кабъ

1) Повадилосьь. 2) Моргъ — мѣра земли, меньше нашей десятины. 3) Wartować — караулить, стеречь. 4) Погребъ, тюрьма. 5) Подольстись. 6) Ласкаться; pięścić — нѣжить, баловать, пѣствовать. 7) Дзѣдка (дзядокъ), по бѣлорусскимъ повѣр'ямъ, есть хранитель кладовъ и представляется съ огненными глазами и огненною бородою (Прибавл. къ журналу Министер. Народн. Просвѣщ. 1846, 10 — 12 (Эпитетъ: масенжны — mosiężny (желтомѣдный), вѣроятно, указываетъ на храненіе этимъ дзѣдкоу мѣдныхъ кладовъ. 8) Казнить.

утапиць, а адзінъ изъ гасцей каже, што пашиць ямў свины кажушокъ и пусциць у свѣтъ. Усѣ на гето згадзился ¹⁾). Матка вельми плакала, а послѣ бачучи, што плачь не паможе, казала прinyaси той свины кажушокъ и панашивала у яго грошей принаймнѣй тысячь сто бумажками и золотомъ и выправила ягò.

Ень узяу кієкъ ²⁾ дый пашоу. Идзе ёнь и плаче: што ямў начаць? Ажъ приходзиць яму на мысль масенжны дзядокъ; ёнь вшаоу на гору и сказау: «Масежны дзѣдку! памажи мнѣ». Дакъ заразь той дзядокъ пришоу до ягò и запытауся: чаго ямў треба? Ень разказау усѣ, якъ было, и прасиу, кабъ ямў памогъ. Дзядокъ падумауши сказау: «Идзи ты за моро ³⁾ да караля и праси ягò, кабъ прыняу тебе за кухчика ⁴⁾; якъ ёнь тебе приме, то заразь будзе вайна, и ты папрасися у кухара, кабъ табѣ пазволиу пайци ⁵⁾ паглядзѣць той вайны, и якъ ёнь табѣ пазволиць, то выйдзи за вара и пакличь мене». Той кралевичъ паслухау дзѣдка и пашоу; приходзиць ёнь за моро — ажъ стаиць палаць ⁶⁾ и на дварѣ пахаджая круль. Кралевичъ у свинымъ кажушку падышоу да караля и стау прасицца, кабъ прыняу ягò да себе за кухчика. Кароль згадзиуся и казау исци да кухни. Служиу ёнь у караля годъ, други, ажъ на трецёмъ гаду зрабилася вайна. Круль пазбирау войско, самъ вабрауся и паѣхау на вайну. Кухчикъ, давѣдаушися, што кароль паѣхау, зачау прасицца у кухара, какъ ямў пазволиу паглядзѣць вайны; кухаръ не хацьбу пазволиць, але кралевичъ дау кухару пяць рублёу, а ёнь ямў пазволиу. Кралевичъ вышау за браму ⁷⁾ и зачау кликаць масенжнаго дзѣдка. Дзядокъ заразь пристиавиуся, дау яму каня, вабрау у ахвицерскае адзенё, дау мечъ, дау серебряное яблыкò и сказау: «Ты на вайнѣ гетымъ мечомъ пабѣешь усе непрыяцельскае войско; круль тебе будзе прасиць да свайго палацу; але ты не йдзи; а гетое яблыкò, якъ вернешься да палацу, то будзешь качаць, и будзе у тебе прасиць кралеуна гетаго яблычка, то ты тагды аддай ёй, кали яна пазволиць переначаваць табѣ у кралеуны пакои у парозѣ». Кралевичъ такъ и зрабиу: паѣхау на вайну, пабиу усе войско; кароль прасиу, кабъ ёнь заѣхау да палацу, але ёнь не згадзиуся. Послѣ, пріѣхауши да дому, переадзѣўся у свой свины кажушокъ, пришоу да кухни; тамъ, памыуши начинё ⁸⁾, зачау качаць сребное яблыкò — ажъ уходзиць кралеуна, и якъ убачила тое яблыкò, такъ и зачала прасиць у ягò, кабъ ёнь прадау. «Я ничего болѣй не хачу, только — кабъ кралеуна пазволила у сваёмъ пакои у парозѣ переначаваць» — «Дòбра!» сказала кралеуна и узяла яблыкò. Якъ пришла ночь, кралевичъ пашоу да кралеуны пакою, переначавау у парозѣ и вернууся да кухни. Перезъ гадоу два изноу зрабилася вайна; кароль такъ само пазбирау войско и паѣхау. Кухчикъ выпрасиуся у кухара на вайну, вшаоу за браму, крикнуу на дзѣдка, и ёнь заразь пристиавиуся; дау кралевичу каня, вабрау у ахвицерскае адзенё, дау залатое яблыкò и

¹⁾ Согласился. ²⁾ Палку. ³⁾ Море. ⁴⁾ Kuchcik — поваренокъ, кухаръ — поваръ. ⁵⁾ Пойдти. ⁶⁾ Дворецъ. ⁷⁾ Польск. brama—ворота. ⁸⁾ Naczynie—посуда.

казау аддаць ягó кралеунѣ тагды, кали яна пазволиць переначаваць коло свайго ложка ¹⁾). Кралевиць такъ само пабиу неприяцельскае войско: круль прасиу ягó да палацу, але ёнъ не згадзиуся и вернууся да дому. Памыуши начинѣ, зачау качаць и забауляцца съ сваймъ яблыкамъ — ажъ изноу вайшла кралеуна и зачала прасиць, кабъ ёнъ прадау яблычко. Ёнъ адказау, што жаднай ²⁾ платы не хоче, тольки хоче — кабъ пазволила ямў переначаваць при сваёмъ ложку. Кралеуна пазволила и узяла яблычко. Кралевиць сабрауся, пашоу у кралеуны пакой, переначавау коло кралеуны ложка и назаутра пашоу да кухни и приняуся да сваёй работы. Празь три гады изноу зрабилася вайна. Круль пазбирау сваё войско и самъ паѣхау на вайну. Кралевиць, выпрасиушися у кухара, пашоу паглядзѣць нибыто вайны. Вышауши за браму, пакликау масенжнаго дзѣдка; ёнъ заразъ пристиавиуся, дау ямў еще лѣпшаго каня и яблычко такое, якъ сонцо, и сказау: «Ты изноу пабьешь усе неприяцельскае войско, цебе раяць у руку, круль будзе прасиць да себе, але ты не ѣдзь; а гетое яблычко аддаси кралеунѣ тагды, кали яна пазволиць переначаваць табѣ на сваёмъ ложку». Кралевиць, сѣуши на каня, палецѣу на вайну; прилецѣуши туды, заразъ зачау рубаць неприяцельскае войско, перерубау усѣхъ, але адзинъ шаблею ударилу кралевица на рудѣ и раниу ягó. Кароль, убачиуши, што ягó ранили, падскочиу заразъ, зняу съ шнi сваю хустку ³⁾, аверцѣу рану и, аддауши свой персѣнакъ на памятку, прасиу, кабъ ёнъ заѣхау да ягó палацу адпачиць; але кралевиць не захацѣу, ударилу каня и схавауся за гору. Круль вельми быу радъ, што три вайны кончилу шчасливе и забрау много другихъ краеу. Кралевиць пусциу каня, перадзѣуся у свой свини кажущокъ и пришоу да кухни. Тамъ разпытывалися у ягó, што бачиу, и ёнъ расказау абъ усёмъ, якъ нѣки панъ пабиу неприяцельское войско, якъ круль аддау свою хустку и свой персѣнакъ на памятку и якъ прасиу да себе, але той панъ не захацѣу. Памыуши сваймъ звычайемъ начинѣ и гаршки, стау сабѣ забауляцца з' яблыкамъ, каторае асвѣцило цѣлую кухню. Якъ ёнъ забауляуся з' яблыкамъ, вайшла кралеуна да кухни и, убачиуши такое яблычко, зачала вельми прасиць, кабъ ёнъ ягó прадау, и яна ямў дасць тольки грошай, кольки ёнъ хоче. Кралевиць у свинимъ кажущку сказау, што ёнъ грошей не хоче, тольки хоче — кабъ краулена пазволила переначаваць на сваёмъ ложку. Краулена згадзилася и сказала паслаць кухцику сваю пасцель. Якъ падышла ночь, кухцикъ пашоу да краулены пакою, разабрауся и лёгъ на её пасцели.

Назаутра коло гадзины ⁴⁾ дванадцатой, у поудзень прачхнууся ⁵⁾ кралевиць и казау прасиць да себе круля. Круль, здивиушися, вабрауся у мундирь, сѣу у карету и пріѣхау. Пріѣхауши падъ палаць, заразъ убачиу стражъ(у) незнаёмую, але яна ягó усюды прапускала,

1) Постель, ложе. 2) Никакой. 3) Платокъ. 4) Часа. 5) Проснулся.

и кароль дашоу да кралевича пакою. Якъ тольки адамкнуу дзвери, кралевичъ падбѣгъ спатыкаць ¹⁾, привитауся съ каралемъ и прасну сядзѣць. Кароль зараць пазнау таго, каторы быу три раза на вайнѣ и усѣ три разы пабиу неприяцельскае войско; также пазнау на кралевича руцѣ сваю хустку и на пальцы персецѣнаць. Круль зачау абнимаць кралевича, што яму памогъ на вайнѣ, и павѣу да сваѣй дачкѣ. А кралеуна дауно ягб палюбила, бо быу вельми хароши, и зараць з' нимъ заручилася ²⁾. На заручинахъ кралевичъ разказау, якъ ягб выгналі з' дому, якъ масенжны дзядокъ имъ апекавауся ³⁾, якъ ёнъ пришоу за моро, якъ дау яму той дзядокъ яблыка. На заручинахъ у три недзѣли было веселѣ ⁴⁾ вельми гучное ⁵⁾, а па весели паѣхали да родзицау кралевича. Бацке ⁶⁾ ихъ не пазнали, бо мѣли свайго сына за прапаушаго; вельми были рады, што сынъ знашоуся, а асаблыве маці, каторая зачала разпытывацца: якимъ спосабамъ ёнъ зайшоу такъ далеко? Кралевичъ зараць абъ масенжномъ дзѣдкѣ, якъ ёнъ ягб завѣу яжъ за моро, якъ ёнъ служиу за кухцика, якъ быу на вайнѣ; разказау абъ яблыкахъ, а послѣ — якъ адкрыуся крулю и якъ заручиуся и ажаниуся съ кралеунаю. Жили яны счастлывы доуго; а послѣ бацке кралеуны и кралевича паумирали и пазаписывали сван кралеуства имъ. А масенжны дзядокъ быу у ихъ ажъ да смерци и много имъ памагау у усѣмъ, а асаблыве у вайнѣ. Часто яны рабили балы, на которыхъ и я быу, мѣдъ-вино пиу; па барадзѣ цекло, а у роцѣ не было.

(Записана старш. учител. новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ.)

Примѣчаніе. См. варианты у Худяк., II, № 44; III, № 115; въ Трудахъ Курск. стат. комитета, I, стр. 533—6; въ Поденѣжникѣ 1858 г., II, стр. 8—21; въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ» (М., 1819 г.) сказку о Булатѣ-молодцѣ (есть и лубочное изданіе; литературную ея передѣлку см. у Даля, IV, стр. 177—193) и сѣрое изданіе: «Жарь-птица и сильный могучій богатырь Иванъ-царевичъ, побѣдитель Змѣя Горыныча и братьевъ его» (Москва, въ типогр. Евреинова, 1839); Глинск., I, 183—193. Содержаніе сказки таково: съ большими усиліями удаётся одному царю поймать и заключить въ темницу таинственнаго врага. Врагъ этотъ — лицо миѣническое: чудище, похищающее золотыя и серебряныя яблоки изъ царскаго сада, или Вихоръ Вихревичъ, конь котораго пожираетъ самоцвѣтные каменя; иногда это мужичокъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, духъ-хранитель кладовъ или лѣшій. Молодой царевичъ, по добротѣ своего сердца, освобождаетъ заключенника, за что отецъ прогоняетъ его вмѣстѣ съ дядькою вонъ изъ своего государства. На пути захотѣлось царевичу напиться; дядька отказывается лѣзть въ колодець за водою: «Я, говоритъ, тяжель;

1) Встрѣчать. 2) Обручилась. 3) О немъ заботился. 4) Свадьба. 5) Пышное. 6) Родители.

тебѣ не поднять меня изъ колодца! лучше я тебя спущу». Спустилъ его на поясахъ въ глубокой колодець и сталъ грозить смертію, если онъ не согласится помѣняться съ нимъ званіемъ. И вотъ царевичъ назвался слугою, а дядька — царевичемъ. Пріѣзжаютъ они въ иное государство и останавливаются на житѣ у тамошняго царя. Коварный дядька тѣснить царевича, заставляетъ его быть и конюхомъ и поваромъ. Но у царевича есть вѣщій помощникъ, котораго онъ нѣкогда выпустилъ изъ темницы; съ его помощью онъ совершаетъ славные подвиги, освобождаетъ страну отъ сильнаго непріятеля, а царевну отъ чудовищныхъ жениховъ (змѣевъ). Обманъ обнаруживается, дядьку постигаетъ наказаніе, и царевичъ женится на прекрасной царевнѣ. Сличу у Гана греческую сказку, I, № 37. Этотъ сказочный сюжетъ передается иногда такъ, что въ роляхъ царевича и дядьки выступаютъ красная дѣвица и ея злая служанка; соотвѣтственно такой замѣнѣ видоизмѣняются и дальнѣйшія подробности разказа; см. *Kinder-und Hausmärchen*, II, № 89: «Die Gänsemagd» *Zeitschrift für Deutsche Mythol.*, I, стр. 379; сборникъ Худякова, III, № 105. Вотъ содержаніе русской сказки. Были братъ да сестра-малютка; братъ уѣхалъ на службу, и вотъ когда выросла его сестра, сталъ звать ее къ себѣ въ гости. Собралась она и пошла съ служанкою, а за ними увязалась собачка. Шли-шли, на пути рѣчка; говоритъ служанка красной дѣвицѣ: «Умойтесь, сударыня! набѣлитесь, сударыня! стыдно такъ къ братцу показаться». А собачка: «Тявь-тявь! панья! не умывайся, панья! въ этой рѣчкѣ крови стекались, печени спекались». Служанка разсердилась и отрубила у собачки ногу; та на трехъ ногахъ скачетъ за ними. У другой рѣчки злая дѣвка отрубила у ней еще ногу, потомъ и третью и четвертую; собачка катится кубарѣмъ и все свое повторяетъ. Служанка отрубила ей голову; у слѣдующей рѣчки красная дѣвица согласилась умыться, и только нагнулась къ водѣ, какъ хитрая служанка спихнула ее въ быстрину. Панья стала тонуть. «Слушай,—говорить ей дѣвка,—я тебя вытащу, если ты скажешь, что я панья, а ты — дѣвка». Нечего дѣлать, согласилась бѣдная! Служанка кинула веревку и вытащила панью на берегъ; тутъ онѣ помѣнялись платьями и отправились дальше ¹⁾. Пришла къ брату; дѣвка тотчасъ съ жалобой:

¹⁾ Варіантъ, записанный въ Воронежской губерніи, въ Бобровскомъ уѣздѣ: Жилъ себѣ купецъ съ купчихою; у нихъ была дочь Марья и два сына, которые уѣхали странствовать по свѣту. Дочь и просится у отца съ матерью: «Пустите и меня!»—«Куда тебѣ! ты еще и мала и глупа!»—«Пустите, пожалуйста!» Такъ и быть, отпустили. Взяла она съ собой собачку и дѣвку-чернавку. «Поѣзжай,—говоритъ мать дочери,—да смотри—нигдѣ не кушайся!» Вотъ она ѣхала-ѣхала, въ чистомъ полѣ течетъ рѣчка, да такая свѣтлая, чистая. «Давайте, барышня, купаться!» говоритъ чернавка купеческой дочери, а собачка твякаетъ: «Гавъ-гавъ! вамъ маменька не велѣла». Дѣвка-чернавка бросила въ собачку пряничкомъ и перебила ей ножку; собачка поскакала на трехъ ножкахъ. Сцена эта повторяется нѣсколько разъ: при

«Здравствуй, братецъ! Моя служанка, говоритъ, нагрубилла мнѣ дорогою». Братъ послалъ сестру коней стеречь. Скоро замѣтилъ онъ, что кони стали худѣть, тосковать — не пьютъ, не ѣдятъ ничего. «Дай, думаетъ, высмотрю!» Пошелъ, сталъ поодаль и видитъ: сѣла красная дѣвица подъ дерево, начала расчесывать себѣ золотымъ гребнемъ волосы, а сама плачетъ да жалостнымъ голосомъ причитываетъ:

Ужъ вы, кони мои, кони вороные!

Бъйте траву шелковую,

Пейте воду ключевую.

А кони въ отвѣтъ: «Какъ намъ шить, какъ намъ ѣсть? Наша панья насъ стережетъ!» Братъ узналъ сестру, взялъ ее къ себѣ, а служанку привязалъ къ хвосту бѣшенаго коня и размыкалъ по полю.

Сказки, напечатанныя нами подъ №№ 67 и 68, основаны на древнѣйшемъ, общемъ всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, преданіи объ огненныхъ, крылатыхъ змѣяхъ, похищающихъ красавицъ (см. Поэт. возр. II, стр. 575—94). Народныя сказки представляютъ этихъ змѣевъ со многими головами: съ тремя, шестью, девятью и больше; по числу головъ опредѣляется и большая или мѣньшая степень силы чудовища. Лубочныя картины, согласно съ повѣрьями, изображаютъ ихъ о многихъ головахъ, съ крыльями, съ острыми когтями на лапахъ и съ хвостомъ, заостреннымъ на концѣ стрѣлою.

Похищеніе змѣемъ красавицы или обреченіе ему въ жертву на пожраніе несчастной дѣвы и смѣлый подвигъ избавленія, требующій необыкновенной твердости духа и громадной физической силы, составляютъ обычный и любимый мотивъ, изъ котораго народная фантазія

каждой вновь увидѣнной рѣчкѣ дѣвка-чернавка бросаетъ прянички, лишаетъ собачку ногъ, и, наконецъ, убиваетъ ее до смерти. Купеческая дочь Маша соблазнилась, сбросила свои наряды и стала купаться; тѣмъ временемъ чернавка надѣла на себя ея платье, а свое затрапезное ей оставила. Затѣмъ дѣвка-чернавка выдаетъ себя купеческой дочерью, а Машу называетъ своей служанкою...—Тѣмъ же мотивомъ воспользовалась и финская сказка (Матеріалы для изучен. народн. словесн. стр. 77—82). Сеянтэръ (бабаяга), сопровождая красавицу, предлагаетъ ей купаться, а собачка говоритъ: «Не ходи, она тебя обманетъ!» Сеянтэръ ломаетъ у собачки ногу за ногою и настаиваетъ на своемъ. Стали онѣ купаться. «Давай брызгаться водою!» сказала хитрая баба дѣвушкѣ; та согласилась. Сеянтэръ брызнула ей въ лицо и промолвила: «Твое лицо мнѣ, а мое тебѣ!» — и тотчасъ онѣ помѣнялись наружностью: безобразная баба стала красавицей, а красавица — безобразною бабою. Братья бѣдной дѣвицы приняли обманщицу за свою сестру, а эту послѣднюю сдѣлали пастушкою. Однажды пастушка нарочно воротилась домой пораньше и стала жаловаться: «Глаза болятъ! не могу по лѣсамъ ходить». — «Плюнь ей, сестрица, въ очи, чтобы она выздоровѣла и могла работать», сказали братья мнимой сестрѣ. Сеянтэръ плюнула, а пастушка въ ту же минуту промолвила: «Твое лицо тебѣ, а мое — мнѣ!» И онѣ снова помѣнялись лицами.

развила множество пѣсенныхъ и сказочныхъ повѣствованій, исполненныхъ поэзіи. Въ сказкѣ «О молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ» (№ 104) находимъ превосходный, проникнутый свѣтлымъ чувствомъ и плѣнительнымъ простодушіемъ рассказъ о томъ, какъ царевичъ, явившись спасти царевну отъ поѣдучаго змѣя, въ ожиданіи этого страшнаго врага, прилѣгъ къ ней на колѣни и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Уже летитъ за своею жертвою змѣя, а царевна никакъ не можетъ добудиться своего избавителя; отъ горести заплакала она, и слеза ея капнула на лицо царевичу. Онъ тотчасъ же пробудился и промолвилъ: «О какъ ты сладостно обожгла меня чѣмъ-то!» Змѣя спускался; царевичъ сразился и убилъ его. Но это еще не конецъ; сказка выводитъ на сцену негодяя, который, пользуясь обстоятельствами, выдаетъ себя за настоящаго избавителя царевны, и уже назначенъ день ихъ свадьбы. Но вотъ неожиданно является на свадебный пиръ царевичъ; слѣдуетъ испытаніе: мнимаго избавителя заставляютъ поднять змѣиныя головы, но онъ не въ силахъ приподнять и одной. Истина открывается, доблесть торжествуетъ, а ложь наказывается. Въ сказкѣ объ Иванѣ-царевичѣ и Марѣѣ-царевнѣ, представляющей подобный же эпизодъ, знакомъ настоящаго избавителя служитъ рубецъ, означенный на его щекѣ ножомъ царевны, которая нарочно поранила его, чтобы прервать непробудный сонъ своего защитника. Точно такіе же рассказы встрѣчаемъ у норвежцевъ, германцевъ, сербовъ, валаховъ и другихъ народовъ. Въ нѣмецкихъ сказкахъ змѣи называются *драконами*, въ норвежскихъ — гнусными, ужасными *троллями*. Драконы и тролли, какъ и наши сказочные змѣи, владѣютъ богатыми замками, блистающими серебромъ и золотомъ, похищаютъ дѣвъ и пожираютъ людей; подобно нашимъ змѣямъ, драконы летаютъ на крыльяхъ и выпускаютъ изъ пасти всепожигающій огонь. Жили-были, говорить норвежская сказка (1, № 24), мужъ и жена; жили они въ большой бѣдности, а дѣтей у нихъ было много. Наконецъ родился еще одинъ мальчикъ; явившись на свѣтъ, онъ сейчасъ же окинулъ взглядомъ избу, раскрылъ ротъ и сказалъ: «Милая мать! дай мнѣ пару стараго платья и сумку съ ѣдою: я хочу пуститься въ дорогу искать счастья, ибо ты, какъ вижу, не имѣешь чѣмъ прокормить и другихъ дѣтей». — «Спаси тебя, Боже! — отвѣчала мать. — Ты еще такъ малъ, а ужъ хочешь странствовать. Могу ли я допустить это!» Мальчикъ продолжалъ просить до тѣхъ поръ, пока его отпустили. Только ушелъ онъ изъ дому, мать родила другого мальчика, который также посмотрѣлъ кругомъ себя и сказалъ: «Милая мать! дай мнѣ пару стараго платья и сумку съ ѣдою, я пойду искать моего брата». Онъ просилъ такъ настойчиво, что и его отпустили. Близнецовъ звали: старшаго — *König Lavring*, младшаго — *Lillekort* (Коротышка). Расскажемъ судьбу Лиллекорта. Онъ, послѣ разныхъ приключеній, пришелъ къ королевскому замку; здѣсь всѣ были въ глубокой печали. «Уже давно, — сказала ему одна изъ при-

служницъ, — королевская дочь обѣщана тремъ страшнымъ троллямъ, и скоро наступить срокъ отдавать ее. Рыцарь Röd собирается избавить королеву, но Богъ знаетъ — въ силахъ ли онъ это сдѣлать!» Лиллекортъ нанялся въ замкѣ таскать на кухню дрова и воду и сталъ выжидать, чтб будетъ. Наступило время; рыцарь Röd повелъ королеву къ морскому берегу; тамъ долженъ былъ явиться за нею тролль, а рыцарь сразиться съ чудовищемъ и спасти дѣву. Но рыцарь Röd скоро потерялъ свою смѣлость, оставилъ королеву на берегу, а самъ взобрался на высокое дерево, которое стояло недалеко, и спрятался между густыми вѣтвями. Королева заплакала и стала молить о помощи. «Лучше тебѣ одной лишиться жизни, — сказалъ трусливый рыцарь, — чѣмъ намъ обойтись!» Тролль уже плылъ; онъ былъ громаденъ, толстъ и съ пятью головами. Вдругъ явился на берегъ Лиллекортъ и своимъ чудеснымъ мечомъ отрубилъ троллю всѣ пять головъ. Королева обрадовалась. «Усни часочекъ на моихъ колѣняхъ!» сказала она утомленному избавителю, и когда тотъ уснулъ, она надѣла на него золотое платье. Видя, что дѣло покончилось счастливо, рыцарь спустился съ дерева, отсѣкъ у мертваго тролля языки и челюсти съ зубами, захватилъ все это съ собою, потомъ взялъ королеву и повелъ ее назадъ во дворецъ; онъ приказалъ ей назвать себя своимъ избавителемъ и грозилъ лишить ее жизни въ случаѣ упрямства. Во дворцѣ его встрѣтили съ большимъ почетомъ. То же случилось въ другой разъ, когда Лиллекортъ убилъ тролля о десяти головахъ, и въ третій разъ, когда онъ поразилъ тролля о пятнадцати головахъ; въ эти разы королева надѣла на заснуваго Лиллекорта серебряное и мѣдное платья. Король, въ награду за мнимые подвиги рыцаря Röd'a, пожелалъ женить его на своей дочери и дать ему полцарства. На свадебный пиръ Лиллекортъ назначенъ былъ кравчимъ; разнося вино, онъ пролилъ нѣсколько капель на тарелку жениха, который разгнѣвался и сталъ его бить. При первомъ ударѣ Лиллекортъ сбросилъ свои лохмотья, при второмъ — мѣдное платье, при третьемъ — серебряное и остался въ золотомъ. «Вотъ мой избавитель!» сказала невѣста. Рыцарь Röd былъ брошенъ, по приказанію короля, въ змѣиную яму, а Лиллекортъ женился на королевнѣ и получилъ половину царства.

Валахская сказка «Petru Firitschell» (№ 10) такъ развиваетъ это общее преданіе о драконѣ: послѣ различныхъ приключеній Пѣтру встрѣтилъ на пути лисицу, потомъ волка и, наконецъ, медвѣдя. Звѣри просили не убивать ихъ и дали ему за то по дѣтёнышу. Вотъ пришелъ онъ въ большой городъ, передъ которымъ появился уродливый двѣнадцатиголовый драконъ. Каждая семья должна была отдавать чудовищу на съѣденіе по одной дѣвѣ; теперь выпалъ жребій на прекрасную царевну, и несчастную жертву уже повезли за городскія ворота. Пѣтру купилъ двѣнадцать стрѣлъ и пошелъ смотрѣть на проводы царевны; чѣмъ ближе подходила она къ дракону, тѣмъ меньше становилась со-

провождаящая ее толпа; наконецъ, разбѣжались всѣ и оставили ее одну. Царевна рыдала. Пётру подошелъ къ ней, сталъ утѣшать, и его слова были такъ убѣдительно, что она перестала думать о близкой опасности. Пётру прилѣгъ къ ней на колѣни, просилъ расчесать ему волосы и прибавилъ, чтобъ она не трогала его сумки; задремалъ и заснулъ. Вскорѣ увидѣла царевна, что драконъ приближается; его страшный видъ такъ устрасилъ бѣдную, что слова замерли на ея устахъ; только одна горячая слеза скатилась съ ея щеки на лицо витязя, и онъ проснулся ¹⁾. Въ эту минуту, вынимая свою руку изъ сумки, куда она опустила ее въ забывчивости, царевна незамѣтно выронила одну изъ двѣнадцати стрѣлъ. Пётру сшибъ дракону своими стрѣлами одиннадцать головъ; драконъ страшно озлобился и грозилъ нападеніемъ. Одной стрѣлы не доставало; Пётру взялъ у царевны булавку и ею поразилъ послѣднюю голову чудовища. Послѣ того отрѣзалъ онъ двѣнадцать драконовыхъ языковъ, положилъ ихъ въ свою сумку и, утомленный, лѣгъ спать. Пришелъ цыганъ, отрубилъ храброму витязю голову, взялъ съ собою царевну и выдалъ себя за ея избавителя. Лисичка, медвѣжонокъ и волчонокъ стали думать, какъ бы помочь своему господину; двое остались стеречь трупъ, а лисичка пошла добывать цѣлебнаго средства и по дорогѣ встрѣтила змѣю, которая несла во рту какую-то траву. «Что это за трава?» — «Это чудесная трава; съ ея помощью хочу я приставить моему дѣтёнышу отрубленную голову». — «Дай посмотрѣть!» сказала лисичка, взяла траву и унесла съ собой. Звѣри приставили голову своего господина къ туловищу и заживили рану; но трупъ все еще оставался безжизненнымъ. Тогда пошелъ волчонокъ; онъ встрѣтилъ старуху съ кружкой воды. «Что ты несешь?» — «Живую воду». Волчонокъ выхватилъ кружку и принесъ къ своимъ товарищамъ. Опрысканный живою водою, Пётру проснулся къ жизни, явился съ вѣрными животными ко двору, гдѣ готовилось свадебное торжество царевны съ цыганомъ. Тутъ все открылось. Пётру женился на царевнѣ, а цыгана бросили въ бочку, убитую гвоздями, и скатили съ высокой горы. Смотри также напечатанную въ изданіи «Der Pentamerone» сказку подъ заглавіемъ: «Купецъ» (I, № 7) и Nordisch. Märchenbuch, стр. 25—34.

Въ валахской сказкѣ «Чудный царевичъ» (№ 1) повѣствуется о похищеніи царевенъ драконами. Былъ царь и царица; у нихъ было три дочери необыкновенной красоты. Разъ онѣ гуляли, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, прилетѣлъ могучій драконъ (Nebeldrache) и похи-

1) Сличи съ стихомъ Елизаветы Прекрасной (Чтенія Общ. Ист. и древн. росс. годъ 3, № 9, стр. 155—8) и сказаніемъ о Михайлѣ-воинѣ (Изв. II Отд. Акад. Наукъ, т. VIII, стр. 153—4). Народныя сказанія, основанныя на древнѣйшихъ языческихъ преданіяхъ о борьбѣ богатыря со змѣемъ, въ эпоху послѣдующую послужили источникомъ, изъ котораго создались поэтическія народныя легенды о Егоріи Храбомъ и Михайлѣ-воинѣ.

тиль старшую сестру; послѣ были увлечены и двѣ другія царевны. Черезъ нѣсколько времени царица родила крѣпкаго и здороваго мальчика. Однажды какъ-то сидѣла она у воротъ замка, кормила грудью своего ребенка, а на глазахъ ея блистали слезы. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ ребенокъ. Мать обтерла свои глаза и ничего не отвѣчала. Мальчикъ укусилъ ее за грудь и грозилъ еще больнѣе искушать, если она не скажетъ причины своей горести. Царица рассказала ему о страхахъ, похищенныхъ драконами. Мальчикъ въ скоромъ времени возмужалъ, сдѣлался сильнымъ, потребовалъ себѣ оружія и отправился въ путь освобождать своихъ сестеръ. Онъ пришелъ въ большой лѣсъ къ замку, въ которомъ была заключена старшая царевна, увидѣлся съ нею и сказалъ, что явился освободить ее изъ неволи. «Ахъ, если придетъ драконъ,—отвѣчала царевна,—онъ тебя разорветъ!» — «Нѣтъ ли какого знака, по которому бы можно было узнать, что драконъ приближается къ дому?» «Есть; за сто шаговъ онъ бросаетъ въ дверь свою палицу съ такою силою, что дверь растворяется, и палица упадетъ къ моимъ ногамъ». Только промолвила она, какъ послышался гулъ, и сквозь двери влетѣла къ ногамъ царевны палица. Царевичъ поднялъ эту палицу и пустилъ ее навстрѣчу дракона, прямо ему въ лобъ; великанъ упалъ мертвый, а палица отлетѣла еще на сто шаговъ дальше. Такимъ же образомъ были освобождены и двѣ другія сестры, которыя были заключены въ замкахъ еще сильнѣйшихъ драконовъ; о послѣднемъ драконѣ сказка замѣчаетъ, что онъ дышалъ огнемъ. Съ этою сказкою сходна сербская: «Стојша и Младен» (Српске народне приповијетке, № 5), въ которой говорится о лютыхъ огненныхъ и летучихъ змѣяхъ.

Еще одно замѣчаніе: въ сказкѣ объ «Иванѣ-царевичѣ и Марѣ-царевнѣ» мужичокъ-руки желѣзны, голова чугунна, самъ мѣдной, заставляеть царевича три раза испивать чару вина, и тотъ получаетъ столь громадную силу, что можетъ кидать камень въ полторы тысячи пудовъ. Царевичъ дѣлается мощнымъ настолько, что уже ни лошадь не можетъ поднять силача, ни крыльцо дома, ни обычное сидѣнье. Таково тяжелое, матеріальное представленіе силы, свойственное грубому пониманію неразвитыхъ народовъ; оно принадлежитъ давнему времени. Подобное же представленіе силы находимъ и въ сказкѣ «Иванъ Пѣпяловъ» (№ 75). Этотъ богатырь, стараясь выбрать себѣ орудіе по рукѣ, пробуетъ *куцабу* въ пять, десять и пятнадцать пудовъ о свой собственный лобъ; первыя двѣ куцабы разбились на части (сличи съ сербскою сказкою Меѣдовиѣ) — № 1).

70. Купеческая дочь и служанка.

Жилъ купецъ прибогатый; у него одна дочь была хороша-расхо-роша! Развозилъ этотъ купецъ товаръ по разнымъ губерніямъ, и пріѣхалъ онъ въ нѣкое царство къ царю, привес(з)ъ красный товаръ и сталъ яму отдавать. Изымѣлъ съ нимъ царь таково слово: «Што, гово-

рить, я по себѣ невѣсты не найду!» Вотъ купецъ и сталъ говорить этому царю: «У меня есть дочка хороша; такъ хороша: штѣ человѣкъ ни здумаетъ, то она узнаить!» То царь часа часовать не сталъ, написалъ письмо и скричалъ своимъ господамъ жандар(м)амъ: «Ступайте вы къ этому купцу и отдайте это письмо купеческой дочери!» А въ письмѣ написано: «Убирайся вѣнчатца». Взяла купеческая дочь это письмо на руки, залилась слезами и стала убиратца, и служанка съ нею, и никто эту служанку не разгадаить съ купеческой дочерью; потому не разгадаить, што оби(ѣ) на одно лицо. Вотъ убрались они въ одинакое платье и ѣдутъ къ царю ви(ѣ)нчатца. Дасадна стало этой служанки(ѣ); сичасъ и говорить она: «Пойдемъ по острову, погуляимъ!» Пошли по острову; усыпила служанка купеческую дочь соннымъ зельемъ, выри(ѣ)зала у ней глаза и положила въ карманчикъ. Потомъ приходитъ къ жандар(м)амъ и говорить: «Господа жандар(м)ы! уходилась на мори моя служанка». А они въ отвѣтъ: «Намъ лишь бы ты была жива, а эта крестьянка вовси не нужна!» Приѣхали къ царю; сичасъ стали винчатца и начали жить. Вотъ царь самъ себѣ и думаетъ: «Должно-быть, купецъ меня обманулъ: это не купеческая дочь; отчего она такъ нехороша умомъ-разумомъ? вовси ничаво нюмѣить дѣлать!» Живетъ онъ съ нею; а энта купеческая дочь опомнилась отъ болѣзни, штѣ ей служанка-то причинила: ничаво она не видитъ, а только слышитъ. И слышитъ она, што стирягѣтъ старичокъ скатину; стала яму говорить: «Идѣ ты, дѣдушка, находишься?» — «Я живу въ избушки». — «Прими и меня съ собою!» Старичокъ принялъ ее. Она и говорить: «Дѣдушка! атгани скатину-то!» Онъ ее послушался — атогналъ скатину. И посылаить она этыва старика въ лавку: «Возьми ты барх(а)ту и шолку въ долх(г)ъ». Старичокъ пошелъ; изъ богатыхъ никто не далъ въ долх(г)ъ, а дали яму изъ бѣдной лавки. Принѣсъ онъ слѣпинькой барх(а)ту и шолку; она яму говорить: «Дѣдушка! ложись спать и ухомъ не веди; а мнѣ штѣ день, штѣ ночь — все равно!» И стала изъ барх(а)ту и шолку царскую карону шить; вышила такую хорошую карону, штѣ глядѣтъ — ни(е) наглядисься. Поутру рано будить слѣпинькая старика и говорятъ: «Поди отнеси къ царю, ничаво ни(е) проси, а проси только глазъ; и што надъ тобой ни будутъ тамъ дѣлать — ничаво ни(е) бойсь!» Вотъ онъ пришелъ во дворецъ, принѣсъ карону. Тутъ всѣ надъ этый каронной сдивавались и стали у няво торговать; а старичокъ сталъ у нихъ просить глазъ. Сичасъ донесли царю, што онъ глазъ просить. Царь вышалъ, обрадывалси карони(ѣ) и началъ торговать еѣ, а тотъ и съ няво глазъ просить. Ну, царь заругалси и хочить ужъ явѣ въ астрохъ сажать. Только штѣ царь ни говорить, а онъ свое дѣла править. Царь скричалъ сваймъ жандар(м)амъ: «Подите, у плѣннаво солдата выриштя глазъ!» А жана явѣ царица сичасъ высачила, вынимаетъ глазъ и даетъ явѣ царю. Царь оченно обрадовалси: «Ахъ какъ ты меня выручила, царевнущка (sic)!» и отдалъ старикку этотъ глазъ. Старикъ взялъ и по-

шелъ со дворца; приполъ въ свою избушку. Сляпая спрашиваетъ: «Взялъ ли ты, дѣдушка, мой глазокъ?» Онъ говоритъ: «Взялъ!» Вотъ она приняла у нявѣ, вышла на зорю, поплевала на глазокъ, приставила — и стала видеть. Посылаитъ она старичка опять въ лавки, дала ямѣ денехъ, вилѣла долх(г)ъ отдать за шолкъ и за бархатъ и еще приказала взять барх(а)ту и золоту. Взялъ онъ у бѣднаво купца и принёсъ купеческой дочери и барх(а)ту и золоту. Вотъ она сѣла шить другую карону, сшила и посылаитъ старичка къ этому жа царю, а сама приказываетъ: «Ничаво ни бири, только глазъ проси; а стануть тибя спрашивать: идѣ ты взялъ? скажи: мнѣ Богъ далъ!» Приполъ старикъ во дворець; тамъ всё сдвигались: перва карона была храша, а эта ищю лучше. И говоритъ царь: «Што ни давать, а купить надо!» — «Дай мнѣ глазъ», проситъ старикъ. Царь сичасъ посылаитъ выризать глазъ у плѣннаво; а супруга царѣва тутъ жа и вынимаетъ другой глазокъ. Царь оченно обрадовался, благодаритъ ее: «Ахъ, какъ ты миня, матушка, выручила этимъ глазомъ!» Спрашиваетъ царь старичка: «Идѣ ты, старичокъ, бирѣшь эти кароны?» — «Мнѣ Богъ далъ!» сказалъ ямѣ старикъ и пошелъ со дворца. Приходитъ въ избушку, отдаетъ глазокъ слѣпинькой. Она вышла опять на зорю, поплевала глазокъ, приставила явѣ — и стала видеть абѣими глазами. Ночь спала въ избушки, а то вдругъ очутилась въ стикляннамъ даму и завяла она гулянья.

Бдитъ царь посмотрѣть, што такая за дива! хто такая построилъ энти харомы? Въѣхалъ во дворъ, и такъ она ямѣ рада, сичасъ явѣ принимаетъ и за столикъ сажаютъ. Попировалъ тамъ, уизжаитъ, и зоветъ ее къ сибѣ въ гости. Вернулся къ сибѣ въ домъ и сказываетъ своей царицы(ѣ): «Ахъ, матушка, какой въ эвтакомъ мѣсти домъ! и какая въ немъ дѣвица: хто штѣ ни вздумаетъ, то она узнать!» Царица догадалась и говоритъ сама сибѣ: «Это вѣрна она, которой я глаза выризала!» Вотъ царь опять ѣдитъ къ ней въ гости, а царицы(ѣ) оченно дасадна. Приѣхалъ царь, попировалъ и зоветъ ее въ гости. Она стала убиратца и говоритъ старичку: «Пращай! вотъ тибѣ сундукъ денехъ: до дна явѣ ни добирай — всегда будитъ поланъ. Ляжишь ты спать въ этамъ стикляннамъ дамѣ, а встанишь въ избушки своей. Вотъ я въ гости поѣду; миня въ-живи ни будитъ — убьютъ и въ мелкии части изрубютъ; ты встанъ поутру, сдѣлай гробокъ, сыбири мои кусочки и похрани». Старичокъ заплакалъ абъ ней. Тѣмъ же часомъ жандар(м)ы приѣхали, посадили ее и повизли. Привозютъ ее въ гости, а царица на нее и ни смотреть — сичасъ застрилила бы ее. Вотъ и вышла царица на дворъ и говоритъ жандар(м)амъ: «Какъ вы эту дѣвку домой повизѣте, дакъ тутъ жа изсикитя ее въ мясныи части и выньтя у ней сѣрца да привизитя ко мнѣ!» Павизли они купеческу дочь домой и разговариваютъ съ ней быстра, а она ужъ знайтъ, что они хочутъ дѣлатъ, и говоритъ имъ: «Сикитя жѣ миня скорѣе!» Они изсѣкли ее, вынули

у ней сѣрца, а самую въ назѣмъ закопали и прїѣхали во дворець. Царица вышла, взяла сѣрца, скатала явѣ въ яйцо и положила въ карманъ. Старичокъ спалъ въ стикляннамъ дамѣ, а всталъ въ избушки и залился слезами. Плакаль-плакаль, а дѣла нада исполнить. Сдѣлалъ гробъ и пошелъ искать ее; нашель въ навози, разрыль, собралъ всѣ части, положилъ ихъ въ гробъ и похранилъ у себя. А царь ни знаить никакого дѣла, ѣдитъ х(к)ъ купеческой дочери въ гости. Прїѣхалъ на то мѣста — нѣтъ ни дома, нѣтъ ни дивицы, а только идѣ она схранена, тамъ на ней садъ вырасть. Вернулси во дворець и сталъ царицы(ѣ) рассказывать: «Ѣздиль-Ѣздиль, ни нашель ни дома, ни дивицы, а только одинъ сад!» Вотъ царица услышала объ этомъ, вышла на дворъ и говоритъ жандар(м)амъ: «Ступайтя вы посикитя на томъ мѣсти садъ». Прїѣхали они къ саду и стали явѣ сѣчь, а онъ весь окаменѣлъ.

Ни терпитца царю — хочитца садъ посмотрѣть; вотъ и ѣдитъ глядѣть явѣ. Прїѣхалъ въ садъ и увидаль въ немъ мальчика — и какой хорошенькай мальчикъ! «Вѣрна, думайтъ, господа гуляли да потеряли». Взялъ явѣ во дворець, привес(з)ъ въ свои палаты и говоритъ царицы: «Смотри, матушка! ни(е) расквили ¹⁾ явѣ». А мальчикъ на то время такъ раскричался, што ничѣмъ явѣ и не забавютъ: и такъ и сакъ, а онъ знай кричить! Царица вынула изъ карманчика яичка, скатанная изъ сѣрца, и дала яму; онъ и пересталъ кричать, зачилъ бѣгать по комнатамъ. «Ахъ, матушка! — говоритъ царь царицы, — какъ ты явѣ утѣшила». Мальчикъ пабѣх(г)ъ на дворъ, а царь за нимъ; онъ на улицу — и царь на улицу, онъ въ поля — и царь въ поля, онъ въ садъ — и царь въ садъ. Увидаль тамъ этотъ царь дивицу и оченно обрадовался. Дивица и говоритъ яму: «Я твоя нивѣста, купеческая дочь, а царица твоя — моя служанка». Вотъ и прїѣхали они во дворець. Царица упала ей въ ноги: «Прости миня!» — «А ты миня ни прощала: одинъ рас(з)ъ глаза выризала, а въ другой вилѣла въ мелкіи части разсѣчь!» Царь и говоритъ: «Жандар(м)ы! выриштя жа типерь и царицы(ѣ) глаза и пуститя ее въ поля». Выризали ей глаза, привязали х(к)ъ канямъ и пустили въ поля: размыкали ее кані по чистому полю. А царь съ молодой царицею стали жить да поживать, добра наживать. Царь ею завсегда любовалси ѣ въ золоти водилъ.

(Записана въ Тамбовской губ., въ Казачьей Слободѣ.)

Примѣчаніе. Вариантъ этой любопытной сказки см. у Худякова, III, № 113: Царь посылаетъ за невѣстою; она собралась въ дорогу и взяла съ собою старую няньку и дочь ея Шелудивку. Ѣхали они въ каретѣ день и два; на третій пришлось ѣхать по мосту черезъ море. Говоритъ ей нянька: «Выглянь изъ окошечка! посмотри, какъ на морѣ волны бьютъ».

¹⁾ Не раздрази.

Невѣста высунулась, а нянька спихнула ее въ море. Упала красная дѣвица въ воду, сдѣлалась золотою рыбкою и поплыла. Царь женился на Шелудивкѣ, явившейся къ нему подъ невѣстинымъ покрываломъ. Спать однажды онъ съ молодой женою на кровати, а слуга сидитъ у печки да сушить чулки царскіе. Вдругъ растворилось окно и явилась настоящая невѣста, подошла къ постели: «Не стыдно ли, говорить, царю спать съ дѣвчонкою Шелудивкою?» У слуги чулки пригорѣли, и сталъ онъ плакать. «О чемъ плачешь?» спрашиваетъ дѣвица.—«Какъ мнѣ не плакать? Заглядѣлся я на твою красу несказанную и спалилъ чулки царскіе». «Не плачь! Вотъ тебѣ новыя». Дала ему славныя чулки и ушла. Царь какъ увидалъ эти чулки, такъ и сталъ своего слугу разспрашивать; разспросилъ про все и рѣшился выждать, когда опять явится его невѣста. Развязка счастливая. — Другой вариантъ напечатанъ въ Запискахъ о южн. Руси Кулиша, II, стр. 10—12: Жили себѣ мужъ да жена; у нихъ была дочка — великая мастерица ручки вышивать и собой красавица: заплачетъ ли — изъ очей жемчугъ сылется, а засмѣется — кругомъ цвѣты расцвѣтають. Полюбилась она царевичу, оженился онъ на красной дѣвицѣ и везетъ ее до дому; а съ нимъ была баба, а у бабы своя дочка. Дорогою вздумалъ царевичъ поохотиться; какъ только онъ удалился, баба поснимала съ невѣсты дорогіе наряды, выкопала ей очи и спихнула несчастную въ яму, а свою дочку убрала невѣстою да такъ искусно, что царевичъ и не узналъ подмѣна. Какой-то старой дѣдъ набрелъ на слѣпую дѣвицу — сидитъ она въ ямѣ, а передъ ней большая куча жемчугу, — то она, сидючи, съ горя наплакала. Дѣдъ взялъ ее къ себѣ; посылаетъ его слѣпая: «Забери, дидусю, оце намистечко (жемчугъ) въ торбинку да понеси у городъ — продай; да якъ зострине тебе баба якась, то ти јій не продавай, а скажи: отдай те, що въ тебѣ је». Баба встрѣтилась и отдадала дѣду за жемчугъ два выкопанные глаза. Дѣвица, воротивъ свои очи, стала видѣть попрежнему; вышила славной ручникъ, объявила тѣмъ ручникомъ дѣда и посылаетъ его къ царю: «Иди, дидусю, на обидь, да визьми глечичокъ да й мини попросишь юшки». Дѣдъ пришелъ во дворець; царевичъ увидалъ на немъ ручникъ, сталъ допытываться, кто его вышивалъ? поѣхалъ къ дѣду и тотчасъ узналъ свою милую, взялъ ее къ себѣ, а бабину дочку выпроводилъ «свиной наповаѣтъ». Г. Максимовичъ (Русск. Бесѣда 1856 г., III, стр. 100) упоминаетъ о народной сказкѣ, повѣствующей про *русалку*, которая вынула у дѣда и бабы очи за то, что они пасли своихъ овецъ на ея заповѣдномъ лугу, и носила тѣ вынутыя очи въ платкѣ за поясомъ. Въ хорутанской сказкѣ (сборн. Валявца, стр. 52—53) три *вилы* выкопали у старика очи; смѣтливый пастухъ вызвался возвратить ему зрѣніе. Онъ приготовилъ шестнадцать клиньевъ и погналъ овцу да барана на пастбище; вскорѣ явились туда три вилы и начали танцовать подъ музыку пастуха; онѣ танцовали до совершеннаго утомле-

нія, такъ что нѣхотя попадали нѣземь. Тогда мѡлодець прикрѣпиль ихъ клиньями къ землѣ, а баранъ принялся подь бока толкать; вилы принуждены были покориться и выдали пастуху шесть коробокъ глазъ, между которыми онъ нашель и глаза дѣда. Пастухъ воротился къ слѣ-пому, вставиль ему глаза, и съ помощію чудесной травы, полученной отъ трехъ виль, возвратиль старику потерянное зрѣніе (сравни въ *Slovanská citánka* Эрбена, стр. 27—29: «Jezinky»). Эпизодъ о выкупѣ глазъ встрѣчаемъ и въ слѣдующей чешской сказкѣ (*Westslaw. Märchenschatz*, стр. 45—58). У одной бѣдной вдовы были двѣ дочери — до того похожія другъ на друга, что ихъ съ трудомъ можно было различать; онѣ были близнецы, одна называлась Добрунка, а другая Злобога. Эти имена уже ясно указывали на различіе ихъ характеровъ; но, увы! любовь матери склонялась къ послѣдней. Добрунка должна была вести хозяйство, задавать кормъ козамъ, готовить обѣдъ, прибирать комнаты и кухню, а покончивъ эти занятія, садиться за прялку. Мать продавала ея пряжу въ городѣ и на вырученныя деньги покупала наряды для своей любимицы Злобоги. Скромную Добрунку полюбилъ князь Добромиль, присватался и женился на ней. На другой день послѣ свадьбы онъ уѣхаль на войну, а молодая княгиня поѣхала къ матери. Тамъ ждала ее чудовищная измѣна: мать и сестра схватили Добрунку, отрубили ей руки и ноги, выкопали очи и обезображенное туловище бросили въ лѣсу. Злобога нарядилась княгинею и вмѣстѣ съ матерью отправилась во дворець; онѣ взяли съ собою отнятыя руки, ноги и очи Добрункины: «Князь,—думалось имъ,—не будетъ чувствовать къ намъ привязанности, если въ его домѣ не останется ничего отъ любимой жены». Во дворець приняли Злобогу за настоящую княгиню и никто не примѣтилъ обмана. Между тѣмъ Добрунка не умерла; спустя нѣсколько часовъ она пришла въ память и чувствовала, какъ чья-то рука вливала ей въ ротъ пѣлебный напитокъ. Кому принадлежала эта рука, она не могла знать, ибо не имѣла глазъ. То былъ старецъ; онъ перенѣсь ее въ пещеру, призваль мальчика и, подавая ему золотую прялку, сказалъ: «Неси въ княжескій замѡкъ; если станеть кто торговать у тебя прялку и спросить: что она стѡить? ты отвѣчай: два глаза!» Мальчикъ пошелъ въ замѡкъ; Злобога польстилась на прялку и купила ее за два глаза своей несчастной сестры. Старикъ взявъ ихъ отъ мальчика и вставиль Добрункѣ въ пустыя впадины. Такимъ же образомъ были возвращены ей обѣ ноги за золотое веретено и обѣ руки за золотое донце. Старикъ окропиль язвы и раны Добрунки живительной мазью, приставиль ей руки и ноги—и она совершенно исцѣлилась. Воротился князь съ войны и спросиль свою мнимую супругу: «Какъ ты, милая, коротала время? навѣрно, прядла!»—«Ты угадалъ!» отвѣчала притворно Злобога. «Но моя старая прялка испортилась, и на мѣсто той я купила себѣ прекрасную золотую прялку». «Покажи мнѣ!» сказалъ Добромиль. Прялка ему очень понравилась. «Сядь, До-

брунка, и пряди,—сказалъ онъ:—мнѣ хочется посмотрѣть на тебя за работою». Злобога не заставила себя долго упрашивать, сѣла за прялку, и только привела колесо въ движеніе, какъ изъ прялки послышался голосъ: «Князь! не имѣй къ ней довѣрія; она обманщица и лицемѣрка и никогда не была твоей женою». Завертѣлось колесо въ другой разъ—прялка продолжала: «Твоя жена убита сестрою и кинута въ лѣсъ!» Завертѣлось колесо въ третій разъ — и снова раздался голосъ: «Князь, вскочи скорѣй на коня и поспѣшай въ зеленый лѣсъ; тамъ въ пещерѣ сидитъ твоя милая и ждетъ тебя не дождется!» Князь скачетъ въ лѣсъ, и супруги вновь сходятся на любовь и долгое счастье. (Сличи Slov. pohádky od V. Němcovè. стр. 573—582; Рудченко, II, 17; Nordisch. Märchenbuch, стр. 24—26; Ганъ. I, 28).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе редактора	III
А. Н. Аванасьевъ (біографич. очеркъ)	V
Списокъ сочиненій, упомянутыхъ въ примѣчаніяхъ къ сказкамъ	XLIX
Предисловіе автора	LVI
1. Лисичка-сестричка и волкъ	1
2. Лиса-повитуха	11
3. Лиса, заяцъ и пѣтухъ	16
4. Лиса-исповѣдница	18
5. Лиса-лѣварка	21
6. Лиса-плачя	23
7. Мужикъ, медвѣдь и лиса	24
8. Старая хлѣбъ-соль забывается	36
9. Овца, лиса и волкъ	38
10. Звѣри въ ямѣ	—
11. Лиса и тетеревъ	41
12. Лиса и дятель	—
13. Лиса и журавль	—
14. Снѣгурушка и лиса	42
15. Лиса и ракъ	43
16. Колобокъ	44
17. Котъ, пѣтухъ и лиса	45
18. Котъ и лиса	50
19. Напуганные медвѣдь и волки	57
20. Медвѣдь, лиса, слѣпень и мужикъ	64
21. Волкъ	65
22. Свиныя и волкъ	66
23. Волкъ и коза	67
24. Волкъ-дурень	70
25. Медвѣдь	77
26. Медвѣдь, собака и кошка	79
27. Коза	81
28. Сказка о козѣ лушеной	83
29. Сказка пра аднаво аднабокава барана	85
30. Зимовье звѣрей	87
31. Медвѣдь и пѣтухъ	89
32. Собака и дятель	90

33. Кочеть и курица	92
34. Смерть пѣтушка	93
35. Курочка	94
36. Журавль и цапля	96
37. Ворона и ракъ	97
38. Орелъ и ворона	—
39. Золотая рыбка	98
40. Жадная старуха	100
41. Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ	102
42. Байка о щукѣ зубастой	116
43. Теремъ мухи	117
44. Мизгирь	119
45. Пузырь, соломинка и лапотъ	120
46. Рѣпка	121
47. Грибы	—
48. Морозъ, Солнце и Вѣтеръ	122
49. Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ Вороновичъ	123
50. Вѣдьма и Солнцева сестра	125
51. Вазуза и Волга	127
52. Морозко	128
53. Старуха-говоруха	133
54. Дочь и падчерица	134
55. Кобылячья голова	135
56. Крошечка-Хаврошичка	138
57. Буренушка	139
58. Баба-яга	144
59. Василиса Прекрасная	152
60. Баба-яга и Заморышекъ	158
61. Баба-яга и жихарь	161
62. Ивашко и вѣдьма	164
63. Терешечка	172
64. Гуси-лебеди	177
65. Князь Данила-Говорила	178
66. Правда и кривда	181
67. Королевичъ и его дядька	196
68. Иванъ-царевичъ и Марѳа-царевна	204
69. Масенжны дзядокъ	209
70. Купеческая дочь и служанка	218

2007053987